

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌԻ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ

Պ Ա Տ Մ ՈՒ Թ Յ Ա Ն Ի Ն Ս Տ Ի Տ ՈՒ Տ

Բ. Բ. ՊԻՏՐՈՎՍԿԻ

ՈՒՐԱՐՏՈՒԻ

ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆ ՈՒ ԿՈՒԼՏՈՒՐԱՆ

ՀՍՍՐ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ—1944

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

9(47.925)

П-33

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА УРАРТУ

23061
19027
Хован
III
Д

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН — 1944

195

*Напечатано по распоряжению Академии Наук Армянской ССР
Президент академик И. А. ОРБЕЛИ*

Светлой памяти
моих товарищей, молодых ученых,
павших при защите Ленинграда,
посвящаю эту книгу

Оглавление

Предисловие	IX
Гл. I. История изучения Ванского царства	1
Гл. II. Источники изучения Ванского царства	23
Гл. III. Древнейшие сведения об Урарту и образовании государства (XIII—IX вв.).	39
Гл. IV. Походы Салманасара III против Урарту	51
Гл. V. Урарту в конце IX века и в первой половине VIII века.	65
Гл. VI. Урарту во второй половине VIII века	81
Гл. VII. Поход Саргона против Урарту в 714 году	103
Гл. VIII. Последний период истории Урарту	129
Гл. IX. Раскопки в Ване	139
Гл. X. Раскопки крепости на Кармир-блуре	157
Гл. XI. Земледелие и скотоводство.	189
Гл. XII. Материальное производство.	215
Гл. XIII. Архитектура Ванского царства	247
Гл. XIV. Религия Ванского царства	271
Гл. XV. Письмо и язык	285
Гл. XVI. Скифы в Передней Азии	295
Гл. XVII. Урарты после падения Ванского царства	325
Заключение.	337
Список таблиц	340
Таблицы.	I—XVI
Список рисунков.	341
Список сокращений	345
Указатели:	
Исторические имена.	347
Мифологические имена	349
Географические и этнические названия.	350
Географические названия (современные)	354
Предметный указатель	358
Древние авторы и литературные источники	361
Исследователи и путешественники	362
Научные учреждения и музеи.	364
Карта Урартского государства.	

Предисловие

История Ванского царства (Урарту ассирийских надписей) имеет большое значение для истории народов Закавказья, как его прямых культурных наследников.

В начале I тысячелетия до н. э. области южного Закавказья были включены в состав Ванского царства, которое, поэтому, можно считать древнейшим из государств, существовавших на территории Союза ССР. Центр этого древнего государства, целиком занимавшего Армянское нагорье, находился в районе оз. Ван, получившего, вероятно, свое название, также как и город Ван, от термина Биайна (или Виайна) клинообразных надписей, которым урарты именовали центральную часть своего государства.

В научной литературе урартов называют иногда халдами, а их страну Халдией. Но эти термины ошибочны, так как они основаны на устаревшем и совершенно произвольном толковании двух грамматических форм имени бога Халда, как имени страны и населявшего ее народа. В дальнейшем изложении я буду употреблять два термина—Ванское царство и Урарту, считая их совершенно равнозначными.

Хотя Ванское царство существовало сравнительно недолго, всего около 300 лет, ему удалось достигнуть на некоторое время положения одного из господствовавших в Передней Азии государств и в первой половине VIII в. до н. э. взять верх над постоянным своим соперником—Ассирией.

Культурное влияние Урарту особенно сильно чувствовалось в странах, расположенных в северной части Передней Азии и в Закавказье, и ускорило ход их общественного развития. Через Урарту эти страны воспринимали культуру Древнего Востока, продолжавшую жить и развиваться на протяжении многих веков.

Несмотря на большое значение Ванского царства для истории Передней Азии и Закавказья, его собственная история и культура изучены далеко не достаточно.

Основным источником наших знаний по истории Урарту являются ассирийские и урартские клинописные тексты, главным образом, — царские летописи, описывающие походы и завоевания. Этим объясняется неполнота наших знаний и невозможность осветить многие чрезвычайно важные стороны жизни этого государства. Слабая археологическая изученность Ванского царства не может восполнить пробелы письменных источников.

Урартские надписи и их язык изучались совершенно обособленно от памятников материальной культуры, но все же в этой работе были достигнуты значительные результаты. Среди трудов, посвященных урартской клинописи, видное место занимают работы советских ученых, Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова.

Гораздо хуже обстоит дело с исследованием археологических, материальных памятников, этого объективного исторического источника изучения.

Среди исследований, посвященных культуре Ванского царства, особое положение занимают работы австрийского ученого К. Леманн-Гаупта, производившего археологические раскопки в центре Урарту и собравшего большой эпиграфический материал.

Труд Леманн-Гаупта, *Armenien einst und jetzt*, вышедший в трех томах и являющийся в настоящее время основным трудом по культуре Урарту, к сожалению, страдает двумя существенными недочетами — бессистемностью изложения и предвзятостью некоторых положений. Ряд этих ошибочных положений, как например, о миграции урартов с запада и о связи урартов, произвольно называемых Леманн-Гауптом халдами, с припонтийскими халдеями, прочно укоренился в истории Древнего Востока. Кроме того, в работах Леманн-Гаупта сообщается много недостоверных сведений и не обоснованных материалом положений.

Вследствие этого в исторической науке установилось мнение, что источники изучения истории Ванского царства дефектны и что степень их изученности крайне низка. Это привело к тому, что в научной литературе стали появляться работы, в которых об Урарту писалось что угодно, причем многие высказывания стояли в явном противоречии с фактическим материалом. К сожалению, и учебные пособия содержат много неверных положений и фактических ошибок.

Настоящая работа имеет целью дать сводку всего достоверного материала по истории и культуре Ванского царства и показать, что состояние его изученности далеко не так безнадежно, как это может показаться при невнимательном отношении.

Я далек от мысли считать все основные вопросы уже разрешенными и отчетливо сознаю, что дальнейшие исследования и архео-

логические открытия существенно дополняют приведенный материал и частично изменяют высказанные в этой книге положения. Но мы не вправе задерживать работу в ожидании этих исследований и открытий, и настоящая сводка наших знаний об Урарту, страдающая пробелами, все же необходима для дальнейших работ как по истории Передней Азии, так и по древнейшей истории Кавказа.

Настоящая работа написана по тому же плану, что и моя популярная книжка „Урарту, древнейшее государство Закавказья,“ изданная в 1939 г. Государственным Эрмитажем в помощь педагогам при прохождении в средней школе курса истории народов СССР.

Книга делится на три части: первая (главы I—VIII) содержит обзор литературы и источников и изложение истории Ванского царства, вторая (главы IX—XV) дает очерки культуры Урарту, а третья (гл. XVI и XVII) рассматривает специальные вопросы о связях скифов с Закавказьем и Передней Азией и о судьбах урартов после падения Ванского царства.

Различия в характере изложения отдельных глав проведены мною умышленно. Так, главы IX и X, описывающие раскопки в Ване и на Кармир-блуре, написаны более популярно, чтобы облегчить педагогам выборку нужного им материала, иллюстрирующего уроки в средней школе.

Для некоторых глав книги использован текст моих работ, опубликованных ранее в виде отдельных статей.¹

Эту книгу я начал писать в Ленинграде, зимой 1941—42 гг., в свободное от оборонной работы время, а закончил ее в Ереване, да я был командирован в конце марта 1942 г. для продолжения научной работы.

Условия блокады лишили меня возможности в процессе писания пользоваться библиотеками, и в этом следует видеть объяснение некоторых дефектов аппарата книги, как неполнота приводимых в ссылках заглавий книг или отсутствие точных указаний страниц: многие необходимые для работы книги в это время были недоступны, и я был вынужден пользоваться только своими конспектами.

¹ Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э., Вестник древней истории, 1939, 1, 65—78.—Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа, Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, I, 1939, 45—60.—Припонтийские халдеи и урарты, Краткие сообщения ИИМК, V, 1940, 5—10.—Скифы и Закавказье, Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, III, 1940, 71—92.—Кармир-блур, Известия Арм. Филиала АН Союза ССР, 1940, IV—V, 147—164; последняя работа представляет собою текст моего отчетного доклада о раскопках 1940 г., опубликованный за двумя подписями, моей и начальника экспедиции Арм. Филиала АН Союза ССР, С. В. Тер-Аветисяна.

Иллюстрации к моей книге выполнены в Ереване художником М. Н. Мох, за исключением немногих, оговоренных в списке, моих рисунков и чертежей архит. А. В. Сивкова и архит. Н. М. Токарского. Рисунки свои М. Н. Мох делал по фотографиям, ввиду того, что значительная часть изображенных предметов эвакуирована вместе с другими коллекциями Государственного Эрмитажа.

Приведенные ассирийские тексты даны мною по переводам, большинство которых сверил с подлинником И. М. Дьяконов; часть текстов дана в переводе самого И. М. Дьяконова.

При пользовании армянской литературой большую помощь оказали мне мои товарищи по работе в Армении. Ссылки на армянскую литературу снабжены переводом на русский язык, помещенным в скобках: в русской научной литературе названия армянских работ, по техническим причинам, обычно даются в переводе и в этом виде уже хорошо знакомы русскому читателю.

Все даты, касающиеся Ванского царства, история которого целиком укладывается в период до начала нашей эры, даны без указания: „до н. э.“

Ассирийские собственные имена приведены в транскрипции, общепринятой в настоящее время в русской литературе по истории Древнего Востока.

Б. Пиотровский.

Глава I

История изучения Ванского царства

В начале XIX в. страны Западной Европы со вниманием и тревогой следили за событиями в Передней Азии и за усилением в ее северной части русского влияния. Уже с XVII в. во многих городах Передней Азии, как в турецких, так и в персидских, находились европейские дипломатические представители, торговые миссии и отдельные купцы, через посредство которых осуществлялись интенсивные торговые сношения Западной Европы с Востоком. В начале XIX в. наблюдается повышенный интерес к странам Переднего Востока, и от этого времени дошло много описаний путешествий, часто содержащих весьма интересный для историка материал. Путешественников влекла на Восток не только экзотика Востока и страсть к путешествиям. В основном, — это были дипломатические представители и политические разведчики западноевропейских государств.

Изучение Переднего Востока проводилось для усиления в его странах западного влияния, которому начала угрожать Россия. В этом изучении правительства западноевропейских стран видели необходимое условие своей колониальной политики, так как, по выражению одного из современных этнографов, без научных сведений миссионеры и колониальные администраторы „блуждают во мраке“.

И действительно, изучение Передней Азии имело большое значение в деле установления политических и экономических сношений Запада с Востоком, особенно в части различных „сфер влияния“ и „протекторатов“.

Работы по изучению стран Востока, проводившиеся на первых порах дипломатическими представителями, имели исключительное значение для развития истории Древнего Востока, и многие из них, как например, Роулинсон, Лэйард, Ботта стали крупнейшими учеными.

В 1817—20 гг. Закавказье, Армению, Иран и Месопотамию посетил английский исследователь Кер-Портер (P. Ker-Porter), изучивший и опубликовавший большое число древнеперсидских памятников.¹

¹ P. Ker-Porter, *Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia during the years 1817—1820, 1—11 1821.*

В 1822 г. в Париже было основано Азиатское Общество, в план работ которого входили и экспедиции в страны Передней Азии. С заданием обследования мало изученного района центральной части Передней Азии,—Армянского нагорья, в 1827 г. туда был командирован Шульц (F. E. Schulz), которому было поручено собирание сведений о древних памятниках в районе озера Ван, приписываемых армянским историком Монсеем Хоренским ассирийской царице Шамирам.¹ Во время своего путешествия 1828—29 гг. Шульц обнаружил и скопировал, главным образом в Ванском районе, большое количество клинообразных надписей на неизвестном в то время языке и описал встреченные им памятники древности.

Работы Шульца были прерваны его смертью в 1829 г. В горах, около Джуламерка, он был убит курдами, а собранные им материалы доставлены во Францию и только в 1840 г. опубликованы секретарем Азиатского Общества Модем (J. Mohl).² Издание это содержало 42 копии клинообразных надписей, то есть более четверти всех известных в настоящее время урартских эпиграфических памятников, и подробное описание некоторых древностей, в частности,—помещений, высеченных в Ванской скале.

К этому времени стали уже известны и другие копии урартских надписей. Роулинсон (H. Rawlinson) еще в 1838 г. зафиксировал несколько таких текстов, а немецкие офицеры Мюльбах (Mühlbach) и Мольтке (Moltke) в 1840 г. обратили внимание на одну из самых западных надписей этого рода, на надпись у сел. Изоглу.³

Археологические открытия в 1840-х годах на берегах Тигра, в центре древнего Ассирийского царства, дали сильный толчок дальнейшему изучению древнейшей истории Передней Азии.

С 1842 года по 1844 год французский консул в Мосуле, Ботта (P. E. Botta), производил раскопки холма Куюнджик на месте древней Ниневии и развалин дворца Саргона в Хорсабаде.⁴ Откопанные стены дворцов оказались покрытыми многочисленными рельефами, изображающими сцены из жизни царя и его военных походов. Все эти изображения сопровождалось клинообразными надписями. Рисунки рельефов, выполненные художником Фландэном, и другие материалы работ, доставленные в Париж, вызвали всеобщий интерес к древностям Передней Азии.

¹ J. Saint Martin, Notice sur le voyage littéraire de M. Schulz en Orient et sur les découvertes... dans les ruines de la ville de Semiramis en Arménie. JA, II, 1828, 160.

² F. E. Schulz, Mémoires sur le lac de Van et ses environs, JA, IX, 1840, 257—323.

³ Monatsberichte über die Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, I, 1840, 70—75.

⁴ P. Botta et E. Flandin, Monument de Ninive, 1846—1850.

В 1845—49 годах Лэйард (А. Н. Layard) во время двух своих экспедиций произвел раскопки дворца Ашурнасирапала II на холме Нимруд (древн. Калху)¹ и продолжал оставленные французской экспедицией раскопки дворца Синахериба в Ниневии. В этом дворце Лэйардом были обнаружены клинописные таблички царской библиотеки Ашурбанипала, другая часть которой была найдена позже (в 1854 г.) во втором дворце, находившемся в северной части древнего города.

Эти блестящие открытия оказали существенное влияние на оформление ассириологии, сразу же вступившей в борьбу со своей соперницей, египтологией. В историю Древнего Мира включилась история Передней Азии, ограничивавшаяся на первых порах изучением Двуречья.

В середине XIX в. значительно продвинулось вперед и изучение клинописи. Археологические материалы, собранные Ботта, Лэйардом и другими исследователями, содержали большое число ассирийских и вавилонских эпиграфических памятников. Расшифровка клинописи получила прочную основу, особенно после опубликования работы Роулинсона, когда исследователь подошел к ассиро-вавилонской клинописи от ранее расшифрованной персидской.

После открытий на юге Месопотамии к ассирийским памятникам присоединились вавилонские, называвшиеся по имени древнего города, часто упоминающегося в Библии, развалины которого стали известны европейцам еще с XII века н. э. (Вениамин Тудельский).

Естественно, и клинообразные надписи из Ванского района на неизвестном языке вызвали живой к ним интерес и попытки их расшифровки.

Первая работа по расшифровке ванских надписей была осуществлена Хинксом (Е. Hincks), опубликовавшим в 1848 г. специальную статью по поводу этих надписей.² Но, кроме определения некоторых идеограмм, сходных с ассирийскими, работа Хинкса никаких серьезных результатов, продвинувших вперед понимание ванской клинописи, не дала.

Материал для исследования был крайне невелик, и работа по расшифровке была приостановлена более чем на 20 лет, но вместе с тем начались интенсивное собирание и издание новых надписей, открывавшихся иногда случайными путешественниками.³

¹ А. Н. Layard, *Monuments of Nineveh*, 1849—1853.

² E. Hincks, *On the Inscriptions of Van*, *JRAS*, IX, 1848, 387—449.

³ Библиографию по этим работам см. *SICr*, I, 1928 и И. И. Мещанинов, *Выявляемые яфетическим языкознанием вопросы в области изучения ванской клинописи*, *ЯС*, IV, 1925, 72.

Наряду с собиранием новых клинообразных надписей на Армянском нагорье, начались поиски клинописи и в Закавказье. В 1862 г. были открыты клинообразные надписи у сел. Ганлиджа, на правом берегу Арпачая (Кестнер)¹ и у сел. Элар (Месроп Смбалянц), а в 1863 г. — надпись у Келагранской (Цовинарской) крепости, на южном берегу оз. Севан.²

С этого времени Месроп Смбалянц стал вести систематические работы по собиранию клинообразных надписей в Закавказье и, начиная с 1869 г., опубликовывать их в Эчмиадзинском журнале *Արարատ* („Араарат“); этими копиями долгое время пользовались и западноевропейские ученые.

Новые попытки расшифровки ванских надписей начались с начала 70-х годов, с работы Ленормана (F. Lenormant), связывавшего их с алародами Геродота и пытавшегося установить аналогии между языком этих надписей и грузинским.³

Другого мнения придерживался Мордтман (A. D. Mordtmann), видевший в языке ванских надписей армянский язык.⁴ Но, естественно, эти работы не дали положительного результата для дальнейшей расшифровки, так же как не дала его и работа де Робера (L. de Robert), считавшего, что ванские надписи написаны на семитическом языке, близком к ассирийскому.⁵

Собственно говоря, понимание клинообразных ванских надписей, называвшихся после работ Ленормана и Роулинсона также алародийскими или урартскими, решительно подвинулось вперед только после издания исследования известного французского ассириолога, Гюяра (S. Guyard).⁶ Он заметил, что заключительные строки многих урартских надписей имеют одинаковые знаки, и предположил, что в

¹ M. Brosset et Kunik, Notice sur deux inscriptions cunéiformes, découvertes par M. Kästner dans l'Arménie russe, BAS, V, 1862, 428—435 (перепечатано в МА, IV, 670).

² Հանրապետիկ Որոշիոյ, 1863, № 53, („Вестник России“, изд. Лазаревского Института в Москве).

³ F. Lenormant, Lettres Assyriologiques, I, 1871, 113—164.

⁴ A. D. Mordtmann, Entzifferung und Erklärung der armenischen Keilinschriften von Van und der Umgegend, ZDMG, XXVI, 1872, 465—696 и Über die Keilinschriften von Armenien, ZDMG, XXXI, 1877, 406—438. Мордтман так увлекся „переводами“ ванских надписей при помощи армянского языка, что пытался даже надпись Сардура I понять через армянский, несмотря на то, что уже Лэйард, посетивший Ван в 1850 г., правильно определил ее, как ассирийскую.

⁵ L. de Robert, Etude philologique sur les inscriptions cunéiformes de l'Arménie 1876.

⁶ S. Guyard, Les inscriptions de Van, JA, XV, 1880, 540—543; дальнейшие его работы опубликованы в том же журнале в 1883 и 1884 гг., а также в Mélanges d'Assyriologie, 1883.

этих случаях имеется стереотипный текст угрозы тем, кто осмелится нарушить надпись. Сопоставление ассирийского текста этой формулы проклятия с урартским текстом дало возможность правильно установить значение некоторых урартских слов и грамматических оборотов.

Следуя пути, указанному Гюйаром, английский ассириолог Сэйс (A. H. Sayce) значительно продвинул вперед работы уже не по определению значения отдельных слов или фраз, а по переводу клинообразных урартских надписей, и в 1882 г. в журнале Британского Азиатского Общества появилась его первая сводка известных в то время надписей, снабженная переводами.¹

В некоторых своих частях эта работа и до сих пор не утратила ценности, особенно в части издания текстов. Сэйс в течение своей долголетней и научно-плодотворной жизни не прекращал собирания урартских текстов и издания их в том же журнале. Во всяком случае, только после издания урартских клинообразных надписей Сэйсом они могли войти в научный обиход историков Древнего Востока.

Дальнейшим шагом в разработке клинописи явились исследования австрийского ученого Мюллера (D. H. Müller), издавшего надпись из Ашотакерта (Ашрут-Дарга).²

Работа над урартской клинописью и языком производилась теперь специалистами кунеологами, преимущественно ассириологами, и на долю любителей оставалось только собирание надписей.

К этому времени значительно увеличилось и число урартских эпиграфических памятников, открытых в Закавказье.

В 1875 г. была опубликована открытая еще в 1863 г. Атамханская надпись с юго-западного берега озера Севан, вырубленная из скалы и перевезенная в Кавказский Музей (ныне Государственный Музей Грузии).³

В деле изучения урартской клинописи деятельное участие принял и известный арменист К. П. Патканов, публиковавший совместно с Сэйсом отдельные надписи⁴ и давший сводную работу по урартским надписям, найденным на территории России.⁵

Так же, как и в Западной Европе, в России изучение урартской

¹ A. H. Sayce, The cuneiform inscriptions of Van, JRAS, XIV, 1882, 377—732 (57 надписей). Дополнения печатались в том же журнале, XX (1888); XXV (1893); XXVI (1894); XXXIII (1901); XXXVIII (1906); XLIV (1912); LXI (1929) и LXIV (1932).

² D. H. Müller, Die Keil Inschrift von Aschrut-Darga DWAW, 1888.

³ Записки Общества Любителей Кавказской Археологии, I, 1875; Г. Раде. Краткий очерк истории развития Кавказского Музея, 1891, 21.

⁴ K. Patkanoff, Quelques Inscriptions de Van, Muséeon, I, 1882, 541 и II, 1883, 359.

⁵ К. П. Патканов, О клинообразных надписях ванской системы, открытых в пределах России, ЖМНП, 1883.

клинописи было оторвано от археологических работ, которые в то время стояли еще на очень низкой ступени развития.

Значительное влияние на развитие археологического изучения Закавказья оказал V Археологический съезд, созданный в 1881 году в Тифлисе.

В план работ подготовительного комитета к этому съезду были включены раскопки Армавирского холма, где были найдены урартские надписи. В 1880 г. А. С. Уваров и А. Д. Ерицов копали в Армавири с целью обнаружения урартских памятников, и в первую голову надписей.¹ Обнаружив остатки урартского времени, но без ожидавшихся ими развалин монументальных построек, они признали открытый культурный слой относящимся к средневековью, пройдя таким образом мимо того, что они искали.

В сентябре 1881 г. Археологический съезд в Тифлисе собрал около 400 делегатов, среди которых были и крупные иностранные ученые, как Вирхов (R. Virchow) и Шантр (E. Chantre).

В особый раздел работ съезда было включено исследование на Кавказе влияний Античного мира и Древнего Востока. Так, В. Ф. Миллером были разобраны кавказские параллели к классическому мифу о Прометее, а Н. О. Эмин анализировал армянскую легенду о Шамирам (Семирамиде). Вопрос об урартских письменных памятниках был затронут на этом съезде К. П. Паткановым.²

Для развития кавказской археологии V Археологический Съезд имел исключительное значение. Съезд возбудил интерес к древностям Кавказа не только в среде западноевропейских и русских ученых, но и в широких кругах кавказской интеллигенции.

Начались интенсивные раскопки, главным образом могильных памятников, производившиеся как иностранцами—Ж. де Морганом (J. de Morgan) и Бельком (W. Belck), так и представителями русских научных организаций—Археологической Комиссии, Н. Я. Марром, А. А. Бобринским, Э. Реслером, и Московского Археологического Общества, А. А. Ивановским и А. С. Уваровым. Из кавказских археологов особенно деятельное участие в археологическом изучении Закавказья приняли А. Д. Ерицов и Е. С. Такайшвили.

Этому широкому интересу к кавказской археологии сопутствовало и обычное в этих случаях явление—подделка древностей (под урартские и ассирийские). Один такой предмет, каменная статуэтка,

¹ А. С. Уваров, Исследования местности развалин Армавира, Протоколы подготовительного комитета к V Археологическому Съезду, 439—448.

² К. П. Патканов, Клинообразные надписи, Труды V Археологического Съезда, 115—122.

изображающая героя (Гильгамеша), удушающего льва, с клинообразными знаками поперек фигурки, был опубликован Мурье (J. Mourier);¹ в описи коллекции В. Вырубова он числился, как урартский. Другая подделка—глиняный кирпич с клинописью, хранится ныне в Государственном Историческом Музее Армении. Надпись, помещенная на нем, была скопирована с подлинной урартской, но изготовитель, не имевший представления о клинописи, при копировке присоединил клинья некоторых знаков к рядом стоящим.²

Центральные археологические учреждения производили и специальные работы, посвященные урартским древностям. Известный русский ассириолог М. В. Никольский, деятельный член Московского Археологического Общества, специально занялся урартскими надписями, открытыми в Закавказье.³ В 1893 г. он посетил Армению для изучения надписей на месте, так как не все доставленные ему копии были удовлетворительны. Вместе с М. В. Никольским в Закавказье был командирован А. А. Ивановский со специальным заданием обследования археологических памятников, связанных с урартскими надписями. Это была первая совместная работа специалиста по клинописи с археологом, и она дала плодотворные результаты.

А. А. Ивановскому удалось обнаружить целый ряд древних памятников, главным образом крепостей, находящихся около урартских надписей и с ними связанных.⁴ В одном из таких древних поселений, в Ташбуруне, на северном отроге Арарата, А. А. Ивановский произвел раскопки и открыл остатки большого здания.

В 1896 г. М. В. Никольским была переиздана сводка урартских текстов Закавказья; во многих случаях ему удалось исправить прежние неточные копии надписей и снабдить их переводами.⁵ Эта работа и до сих пор не утратила своего значения, хотя переводы во многих случаях сильно устарели.

Но М. В. Никольский не производил полевых сборов урартских эпиграфических памятников, он только объезжал ранее известные надписи, с целью уточнения их копий.

Собирание вновь открытых клинописей и их первичное издание (без переводов) находилось в руках местных работников. В этом отношении мы многим обязаны епископу Эчмиадзина Месропу Смба-

¹ J. Mourier, *L'Art au Caucase*, Odessa, 1883, табл. X.

² М. В. Никольский, Фальшивая клинообразная надпись из Эриванской губернии, АИЗ, 1896, в. 4.

³ М. В. Никольский, Клинообразные надписи Ванских царей, открытые в пределах России, ДВ, I, в. 3, 1893.

⁴ А. А. Ивановский, По Закавказью, МАК, VI, 1911.

⁵ М. В. Никольский, Клинообразные надписи Закавказья, МАК, V, 1896.

тянцу, копии которого, публиковавшиеся в журнале *Արարատ* („Ара-рат“), легли в основу изданий урартских надписей Закавказья,¹ а так-же монаху Галусту Тер-Мкртчяну.

Но кроме Эчмиадзина, резиденции католикаса Армении, работа по собиранию и изданию клинописи, производилась также и в ученых армянских конгрегациях Западной Европы.

В 1717 г. Мхитаром Севастийским на острове св. Лазаря (близ Венеции) был основан армяно-католический монастырь. Эта конгрегация, известная под именем Мхитаристов, провела большую работу по изучению истории Армении. С 1843 г. стал выходить журнал венецианских мхитаристов *Բազմաթիւ* („Базмавэп“), существующий до-ныне, в котором печатались статьи, посвященные урартским древно-стям. В труде Нерсеса Саргисяна „Описание Малой и Великой Арме-нии“, изданном в 1864 г., были приведены четыре урартские надписи, а также планы и описания помещений, высеченных в Ванской скале.² Клинообразные надписи воспроизводились также Гевондом Алишаном в его трудах, посвященных отдельным районам Армении,³ а в 1900 г. в Венеции была издана сводка урартских надписей, составленная константинопольским священником И. Саидалджяном.⁴

В 1811 г., наряду с Венецианским, возникает второй центр мхи-таристов в Вене, органом которого является журнал *Հանդէս Ամսօրեայ* („Хандэс Амсорья“), выходящий с 1887 г. Как в журнале, так и в от-дельных изданиях венских мхитаристов нередко затрагивались вопро-сы, связанные с дохристианским периодом истории Армении.

Научная работа, проводившаяся мхитаристами, оказала суще-ственное влияние на развитие западноевропейской арменистики. В этом, конечно, заключалась прогрессивная сторона их научной деятельно-сти, но вместе с тем их национальная идея, тесно связанная с фео-дально-церковной идеологией, являлась реакционной. В силу этих же причины и главным образом вследствие ограниченности их работы, конфессиональными и национальными интересами, мхитаристы не смогли создать у себя прочной школы,⁵ и вполне понятно, что значение этой

¹ *Արարատ* 1869. 137; 1880, 27; 1881, 604; 1883, 53, 242, 354; 1884, 18; 1885, 416; 1886, 25, 491; 1892, 555; 1895, 204; 1896, 512. *Մ. Սմբատեանց, Տեղագիր Գեղարքունի դաժարի* 1895, 227 и 747—768 (М. Смбацяц, Описание области Гехаркуни).

² *Հ. Սարգիսեան, Տեղագրութիւնը ի Փոքր և ի Մեծ Հայս*, 1864 (Н. Саргисян, опи-сание Малой и Великой Армении).

³ *Ղ. Ալիշան, Շիրակ* (Ширак), 1881; *Այրարատ* (Айрат), 1890; *Սիսական* (Сисакан), 1893.

⁴ J. Sandaljian, *Les Inscriptions cunéiformes urartiques*, Venise, 1900. Дополнения к этому труду помещены в журнале *Հանդէս Ամսօրեայ*, 1913.

⁵ Записка акад. Н. Я. Марра о Кавказском Историко-Археологическом Инсти-туте, ИАН, 1917, 967.

ученой конгрегации значительно упало после развития армянской светской и демократической литературы.

Как в Западной Европе, где над изучением урартского языка работали специалисты по Древнему Востоку, Сэйс, Леманн-Гаупт (С. F. Lehmann-Haupt),¹ Шейль (V. Scheil),² Ж. де-Морган, так и основные работы над урартской клинописью в России, производились хорошо подготовленными учеными, востоковедами М. В. Никольским и В. С. Голенищевым.³

Но, наряду с этими серьезными научными исследованиями, появился целый ряд работ кавказоведов, содержащий часто очень интересный материал и наблюдения, но не всегда отражающий современный им уровень знаний в области разработки клинописи.

Так, М. Г. Джанашвили пришел к заключению, что язык ванских, алародийских, надписей не что иное, как грузинский,⁴ высказав, по существу, старое и давно оставленное мнение.

А. К. Глейе пытался составить грамматику урартского языка на основании языкового материала горских племен Кавказа.⁵

Такие попытки сопоставления урартского языка с рядом кавказских, или же с одним из них, встречались неоднократно. Зачастую они носили совершенно не научный характер, как, например, работа о родстве урартского языка с удинским.⁶

Из работ арменистов, занимавшихся урартским языком, следует упомянуть статьи Г. А. Халатьянца, посвященные связи армянской топонимики с урартской, и Л. З. Мсерянца, разбиравшего некоторые вопросы армянского и урартского языков.⁷ Урартский материал широко использовался также К. Басмаджяном, издававшим в Париже

¹ Во время своей экспедиции в Армению Леманн-Гаупт и Бельк собрали большое количество урартских надписей, см. Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und C. F. Lehmann 1898—99 ausgeführten Forschungsreise in Armenien, SPAW, 1900.

² V. Scheil (et J. de Morgan), La stèle de Kelischin. Rec. de trav. XIV, 1893, 153; его же, Inscription vannique de Melazgert, там же, XVIII, 1896, 75.

³ В. С. Голенищев, Надпись древневанского царя Русы II, ЗВО, XIII, 1901.

⁴ О древней истории Грузии по клинообразным надписям (доклад), Изв. КОМАО, 1, протоколы, 14; см. также ЗКОРГО, XXIV, в. 5, стр. XXXVI.

⁵ А. К. Глейе, Опыт решения ванского (урартского) вопроса, СМОМПК, XXXVII, 1907.

⁶ А. Пайзат, Ключ халдского языка, Эривань, 1936 (с портретом автора).

⁷ Г. А. Халатьянц, О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными ванских надписей, ДВ, II, в. 2, 120—131; Л. З. Мсерянц, К интерпретации ванских надписей, Сборник статей в честь Ф. Е. Корша, 1896, 391—399; его же, О так называемых „ванских“ (урартских) лексикальных и суффиксальных элементах в армянском языке, Труды XI Археологич. съезда, II, 1902, 9—11.

журнал *Բանասեր* („Банасэр“), в котором публиковались эпиграфические памятники Ванского царства.

Естественно, работы по древнейшей истории Армении также не могли не затронуть материал Урартского государства. Проблема происхождения армян и заселения ими областей Закавказья всецело рассматривалась с миграционистической точки зрения, что подкреплялось и антропологическими исследованиями, не без основания доказывавшими существенные антропологические различия между армянами и древним населением тех областей, в которых ныне живут армяне.

В научной литературе уже давно встал вопрос о генетическом родстве армян с урартами, вопрос, который нельзя было обойти в общих трудах по истории Армении.¹

Но, несмотря на то, что история Урарту уже вошла в историю Древнего Востока² и стала привлекаться для разрешения весьма важных историко-культурных и этногенетических вопросов, урартские тексты оставались все еще неполноценным источником.

Не было полной уверенности в правильности предлагаемых переводов. Идеограммы, заимствованные урартами от ассирийцев, позволяли уловить общий смысл надписей, но грамматика и структура языка оставались еще неясными. Урартские клинообразные надписи были расшифрованы настолько, насколько это могли сделать ассириологи.

Понимание структуры урартского языка значительно продвинулось вперед благодаря работам академика Н. Я. Марра, приступившего к разбору клинописи на основе кавказских языков, изученных в свете яфетического языкознания. Н. Я. Марр решительно отверг делавшиеся ранее попытки понять структуру урартского языка, исходя из какого-нибудь одного кавказского языка и подошел к ванским надписям с нормами, общими для всех яфетических языков Кавказа.

В частности, им была разъяснена пассивная конструкция в урартском языке, что направило по новому руслу работы над ванской клинописью и чего не могли сделать ассириологи, владевшие лишь семитическими языками.

¹ J. Sandalagian, *Histoire documentaire de l'Arménie*, I—II, Rome, 1917; *Կ. Բանասեր*, *Բովանդակն պատմութիւնն Հայոց* (К. Басмаджян, Подлинная история Армении), Париж, 1914 и *Լեօ, Հայոց պատմութիւնն* (Лео, История Армении), Тифлис, 1917; урартский материал использован также в статье В. Chalatzian'z'a, *Der Ursprung der armenischen Fürstentümer*, WZKM, XVII, 1903, 60—69.

² G. Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, III, 1899, 14—22; 53—69; 102—121; 143—156; 237—252.

Заслуги Н. Я. Марра велики не только в деле изучения Ванского царства. Систематические археологические исследования в Армении, начатые им в 1891 г., значительно содействовали правильной постановке изучения древнейших этапов истории Закавказья в тесной связи с историей Древнего Востока.

Исследования Н. Я. Марра, посвященные урартской клинописи, были продолжены И. И. Мещаниновым, которым была составлена также сводка высказываний Н. Я. Марра об урартском языке¹. В ряде статей, помещенных в Докладах и Известиях Академии Наук СССР, И. И. Мещанинов, на основании коллекции фотографий, хранящихся в Яфетическом Институте, издавал заново и переиздавал урартские надписи.

Этот богатый архив фотографических снимков явился результатом интенсивной работы русских ученых по собиранию эпиграфических памятников на турецкой территории, занятой русскими войсками в 1915—1917 гг.²

В 1915—16 гг. в Ванском районе работали С. В. Тер-Аветисян — по поручению Академии Наук, и от Кавказского Музея — А. Н. Казнаков, доставившие в Музей не только эстампажи и фотоснимки, но и 20 подлинных надписей. Фотографии с последних, выполненные Б. Н. Шаховским, были переданы в 1917 г. в Московское Археологическое общество.

В 1916 г. И. А. Орбели, участвовавший в экспедиции Русского Археологического Общества, раскопал в нише Ванской скалы „Хазине-капуси“ большую стелу, клинописный текст которой представлял собою летопись Сардура, сына Аргишти.³ Этот замечательный памятник по своему значению и размеру может сравниться только с анналами Аргишти, сына Менуи, вырезанными на южной стороне Ванской скалы.

Фотографии с урартских памятников во время своих поездок в Турцию выполняли А. В. Лядов, сопровождавший А. А. Бобринского в 1916 г., а А. А. Флоренский, кроме снимков, доставил в Москву камень с надписью из Леска, хранящийся ныне в Государственном Музее Изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.⁴

После окончания первой мировой войны Леманн-Гаупт присту-

¹ И. И. Мещанинов, Халдоведение, Баку, 1927; его же, Язык Ванских клинописных надписей на основе яфетического языкознания, I, 1932.

² J. Mešaninov, Die neuen Ergebnisse der chaldischen Forschungen, АО, VI, 1931, 202—205.

³ Н. Я. Марр и И. А. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, 1922.

⁴ Н. Я. Марр, Халдская клинообразная надпись из села Леска Ванского округа, ИАН, 1915, 1731—1733.

пил к разработке громадного материала по урартской клинописи, собранного им во время совместных с Бельком работ, и в 1928 г. вышел в свет первый выпуск *Corpus'a* урартских надписей.¹ Леманн-Гаупт при переводах урартских текстов всецело придерживался старой схемы Сэйса и, отлично сознавая несовершенство изучения клинописи, ограничился изданием в *Corpus'e* лишь фотографий памятников, или эстампажей с них, и транскрипции.

В 1928 г. в изданиях Гейдельбергской Академии Наук появилась работа М. Церетели (M. Tseretheli); автор давал новый перевод летописи Сардура, пытаясь подойти совершенно по новому к урартской грамматике.² Чрезвычайно большое значение в этой работе имело установление факта строгого разграничения в урартском языке переходного и непереходного глагола.

Это наблюдение М. Церетели в дальнейшем было развито и детально разработано Фридрихом (J. Friedrich), составившим заново грамматику урартского языка.³ Разработка вопроса о разграничении переходного и непереходного глаголов разъяснила многие неясности, так как эти глаголы имели совершенно различные суффиксы, что приводило при старом понимании к полной путанице первого и третьего лица.

Работой, закрепившей новые шаги в изучении урартской клинописи, явилось исследование Гётце (A. Götze), посвященное Келяшинской стеле, представляющей собою урарто-ассирийскую двуязычную надпись.⁴ Несмотря на то, что эти два текста не совпадают дословно, причем основным являлся урартский текст, Гётце удалось проверить и заново установить значение целого ряда урартских слов и уточнить грамматические формы. Новые работы в области изучения языка ванских клинописей получили надежное подтверждение; становилось ясным, что этот новый путь избран правильно, несмотря на то, что указанные работы вызвали резкую, но не солидно аргументированную критику Леманн-Гаупта, не желавшего отказаться от старой схемы Сэйса.

В 1935 г. Академией Наук СССР была выпущена объемистая книга

¹ C. F. Lehmann-Haupt (при участии F. Bagel и F. Schachermeyr), *Corpus Inscriptionum Chaldaicarum* (CICh).

² M. Tseretheli, *Die neuen haldischen Inschriften König Sardur von Urartu*, SHAW, Phil.-Hist. Klasse, V, 1928; его же, *Etudes ourartéennes*, RA, XXXIII, 1936, 117—141.

³ J. Friedrich, *Beiträge zur Grammatik und Lexicon des chaldischen, Caucastica*, VII, 1931, 53—86 и VIII, 1931, 114—150; его же, *Zur urartäischen Nominalflexion*, ZA, N. F. VI, в. 3—4, 1931; его же, *Zum urartäischen Lexikon*, Archiv Orientalni, IV, в. 1, 1932; его же, *Einführung ins urartäische, Grammatischer Abriss und ausgewählte Texte mit sprachlichen Erläuterungen*, MVAG, XXXVII, в. 3, 1933.

⁴ A. Götze, *Zur Kelischin Stele*, ZA, N. F., V, в. 1—3, 1929, 99—128.

И. И. Мещанинова „Язык Ванской клинописи“ (т. II), в которой автор объединил достижения русской яфетидологической школы с достижениями последних работ западноевропейских ученых. Эта работа, являющаяся одной из основных работ, посвященных урартскому языку, в полной мере отражает современное состояние его изучения.

Из приведенного очерка истории изучения Ванской клинописи мы видим, что эта работа, продолжающаяся уже свыше ста лет, привлекла к себе внимание многих ученых, специалистов по языкам как Древнего Востока, так и Кавказа. Работа над урартским языком дала уже реально ощутимые результаты и, во всяком случае, имеет уже прочную научную основу. Лингвистические исследования производились зачастую с учетом связи урартского языка с другими языками Древнего Востока, в частности с хурритским (Шпейзер, Фридрих) и хеттским (Г. А. Капанцян).¹

Совершенно иную картину мы наблюдаем в области археологического изучения Ванского царства. Эти работы ни в коей мере не были связаны с разработкой клинописи и до сих пор не получили еще должного развития. Раскопки производились только в одном месте центральной части Урарту, а именно в древней крепости Топрах-кале (близ г. Вана).

В 1897 г. на Топрах-кале начали раскопки английский консул Клэйтон (E. Clayton) и американский миссионер в Ване, Рейнольдс (G. C. Reynolds);² в следующем году они были продолжены Рассамом (H. Rassam),³ до того работавшим в Месопотамии.

Основное их внимание было обращено на развалины храма в северной части крепости, в то время еще сравнительно хорошо сохранившейся. Раскопки дали большое количество художественных бронзовых предметов—части тронов, различную утварь, декоративные щиты, бронзовые обивки и пр. Основная часть находок попала в Британский Музей, но много древностей разошлось по рукам. Эти раскопки возбудили у местных жителей интерес к древностям, и они сами стали копать городище с целью находки вещей для продажи. О такой работе кладонскателей, которым часто удавалось обнаружить весьма интересные предметы, мы можем судить по вещам, которые поступили в различные музеи мира путем покупок от частных лиц.⁴

¹ E. Speiser, *Studies in Hurrian Grammar*, JAOS, LIX, в. 3, 1939, 323; J. Friedrich, *Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik*, 1939, 59—62; Г. А. Капанцян, *Общие элементы между урартским и хеттским языками*, Эривань, 1936, 76.

² Линч, *Армения*, II, стр. 81 (перевод с английского).

³ H. Rassam, *Asshur and the land of Nimrod*, 1879, 377.

⁴ Б. Б. Пиотровский, *Урартские бронзовые статуэтки Эрмитажа*, ТОВЭ, 1939 45—60.

Вещи, переданные Клэйтоном и Рассамом в Британский Музей, долгое время лежали там мертвым грузом, и очень характерно, что ученых интересовали исключительно имевшиеся на них надписи. Так, Сэйсом еще в 1882 г. были опубликованы только клинописи с обломков бронзовых щитов, богато украшенных изображениями львов и быков, и с бронзовой обивки, на которой изображены лежащие быки, но сами эти предметы, представляющие большой интерес для изучения искусства и культуры, до сих пор не были даже воспроизведены должным образом.

Раскопки на Топрах-кале, в масштабе большем чем предыдущие, были произведены в 1898—99 гг. германской экспедицией Леманн-Гаупта и Белька. Кроме доследования храма, раскопки которого производил Рассам, экспедицией были заложены разведочные траншеи во многих местах городища, сильно поврежденного ямами кладонска-телей.

Работы германской экспедиции установили датировку древнего поселения, которое они считали „городом Русы“, упомянутым в надписи у оз. Кешишгел. Материалы из этих раскопок были опубликованы в 1907 г. вместе с приобретенными на месте работ древностями, а сведения о ходе работ экспедиции печатались в протоколах Берлинского Общества Антропологии, этнографии и истории (приложение к *Zeitschrift für Ethnologie*).¹

Кроме раскопок на Топрах-кале, Леманн-Гаупт и Бельк предприняли путешествие по всему Армянскому нагорью с целью регистрации и обследования памятников урартского времени. В западной части территории древнего Ванского царства разведочные работы производил Хэнтингтон (E. Huntington), зафиксировавший целый ряд древних крепостей, связанных иногда с урартскими клинописями.²

И. А. Орбели во время командировки 1911—12 гг. в Турцию произвел на Топрах-кале небольшие по размеру, но интересные по материалу раскопки.³

Когда стали известны памятники урартского искусства, то они вызвали живой интерес археологов, занимавшихся Причерноморьем

¹ C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, VBGAEU, 1898, стр. 127, 522, 568; 1899, 236, 281, 293, 411, 487, 579, 586, 661; 1900, 29, 430.

² E. Huntington, *Weitere Berichte über Forschungen in Armenien und Commagene*, ZE, 1901, 173—209.

³ И. А. Орбели, Предварительный отчет о командировке в Азиатскую Турцию, 1911—12 гг., ИАН, 1912, 922—923, см. также ЗВО, XXI, 1911—1912, стр. LXXVIII; материалы, собранные И. А. Орбели, частично изданы Н. Я. Марром (ЗВО, XXIV, 1917) и Б. В. Фармаковским (МАР, 34).

и Северным Кавказом. Начали вырисовываться реальные связи скифов с Закавказьем и с северными частями Передней Азии.

Обстоятельный очерк истории Ванского царства с указанием намечавшихся связей с южнорусским материалом был дан Б. А. Тураевым в его „Истории Древнего Востока“ (1914 г.).

Русские востоковеды уже оценили большое значение Ванского царства для истории Закавказья, и в апреле 1914 г. в Восточном Отделении Русского Археологического Общества обсуждался вопрос об исследованиях в области урартской культуры. Н. Я. Марр настаивал на необходимости дальнейших исследований в Ване, ввиду того, что древности Вана имеют важное значение для изучения древностей, находимых в различных местах в пределах России, и что область Вана естественно представляется такою, где должны прежде всего работать русские ученые, которые имеют для того необходимую подготовку и лучше, чем какие либо другие ученые, осведомлены насчет памятников культуры Вана и достаточно сделали для ее изучения.¹

Там же был поставлен вопрос и о производстве дальнейших раскопок на Топрах-кале. В связи с организацией этой экспедиции Б. А. Тураевым была составлена специальная записка о древностях Вана и сопредельных областей.²

В 1916 г. удалось осуществить работы в Ване, во время которых Н. Я. Марр производил раскопки Топрах-кале, а И. А. Орбели — двух ниш на северном склоне Ванской скалы.

После работ Русской Археологической экспедиции в Ванском районе археологические работы были прерваны на 22 года.

За это время этот район посещали лишь отдельные исследователи, исключительно с осведомительными или же разведочными целями. Только летом 1938 г. на Ванской скале и на Топрах-кале работала Американская Археологическая экспедиция. Целью ее было установление распространения культурного слоя урартского времени в Ване и проверка датировки материала из прежних раскопок.³ Работы экспедиции доказали правильность датировки красной лощеной керамики урартской эпохой и установили также, что встреченная на Топрах-кале и в Ване расписная керамика частично современна урартской, а частично относится к более древнему времени. Кроме

¹ Протокол заседания комиссии по вопросу об исследованиях в области древней Ванской культуры, ЗВО, XXII, 1915, стр. XLI.

² Б. А. Тураев, Записка о древностях Вана и сопредельных местностей, ЗВО, XXII, 1915, стр. XLIV—XLVII.

³ Краткие сведения о работах американской экспедиции см. АО, XIII, в. 1—2, 1939, 90 и JDAI, 55, 1940, 581—584.

того экспедиция провела обследование нескольких древних крепостей Ванского района.

В то время как на Армянском нагорье археологическая работа замерла, в Советских республиках Закавказья она получила невиданное до тех пор развитие, причем в ней приняли участие и центральные учреждения Союза ССР и местные организации. Организованный в 1924 г. Комитет Охраны древностей Армении, во главе которого стоял академик архитектуры А. И. Таманян, сразу же приступили к регистрации древностей по районам, с целью составления археологической карты.

В 1926 г. экспедиция Комитета работала на южном берегу озера Севан; ею был снят эстампаж с труднодоступной надписи у Келатгранской (Цовинарской) крепости, который дал возможность существенно исправить прежнее неправильное чтение этой важной для истории Закавказья надписи. В 1934 г., при работе над подлинником мне удалось еще более уточнить плохо сохранившийся текст.

За советское время в Армении были открыты три новые клинообразные надписи.

В 1927 г. в древней крепости у Нор-Баязета была открыта надпись урартского царя Русы, сына Сардура, рассказывающая о постройке крепости, захвате в плен местного правителя и о назначении Урартского наместника.¹

Вторая клинообразная надпись, происходящая вероятно из развалин древнего Армавира, была открыта в селении Джанфида.² К Армавирским же надписям относится и опубликованная И. И. Мещаниновым надпись из селения Талиш, известная ранее лишь по осведомительной заметке Н. Я. Марра.³

Наконец, в 1936 г. на развалинах древней крепости „Кармир-блур“, около Еревана, был найден обломок камня с остатками клинописи, содержащей имя урартского царя Русы, сына Аргишти.⁴

Обнаружение этих памятников усилило в Армении работы над урартским языком. В Ереванском Государственном Университете

¹ Գ. Ղափանցյան, Նոր Բայազետի սեղագիր արձանագրությունը, Տեղեկագիր ՀՍԽՀ Գրտ. և արվ. ինստիտուտի, 1930, № 4, 75—108. (Г. Капациян, Клинообразная надпись из Ново-Баязета), см. так же Տեղեկագիր ՀՍԽՀ Գրտ. և արվ. ինստիտուտի, II, 1927, 203. (Изв. Инст. наук и искусств ССР Армении).

² Օրագիր ՀՍԽՀ հնությունների պահպանության կոմիտեյի, № 4, 1930 (Дневник Комитета охраны древностей Армении, IV, 1930).

³ Н. Я. Марр, ЗВО, XXI, стр. LXXVI; И. И. Мещанинов, ИАН, 1932, 341—348.

⁴ Կ. Ղափազարյան, Կարմիր բլուրի նորագյուտ սեղագիր արձանագրությունը, Տեղեկագիր ՀՍԽՀ Պատ. և զրադ. ինստ., II, 1937, 222. (К. Кафадарян, Новонайденная клинообразная надпись на Кармир-блуре, Вестник Инст. ист. и лит. Арм. ССР).

Г. А. Капанцян вел специальные курсы, посвященные урартской культуре и языку. Интерес к культуре Ванского царства возрос еще больше после включения истории Урарту в общий курс истории СССР как в средней школе, так и высших учебных заведениях.

В 1936—1937 г. Советские республики Закавказья посетил Лемани-Гаупт, читавший публичные лекции в Тбилиси и Ереване и проводивший также занятия по урартскому языку. Пребывание в Закавказье виднейшего западноевропейского специалиста по истории культуры Древнего Востока, несомненно, оказало благотворное влияние на усиление работы по древнейшей истории Закавказья, но, к сожалению, его занятия по урартской клинописи знакомили слушателей с устаревшим этапом изучения урартского языка. Очень характерно, что семитолог Г. В. Церетели, приступивший к работе над языком ванской клинописи под руководством Лемани-Гаупта, в своем высококачественном издании урартских надписей из центральной части Ванского царства, хранящихся в Государственном Музее Грузии, придерживается новых работ по урартскому языку, против которых так ополчался Лемани-Гаупт.

Интерес к урартской культуре наблюдался и в Азербайджане. С 1925 г. в работе Государственного Бакинского Университета приняли участие Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов, проводившие курсы лекций по яфетическому языкознанию. И. И. Мещанинов, читавший в Университете специальный курс, посвященный Ванскому царству,¹ принял ближайшее участие и в археологическом изучении Азербайджана.

Успешно шла и обработка музейного материала, давшая весьма интересные результаты. Оказалось, что непонятные раньше знаки на агатовой пронизке, найденной в 1895 г. Э. Реслером в одном из курганов Ходжалинского могильника, представляют собою клинопись, в которой В. В. Струве и ассириологу В. К. Шилейко удалось прочесть имя ассирийского царя Ададнирари.² Но, к сожалению, надежда, что эта бусина с клинописью даст нам твердую опору в датировке материала, не оправдалась, так как надпись не удастся приурочить определенно ни к одному из четырех царей, носивших имя Ададнирари, причем первого Ададнирари от последнего отделяет примерно полтысячелетия. Вейднер (E. F. Weidner) склоняется отнести Ходжалинскую бусину к Ададнирари I, жившему на рубеже XIV—XIII вв., хотя сам оговаривается, что такая датировка бусины не имеет решающего значения для датировки всего могильника.³

¹ И. И. Мещанинов, Халдоведение, Труды Общ. обл. и изуч. Азерб., № 10, 1927.

² Статьи И. И. Мещанинова в ИООИА, II, 1926, 52; там же, III, 1926, 107; АО, VII, 266—267.

³ E. F. Weidner, АО, VII, 267—268.

Работы по поискам урартских эпитафических памятников не увенчались в Азербайджане успехом, но вполне вероятно, что урарты при своем продвижении в Закавказье проникали восточнее оз. Севан, на территорию Азербайджанской ССР.¹

Одновременно с этим началось также изучение древних крепостей, построенных из крупных камней,² которые на основании аналогии с подобными же памятниками в Армении можно было предположительно отнести к урартскому времени.

Древние крепости, называемые по характеру кладки „циклопическими“, на территории Армении изучались довольно давно. Остатки стен этого рода имелись на Армавирском холме. Циклопические крепости, связанные с урартскими клинописями около Ташбуруна и Еревана (Ганли-тапа), обследовал А. А. Ивановский. Позднее, с некоторыми из развалин крепостей удалось связать древние названия, встречаемые в клинописных текстах (Цовинарская и Агамханская надписи).

Циклопические крепости Армении уже при самом поверхностном изучении оказались относящимися к различному времени. Первая попытка классификации древних крепостей района горы Арагац (Алагез) была выполнена архитектором Т. Тораманяном, относившим наиболее древние крепости даже к неолиту.³

В 1930 г., с заданием выяснения комплекса памятников урартского времени, экспедицией Государственной Академии Истории Материальной культуры было проведено обследование циклопических крепостей северного и северо-западного склона горы Арагац, описанных Т. Тораманяном. Для работ был избран такой район, где находились крепости различного типа, клинообразная надпись и частично раскопанные могильники.⁴ Затем работа по той же теме была перенесена на западное и южное побережье оз. Севан (1931 и 1932 гг.).⁵

¹ И. И. Мещанинов, Предположительные сведения о движении халдов в пределы Азербайджана, ИААК, II, 1926, 33—39; его же, Восточное Закавказье времени халдских завоеваний, ВДИ, 1937, I, 66—77.

² И. Джафар-заде, Циклопические сооружения Азербайджана, Труды Азерб. филнала Ак. Наук, № 55, 1938; И. И. Мещанинов, Циклопические сооружения Закавказья, Изв. ГАИМК, XIII, в. 4-7, 1932.

³ Ք. Քորամանյան, Նախաքրիստոնյական հայ ճարտարապետության, Բանբեր Եջմիածնի դիտական ինստիտուտի, 1920—21, 207—225. (Т. Тораманян, Дохристианская архитектура Армении, Вестник эчмиадзинского научного института); Ատրպետ, Ճիրակի ակադեմիայի (Կիլիկոսյան) ամբոցները, Ազգազգական հանդես, XXV, 2, (Атрпет, Циклопические крепости Ширака, „Этнографическое обозрение“). Ք. Քորամանյան, Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության, Երևան, 1942, 11—30 (Т. Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры).

⁴ А. А. Аджян, Л. Т. Гюзальян, Б. Б. Пиотровский, Циклопические крепости Закавказья, СГАИМК, 1932, № 1-2, 61—64.

⁵ Б. Б. Пиотровский, Л. Т. Гюзальян, Крепости Армении доурартского и урарт-

Собранный во время этих разведочных работ материал позволил выявить четыре основные группы крепостей-поселений, различающихся как по типу, так и по найденному в них подъемному материалу. Отнесение циклопических крепостей к неолиту не подтвердилось. Наиболее древние из них дали материал, датируемый „эпохой бронзы“, т. е. концом II и началом I тысячелетия. Вторая группа крепостей относится к урартскому времени, причем ряд крепостей оказывается даже образцом урартского строительства (Кармир-блур, Ганли-тапа, Нор-Баязет, Цовинар).

В 1931 г. И. И. Мещанинов в ряде экскурсий также обследовал древние крепости Армении в связи с подобными же памятниками Азербайджана.¹

Но и после этих разведочных работ все же оставался неясным комплекс археологических памятников Закавказья, относящихся к урартскому времени. Не хватало еще достаточных данных, чтобы связать хорошо известные могильники с надежно датированными урартскими крепостями. Необходимы были раскопки крепостей.

Эту работу взял на себя Государственный Эрмитаж, который в 1934 г. организовал археологическую экспедицию для изучения древней крепости на южном берегу оз. Севан, между сел. Алучалу и Келаграном (ныне Цовинаром), связанной с клинообразной надписью Русы I.

Кроме стереофотограмметрической съемки местности, выполненной Н. М. Токарским, и работы над клинописью, экспедиция произвела небольшие разведочные раскопки, вскрывшие два слоя, верхний из которых оказался урартского времени. Раскопки дали несколько предметов (бронзовая фибула, железный наконечник копья, костяные изделия), сходных с происходящими из раскопок Н. Я. Марра на Топрах-кале. Но этот материал был явно недостаточным; недостаточны были также и находки из второго слоя крепости Муханнат-тапа,² в Ереване, датированного урартской печатью.

Для более широких работ с целью выяснения комплекса памятников урартского времени была выбрана древняя крепость Кармир-блур, около Еревана, с территории которой происходит обломок кли-

ского времени, Проблемы истории материальной культуры, 1923, № 5-6, 51—59; их же, *Kyklopische Festungen am Süden des Sewanesees*, Сб. Кружка по изуч. Древнего Востока при Госуд. Эрмитаже, № 1 (8), 1933, 39.

¹ И. И. Мещанинов, Циклопические сооружения Закавказья, Изв. ГАИМК, XIII, в. 4-7, 1932.

² *Ե. Քարմիրբլուրի, Հայաստանի դոնուգարդ կերամիկայի պեղումներ, Տեղեկագիր ՀՄԽՀ Պատ. և գրադ. ինստիտուտի, 1937, II, 268* (Е. А. Байбуртия, Проблема крашеной керамики Армении, Вестник инст. ист. и лит. Арм. ССР).

нообразной надписи с именем Русы, сына Аргишти. В 1939 г. на Кармир-блуре начались раскопки совместной экспедиции Государственного Эрмитажа и Комитета по охране исторических памятников Армении, продолженные в 1940—41 гг. экспедициями Эрмитажа и Армянского Филиала Академии Наук СССР и прерванные войною.

Раскопки дали громадный и совершенно исключительный по своему значению материал, позволивший до деталей изучить урартскую крепость VII в.—нач. VI в. Большое число предметов материальной культуры выявило их связи как с происходящими из района оз. Ван, центра Урарту (как например, железные изделия, красная лощеная керамика, художественные изделия из бронзы), так и с предметами из могильников, раскопанных в Закавказье (бронзовые предметы, керамика).

Раскопки на Кармир-блуре дали большой материал, позволивший изучать как культуру Урарту, так и закавказскую культуру последнего этапа урартского владычества, связанную с культурой скифов Северного Кавказа и Причерноморья.

Выяснилось, что могильники переходного от бронзы к железу времени, исследованные Ж. де-Морганом в районе р. Дебед, в основной своей части относятся именно к урартскому периоду, так же как большое количество курганов, раскопанных Е. А. Лалаяном на побережье оз. Севан.

Раскопки последних лет в Грузии (Самтаврского могильника у Мцхета и в Цалкинском районе) подкрепляют это сопоставление¹.

Очерк истории изучения Ванского царства отчетливо показывает неравномерность изученности не только отдельных его районов, но и отдельных видов памятников. Он выявляет также качественное отличие исследования древностей центральной части Урарту (Армянское нагорье) и его периферии (Закавказье).

Работа над урартской клинописью, справившая свой столетний юбилей, достигла, несмотря на все трудности, определенных результатов; в некоторые периоды эта работа затихала, но такие периоды не бывали длительными. Первоначально изучение урартской клинописи находилось в руках дилетантов, подходивших к ней как к ребусу, и ассириологов, заинтересованных использованием урартами ассирийской системы письма. Собственно говоря, ассириологи дали всю научную основу изучения урартских текстов и, в конце концов, эта работа всецело перешла в их руки. Лишь за последнее время в нее включились лингвисты-кавказоведы.

¹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триаleti. I. Опыт периодизации памятников, 1941, 48. 64.

Большая и тщательная работа была проведена по собиранию и изданию урартских клинописных текстов, независимо от их содержания.

Часто, совершенно незначительный текст переиздавался из-за исправления в чтении, касающегося мелочей. Обнаружение новой клинообразной надписи или же обломка с несколькими словами, не составляющими даже связанного текста, вызывало большой интерес, значительно превышающий интерес к урартским памятникам материальной культуры. Таким образом, вследствие этого направления исследований, урартские клинописные тексты стали основным источником изучения истории и культуры древнего Ванского царства. Лингвистическая разработка текстов настолько продвинулась вперед, что теперь стало возможным составить грамматику урартского языка, определено уже вырисовывающую его структуру.

Совершенно иную картину представляет археологическое изучение Ванского царства, полностью оторванное от работы над письменными памятниками. Раскопки велись лишь в одном месте (район гор. Вана), причем во время первых работ Клэйтона, Рейнольдса и Рассама добытый материал не был оценен должным образом. Археология Передней Азии, после блестящих открытий ассирийских дворцов на берегах Тигра, пошла по пути „сенсационных открытий“, а так как раскопки на Топрах-кале, с обывательской точки зрения, ничего „сенсационного“ не дали, то они и не привлекли к себе должного внимания. Лингвистические исследования развивались более быстрым темпом, чем археологические. Богатейший материал из раскопок на Топрах-кале, поступивший в Британский Музей, лежит там мертвым грузом, часто лишен документации и остается до сих пор не изданным.

Но и позже, когда на территории центральной части Урарту стали проводиться научные раскопки, то они затронули, опять-таки, известные ранее места (Ванская скала, Топрах-кале), материал из урартских могильников остается совершенно не изученным.

Хотя систематического собирания урартских памятников не производилось, торговля древностями в Ване была широко развита. От кладонскателей вещи попадали в руки или частных лиц, торговцев древностями, или же в консульства и миссии, откуда они поступали в музеи Западной Европы и Америки.

Наилучшие собрания урартских древностей имеются в двух из крупнейших музеев Западной Европы, в Британском и Берлинском. Кроме отдельных предметов, поступивших туда путем покупок, в них хранится большой материал раскопок на Топрах-кале. В Британском музее урартские древности выставлены в ассирийском зале без

достаточного разделения, вследствие чего некоторые из них вошли даже в научную литературу, как ассирийские.

Коллекции урартских памятников имеются в трех музеях СССР, в Государственном Эрмитаже (материал раскопок на Топрах-кале и Кармир-блуре, собрание урартских бронзовых изделий), в Государственном Историческом Музее Армении (материалы раскопок на Кармир-блуре, клинописные памятники из Закавказья, отдельные предметы из Ванского района) и в Государственном Музее Грузии (материалы раскопок на Армавирском холме, клинописные памятники, преимущественно из Ванского района, и каменная статуя, найденная на Ванской скале).

В Закавказье же археологическая работа пошла совершенно по другому руслу. Здесь наибольшее внимание было уделено могильным памятникам, дававшим богатый вещественный материал, и только позднее в сферу работ закавказской археологии были включены остатки древних поселений.

Развитие науки в СССР отразилось на археологическом исследовании Закавказья. Совместная работа центральных и республиканских научно-исследовательских учреждений дала уже плодотворные результаты. Археологические исследования Советского Закавказья перестали быть случайными, они были включены в общий план изучения истории народов СССР, и к ним стали предъявляться определенные методологические и методические требования.

Разведочные работы по сбору материала, плановое проведение раскопок и комплексное изучение различных видов древних памятников (клинообразные надписи, древние поселения и могильники) обеспечили работу по изучению Закавказья урартского периода (конец IX в.—начало VI в.). И нет ничего удивительного в том, что в настоящее время северная окраина древнего Ванского царства оказывается лучше изученной, чем его центральная часть.

Глава II

Источники изучения Ванского царства

Ассирийские источники

Определенно можно сказать, что основным ориентирующим источником изучения древнего Ванского царства в настоящее время являются ассирийские письменные памятники. Не будь их, мы не могли бы датировать известные нам урартские материалы и правильно понять значение Урарту в истории Передней Азии X—VI вв.

От XIII в. до IX в. об Урарту мы знаем исключительно по кратким сведениям ассирийских текстов, описывающих походы на север. От времени ассирийского царя Салманасара III (середина IX в.) имеются сравнительно подробные сведения о Ванском царстве.

Тексты о походах в район озера Ван дополняются еще изображениями, относящимися к этим походам, помещенными на бронзовых обивках дворцовых или же храмовых ворот, найденных на Балаватском холме (около Ниневии). На этих обивках мы встречаем самые ранние из известных нам изображений урартов.

От последней четверти VIII в. дошел целый ряд разнообразных ассирийских памятников, касающихся Урарту. Кроме летописей Саргона, уделявших много места сведениям об урартских походах, с 1912 г. стал известен текст большой Луврской таблички, содержащей красочное и детальное описание (в форме реляции богу) похода Саргона, предпринятого им против Урарту в 714 г. На рельефах дворца Саргона (Хорсабад), а возможно и на поливных изразцах из Ашура, сохранились изображения, относящиеся именно к этому походу.

Наконец, среди табличек Куянджикского архива, оказались письма, информировавшие ассирийского царя о событиях в соседних странах. Ряд этих писем, главным образом опять-таки времени Саргона, извещал о событиях, происшедших в Урарту, о передвижении войск, мятеже наместников и о восстании на урартских окраинах.

Только два эти эпизода урартской истории (походы Салманасара III и Саргона) хорошо иллюстрируются памятниками. В основной же своей массе ассирийские источники содержат, почти исключительно, сведения о внешних событиях, и по ним мы можем изучать политическую историю Ванского царства и, в очень ограниченной степени, судить об его культуре.

Урартские письменные памятники

Памятники, дошедшие от самого Ванского царства, можно разделить на две основные группы, являющиеся различными видами источников его изучения.

К первой относятся немногочисленные еще памятники материальной культуры, большинство которых датируется концом истории Урарту. Ко второй—лапидарные надписи, высеченные или на камнях сооружений или же на специально установленных памятных стелах.

Урартские надписи крайне однообразны, в большинстве случаев это—перечни походов, сводящиеся, обычно, к кратким сообщениям о победах, но иногда они приводят и пространные сведения о военной добыче (летописи Аргишти и его сына Сардура), все же не выходя за пределы описания внешних событий.

Вторая, также значительная, часть урартских надписей относится к строительным работам (постройка крепостей, дворцов, храмов, сооружение каналов, разведение садов и виноградников). Третья, наименьшая по количеству, представляет собою надписи культового и религиозного характера (наскальная надпись „Мхер-капуси“).

В настоящее время известно около 200 урартских клинообразных надписей, но они далеко не равноценны.

В это число входит большое количество коротких надписей, часто представляющих совершенно незначительный интерес. Хозяйственные документы не сохранились (или вернее сказать, еще не открыты), за исключением нескольких обломков глиняных табличек, найденных на Топрах-кале и содержащих счетные записи.

Все же, несмотря на скудость и однообразие урартских письменных источников, на основании приводимого ими материала можно дать характеристику урартской культуры,¹ хотя при этом и не все ее стороны удастся осветить. В частности, урартский материал не дает возможности выяснить в удовлетворительной степени общественные отношения Урартского государства, и только незнанием источников можно объяснить частые в нашей критической литературе требования дать полную характеристику Урартского общества.

До сих пор еще большим затруднением для полноценного использования урартских клинописных текстов является плохая изученность урартского языка.

Сравнительная малочисленность надписей и их однообразие сковывают лингвистические исследования. И несмотря на то, что более 70 лет ученые упорно трудятся над изучением урартской клинописи,

¹ Ф. У. Դափինցյան, Ուրարտուի պատմություն, Երևան, 1940 (Г. А. Капанцян; История Урарту).

многие вопросы остаются неразрешенными, и, совсем еще недавно Фридрих с горечью отмечал, что разногласия часто касаются кардинальных вопросов. Лингвистические работы достигли больших успехов, особенно за последнее время, в области изучения структуры языка, но разработка лексики продвигается вперед все еще медленными темпами.

Особые затруднения вызывает разгадка смысла культовых надписей. Относительно толкований целого ряда стереотипных формул урартских текстов ученые придерживаются часто совершенно различных мнений. Это касается не только начальных формул, которые во всех мертвых языках вызывают большее число различных толкований.

Так, обычную фразу, открывающую многие урартские тексты, *Ḫaldinini ušmašini...*, я, следуя старым переводам, понимаю как форму дательного падежа — „Богу Халду могущественному...“, в то время как некоторые ученые считают ее оформленной в творительном падеже (*abl.*) и переводят: „Могуществом бога Халда...“

В данном случае перевод начальной фразы не имеет решающего значения для понимания общего смысла всего текста, но нередки случаи, когда различные переводы совершенно изменяют всю суть надписи.

Так, частая фраза *'aaldubi mešini piei* переводилась „я изменил его имя“, „я его жизнь пощадил“, или же: „я сделал его данником“. И, в соответствии с каждым переводом, делались определенные исторические выводы.

При издании урартских надписей обычен также спор о значении отдельных слов, ставящий под сомнение правильность понимания всей надписи в целом. Я полагаю, что в таких случаях надо отказываться от использования текста для выводов, если хоть один из переводов не имеет достаточного обоснования. И прав Г. В. Церетели, когда он в своем издании урартских надписей Музея Грузии оставил без перевода текст стелы Менуа из Сигкеха.

Трудный и спорный перевод текста этой стелы позволил все же некоторым исследователям делать ответственные выводы. И. И. Мещанинов считал эту стелу памятником над погребением царского коня, носившего имя Арцибин. Лемани-Гаупт полагал, что она рассказывает об отведении 22 единиц площади под постройки (конюшни) для лошадей, именовавшихся Арцибинскими, и в этом тексте, связывая название лошадей с названием ликийской страны Арзава, он видел еще одно доказательство в пользу своего предположения о ликийском происхождении урартов. Фридрих, ему возражая, сопоставлял наиме-

нование лошадей с именем страны Арзабна, находившейся в горах между озерами Ваном и Урмией.

Вследствие недостаточной разработки урартского языка, у многих историков Востока (не занимавшихся специально клинописью) проявляется иногда недоверие к урартским надписям, которые расцениваются ими, как ненадежный источник. Разумеется, эта точка зрения не может быть признана основательной. Урартские клинописные тексты, несомненно, являются надежным и полноценным источником, но только при условии игнорирования ненадежных переводов и необоснованных толкований.

Правильность понимания урартских надписей контролируется и подкрепляется часто идеограммами и детерминативами, заимствованными урартами из ассирийской клинописи, которая хорошо изучена.

В своей работе, при использовании урартских письменных источников, я старался игнорировать те тексты, перевод которых сомнителен, несмотря на их большой интерес. Но делал я это потому, что именно это оперирование сомнительными переводами принесло большой вред изучению древнего Ванского царства, позволило писать о нем всякие небылицы, с очень некорректным отношением даже к фактическим данным и не только языкового порядка.

Вопросы древней топонимики

Урартские тексты, рассказывающие о походах в различные районы Передней Азии, содержат многочисленные топонимические названия, расшифровка которых зачастую представляет большие трудности. В этой работе исследователи идут тремя путями—сопоставления древних названий со средневековыми (или же с современными), установления названия местности по надписи, там найденной и содержащей имя страны или города, и определения местоположения страны путем изучения самого текста (направление похода, упоминание в тексте рек и уже определенных стран и городов).

Первый путь наиболее обычен, и он при серьезной работе, без увлечения лишь внешними звуковыми сопоставлениями, дает весьма интересные и полноценные результаты.

Так, часто упонимаемая ассирийскими текстами горная страна Энзите совершенно правильно отождествляется с Анзитеной Птолемея и Анзитом средневековой Армении,¹ причем это сопоставление определяется не только созвучием имен, но и установлением их местоположения, исходя из текстов. Примеров этого рода расшифровки древней топонимики можно привести много.

¹ J. Markwart, *Südarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen*, 1930, 67—75.

Не вызывает сомнений связь урартского названия страны Днауехи (ассир. Даяни) с Таохами античных писателей и средневековой областью Тайк. Древнее название Куммух сохранилось в античной литературе в форме Коммагены, Меллиту—в названии современного города Малатия, так же как древнее название реки Арзани (Арзаниас античных авторов) дожило до средневекового и современного армянского названия—Арацани (река Мурад).

Очень интересно сопоставление двух древних городов, Ахуриани и Аштухини, упоминаемых в надписи Аргишти из Сарыкамышы, с средневековыми и современными названиями; первый из них невольно связывается с именем реки Ахурьян (Арпачай), а второй с названием селения в Карском районе—Астахана (средневековым Астахани)¹.

Во многих современных названиях городов и селений Армении продолжают еще жить древние названия, иногда, правда, видоизмененные народной этимологией.

Так, Алашкерт, вероятно, связан с древним урартским названием Анаше, упоминаемым клинообразной надписью, найденной в этом городе,² хотя позднее у армян он и назывался Валаршакертом. Уже давно указывалось и на то, что в названии города Мелазгерда (у армян Манаскерт) сохранилось имя урартского царя Менуи, основавшего этот город. На юге оз. Ван, в бассейне р. Бохтан, находилась армянская область Аргастовит („долина Аргаста“), наименование которой следует понимать как „долина Аргишти“³.

Но сопоставления древних урартских названий со средневековыми и современными, проведенные без достаточного обоснования, могут ввести исследователей в заблуждение.

Так, явно ошибочными являются отождествления названия Еревана с дефектным именем страны Ериа...ини в Цовинарской надписи, и Гарни с Гуриаини, того же текста.⁴ По внешнему созвучию и страна Уеликухи, упоминаемая в ряде урартских текстов, связывалась с Колхидой, но открытие в Нор-Баязете, на западном берегу оз. Севан, надписи с упоминанием этой страны позволило ее правильно локализовать.

Многие урартские надписи, открытые на территории южного Закавказья дают возможность надежно определить местоположение стран и городов, упоминаемых древними текстами. Так, надпись в За-

¹ А. Клитчян, Древний город Astuhini (Астахана), ДВ, II, вып. 2, 1901, 102.

² Н. Я. Марр, Фрагмент халдской надписи из Алашкерта, Изв. ГАИМК, I, 1920, 56.

³ К. Патканов, Армянская география VII в., 46.

⁴ Г. А. Халатянц, О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными ванских надписей, ДВ, II, 2, 121.

галу (юго-восточный берег оз. Севан) определяет страну Аркукини, Ганлиджинская надпись—страны Эрах и Ишкигулу, Эларская—страну Улуани и город Дарани, а Гулиджанская—страну Кулианни и город Дурубани.

В некоторых случаях удалось также связать древние названия городов, встречающиеся в клинописных урартских текстах, с крепостями, остатки которых сохранились на территории южного Закавказья. Так, остатки большой крепости на юго-западном берегу оз. Севан, около сел. Атамхан, являются развалинами города Тулиху, города местного князя Синалиба, сына Луеха, о котором рассказывают Атамханская и одна из Ванских надписей. Крепость на скале над городом Нор-Баязетом в древности носила имя „город бога Халда“, а крепость на южном побережье оз. Севан, между селениями Алу-чалу и Цовинаром, называлась „городом бога Тейшебы“.

Но не все еще топонимические названия, встречаемые в урартской клинописи, поддаются локализации. Местоположение многих упомянутых древними текстами стран и городов может быть установлено в результате кропотливой работы,¹ но не во всех случаях мы можем быть уверены в правильности такой локализации.

Дело осложняется также и тем, что в клинописи с детерминативом страны пишется не только собственное имя, но и нарицательное. Часто встречающаяся в урартских текстах „страна Бабания“ означает, повидимому,—„страна дальняя“ (или „соседняя“). Я думаю, что и „страна Этиуни“, в которой хотели одно время видеть общее название для стран южного Закавказья, на самом деле является именем нарицательным (быть может—„страна горная“).

Неясной остается иногда и локализация некоторых стран, имевших большое значение для истории Ванского царства. Так, до сих пор не уточнено еще местоположение Мусасира в горах к юго-востоку от Вана, а для локализации страны Кильху (Хапху) мы располагаем только указанием текста Саргона (Луврская табличка) о том, что жители Наири и Кильху называют Верхний Заб Еламунией.

Остается неясным и вопрос о том, как называли урарты свою страну и можно ли термин „страна Биайна“, означавший центральную часть Ванского царства, считать названием всего царства.

В работах по истории Древнего Востока наиболее употребительным названием Ванского царства стал ассирийский термин—Урарту.

¹ См. M. Streck, Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilinschriften, ZA, XIII, 57 и XIV, 103, 1898.—Г. А. Капанян, Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении, Ереван, 1940.

Древнейшее из известных нам упоминаний Урарту в ассирийских текстах относится к началу XIII в., причем под названием Уруатри (mât U-ru-aṭ-ri) там понимается союз племен (тексты Салманасара I).¹

В надписи Ададнирари II (рубеж X—IX вв.) появляется термин Уратри (mât U-raṭ-ri),² а с IX в. твердо устанавливается название Урарту, дожившее до конца истории Ассирии.

Значение этого термина, графически сближающегося с названием Аккада, не совсем еще ясно. На основании соответствия термина urtu термину tilla в одном древнем словнике, Сэйс ассирийское Uraṭtu этимологизировал как „высокая страна“.³

Урарту, как название Ванского царства, было повидному широко распространено по всей Передней Азии.

Библия сохранила его в масоретской огласовке, в форме Арарат (אֲרָרָט). В книге Бытия (VIII,4) говорится о том, что ковчег остановился „на горах Арарата“ (הַרֵי אֲרָרָט), причем в греческом переводе (Sept.) стоит „на горах Арарат“ (ἐπὶ τὰ ὄρη τὰ Ἀραράτ), а в латинском (Vulg.) — „на горах Армении“ (super montes Armeniae).

В IV Книге царств (XIX,37) и у Исая (XXXVII,38) рассказывается, что после убийства ассирийского царя Сеннахерима (Синнахе-риба) его сыновья убежали в „землю Арарат(скую)“ (אֶרֶץ אֲרָרָט), а у Иеремии (LI,27) упоминаются „царства Арарат, Мии и Ашкеназ“.

Совершенно несомненно, библейский термин Арарат, в поздней масоретской передаче (где неизвестные гласные огласовывали как *a*), сохраняет нам в несколько искаженной форме древний термин Урарту.

Под „горами Арарата“ в Библии разумелись Курдистанские горы, ограничивавшие Ванское царство с юга, но позднее этот термин был перенесен на север. Араратом стала называться самая высокая вершина Агридагского хребта (арм. Масис), а также долина среднего течения Аракса (арм. Айрарат).

Наряду с ассирийским термином Урарту вавилонский язык сохранил нам другую форму этого же термина, а именно Урашту (Uraštu), дожившую до конца V в.

У Геродота (III,94 и VII,79) урарты упоминаются под названием алародов (Ἀλαρόδες), связанным с термином Урарту.

Ванское озеро, находившееся в центре государства Урарту имеет большое количество названий. Ассирийские тексты называют его „верхним морем страны Наири“ (tāmtu elitu ša mat Nairi) или же

¹ E. Ebeling, B. Meissner, E. Weidner, Die Inschriften der alt-assyr. Könige, 113.

² O. Schroeder., Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, II, 1922 № 84.

³ A. Sayce, The Kingdom of Van (Urartu). The Cambridge Ancient History, III, 169.

просто „морем страны Наири“ (*tâmtu ša mat Nairi*), т. е. термином, восходящим к доурартскому времени.

Урартское наименование озера Ван нам неизвестно, а античные авторы называют его по имени урартской столицы Тушпы—Тоспитис (*θωσπίτις*, Птоломей, V, 13; *Thospites*, Плиний, VI, 31) или Топитис (Страбон, XI, гл. XIV, III).¹ Это же название сохранилось и в армянском средневековье в форме Тосп (*Տոսպ* Фавст Бузанд, IV, 55, 58; V, 37; Моисей Хоренский, III, 35) и Тосб (*Տոսբ*)².

Страбон писал о том что озеро Топитис имело еще другое название, а именно—Арсене (*Αρσηνή*), в то время как Птоломей различает озера Тоспитис и *Αρέησας* (*Αρσισας*, *Αρσησας*, *Αρσίσας*).

М. В. Никольский, разбирая вопрос о названии озера Ван, полагал, что Страбон был прав, отождествляя Топитис с Арсене; это подтверждается и сирийскими источниками. В *Chronicon ecclesiasticum* Баребрея (Григория Аб-уль-фараджа) встречается название озера Архестия (в латинском переводе *lacus Archestiae*), причем говорится об острове Ахтамаре и городе Аргише на берегу этого озера. В сирийских источниках имеются прямые указания на то, что названия Архестия и Аргиш (арабск. Арджиш) относятся как к городу, так и к самому озеру. Из этого М. В. Никольский делал вывод, что „в древности Ванское озеро, кроме названия *θωσπίτις*, имело другое, разнообразно передаваемое классическими писателями, сохранившееся в сирийской письменности“ в форме Аргиш (Арджиш), связанной с именем урартского царя Аргишти, построившего на северном берегу озера Ван город Аргиштиуна³.

В средневековой армянской литературе Ванское озеро имеет большое количество названий. Фавст Бузанд и Апаня Ширакский называли его „Бизнунийским морем“ (*Բիշնունիաց ծով*), что стоит в связи с легендой, приведенной Моисеем Хоренским (I, 12) о внуке Хайка, Базе, который получил в наследство „северо-западный берег соленого озера и назвал море и область своим именем“.

Фавст Бузанд дает и другое название озера Ван, а именно „Рыштунийское море“ (*Տով Քշտունիաց*), в котором пытались видеть корень редкого слова *քշտ* „скупой“, „жадный“, но Г. А. Халатьянц, разбивший названия Ванского озера, заметил, что, судя по начальному *н*,

¹ J. Markwart, *Südarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und indischen Geographen*, 1930, 26—32.

² К. Патканов, *Армянская география VII в.*, 19 (арм. текст).

³ М. В. Никольский, *Об одном из древних названий Ванского озера и о современном названии города Арджиш*, Сборник статей в честь П. С. Уваровой, 1916, 167—175.

этот термин вряд ли армянского происхождения.¹ И я думаю, что прав Н. Я. Марр, связывавший это название Ванского озера с термином Урашту (Uraštu, resp. Huraštu).²

В раннем средневековье для оз. Ван употреблялось также наименование „Васпураканское море“, по области охватывавшей озеро почти с трех сторон. Этот термин может быть разъяснен как иранский (vasrug—родовитый князь и суффикс—akan), но судя по тому, что еще у Страбона эта область называется *Vasporotēda*, приведенную иранскую этимологию следует признать более поздним осмыслением старого термина.³

Кроме приведенных названий, оз. Ван в армянских источниках называется еще морем Ахтамарским и Ванским. Повидимому, все эти термины в своей основе до-армянского происхождения, что уже давно отмечалось в научной литературе.

Памятники материальной культуры

В предыдущей главе было уже в общих чертах обрисовано состояние археологического изучения Ванского царства.

Собственно говоря, раскопки производились лишь в двух местах, в центре древнего царства, в Ване (Ванская цитадель и Топрах-кале) и на его северной окраине (Кармир-блур, около Еревана). Ниже я подробно, в специальных главах, остановлюсь на этих раскопках, здесь же укажу только, что они характеризуют культуру Урарту, главным образом, второго периода его истории, VII в. и нач. VI в. Памятники более раннего периода нам известны или по разведочным работам как в центральной части Ванского царства, так и в Закавказье, или же по случайным находкам.

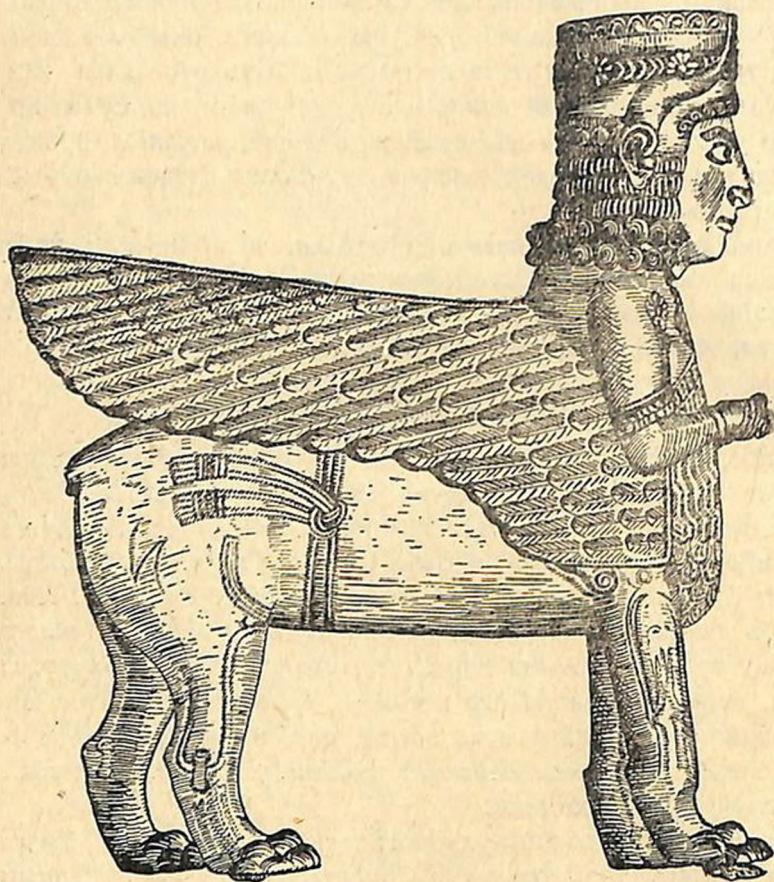
Ввиду недостаточной археологической изученности Урарту, памятники материальной культуры не стали еще полноценным историческим источником, за исключением только памятников конца Урартской истории. Да и то материал из раскопок на Топрах-кале, произведенных в 1898—99 гг. германской экспедицией, был обработан лишь формально: находки были разобраны и изданы. Раскопки Н. Я. Марра 1916 г. не публиковались вовсе. В широкий научный обиход из урартских памятников вошли только предметы урартского искусства, которые по стилистическому сходству с ассирийскими памятниками часто признавались вещами ассирийского происхождения.

¹ Г. А. Халатянц, О некоторых географических названиях древней Армении, ДВ, II, 2, 127.

² Н. Я. Марр, Избранные работы, I, 1933, 155.

³ Г. А. Халатянц, ук. соч., 127

Датировка их также производилась исходя из ассирийского материала и Курциус (L. Curtius), совершенно не считаясь с археологическим комплексом, относил канделябр, найденный при раскопках на Топ-

1. Крылатый лев с человеческим торсом (часть трона).
Топрах-кале. Эрмитаж.

рах-кале, к первой половине IX в., ко времени Ашурнасирапала II, отца Салманасара III. Также и каменная статуя, происходящая из Ванской цитадели, на основании относительного сходства с ассирийской скульптурой, датировалась древнейшим периодом урартской истории.

Урартское искусство мы до сих пор знаем очень плохо. Этим именно и объясняется определение некоторых явно урартских памятников, как ассирийских или же ахеменидских. Но может получиться и обратное, и если бы на бронзовой статуэтке Луврского музея,¹

¹ G. Conteneau, *Manuel d'Archéologie Orientale*, III, 1931, 1173—1174.

происходящей из района оз. Урмин, не было ассирийской надписи, рассказывающей о том, что она изготовлена в Арбеле в правление царя Ашурдана, ее несомненно признали бы урартской.

С другой стороны, некоторые памятники, происходящие с территории Ванского царства совершенно не поддаются определению. Так, в настоящее время мы не можем определить и датировать бронзовую голову (выс. 14,7 см.) с характерным головным убором, найденную в Салмесе, к юго-востоку от оз. Ван.¹

И вместо того, чтобы работать над выявлением характерных черт урартского искусства по сравнению с искусством других культур Передней Азии, с которыми Урарту было теснейшим образом связано, историки древневосточного искусства, взяв изолированно памятники урартского искусства, сопоставляли их со средиземноморскими, стараясь этим подкрепить предвзятую точку зрения о западном происхождении урартов, совершенно упуская из виду, что такие же связи со средиземноморской культурой имеются и у ассирийского искусства.

Раскопки урартских крепостей и поселений еще не дали послойной стратиграфии и потому мы не можем дать картину развития материальной культуры Ванского царства. Археологические работы не могут еще действовать датировке памятников материальной культуры.

2. Та же часть трона (рис. 1).
Топрах-кале. Эрмитаж.

Вопросы хронологии

Хронология Урартского государства полностью основана на хронологии Ассирии, и только для самого последнего этапа Урартской истории могут быть использованы вавилонские материалы.

Так как хронология Ассирии последнего тысячелетия до н. э., т. е. того времени, когда существовало Ванское царство, разработана весьма детально, то и основные вехи урартской хронологии можно считать надежными и достоверными.

¹ A Survey of Persian Art, VI, 1938, табл. 107.

Сами урартские памятники дают очень мало материала для их датировки, да и то только в тех случаях, когда они упоминают имена ассирийских царей или же известных в истории Передней Азии царей соседних стран.

Установлению последовательности правления урартских царей помогают обычно выписываемые в тексте отчества; не будь этого, мы совершенно запутались бы в хронологическом размещении клинописных текстов.

С первой половины XIII в. и до середины IX в. об Урарту мы знаем исключительно по ассирийским письменным источникам, так как урартские источники этого времени остаются еще неизвестными.

К середине IX в. мощь Урарту возрастает, и Салманасар III с первого года своего правления (860 г.) ведет войну с урартским царем Арамом, имя которого встречается в ассирийских летописях в 858 г. и в 846 г. Таким образом, правление этого первого из известных нам урартских царей было продолжительным.

В летописи Салманасара III под 834 г. (XXVII год его правления) упоминается новый урартский царь, Седури (Сидури), повидимому, Сардур I, от которого дошла и надпись на ассирийском языке, высеченная на камне стены около Ванской скалы. В этой надписи он именовал себя сыном Лутипра, быть может, правившего между Арамом и Сардуrom.

Сын Сардура, Ишпунн, упомянут один раз в летописи Шамшнадада под 824 г., при описании похода в Наири.

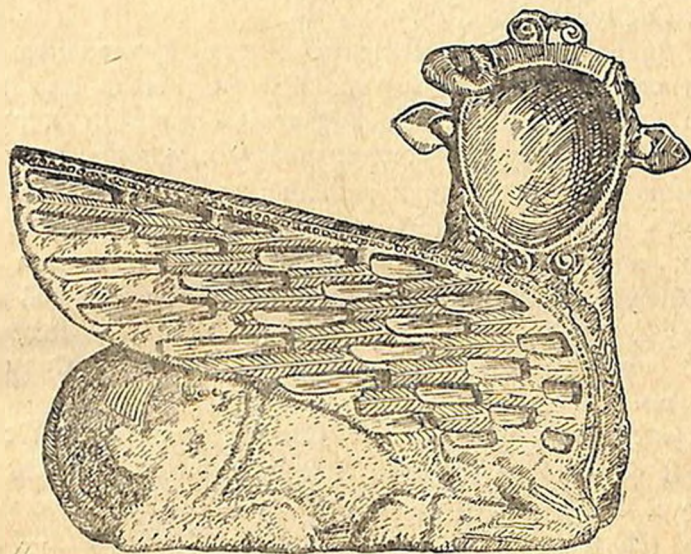
Ассирийские источники совершенно не упоминают одного из могущественных царей Ванского царства—Менуа, сына Ишпунна, современника ассирийской царицы ШамураMAT (Семирамиды). В это время страна Урарту переживала время своего подъема и успешно вела борьбу с Ассирией, и ШамураMAT, которая при жизни не могла победить Менуа, взяла верх над урартским царем в народных легендах и в древней исторической традиции. Большинство памятников Менуи, сооруженных в центре Урарту, народное предание, переданное и Моисеем Хоренским, приписывает царице Шамирам.

Имя Аргишти, сына Менуи, известно нам как по надписям ассирийского наместника Шамшиллу в Тил-Барсипе, так и по одной стеле, где также упоминаются успешные боевые действия против Аргишти.

Так как непрерывные походы в Урарту в ассирийских эпонимах (списках событий по годам) постоянно встречаются с 781—774 гг., а имя Шамшиллу под 780 г., то и события, упомянутые в тексте стелы, быть может, следует отнести именно к этому времени.

В летописях Аргишти имеется сведение о его победе над войсками ассирийского царя Ашурдана: „Бог Халд выступил, великой

милостью победил он Аршитана страну, победил он войско царя Ассирии, повергнуты они перед Аргишти*.¹ Гоммель (F. Hommel), мнение которого разделял и М. В. Никольский, в имени Аршитана видел не Ашурдана, а его предшественника Салманасара IV,² но с этим мнением трудно согласиться, так как в этом случае оказывалась бы выписанной только вторая половина имени ассирийского царя (Šulmānu-ašared).

3. Крылатый бык (часть трона).
Тограх-кале. Эрмитаж.

Если, таким образом, начало царствования Аргишти определяется временем около 780 г., то его конец следует отнести примерно к середине VIII в., так как одна из надписей его сына Сардура отмечает победу над царем Ассирии, Ашурнирари. Летописи Тиглатпаласара описывают два похода в Урарту против Сардура, в 743 г. и 735 г., причем во время последнего похода ассирийцы осаждали цитадель Тушпы.

События времени царствования Русы, сына Сардура, вступившего на престол около 730 г., хорошо известны по ассирийским источникам, которые твердо устанавливают и дату его смерти. Тексты Саргона неоднократно рассказывают о том, что Руса покончил жизнь самоубийством в 714 г., после похода Саргона в Ванское царство.

¹ A. Sayce, JRAS, XIV, № XXXVIII, 52—54.

² М. В. Никольский, Клинообразные надписи Ванских царей, открытые в пределах России, ДВ, I, 409.

Второй период истории Урарту также имеет опорные хронологические вехи в ассирийских текстах.

Имя Аргишти, сына Русы, встречается в надписях Саргона, а его сын Руса, повидимому, был современником двух ассирийских царей—Асархаддона и Ашурбанипала. Около 654 г., после победы над Эламом, Ашурбанипала посетили послы урартского царя Русы, а в 639 г., после второго аравийского похода, послы уже нового урартского царя Сардура.

После падения Ассирии Ванское царство продолжало еще существовать, и там царствовали по крайней мере еще два царя—Эримена и его сын Руса, известные только по надписям последнего из них. Время их правления устанавливается условно, исходя опять-таки из условной даты времени гибели Урарту—585 г.

Привожу хронологическую таблицу урартских царей.¹

Арам, современник ассирийского царя Салманасара III (860—825), упоминаемый в ассирийских летописях под 860, 858 и 846 гг.

Сардур, сын Лутипра, надпись которого сохранилась на крепостной стене у Ванской скалы. Современник Салманасара III (поход 834 г.).

Ишпуин, сын Сардура. Современник ассирийского царя Шамшиадада (825—812), упоминаемый в летописи под 824 г.

Менуа, сын Ишпуина (810—781). Современник ассирийских царей Шамурамат (812—803), Ададнирари III (812—783) и Салманасара IV (783—773).

Аргишти, сын Менуи (781—760). Современник Салманасара IV (783—773) и Ашурдана III (773—754). В летописи Аргишти упоминается его победа над войсками Ашурдана.

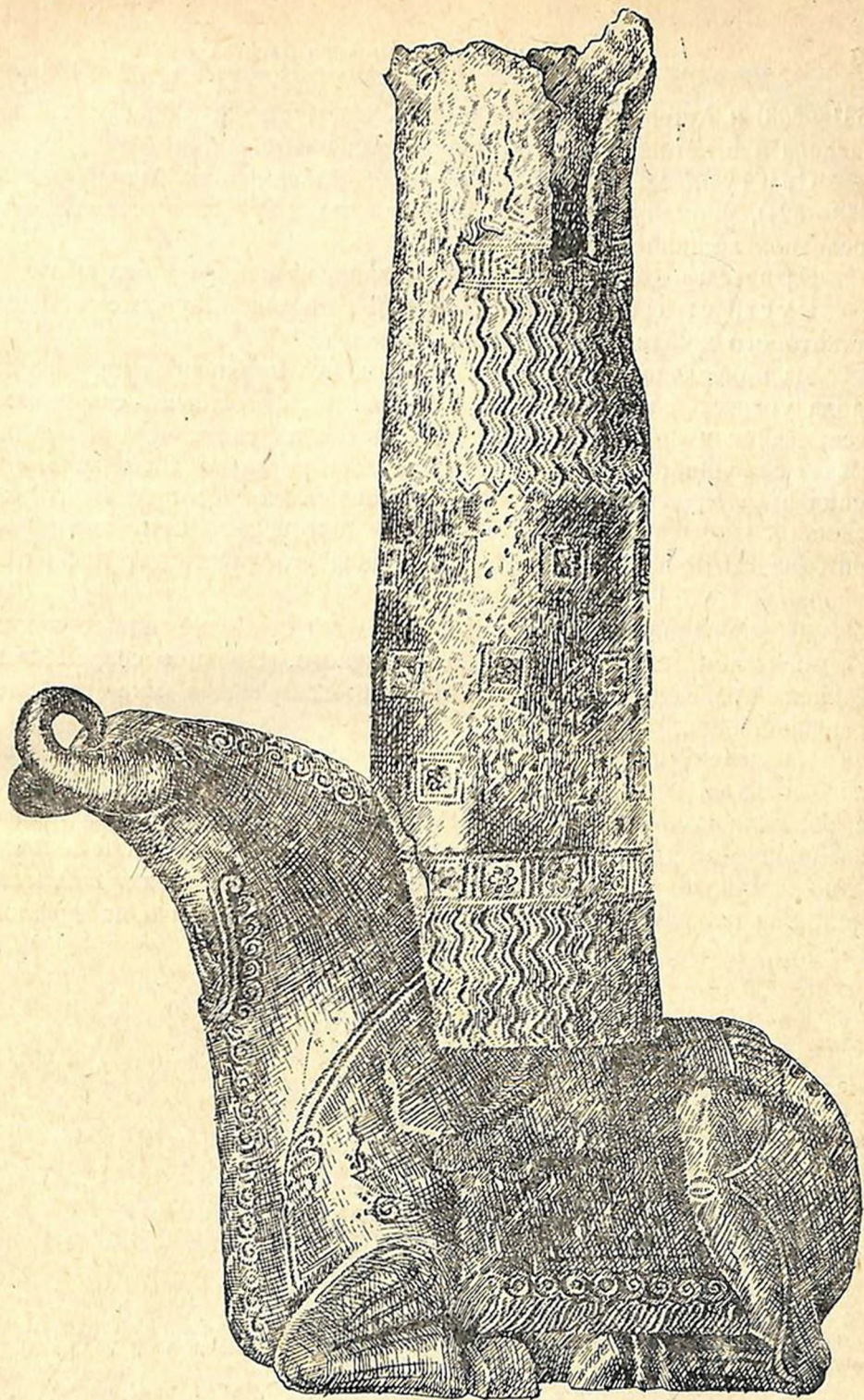
Сардур, сын Аргишти (760—730). Современник Ашурдана III (773—754), Ашурнирари IV (754—745) и Тиглатпаласара III (745—727). В ассирийских летописях под 743 г. и 735 г. упоминаются два похода Тиглатпаласара в Урарту.

Руса, сын Сардура (730—714). Современник Тиглатпаласара III (745—727), Салманасара V (727—722) и Саргона (722—705). Летописи Саргона содержат много сведений о Русе, и дата его смерти точно фиксируется 714 г.

Аргишти, сын Русы (714—685). Современник Саргона (722—705) и Синахериба (705—681).

Руса, сын Аргишти (685—645). Современник Асархаддона

¹ Хронология E. Weidner'a (Archiv für Orientforschung, IV) для времени правления ассирийских царей до Тиглатпаласара III дает другие даты, отличающиеся от приведенных на два года.

4. Бог, стоящий на быке (часть трона). Топрак-кале. Эрмитаж.

(631—668) и Ашурбанипала (668—624). Упомянуты в оракулах Асархаддона и в летописи Ашурбанипала под 654 г.

Сардур, сын Русы (645—625). Современник Ашурбанипала (668—624), упомянутый в его летописи под 639 г. и современник последних ассирийских царей.

Эримена (625—605), известен лишь из надписей его сына.

Руса, сын Эримены (605—585), последний урартский царь, от которого дошли клинообразные надписи.

Из приведенной таблицы мы видим, что хронология первого периода урартской истории, подкреплённая перекрестными сведениями ассирийских и урартских источников, в общих своих чертах не вызывает сомнений; условными в ней являются лишь даты начала и конца правлений. Хронология же второго периода имеет много неясностей. Обращает на себя внимание долговременность царствования Аргишти II и Русы II, а также полная условность дат последних царей.

Дальнейшие археологические работы и открытие новых надписей могут принести нам много неожиданного. Но при современных знаниях приведенная мною таблица представляется мне наиболее правдоподобной.

Настоящий очерк, характеризующий источники изучения Ванского царства, показывает состояние их исследованности и выявляет те возможности, которые могут дать эти источники. Несомненно, дальнейшие открытия в области Ванского царства дадут нам большие возможности, но было бы нецелесообразным ждать этих открытий, прекратив работу над имеющимся в нашем распоряжении материалом.

Глава III

Древнейшие сведения об Урарту и образование государства (XIII—IX вв.)

Наиболее древние из имеющихся в настоящее время сведений о стране Урарту (Уруатри) встречаются в ассирийских исторических текстах первой половины XIII в.

В надписях ассирийского царя Салманасара I (Шулману-ашаред, 1280—1261) упоминается поражение кутиев на территории „от границ страны Уруатри до страны Кутмух“. В данном случае, страна Уруатри, повидимому, лежала на северной границе страны кутиев. Из указаний ассирийских источников можно заключить, что страна Уруатри находилась в гористой местности, в районе оз. Ван, так как кутии жили на северо-востоке от Ассирии¹.

Кроме этого попутного указания в текстах Салманасара I довольно подробно рассказывается о походе, снаряженном в начале правления этого ассирийского царя в страны Уруатри (вар. Уратри).

„В начале моего первосвященства возмутились против меня страны Уруатри. К Ашуру и великим богам, моим владыкам, поднял я руки. К скалам (?) их гор могучих я поднялся; страны Химме, Уаткун, Машгун, Салуа, Халила, Луха, Нилипахри и Зингун, восемь стран с их воинством покорил я. 51 (вариант 41) поселение я разрушил, сжег, увел их пленных и имущество. Всю страну Уруатри склонил я в три дня к ногам Ашура, моего владыки. Их детей я выбрал, взял себе для услужения... тяжелую подать гор я навеки возложил на них.“²

Этот текст рассказывает о походе ассирийцев в страны Уруатри, захвате восьми областей (стран), разрушении 51 (или 41) поселения, угоне пленных, увозе богатой добычи и о назначении постоянной подати.

Особый интерес описания похода заключается в том, что восемь отдельных „стран“ объединены общим термином Уруатри. Из этого

¹ E. Ebeling, B. Meissner, E. Weidner, Die Inschriften der Altassyrischen Könige, 1926, 121, прим. 9 на стр. 113 и 114.

² Ук. соч., 113 и 114.

можно заключить, что в XIII в. Урарту (Уруатри) не было еще государством, а представляло собою союз племен, именуемый по самому сильному племени, в данном случае по Уруатри (в Древнем Востоке названия племени и страны обычно совпадают).

В текстах сына Салманасара I,—Тукулти-Нинурты I, упоминается уже другой союз племен, надолго заменивший союз, называвшийся странами Уруатри; во главе нового союза стала страна Наири (повидимому, Наири надписей Салманасара I), которую обычно сопоставляют с Нахариной древнеегипетских текстов.

В надписи на стеле из дворца Тукулти-Нинурты I в Ашуре упоминаются 40 царей стран Наири, выступивших против Ассирии, их поражение, а также наложение подати (biltu) и приношений (tamartu)¹.

Стела из зиккурата в Ашуре рассказывает о той же победе над 40 наирскими правителями и о наложении подати и приношений на „вечные времена“, причем в тексте упоминается пленение правителей стран Наири: „этих царей стран Наири в бронзовых цепях я привел в храм перед лицом Ашура, владыки“.²

Очень показательно, что в титулатуру Тукулти-Нинурты I входит: „царь страны Шубари, страны Кути и всех стран Наири“.³

Подобные сведения о походе в страны Наири имеются в текстах Тиглатпаласара I (Тукулти-апелешара, 1116—1090 гг.). „По слову Ашура, моего владыки от той стороны Нижнего Заба до верхнего моря захода солнца (т. е. все) рука моя завоевала. Трижды я ходил на страны Наири; обширные страны Наири от страны Тумме до страны Даяни, (в том числе) Химуа, Паитеру и Кильху (Хапху) воистину я завоевал. 30 царей стран Наири к ногам моим я склонил, заложников их взял, коней упряжи, их дань я принял, подать и приношения наложил на них“.⁴

Описание ассирийского похода на север, в страны Наири, занимавшие район оз. Ван, которое ассирийцы называли „морем Наири“, а также широкую территорию к югу и западу от него, имеется в надписи Тиглатпаласара I на глиняных призмах, заложенных в фундамент его храма. В этом тексте от имени ассирийского царя рассказывается:

„Ашур, владыка, послал меня на страны дальних царей, что на берегу Верхнего моря, незнающих подчинения, и я пошел. Трудными тропами, тяжелыми перевалами, чьей середины прежде не знал ни

¹ O. Schroeder, Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, II, 1922, № 58.

² Ук. соч., № 60.

³ Ук. соч., № 61.

⁴ Ук. соч., № 68.

один царь, закрытыми путями, проложенными стезями я провел мон войска... (далее говорится о покорении 16 сильных стран)... Я проходил удобную местность на колеснице, трудную—с помощью медных топоров. Я нарубил „урумн“—горные деревья, улучшил мосты для перехода моего войска (вар. колесниц), переправился через Евфрат...¹ 23 царя стран Наири велели собрать в своих странах колесницы и войска и поднялись против меня на войну и на битву. Я нагнул на них в ярости моего грозного оружия, я, как наводнение Адада, учинил истребление их многочисленного войска... 60 царей стран Наири, вместе с теми, что пришли к ним на помощь, я прогнал моим копьём до Верхнего моря. Их больше города я завоевал, их добычу, их имущество, их богатство я вывез, их поселения я спалил огнем... Всех царей стран Наири я захватил живыми. Этих царей я помиловал и спас им жизнь перед Шамашем, моим владыкой, я освободил их от плена и уз. Я заставил их присягнуть моим великим богам в службе мне на будущее время, на вечные времена. Сыновей их, царственных отпрысков, я взял в заложники. Я наложил на них дань—1200 коней, 2000 голов крупного рогатого скота (и) отпустил их в их страны“...

Из приведенного текста очевидно, что походы ассирийцев на север преследовали, главным образом, грабительские цели; особенно их привлекал скот, являвшийся основным богатством тех областей. Походы ассирийцев в страны Наири снаряжались неоднократно, в частности, надпись Тиглатпаласара I около его рельефа на скале у истоков Тигра говорит о третьем походе в страну Наири.²

Свою победную надпись Тиглатпаласар I оставил также и на завоеванной им территории стран Наири. У сел. Юнгали, в Мелазгердской низменности, была открыта надпись этого ассирийского царя, говорящая о покорении стран Наири, от страны Тумме до страны Даяни.³ Надпись у сел. Юнгали является древнейшим памятником ассирийских походов на Армянское нагорье. После похода к истокам Тигра Тиглатпаласар I поднялся на горы между Тигром и Мурадом и, перейдя Мурад, вступил в Мелазгердскую низменность, где разбил войско правителей стран Наири.

Страны Уруатри в надписях Тиглатпаласара I не упоминаются; вероятно, это обстоятельство объясняется некоторым ослаблением

¹ В тексте дано перечисление 23 царей отдельных стран Наири. Особенно интересно то обстоятельство, что перечисление начинается со страны Тумме (старое чтение Нимми) и кончается страной Даяни; среди стран упоминаются Химуа и Паптеру.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien* 17 и 18; см. также O. Schroeder, *ук. соч.*, № 68.

³ Lehmann-Haupt, *Materialien*, 15 и 16; Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, I, 115.

Урартского союза племен, тем более что страна Химме (Химмуа), входившая согласно тексту Салманасара I в страны Уруатри, в тексте на призмах Тиглатпаласара I отнесена к странам Наири.

В устаревшей литературе по истории Древнего Востока можно часто встретить указание на то, что в надписях Тиглатпаласара I страна Урарту встречается под именем Урартина (Урартинаш). В анналах рассказывается, что ассирийское войско, двигаясь из Куммуха и переправившись через Тигр, вступило в страну царя Шаднантеру, сына Хаттухи, и захватило крепость Урартинаш в горах Наири.¹

Отождествление Урарту с Урартинаш является полным недоразумением, так как старое чтение „Урартинаш“ совершенно неверно, и название крепости надо читать совсем иначе; а вместе с этим требует серьезного пересмотра и положение о том, что Урарту первоначально находилось в юго-западной части Армянского нагорья. А. Хачатрян, подробно рассматривая древние географические названия, писал: „Что эти три названия (Уруатри, Урартина, Урарту) являются названием одной и той же страны, только в разные времена, с этим все согласны и нет оснований возражать. Но чтоб в разные времена упомянутая страна охватывала одну и ту же территорию, нам кажется,—с этим нельзя согласиться и нельзя оставить без возражения“.² Но после установления неправильности чтения термина Урартина и неосновательности сопоставления его с названием страны Урарту это положение теряет под собой почву.

Вновь страна Уратри упоминается в тексте „сломанного обелиска“ Ашурбелкала (1087—1070), второго сына Тиглатпаласара I. В первый год своего правления он предпринял поход в горы, в страну Уруатри, захватив несколько городов этой страны.³ В третий же год Ашурбелкала двинулся в страны Химме и Машгун,⁴ которые согласно тексту Салманасара I раньше входили в состав Урартского союза племен. Это—лишнее доказательство ослабления мощи страны Уруатри, уступившей свое положение, как главы союза племен, стране Наири.

В текстах Ададнирари II (911—891 гг.) и другая страна, а именно Салуа, ранее бывшая в составе стран Уруатри, выделена особо. Про Ададнирари II текст говорит: „Могучий герой, который прошел с помощью Ашура, своего владыки, от той стороны Нижнего Заба, края стран Лулуме, Кильху (Хапху), Замуа, до перевалов Намара,

¹ E. Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek, I, 21 (перевод Винклера).

² А. Хачатрян, Пересмотр древнейшего периода Наири-урартской истории, Ереван, 1952, 21.

³ E. F. Weidner, Die Annalen des Königs Assurbêlkala von Assyrien, AO, VI, 2-3, 1930, 82—83.

⁴ E. F. Weidner, ук. соч., 85.

обширную страну Кумани до страны Мехри (а также) Салуа и Уратри к ногам своим склонил".¹

Термин „страна Урату“, заменивший старую форму „страна (страны) Уруатри“, впервые встречается в анналах Ашурнасирапала II (Ашур-насир-апли, 883—859 гг.), помещенных на монументальных скульптурах его дворца в Калху. В них говорится о завоевании ассирийцами земель „от истоков реки Субнат (в верхнем течении Тигра) до страны Урату“.²

В анналах Ашурнасирапала II имеется также описание похода и в страны Наири, разрушения большого количества крепостей и сбора жатвы (пшеницы); Ашурнасирапал, следуя примеру своего предка Салманасара, поселил ассирийцев, для закрепления господства над странами Наири, в некоторых из крепостей этих стран.

До второй четверти IX в. в ассирийских летописях встречаются лишь отдельные упоминания стран Урату, но со времени правления Ашурнасирапала II, когда Ассирия восстановила свое утраченное главенствующее положение в Передней Азии, описания походов ассирийцев против уратов постоянны.

Преемнику Ашурнасирапала II, Салманасару III (860—825 гг.), с первых же лет своего правления пришлось повести решительную борьбу с Урату, представлявшим уже государство и препятствовавшим ассирийской экспансии на север.

Приведенные нами сведения ассирийских источников (XIII—IX вв.), несмотря на их крайнюю неполноту и отрывочность, все же с достаточной определенностью показывают постепенный процесс образования на территории Армянского нагорья государства Урату.

В ассирийских надписях XIII в. Урату (Уруатри) выступает, как глава союза племен, объединившихся против Ассирии; позднее эту роль Урату уступает Наири и очень возможно, что страна Урату (Уруатри) даже входила в состав нового объединения. Во всяком случае, в XI в. страны, бывшие ранее в союзе „стран Уруатри“, или оказываются среди „стран Наири“, или же выделяются особо.

Конечно, на основании чрезвычайно скудных источников, имеющих в нашем распоряжении, невозможно установить время образования государства Урату, но все же совершенно несомненно, что в середине IX в. и Урату, и Наири были уже довольно сильными государствами, с которыми вновь усилившаяся Ассирия вела постоянные войны.

Разобранные нами материалы ассирийских источников имеют

¹ O. Schroeder, Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, II, 1922, № 84.

² Budge and King, The annals of the Kings of Assyria, I.

чрезвычайно большое значение для разрешения вопроса о происхождении урартов и Урартского государства; в этом вопросе до последнего времени господствовала теория миграции урартов из западной части Малой Азии.

Объяснение миграцией всех непонятных или малоизвестных явлений в истории того или иного государства было обычным для исторической науки XIX в. и даже начала XX в.

Теория миграции урартов с запада наиболее яркое выражение получила в работах Леманн-Гаупта, но кроме того, она нашла место и в общих трудах по истории Древнего Востока.¹

Не будучи знаком с ассирийскими текстами XIII—X вв., упоминающими страну Урарту (Уруатри), Леманн-Гаупт высказал предположение о том, что урарты-халды вторглись на Армянское нагорье в период между правлением Тиглатпаласара I и Ашурнасирапала II.

Приняв положение о приходе урартов в Переднюю Азию с уже оформившейся культурой, Леманн-Гаупт делал следующие, дальнейшие выводы: так как наши знания не допускают прихода урартов ни с юга, ни с востока, а тем более с севера, то их прародину надо искать на западе.²

Положение это, как казалось Леманн-Гаупту, подкрепляется и фактическим материалом. В частности, в своем докладе, читанном в 1905 г. и посвященном малоазийским и греческим пещерным сооружениям, он особо подчеркивал общность урартов-халдов и греков, восточных и западных обитателей выделенного им культурного района.³ В урартском искусстве Леманн-Гаупт также отмечал черты, связывающие его с искусством Греции и Этрурии, признавая вместе с тем этрусков, согласно мнению Грозного (В. Грозну), выходцами из Малой Азии.

Для подкрепления своего положения о миграции урартов-халдов из западной окраины Малой Азии Леманн-Гаупт приводил также некоторые лингвистические материалы. Так, в урартском термине *patari* — „город“, он, соглашаясь с Бельком, видел архаическое, дохалдское слово, связанное с малоазийскими названиями городов — каппадокийским *πῆτρις*, киликийским *πατῆρας*, ликаонским *πατῆρας* и особенно с ликийским *Πᾶτῆρας*, представлявшим собою, повидимому, также и имя нарицательное.⁴

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, 120—124; С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, гл. XXIX.

² Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 596.

³ Ук. соч., 605.

⁴ Ук. соч., 678.

Лемани-Гаупт подчеркивал, что „дохалдский“ термин *patari* „город“ связан с Ликней, а ликийцы, согласно греческой традиции, были выходцами с Крита, поэтому и пережитки критской письменности у ликийцев могут быть объяснены с легкостью; с этим письмом связывается урартская табличка с иероглифами, найденная на Топрах-кале, у Вана. Из всего этого Лемани-Гаупт делал заключение, что при попытке установить древнее расселение урартов-халдов на западе Малой Азии, его надо искать в Ликии или же поблизости от нее; так же как все кавказские народы двигались с запада на восток (грузины, армяне), и урарты совершили этот путь.¹

По поводу связей урартов со Средиземноморьем Лемани-Гаупт писал: „Не следует поэтому удивляться, что невольно навязываются культурные взаимоотношения, происхождение которых можно лучше всего объяснить как продолжение взаимоотношений, базирующихся на прежнем соседстве, а именно на соседстве с греками, а также этрусскими, жившими когда-то на западном побережье Малой Азии“².

Развивая свою теорию миграции урартов с запада, Лемани-Гаупт полагал, что пришлые урарты-индоевропейцы стали господствовать над местным населением, жившим до них на Армянском нагорье.

В сцене боя ассирийцев с урартами на рельефах ворот из дворца Салманасара III Лемани-Гаупт, следуя наблюдению Биллербека, видел среди урартов два различных физических типа, одни низкорослый, а другой высокорослый³. Но в данном случае такую интерпретацию изображений на рельефах Балаватских ворот следует признать полнейшим недоразумением, проистекшим из явного непонимания основных принципов ассирийского искусства, в котором вся композиция вписывается в строго ограниченную полосу и размер фигур оказывается определен их положением в композиции. Фигуры всадников, воинов на колесницах, защитников крепости или же воинов на горах оказываются значительно меньше фигур людей, стоящих на земле и занимающих по высоте всю полосу. Принцип заполнения пустого пространства также приводит иногда к чрезмерному уменьшению человеческих фигур, особенно при помещении их между основными фигурами. Неправильность интерпретации сцен на рельефах Балаватских ворот подчеркивается еще тем обстоятельством, что здесь мелкие и крупные фигуры одинаково одеты и одинаково вооружены.

¹ Ук. соч., 679.

² Лемани-Гаупт, Вступительная лекция по истории и культуре халдов, Труды Тбилисского Гос. Университета, VI, 1937, 264.

³ С. F. Lehman-Haupt, Armenien, II, 2. 682.

Если мы внимательно рассмотрим урартский археологический материал, приводимый Лемани-Гауптом для доказательства миграций урартов с запада, то увидим, что он ограничен группой поздних памятников VII—VI вв., а его сопоставления со средиземноморским материалом весьма общи и ограничиваются лишь установлением формального сходства.

Острую характеристику метода работ Лемани-Гаупта дал Н. Я. Марр. В черновиках отчета о работах экспедиции Русского Археологического Общества 1916 г. в Ване, подытоживая выводы работ Лемани-Гаупта, Н. Я. Марр заключает, что метод этих работ „не лингвистический, не археологический, не историко-художественный, не палеонтологический“, а представляет собою „общие суждения“¹.

Можно добавить, что эти „общие суждения“ даются без учета той сложной обстановки, в которой жило и развивалось урартское искусство.

Действительно, Лемани-Гауптом памятники урартского искусства рассматриваются и сопоставляются с западными вне их связей с переднеазиатской культурой, неотъемлемой частью которой они являются. Переднеазиатское искусство в целом имеет также много общих черт с восточно-средиземноморским, неразрывно связанным с малоазийским. Но эти связи находят себе объяснение не в этнической общности, а в политических и экономических условиях жизни древневосточных государств.

Некоторые из историков Древнего Востока, с которыми Лемани-Гаупт соглашается, совершенно справедливо указывают, что связи Урарту со Средиземноморьем шли через Финикию и Сирию, в частности, через Тир и Сидон, входившие в антиассирийскую коалицию. Несомненно, борьба Урарту с Ассирией за северную Сирию, являющаяся ключом к торговым путям в Средиземноморье и Малую Азию, только усиливала связи Ванского царства с Западом. С другой стороны, следует также согласиться и с тем, что греческие колонии Понтийского побережья отмечают древние торговые пути, которые вели дальше, через Лидию и Ионию, в Грецию и Этрурию.²

Нам пришлось довольно подробно остановиться на теории Лемани-Гаупта относительно происхождения урартов-халдов лишь потому, что эта миграционная теория получила очень широкое распространение в литературе по истории Древнего Востока. Несмотря на то, что автору этой теории стали уже известны ассирийские тексты,

¹ Архив Н. Я. Марра в Институте Истории Материальной культуры Академии Наук СССР, А № 1278, лист 82.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 535 и 536.

приведенные нами выше, свидетельствующие о сложении урартского государства в Передней Азии, он все-же отказался от пересмотра своих явно устаревших положений и в 1936 г. при перечислении важнейших задач „халдологии“ писал: „Нужно будет—продолжая мои и Пауля Кречмера открытия—расширить и углубить исследования о первоначальной родине халдов в западной Малой Азии“.¹

Выводы Кречмера (P. Kretschmer)² основаны главным образом на лингвистических данных, и то преимущественно на сопоставлении собственных имен. Но эти сопоставления, определяемые лишь созвучием, вызывают часто полное недосумение.

Таково, например, сопоставление имени урартского дая „Менуаше“ (Менуа) с Минном греческих легенд; не более убедительна также связь имени Менуа с именем малоазийского (фригийского) бога луны—Мена.

Кречмер имя Лутипри, отца Сардура I, этимологизирует как „властелин женщин“ (ликийское—*lada*, урартское—*luti*) + (митанийское—*ipri*, урартское—*euri*).

Священный холм в Афинах, *Ἄρδητος*, Кречмер связывал с именем урартского бога Арда,³ а его последователь Эйслер в самом названии Афин, *Ἀθήναι*, видит урартское слово *hat-te-nai*—„Хатте-город“. Этот же Эйслер с легкостью этимологизирует имена урартских царей, сопоставляя их с греческими: Руса—с *ῥοῦσας*—„красный“, Эримена *Ἐριμένης* „долгоостающийся“; Аргишти—*Ἀργέστης* „сняющий“.⁴

Разумеется, такие сопоставления, вытекающие из предвзятого положения о миграции урартов с Запада и их генетических связях с народами Средиземноморья, не могут представлять для нас интереса и должны рассматриваться лишь как курьез в науке.

С теорией миграции урартов из западной части Малой Азии связана также попытка причислить к эгейским языкам, кроме лидийского, ликийского, карийского и этрусского также и территориально более удаленный от Эгеиды урартский, причем Бранденштейн нашел в последнем ряд черт поразительно схожих с лидийским.⁵

Теория миграции урартов с Запада проникла и в общне очень популярные труды по истории Древнего Востока. Так Холл (H. R. Hall) разделял мнение Кречмера относительно фригийского происхожде-

¹ Леманн-Гаупт, Труды Тбилисского Гос. Университета, VI, 1937, 267.

² P. Kretschmer, Glotta, XVII, 1929, 195 (по Lemann-Haupt, Armenien, II, 2, 901).

³ P. Kretschmer, Glotta, XIV, 318 (по Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 928—929).

⁴ R. Eisler, Caucasia, V, 1928, 92 (по Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 902).

⁵ Эти теории изложены в статье П. Н. Ушакова, Древнейшее население Малой Азии, Кавказа и Эгеиды, ВДИ, 1939, № 4, 50.

ния династии Сардура I, датировал вторжение фрако-фригийцев в Малую Азию временем около 1000 г.¹

Но наряду с отмеченными работами, в которых авторы упорно хотят доказать западно-малоазийское происхождение урартов, уже давно стали появляться работы, доказывающие связи урартов с народами Передней Азии, в частности, со ставшими одно время особенно популярными—хеттами. В трудах о языках Древнего Востока вполне обоснованно устанавливалась связь урартского языка с хеттским,² а также с другими языками Передней Азии, а именно, с кавказскими. Но даже и эти труды иногда не были свободны от миграционных теорий. Так, Винклер, объединяя еще в 1897 г. урартов, хеттов, митанийцев, мосхов и тибаренов в единую группу „народов Тешуба“, все же приписывал урартам западное происхождение.

В последних работах, посвященных древнейшей истории Передней Азии, решительно отвергается старая теория западного происхождения урартов, и они связываются с переднеазиатской народностью—хурритами, имевшими большое значение в политической жизни Переднего Востока в первой половине II тысячелетия.³

Хеттские тексты, устанавливающие это племенное название, определенно говорят о „странах Хурри“ (Hurri), которые, повидимому, представляли собою союз племен, группировавшихся вокруг страны Хурри (прежнее чтение—Харри), находившейся, по мнению некоторых ученых, в районе оз. Ван.

Те же ученые полагают, что ассирийцы называли „страны Хурри“—„странами Наири“ (др. егип. Нахарина),⁴ и в образовании урартского государства (в начале I тысячелетия) видят возобновление хурритской политической традиции.

Гётце придерживается мнения, согласно которому хурриты, митанни и урарты представляют собою один народ и являются лишь представителями различных государственных образований. По мнению Гётце, хурриты стран Наири в IX в., объединились под главенством

¹ H. R. Hall, *The Ancient History of the Near East*, (8 изд.), 1935, 458.

² Г. А. Капацян, *Общие элементы между урартским и хеттскими языками*, Эривань, 1936.

³ A. Götze, *Kleinasien*. Из серии *Kulturgeschichte des alten Orients*, III, I, 1933; его же, *Hethiter, Churriter und Assyrer*, Oslo, 1936.

⁴ Весьма интересно, что дерево, из которого сделана египетская колесница, хранящаяся в Музее Флоренции—южноармянского происхождения (H. Schäfer, *Armenisches Holz in ägyptischen Wagen*, *Sitzungsber. Preuss. Akad. Wiss. Phil.-Hist. Klasse*, 1931, 430); особенно это интересно и потому, что египетские тексты отмечают, что дерево для колесниц доставлялось из страны Нахарины, а Шнейзер в др. египетском слове wrjt „колесница“ видит хурритское warat.

Сардура, сына Лутипра, и создали Урартское государство, причем само имя Лутипр он считает чисто хурритским.

История Передней Азии первой половины II тысячелетия имеет много неясностей, что определяется как характером источников, так и степенью их изученности.

Унгнад (A. Ungnad)¹ полагает, что этническим субстратом Передней Азии были не хурриты, а субары, упоминаемые в ассирийских текстах, и что хурриты являлись лишь арийской верхушкой, господствовавшей над субарским населением, жившим на очень обширной территории. Шпейзер (E. A. Speiser) же считает хурритскую и субарскую культуры различными, одну верхне-месопотамской, а другую периферийной по отношению к первой.²

Несмотря на существенные различия приведенных теорий, предложенных историками Древнего Востока, работающими одновременно и в области лингвистики и в области древнейшей истории Передней Азии, они имеют одно общее положение, а именно, что основные древние государства Передней Азии, как Ассирия и Урарту, выросли на переднеазиатском субстрате. И большого внимания заслуживают работы Мооргата (A. Moorgat),³ подчеркивающего исключительную роль „горных народов“ в образовании культуры Передней Азии и в частности связи основных принципов ассирийского искусства с искусством „горных народов“.

Ассирийские тексты XIII—IX вв. показывают нам постепенное преобразование союза племен Уруатри в государство Урарту, как процесс, происходивший на Армянском нагорье, лишая, тем самым, оснований прежние представления о приходе урартов в центральную часть Передней Азии.

От этого далекого времени мы имеем лишь сведения ассирийских письменных источников, и до сих пор для Армянского нагорья мы не можем выявить комплекс памятников материнской культуры, твердо датируемый серединой и второй половиной II тысячелетия, но очень возможно, что именно к этому времени относятся комплексы памятников, характеризующиеся так называемой расписной керамикой и встреченные на обширной территории Передней Азии, вплоть до Закавказья, как мы можем судить по получившим широкую известность могильнику около Кизил-Ванка, на Араксе, и богатейшим кур-

¹ A. Ungnad, *Subartu*, 1936.

² E. A. Speiser, *Ethnic movements in the Near East in the second millennium B. C.* *Annual of the Amer. Schools of Oriental Research*, XIII, 1933, 46.

³ A. Moorgat, *Die bildende Kunst des alten Orients und die Bergvölker*, 1932.

ганам Триалети, памятникам разновременным, но несомненно друг с другом связанным и общностью культуры.

Не случайно и то, что, как установили последние работы американской археологической экспедиции в Ванском районе, расписная керамика частью относится к урартскому времени, а частью предшествует ему.

Несомненно, интересные и чрезвычайно важные результаты даст сопоставление керамики нижнего слоя Топрах-кале с расписной керамикой холма Шамирамальти в том же Ванском районе, а также с материалом из хорошо исследованных древнейших поселений на территории Ассирии (Тепе-Гавра и Арпачия) и в Анатолии (Алишар), давших ряд разновременных культурных слоев, иногда надежно датированных.

Для изучения культуры Армянского нагорья II тысячелетия, предшествовавшей культуре Урарту, решающее значение будут иметь археологические работы. Но, это—дело будущего.

Глава IV

Походы Салманасара III против Урарту

Середина IX в. в истории Передней Азии характеризуется усилением грабительских войн Ассирии.

Военные успехи Ашурнасирапала снова укрепили пошатнувшуюся было мощь Ассирии и заглушили внутренние противоречия в стране. Покоренные народы подвергались жестокой эксплуатации, на них налагались непомерно тяжелые подати, которые даже и назывались по-ассирийски „мандатту кабитту“, т. е. „подать тяжелая“. Господство Ассирии в покоренных странах закреплялось огнем и мечом, расправа с непокорными народами производилась с невероятной жестокостью.

Но сопротивление Ассирии в соседних ей странах все же возросло, мелкие племена объединялись в союзы, которые не так легко было покорить. Постепенно на основе этих союзов образовывались государства.

В первой половине IX в. на севере Ассирии появилось Урартское государство, которое в середине IX в. представило реальное препятствие для ассирийской экспансии на севере и северо-западе.

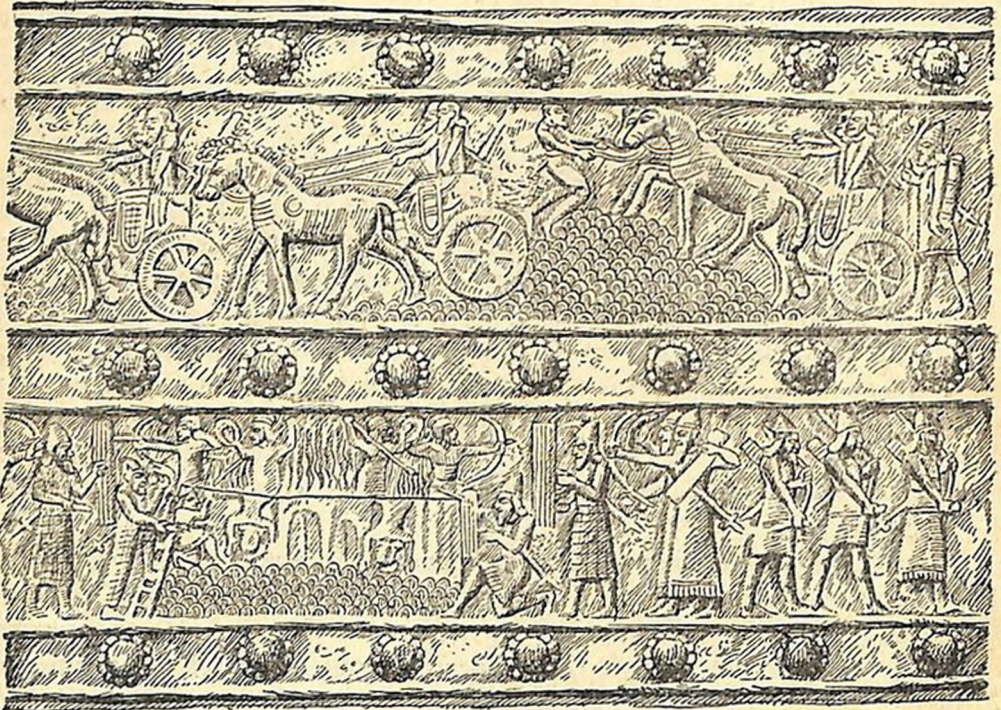
Ассирийскому царю Салманасару III (860—825 гг.) с самого начала его царствования пришлось вести с Урарту решительную борьбу.

Летописи Салманасара III свидетельствуют о том, что поход на север, против Ванского царства, был снаряжен им уже в первом году своего правления. Текст летописи от имени царя описывает успешное продвижение войска на север, в страну Наири, и вторжение в Урарту.

„Какна, правитель Наири, и остальное его войско испугались горечи моего оружия и поднялись на высокие горы; за ними поднялся и я, устроил я в горах большую битву и нанес им жестокое поражение, колесницы, воинов, коней подъяремных вывел я с гор Ужас и блеск Ашура, моего владыки, поразил их, они спустились вниз, обняли мои ноги, подать и дань наложил я на них. Из Хубушкии я ушел, к Сугунии, крепости Арама Урарта, я приблизился, город обложил, захватил я, убил много их воинов, увез добычу, кучу из голов сделал я напротив их города, 14 поселений его области

сжег я огнем. От Сугунии я ушел, спустился к морю Наири, мое оружие омыл я в море, жертву принес я моим богам¹.

В 1878 г. на холме Балават, к юго-востоку от Ниневии, в развалинах древнего города Имгур-бел (Имгур-энлиль) были найдены продолговатые бронзовые листы (дл. 1,75 м, шир. 0,27 м),² сплошь покрытые рельефными изображениями, поясненными клинообразными

5. Взятие урартской крепости Сугунии.
Бронзовая обшивка Балаватских ворот. Британский музей.

надписями. Эти бронзовые листы оказались обшивкой больших деревянных ворот дворца или храма Салманасара III, а изображения—сценами походов первых девяти лет его царствования.³

Большинство этих бронзовых пластин было приобретено Рассамом, передавшим их Британскому музею, отдельные же обломки обивок попали также в коллекции Шлумбергера и Клэрка.

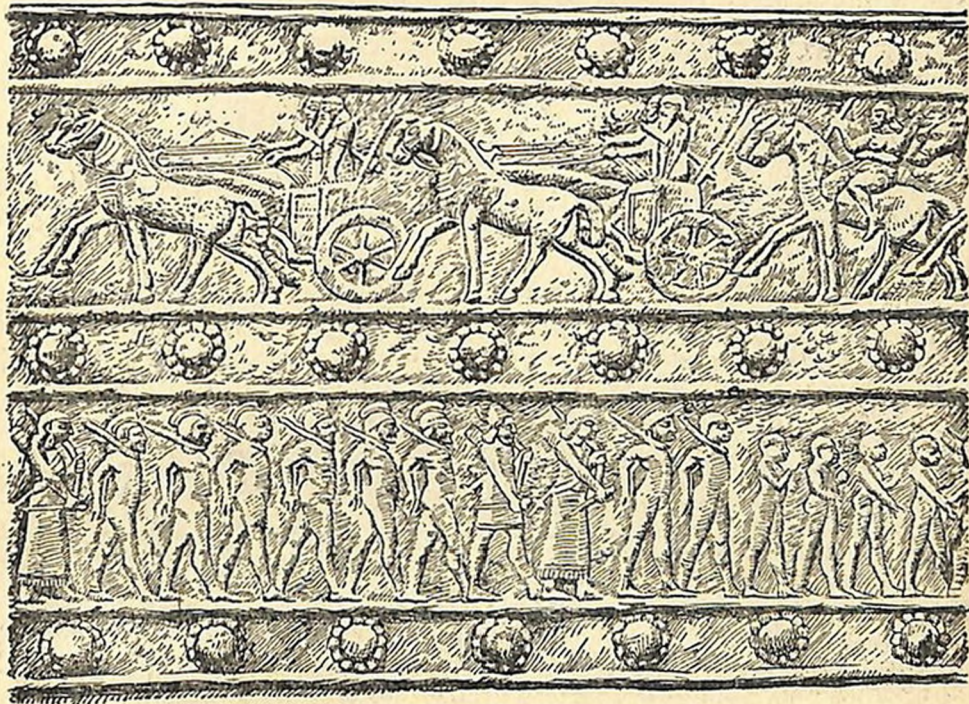
На одной из обивок имеются иллюстрации к походу Салманасара III против урартов, снаряженному в первый год его правления

¹ E. Schrader, Keilschriftliche Bibliothek, I, 155.

² Анализ бронзы Балаватских ворот см. VBGAEU, 1891, 352.

³ A. Billerbeck und F. Delitzsch, Die Palasttore Salmanassars II von Balawat, Beiträge zur Assyriologie, VI, 1 (1908).

(860 г.). Для ассирийского искусства очень характерна композиция изображений на обивке. Это так называемая повествовательная композиция, в которой передается действие как во времени, так и в пространстве, т. е. на ней представлены связанные события, одновременные и происходящие в различных местах. Изображения помещены в двух полосах, причем действие начинается от нижнего левого угла

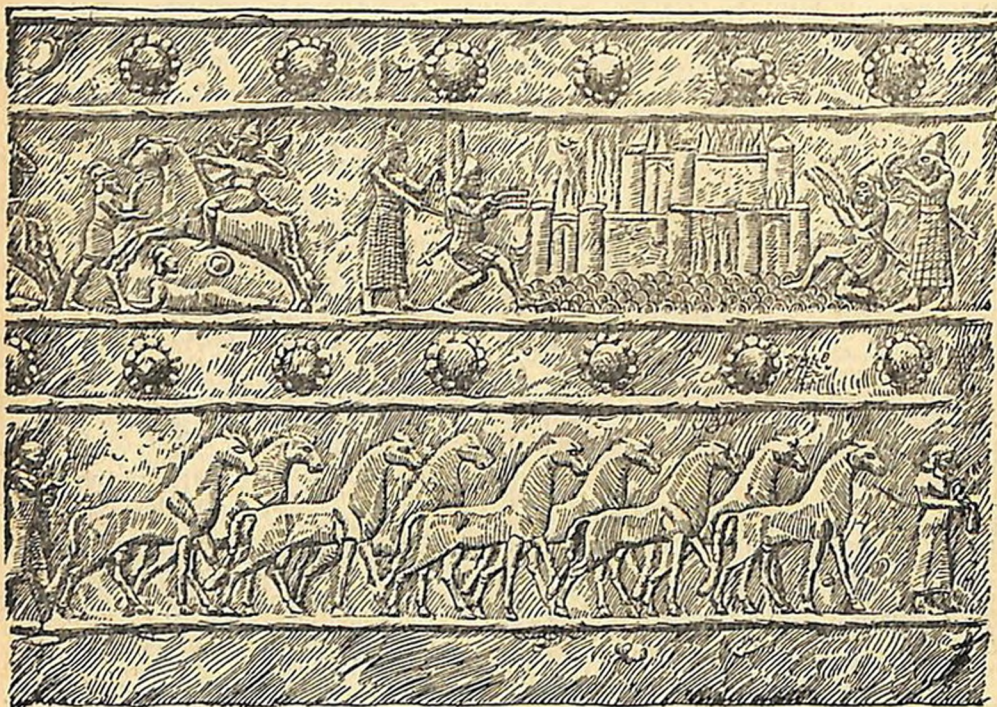
6. Увод пленных из крепости Сугунии.
Бронзовая обивка Балаватских ворот. Британский музей.

где показан укрепленный ассирийский военный лагерь. Из лагеря выступает ассирийское войско—колесницы и пехота, направляющиеся к урартской крепости Сугунии, упоминаемой в анналах.

Далее, в центре нижней полосы, изображено взятие Сугунии. Горящая крепость, расположенная на горе, осаждается с двух сторон, причем штурм производится при помощи лестниц, приставленных к стенам. В крепости видны защитники, урартские воины,—лучники и копейщики. Над всей сценой пояснительная надпись: „Город Сугуния, Арама Урартского“. Справа от сцены взятия крепости изображена группа пленных урартов, уводимых в ассирийский лагерь. У пленных руки связаны за спиной, а на шее надеты колодки. (Рис. 5 и 6).

В верхней полосе изображен переход ассирийского войска (колесницы, конница и пехота) через три горных перевала к оз. Ван,

„моря Наири“. В левом углу изображение жертвоприношений. На берегу озера, на скале, высечена стела с изображением царя, перед ней культовые предметы и жертвенники. Жертву приносит сам Салманасар, рядом с ним два жреца, а позади музыканты и жертвенные животные—быки и бараны. Два ассирийских воина бросают в озеро куски мяса. Сверху пояснительная надпись: „Статую (изображение

7. Взятие урартской крепости Арзашку.

Бронзовая обшивка Балаватских ворот. Британский музей.

мое) у моря страны Наири я поставил, жертвы;богам моим я принес“.¹

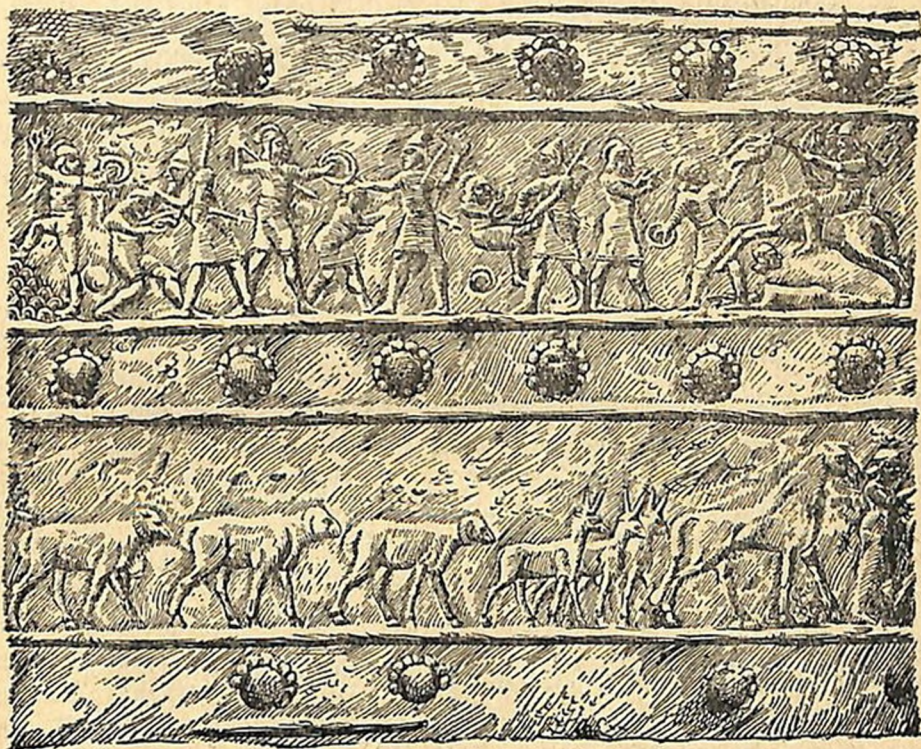
Таким образом, изображения на этой бронзовой обшивке Балаватских ворот представляют собою детальные иллюстрации к вышеприведенному отрывку летописи Салманасара III.

На другой обшивке изображено разграбление взятой урартской крепости. Крепость опустошена, защитники казнены, их головы отрублены и сложены у стены, три пленника посажены на кол. Ассирийские воины вырубают деревья, из крепости увозят добычу в большом сосуде, помещенном на четырехколесную повозку, которую тянут люди. Далее изображена битва с урартами, отряды которых от-

¹ М. В. Никольский, ДВ, I, в. 3, табл. XIV.

ступают в горы. В нижней полосе взятие урартской крепости и увод пленных.

Первые два года своего правления Салманасар III был занят главным образом укреплением ассирийского влияния в северной Сирии, являвшейся ключом к Средиземному морю и к Малой Азии. Тексты особо указывают, что в первый год своего правления Сал-

8. Битва ассирийцев с урартами и угон скота из страны Гилзан.
Бронзовая обшивка Балаватских ворот. Британский музей.

манасар снарядил экспедиции за строительным лесом в горы Аману и Лаллар.¹

В 858 г. (III год правления), на обратном пути из похода в Сирию, ассирийские войска вступили в страну Алзи и оттуда направились в Урарту.

Текст черного обелиска из Нимруда уточняет нам путь ассирийской армии.— „При возвращении переступил я границы страны Алзи: страны Алзи, Сухни, Даяни, Тумме, Арзашкун, царский город Арама Урартского, страны Гилзан и Хубушкия (я покорил)“.

¹ E. Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek, I, 120.

В этом походе важное место занимали взятие урартского города Арзашку (Арзашкуна) и борьба с урартами, во главе которых стоял сам урартский царь Арам.

Летопись¹ об этом рассказывает: „К Арзашку, царскому городу Арама Урарта, я приблизился. Урарт Арам испугался горечи моего сильного оружия и сильной битвы и оставил свой город. В горы Аддури он поднялся; за ним поднялся и я, сильную битву устроил я в горах, 3400 воинов поверг я своим оружием, как Адад тучу над ними пролил я дождем, их кровью окрасил я (гору) как шерсть, его лагерь я захватил, его колесницы, всадников, коней, мулов, телят, имущество и богатую добычу привел я с гор. Арам, свою жизнь спасая, убежал на недоступную гору. В моей могучей силе, как тур, раздавил я его страну, поселения превратил в развалины и сжег огнем. Город Арзашку и поселения его округи захватил, разрушил и сжег огнем. Кучи из голов устроил я напротив городских ворот. Одних (из людей) живыми свалил я в кучи, а других вокруг куч посадил на кол. От Арзашку я ушел, взошел на гору Эритиа, большое изображение своего Величества я изготовил“...² Далее описывается путь в страну Арамали и к морю Наири, омывание оружия в море, приношение жертв и установление статуй царя и бога. Обратный путь шел через страны Гилзан и Хубушкию.

На одной из обивок Балаватских ворот изображены эпизоды похода III года правления Салманасара. В нижней полосе показано приношение дани из приурмийской страны Гилзан. Сам Салманасар, в боевом облачении, принимает послов покоренной страны. Из крепости, расположенной на берегу озера, гонят стада крупного и мелкого скота, табун коней и верблюдов. Верхняя полоса занята сценой боя ассирийцев с урартами и взятия крепости Арзашку (рис. 7 и 8).

В центре верхней полосы изображена горящая крепость Арзашку, подожженная ассирийцами; справа—атака ассирийских колесниц и рукопашная схватка ассирийцев и урартов; слева от крепости дано продолжение сцены битвы и отступления урартов в горы Аддури.

Урартские воины изображены одетыми в длинные до колен рубахи с короткими рукавами, стянутыми широким кожаным или

¹ Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek, I, 167.

² Другой текст описывает этот поход следующими словами: „(Страны) от Энзите до Даяни, от Даяни до Тумме, от Тумме до Арзашкуна покорил я. Арзашкун, царский город Арама Урарта, я захватил, разрушил, опустошил, сжег огнем. Пока я на Арзашкун шел, собрал Арам Урарт свои войска и вышел мне навстречу, чтобы дать бой. Я разбил его, рассеял его воинов. 3000 его воинов поверг я своим оружием. Его оружие, его царские сокровища, лошадей в большом количестве взял я. Чтобы спасти свою жизнь скрылся он в горах“. (Beiträge zur Assyriologie, VI, 136).

металлическим поясом. Вооружены они копьями и небольшими круглыми щитами, имеющими, повидимому, в центре конический выступ. На головах урартов надеты небольшие шлемы с гребнем, вероятно изготовлявшиеся из кожи, на что указывает их форма.¹

Поход III года правления Салманасара был направлен вглубь страны Урарту, в то время как поход I года затронул только его южные окраины.²

9 Маршруты походов Салманасара III в Урарту.

Во время первого похода ассирийцы направились по трудно проходным горам в Хубушкию, т. е. попали в долину р. Бохтан, а оттуда к урартской крепости Сугунии и затем через три горных перевала к „морю Наири“ (оз. Ван).

Таким образом, Сугуния была, повидимому, урартской крепостью на границе с Наири на южном склоне одного из хребтов, расположенных между оз. Ван и р. Бохтан, и после взятия Сугунии ассирийцы

¹ Возможно также, что шлемы были деревянные. Геродот (VII, 79) перечисляя народы, участвовавшие в походе Ксеркса, пишет: „Колхи на головах носили деревянные шлемы и имели небольшие сыромятные щиты и короткие копья, а кроме того ножи... Алароды и саспиры шли, вооруженные подобно колхам“.

² Во время похода 860 г. ассирийцы не встречались даже с основной частью урартских войск во главе с урартским царем.

через горы прошли к южному берегу оз. Ван. Оттуда они взяли путь обратно на запад, о чем свидетельствует текст летописи, отмечаящий, что на обратном пути в Ассирию Салманасар III получил дань страны Гузана, находившейся в верховьях р. Хабур.

Маршрут похода в Урарту в III году правления Салманасара III был совершенно иным. Выше я указывал, что ассирийская армия двинулась на Урарту из северной Сирии. Поход Салманасара III в северную Сирию окончился успешно. От Ахуни, правителя Аднии, был отобран город Тил-Барсиц, превращенный в ассирийский административный центр и получивший наименование Кар-Салманасар. Спустившись по Евфрату и переправившись на другой его берег, ассирийцы захватили город, называвшийся хеттами Питру (ассир. Ана-ашур-утир-асбат).

Закончив военные действия на Евфрате, Салманасар III повел свою армию на северо-восток, а затем из Бит-Замачи (район современного Диарбекра) прямо на север. Пройдя страны Намдану, Мирхису и Энзигте, перевалив через Таврские горы и переправившись через р. Арзани, ассирийцы попали в страну Алзи и прошли отсюда через страны Сухни, Даяни и Тумме к Арзашку, „царскому городу Арама Урартского“. Тексты Салманасара III взятию города придают большое значение, но вместе с тем они не говорят ничего о покорении страны Урарту.¹

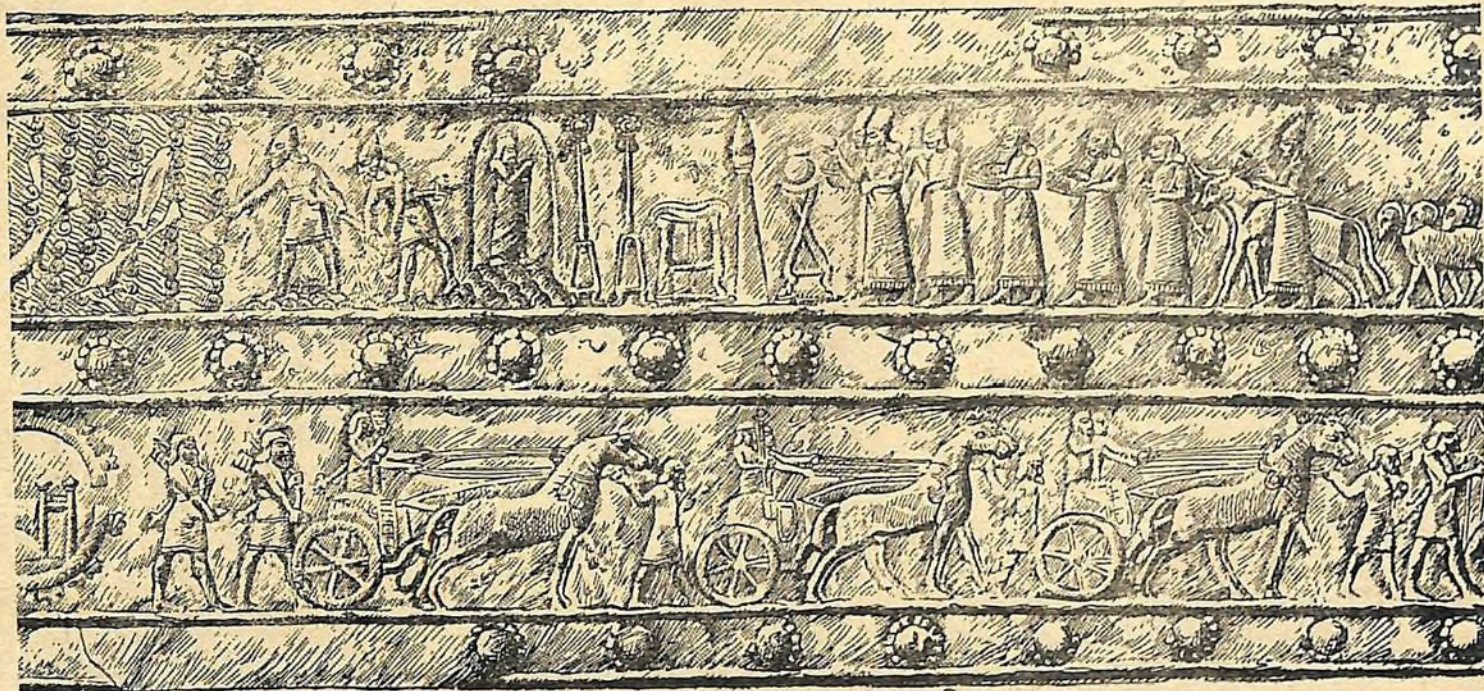
Относительно местоположения Арзашку существуют различные мнения. Сэйс помещал его к северу от оз. Ван, южнее Мелазгерда. Этого же мнения придерживался и Масперо (G. Maspero), пытавшийся связать название „Арзаш-ку“ с географическими названиями, встречающимися у античных и средневековых писателей.² Но отнесение Арзашку в район Мелазгерда не оправдывается сведениями источников.

Больше оснований имеют те исследователи, которые помещают Арзашку в верхнем течении Арзани (Мурад), в районе современного Диадина или Баязеда, несмотря на то, что отождествление гор Аддури ассирийского текста с Араратом мне кажется неправдоподобным.

Для установления местоположения Арзашку большое значение

¹ Только две короткие надписи на скалах у истоков Тигра говорят о покорении страны Урарту, но, повидимому, они относятся к более позднему времени (VBGAEU, 1900, 432), так как в них упоминается двукратное получение дани из страны Гилзан и три похода в страну Наири (Lehmann-Haupt, *Materialien*, № 23 и 21). Надпись у истоков Тигра, помещенная у рельефа, изображающего Салманасара III, рассказывает о покорении города Арзашку, но не страны Урарту (*Materialien*, № 20 и 22).

² G. Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, III, 1899, 61, прим. 4.

„Спустился я к морю Нанри, мое оружие омыл я в море, жертву принес я моим богам“
Жертвоприношение Салманасара III на берегу озера Ван.
Бронзовая обшивка Балаватских ворот, Британский музей.

имеет указание летописи на то, что из Арзашку Салманасар III направился к горе Эритна, взшел на нее, вступил в страну Арамали и уже оттуда спустился к оз. Ван. Страна Арамали, встречающаяся позднее в текстах Саргона в форме Армарили, бесспорно находилась к северо-востоку от оз. Ван. Поэтому не подлежит сомнению, что Салманасар III вышел именно к северо-восточному побережью озера и оттуда направился в обратный путь в страну Гилзан (западное побережье оз. Урмии) по дороге через современные Сарай и Котур, а затем через Келяшнинский перевал—в Хубушкню. Таким образом, армия Салманасара обогнула оз. Ван, вышла к его северо-восточному берегу, но не пошла к восточному побережью озера, где позднее, а может быть—и в это время, находилась урартская столица Тушпа. Исходя из того, что Арзашку назван ассирийскими текстами „царским городом“, обычно полагают, что центр Урарту находился в то время к северу от оз. Ван и лишь позднее он был перемещен на место современного города Ван. Но это положение не может быть признано обоснованным, так как ассирийская идеограмма „царский город“ вовсе не означает „центральный город“, „столицу“, так как в стране согласно источникам бывало несколько „царских городов“.

Повидимому Салманасар III уклонился от вступления в центральную часть Урарту, в низменность восточного побережья оз. Ван, и именно поэтому тексты Салманасара III говорят не о покорении страны Урарту, а лишь о взятии Арзашку, „царского города Арама Урартского“.

Надпись на крылатых быках (шеду) дворца Салманасара III, касающаяся событий XV года его правления (846 г.), говорит о захвате городов Арама Урартского от истоков Тигра до истоков Евфрата,¹ но не упоминает о походе ассирийцев в центральную часть Ванского царства. Это указывает на возраставшую мощь Урарту, очень возможно, что Салманасар III отлично видел надвигающуюся с севера опасность, но не имел достаточных сил для ее предотвращения.

Основой политики Салманасара III было закрепление ассирийской власти на подступах к Средиземному морю. Среди его ежегодных походов—походы на запад, с переправой через Евфрат, были самыми многочисленными. За 26 лет царствования Салманасара III, как указывают нам ассирийские летописи, только четыре года были свободны от походов на запад, так как Ассирия в то время была занята Вавилоном и приурмийскими областями.

Ассирийские тексты отмечают неоднократные походы Салмана-

¹ Beiträge zur Assyriologie, VI, 150.

сара III против царей хеттов, Мелиту (ныне Малатии), Хамата и Дамаска, причем они особо указывают победу во время похода XI года над коалицией царя Дамаска и 12 хеттских царей. Салманасару платили дань даже финикийские города Тир, Сидон и Библ (поход XXI года), он доходил и до Киликии (Тарс), где получал серебро, золото, железо, а также крупный и мелкий рогатый скот (поход XXVI года). Экспедиции на горы Аману за строительным кедровым лесом были постоянны. Серебро и драгоценные камни доставлялись в Ассирию также из страны Табал (поход XXII года).

В северной Сирии и в восточной части Малой Азии сталкивались интересы Ассирии и Урартского государства, которое всячески противодействовало укреплению ассирийского влияния в этих областях, и мы видим, что в последние годы своего царствования Салманасару пришлось обратить серьезное внимание на своего северного противника.

На XXVII году своего правления Салманасар III предпринял поход в Урарту, что отмечают также списки событий по годам (эпонимы).¹ Но на этот раз ассирийское войско повел не сам царь, а его полководец (туртан) Даян-Ашур. На обелиске из Нимруда имеется следующее описание этого похода: „В XXVII год моего правления призвал я мои колесницы и войско и послал их. Поставил я Даян-Ашура, туртана, начальника войска, во главе отрядов и послал их в сторону Урарту. Он спустился к Бит-Замани, перешел перевал Амаштуби и реку Арзани. Сидури, правитель Урарту, услышал об этом, понадеялся на силу своего многочисленного войска и выступил ко мне навстречу, чтобы принять битву. Я сразился с ним и победил его. Трупами его воинов заполнил широкое поле...“.²

Таким образом, путь ассирийцев в Урарту был тем же самым, что и во время похода III года правления.

Ассирийцы двинулись из Бит-Замани (район современного Диарбекра), перевалили через горы в стране Энзите и переправились через Арзани (Мурад). Но дальнейшее их продвижение было остановлено урартским войском, во главе которого стоял царь Сидури (Сардур). Судя по сдержанности сведений летописи о походе XXVII года против Урарту, можно думать, что успех ассирийцев не был велик, и действительно, через четыре года туртану Даян-Ашуру пришлось снова вести войска на север.

На этот раз, в походе XXXI года правления Салманасара III, путь войска отличался от пути предыдущего похода: „Я направился

¹ A. Ungnad, Eponymen, Reallexicon der Assyriologie, II, вып. 5, 1938, 433.

² E. Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek, I, 145.

к Сапария, укрепленному городу Мусасира, захватил Сапарию вместе с 46 поселениями мусасирцев. Направился я к крепостям Урарту, разрушил, опустошил и сжег 50 их поселений".¹

Таким образом, ассирийские войска вторглись в урартские земли с юга, через Хубушкию, захватив сначала поселения мусасирцев (в горах между озерами Ваном и Урмией). Обратный путь Даян-Ашура лежал по побережью оз. Урмии, через страны Гилзан и Парсуа, а затем через страну Наири и по реке Нижний Заб. И в этом походе ассирийцы не достигли центра Ванского царства, ограничив свои военные действия лишь его окраиной.

От третьей четверти IX в. дошли и древнейшие из известных нам урартских памятников.

У западного подножия Ванской скалы, цитадели урартской столицы Тушпы, сохранилась стена, сложенная из колоссальных камней, достигающих 0,75 метра высоты и до 6 м. длины. На камнях стены имеются три одинаковые по содержанию надписи на ассирийском языке, определяющие время ее сооружения именем урартского царя Сардура.

Привожу перевод одной из них: „Надпись Сардура, сына Лутипра, царя великого, царя могучего, царя вселенной, царя страны Наири, царя, (который) равного себе не имеет, пастыря (достойного) удивления, не боящегося сражений, царя, склонившего непокорных ему. Сардур, сын Лутипра, царь царей; (от) всех царей подать я принял. Сардур, сын Лутипра, говорит так: я этот известняк из города Альниуну доставил, я эту стену воздвиг“.²

Леманн-Гаупт полагал, что этого урартского царя Сардура, сына Лутипра, следует считать современником Ашурнасилпала II и предшественником Арама, упомянутого в летописях Салманасара III. По его мнению, на это указывает своеобразная титулатура, отличная от более поздней урартской и сходная с ассирийской. Титул „царь страны Наири“, также по мнению Леманн-Гаупта, говорит за правильность датировки надписи на стене первой половиной IX в, так как позднее, во времена Салманасара III, усилилось значение Урарту.³

Леманн-Гаупт устанавливает следующий порядок древнейших известных нам урартских царей: 1) Лутипр, 2) Сардур I, сын Лутипра, 3) Арам, современник походов I и III годов царствования Салманасара III, 4) Сардур II (Сидури или Седури), современник похода XXVII года царствования Салманасара III, и 5) Ишпуин, сын Сардура.

¹ E. Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek, 149.

² Перевод А. П. Рифтина, приведенный в книге И. И. Мещанинова, Халдоведение, 1927, 204—205.

³ С. E. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 21—24.

Но, давая такую последовательность первых урартских царей Лемани-Гаупт замечает, что не исключена возможность отождествления Сардура I с Сардуром II, хотя это ему кажется менее вероятным.¹

Мне же, наоборот, представляется более вероятным отождествление Сардура, сына Лутипра, с Сардуром (Сидури), упоминаемым при описании похода XXVII года царствования Салманасара III, причем доводы Лемани-Гаупта, приводимые им в пользу иной датировки, я никак не могу признать убедительными. Поскольку надпись Сардура начертана на ассирийском языке, постольку она и передает ассирийскую титулатуру, точно так же, как ассирийский текст Келяшинской двуязычной надписи. С другой стороны, и Ишпуин, сын Сардура, именуется «царем страны Наири», и сведения о захвате крепостей и поселений Ушпины (Ишпуина) во время второго похода Шамшиадада стоят в отчете о походе в Наири.

Особый интерес надписи Сардура, сына Лутипра, заключается именно в том, что ассирийская титулатура именуется его, так же, как и его сына Ишпуина, «царем страны Наири», а не «царем Биайны», что является обычным для более поздних урартских надписей. Это обстоятельство, несомненно, связано с тем, что в середине IX в. Урарту, входившее в коалицию стран Наири, заняло главенствующее положение среди других политических образований в районе оз. Ван.

Цитадель Сардура, сына Лутипра, сооруженная у Ванской скалы, представляет еще больший интерес тем, что она доказывает существование урартского центра на месте гор. Тушпы уже с древнейших времен. В надписи особо указывается, что камень, из которого сложена стена крепости доставлен из города Альниуну. Лемани-Гаупт и Бельк совершенно справедливо возражали Иенсену, считавшему Альниуну древним названием Тушпы и полагали, что известняк, из которого сложена стена Сардура, отличный от камня других построек в районе Вана, был доставлен по озеру издалека, по их мнению, из района современного Мелазгерда.² В данное время трудно судить о правильности установления места разработки камня, из которого сложена стена цитадели Сардура, но совершенно бесспорно, что камень этот—привозной. А этот факт уже сам по себе указывает на особое значение строительства времени Сардура, сына Лутипра, в Ванском районе.

Археологический материал также свидетельствует о большом строительстве в районе Тушпы, проведенном Ишпуином, сыном Сардура. Постройки этого времени до нас не дошли, но сохранились

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *CICh*, I, 1928, примечание к таблице урартских царей.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Arménien*, II, 2, 19—20.

отдельные камни от колонн с надписями: „Ишпуни, сын Сардура, этот храм построил“. Такие камни были обнаружены как в самом Ване, так и в его окрестностях. Шесть баз колонн с надписями Ишпуина происходят из сел. Дзевестан (Зевастан), а одна из Леска (Каладжих). Кроме того, три надписи Ишпуина на обломках колонн были найдены в сел. Патноц, на северном склоне Сипана.

Ко времени правления Ишпуина следует отнести начало усиления Ванского царства, в результате чего оно стало крупнейшим государством Передней Азии.

Ассирия не могла в это время решительно противодействовать росту Урарту, так как она сама была ослаблена не только непрерывными войнами, но и внутренними неурядицами в конце царствования Салманасара III.

Шамшиададу, занявшему ассирийский престол после смерти его отца Салманасара III, с первых же лет своего правления пришлось вести военные действия на севере Ассирии. Три года подряд снаряжались походы в Наири, причем во время второго похода в Наири ассирийские войска под начальством туртана Мутарис-Ашура вторглись в Наири и захватили много городов и поселений, среди которых упомянуты 11 крепостей и 200 поселений Ушпины (Ишпуина).

Но, если сообщенные летописью сведения правильны, то это был лишь случайный успех ассирийской армии. Ассирия в это время уже начинала уступать свое место Ванскому царству.

Глава V

Урарту в конце IX века и в первой половине VIII века

Ишпуин, сын Сардура

Урартские клинообразные надписи конца IX в. свидетельствуют о том, что в это время Ишпуин правил совместно со своим сыном. Известен ряд надписей, имеющих имена двух урартских царей,— Ишлуина, сына Сардура, и Менау, сына Ишпуина, но все же царский титул в этих случаях носит Ишпуин¹.

Тексты военного содержания, дошедшие от этого времени, отмечают три основных пути урартских походов: в горные районы к юго-востоку от столицы Урарту,—Тушпы, на южное побережье оз. Урмия и на север, в Закавказье.

В конце IX в. в истории Передней Азии наблюдается интенсивный рост Ванского царства и значительное расширение его границ.

Урарты начинают прочно осваивать территорию между озерами Ван и Урмия. Двухязычная клинообразная надпись на ассирийском и урартском языках на стеле Келяшин,² установленной на перевале к юго-западному побережью оз. Урмия, рассказывает о подчинении Ванскому царству города, названного в ассирийском тексте Мусасиром, а в урартском—городом бога Арда. Этот город, находившийся в хорошо защищенной естественными условиями горной местности, к юго-востоку от оз. Ван,³ позднее служил защитой Урарту с юга и имел большое значение во время войн Урарту с Ассирией.

Вторым районом, куда направлялись урартские походы, было южное побережье оз. Урмии. Надписи отмечают покорение страны Баршуа (ассир. Парсуа) и города Меншта, локализуемого надписью

¹ См. надписи Келяшина (CICh, 12) и Ашрут-дарга (CICh, 16).

² Надпись была открыта Шульцем еще в 1829 г. и издавалась неоднократно. Перевод текста и сопоставление ассирийской его редакции с урартской см. А. Götze, *Zur Kelischin-Stele*, ZA, N. F., V, (XXXIX), 1—3, 1929, 99—128.

³ Об установлении местоположения города Мусасира и одноименной ему страны см. ниже, гл. VII.

Менуа на Таштепе в стране Мана. Один из текстов указывает также численность войска, направленного на юг Урмии; он перечисляет 106 колесниц, 9174 всадника и 2704 пехотинца.¹ Таким образом, уже в конце IX в. урарты овладели приурмийским районом, который на долгое время, вплоть до VII в., стал яблоком раздора между Ассирией и Урарту.

Третий путь урартских походов лежал на север, в южные районы Закавказья. Урарты двигались в направлении к Арарату, переваливали горную цепь Агридаг, через Куджахский или Чингильский перевалы, и переправлялись через Аракс.

Надписи Ишпуина и Менуа отмечают походы в страны Уитеру, Луша и Катарца,² причем в одном случае к этой группе стран причислена еще страна Этиуни, которая и давала основание искать все эти области в Закавказье.

Правильность такой локализации подтверждается и более поздними текстами. Так, надпись Аргишти в Ване (CICH, 112) вместе с этими тремя странами упоминает еще Эрах, страну, расположенную к северу от горы Арагац, а в Хорхорской летописи Аргишти, страна Катарца стоит в одном ряду с Этиуни, Эрах и Ишкиглу, отнесение которых к Закавказью не вызывает сомнений и подтверждается надписями в Эларе и Ганлидже.

Урартское войско, направлявшееся в Закавказье, состояло из 66 колесниц, более тысячи всадников (число полностью не сохранилось) и 15760 пехотинцев.

Урарту в конце IX в. выступает уже как государство, имеющее крепкую центральную власть. Это отразилось и в религии. Надпись Мхер-капуси (CICH, 18), содержащая перечень жертв урартским богам, дает нам целый пантеон мелких богов (прежде богов отдельных племен), во главе которых стоят боги центральной части страны — Халд, Тейшеба и Ард.

Ишпуин носит уже пышный царский титул (Келяшинская стела): „Царь могучий, царь страны Шура, царь страны Биайна, правитель города Тушпы“. В ассирийском тексте этой же стелы стоит: „Царь великий, царь могучий, царь вселенной, царь страны Наири, правитель города Тушпы“. Параллельные тексты Келяшинской стелы дали основание сопоставлять урартский титул „царь страны Шура“ с ассирийским „царь вселенной“ (ŠAR kiššati), а „царь страны Биайна“ с ассирийским „царь страны Наири“.³

¹ Стела из Харакоинса (CICH, 15).

² И. И. Мещанинов, Халдская надпись из села Гюспенц, ДАН—В, 1930, 32; его же: Новая халдская надпись из Вана, Сурб Погос, 1930, 143.

³ С. F. Lehmann-Haupt, CICH, I, 1928, 30.

Менуа, сын Ишпуинна

Со вступлением на престол царя Менуа (Минуа),¹ около 810 г., начинается период наивысшего могущества Ванского царства, период, длившийся около семидесяти лет. Урарту становится крупнейшим государством Передней Азии.

Этот отрезок истории Урарту характеризуется усилением строительства, особенно в центральной части царства. С именем Менуа связана 101 клинообразная надпись, что составляет более половины всех известных в настоящее время урартских надписей, причем 31 из них отмечает строительные работы, а 19 сообщают о проводке каналов.

По всей вероятности, именно к этому времени относится окончание возведения стен Ванской цитадели. На скале, у восточных ворот (Тавризских), сохранилась клинообразная надпись (CICH, 11), содержащая имена Ишпуинна, сына Сардура, Менуа, сына Ишпуинна, и Инушпуа, сына Менуи.

Но, кроме укрепления цитадели столицы, были возведены также крепости, защищавшие подступы к Тушпе. Такая крепость мощной циклопической кладки была построена на высоком холме у сел. Анзав (в 10 км. от Вана), откуда происходят две клинообразные надписи Менуи (CICH, 63 и 79), рассказывающие о строительных работах. С этой крепостью была связана другая крепость, развалины которой сохранились у сел. Хараконис, и вероятно прав Лемани-Гаупт, считавший эти крепости звеном целой цепи укреплений, идущих от Ванской низменности на восток, соответственно древнему пути: Ван—оз. Арчак—Сарай—Хой и дальше.²

Но кроме этих крепостей, Менуа возвел большие укрепления в северной части своей страны, в районе Мелазгерда, сохранившем и доныне его имя,³ и Гассан-калы, о чем свидетельствуют происходящие оттуда клинообразные надписи (CICH, 60, 61 и 64).

Во многих местах Урарту были возведены дворцы и храмы, о которых рассказывают надписи; от них сохранились и архитектурные обломки. Все эти постройки Менуа давно уже разрушены, и камни из них, возможно, неоднократно служили материалом для более поздних построек. Но канал, подводивший воду к Тушпе, существует до настоящего времени. Современное население Ванского района, называя этот канал „каналом Шамирам“, связывает его не с самим строите-

¹ Фонетическое дополнение -i после me в имени Менуа (me-i-ni-a) как будто указывает на то, что это имя следует читать Минуа.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, 1926, 38. К этой же цепи укреплений относится и урартская крепость Ашотакерт (Ашрут-дарга), около Салхана.

³ См. выше, стр 27.

лем, а с его современницей, царицей Шамирам (ассир. Шамурамат, Семирамида), матерью ассирийского царя Ададнирари III.

Армяне связывают многие сооружения с именем этой, ставшей легендарной, царицы Шамирам. Моисей Хоренский приписывает ей постройку города Вана с великолепными зданиями, украшенными разноцветными камнями. И теперь еще в Армении с целым рядом древних крепостей связываются легенды об этой ассирийской царице.

„Канал Шамирам“, подводящий поливную и питьевую воду к городу Ван (озерная вода—соленая), берет свое начало от мощного родника в 5 клм. к югу от р. Хошаб, причем общая его протяженность достигает 70 клм. Через р. Хошаб вода канала переводится по мосту, сложенному из стволов деревьев, сохранившему, вероятно, несмотря на неоднократные ремонты, свою древнюю форму. В низменных местах русло канала идет по кладке, достигающей иногда 10—15 м. высоты. Эти стены сложены из огромных неотесанных каменных глыб. В кладке сохранились камни с клинообразными надписями, приписывающими сооружение этого канала Менуа, сыну Ишпуина, который назвал его своим именем, т. е. „каналом Менуа“.¹

Наряду с большими строительными работами в центральной части Урарту, Менуа всецело продолжал начатое его отцом укрепление и расширение Ванского царства, причем в надписях он титулуется: „царь могучий (taraie), царь великий (alsuipie), царь страны Шура, царь Биайны, царь царей, правитель города Тушпы“ (надпись из Мелазгерда, СICh, 64).

Территория Урарту времени царствования Менуа, по имеющимся данным, обрисовывается хорошо, но при этом надо постоянно учитывать крайнюю неустойчивость и изменчивость границ государства, что свойственно всем государствам Древнего Востока.

В состав Ванского царства в начале VIII в. входили страны Мусасир и Мана в приурмийском районе и страна Наири, занимавшая южное и юго-западное побережье оз. Ван и граничившая с Ассирией.

На западе урарты достигали Евфрата, у Малатии, что отмечает надпись в Палу (СICh, 31) на р. Мурад (Арзани). В западных районах Ванского царства производились лишь разведочные археологические работы², и отсюда мы имеем главным образом отдельные клинообразные надписи, являющиеся основным источником наших сведений. У сел. Палу и сел. Багин имеются урартские крепости, причем в сел.

¹ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 1, гл. XXI, „Der Menuas-Kanal“.

² F. Huntington, Weitere Berichte über Forschungen in Armenien und Commagene ZE, 1901, 173—209.

Багин в кладке крепостной стены была обнаружена урартская клинообразная надпись.¹

Будущие археологические работы в районе между верхним течением Евфрата и Мурадом, несомненно, выявят большое количество археологических памятников и, в первую очередь, крепостей, отмечающих завоевательное движение урартов.

На северо-западе урарты достигали р. Олты, что подтверждается надписью из сел. Зивин, рассказывающей о захвате города Шашилу,² названного в надписи Языли-таш (СICh, 27) царским городом страны Диауехи (ассир. Даяни), большой страны, за обладание которой шла постоянная борьба между Ассирией и Урарту.

По отношению к северным областям, в частности, к Закавказью Менау продолжал политику Ишпуинна, и походы на север, с переправой через Аракс, вероятно, не были редкими.

Для закрепления этой экспансии, Менау на правом берегу Аракса, у современного селения Ташбурун (на северном склоне Арарата) создал свой административный центр. Урартская крепость была построена на месте захваченного города Лухиуни, города местного правителя Иркуа (Ирекуа, Ерикуа).

Важное стратегическое значение этого пункта подчеркивается также неоднократными упоминаниями его в урартских эпиграфических памятниках. Так, сведения о захвате города Лухиуни и о победе над Иркуа имеются в пяти надписях (СICh, 21, 22, 23, 24, 25).

Одна из урартских надписей, открытых около Ташбуруна, содержит следующее указание: „... этот храм мощный Менау, сын Ишпуинна, построил, крепость построил мощную (мощно), назвал ее Менаухинили“. Из приведенного текста видно, что вновь выстроенной крепости (в ассирийской клинописи эта идеограмма означает также „дворец“) было присвоено имя урартского царя.

В 1893—94 гг. в районе Ташбуруна А. А. Ивановский по поручению Московского Археологического общества произвел в нескольких местах раскопки.³ Им были обследованы остатки большого поселения, где проведенные работы открыли комплекс зданий и пять крепостей, защищавших это поселение с юга и запада.

А. А. Ивановский обратил внимание на то, что керамический материал из раскопок в Ташбуруне оказался очень близким к мате-

¹ С. F. Lehmann-Haupt, Über neugefundene Menuas-Inschriften, VBGAEU, 1900, 572—574.

² И. И. Мещанинов, Надпись Менау из Зивина, ДАН—В, 1931, 69; см. также Г. В. Церетели, Урартские памятники Музея Грузии, 43.

³ М. В. Никольский, МАК, V, 21.

риалу из Закавказских могильников и, в частности, из каменных ящиков, раскопанных им-же в Азербайджане.¹

Все три клинообразные надписи, известные в окрестностях Ташбуруна, были открыты до раскопок. Место находки надписи, текст которой был приведен выше, к сожалению, осталось неустановленным.

Вторая надпись, помещенная на камне от постройки, согласно сведениям, сообщенным местными жителями, найдена на древнем поселении, где раскопками 1893—94 гг. была открыта группа зданий. Надпись рассказывает о взятии города Лухиуни, покорении местного правителя Иркуа, а также об урартских строительных работах (постройке крепости и „ворот бога Халда“).

Третья, большая наскальная надпись была открыта в горном ущелье, где находились также две небольшие крепости, обследованные А. А. Ивановским. Надпись содержит сведения о покорении страны Ерикуахи (по М. В. Никольскому—Эридуахи) и города Лухиуни. Заканчивается она формулой проклятия против разрушителей надписи.

Район Ташбуруна, несомненно, имел для урартов большое стратегическое значение, и сооруженные там укрепления служили базой для дальнейшего движения урартов на север, за Аракс.

М. В. Никольский в комментариях к опубликованным им Ташбурунским надписям с полным основанием писал: „... найденные в этих развалинах клинообразные надписи проливают свет на то значение, какое имела эта местность за восемь веков до р. х., что именно она была для ванских царей ключом к Эриванской равнине, что здесь впервые стал твердою ногою первый из ванских царей, проникший в долину Аракса, Менуа“.²

Аргишти, сын Менуи

В начале VIII в. Ванское царство начинает занимать главенствующее положение в северо-восточной части Передней Азии. Расширение его границ, особенно на западе, овладение средним течением Евфрата и продвижение в северную Сирию представляли для Ассирии серьезную опасность, так как это продвижение урартов перерезало пути сношений с Малой Азией.

Ассирия принуждена была начать решительную борьбу с Ванским царством. И в списках событий по годам (эпонимах) из десяти лет правления ассирийского царя Салманасара IV шесть лет обозна-

¹ А. А. Ивановский, МАК, VI, 45.

² М. В. Никольский, МАК, V, 21.

чаются событиями—„в страну Урарту“ (781—778, 776 и 774 гг.)¹, причем в 774 г. упоминаются походы в город Нисибин и в страны Урарту и Намри.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют с полной уверенностью разрешить вопрос, относятся ли эти сведения ассирийских эпонимов к последним годам царствования Менуа или же уже к началу правления его сына Аргишти. Вторая возможность кажется более вероятной.

Лемани-Гаупт приобрел в Мосуле обломок камня с ассирийской надписью, происходящий из района Дехока.² В тексте, очень трудном для понимания, говорится о битвах ассирийцев под начальством военачальника (туртана) Шамшиилу с урартами, причем текст упоминает имя Аргишти.

Шамшиилу был одним из самых известных ассирийских туртанов, ставшим впоследствии наместником западных областей Ассирии (Тил-Барсип); его имя встречается в эпонимах 780, 770 и 752 гг. Возможно, что события, о которых говорит эта стела, относятся к началу царствования Аргишти, а именно к 780 г. При раскопках древнего города Тил-Барсипа, в северной Сирии, во дворце наместника были открыты две статуи львов, с вырезанными на них ассирийскими надписями, рассказывающими, между прочим, о победах туртана Шамшиилу над царем Урарту Аргишти.³

Таким образом, мы видим, что Аргишти, сын Менуи, вступил на урартский престол⁴ в тяжелое для Урарту время и с первых же лет своего царствования ему пришлось вести борьбу с Ассирией. Но из этой борьбы Аргишти в конце концов вышел победителем. В Хорхорской летописи, высеченной на Ванской скале и содержащей описание событий за 14 лет правления Аргишти, в V году летописи упоминается победа над Аршитаном (Ашурданом), царем Ассирии.

Хорхорская летопись является для нас ценнейшим источником изучения политической истории Урарту времени Аргишти, сына Менуи. Это ее значение не обесценивается тем обстоятельством, что она не охватывает все годы правления Аргишти и что события, изложенные в ней, нельзя связать с определенными годами правления этого царя.

Первые три года по летописи заняты походами на север и

¹ A. Ungnad, Eponymen, Reallexikon der Assyriologie, II, вып. 5, 1938, 430.

² C. F. Lehmann-Haupt, Materialien, № 25, стр. 45; его же Armenien, II, 1, 374.

³ M. Mallowan, The Syrian city of Til-Barsib, Antiquity, Sept., 1937, IX, № 43, 330 (по работе E. Thureau-Dangin, M. Dupand, Til-Barsib, Paris, 1936).

⁴ Судя по надписи у Тавризских ворот Ванской крепости, ранее престолонаследником был Инушпуа, сын Менуи.

освоением южных областей Закавказья; возможно установить даже маршруты этих походов. Так, во время похода I года летописи урартские войска направились в страну Диауехи, оттуда прошли к южному берегу оз. Чалдыр (древнее, название озера остается неизвестным) и взяли там город Макалтуни, местоположение которого определится надписью Сардура, сына Аргишти, открытой у сел. Даш-керпи. После взятия Макалтуни урарты двинулись на восток и вступили в страну Эрах, находившуюся к северу от горы Арагац¹.

Во II году кроме закавказских походов Хорхорская летопись упоминает также поход на запад, к городу Мелита (в Малатню) и дальше, в северную Сирию (страна Хате).

Начиная с V года летописи, шесть лет правления Аргишти были заняты напряженной борьбой с Ассирией за овладение приурмийским районом, в особенности южным и юго-восточным побережьем озера Урмии (страны Мана, Парсуа, Урме), т. е. за овладение теми странами, которые уже при Менуа² были присоединены к Урарту. Во время этих походов урарты забирали богатую добычу; за один только поход VI года летописи было захвачено 18827 пленных, часть которых была убита, а часть уведена в центральную часть Урарту, 606 лошадей, 184 верблюда, 6257 голов крупного рогатого скота и 33203 овцы. Во время этих походов урартские войска доходили до Ассирии.

Последний год летописи снова отмечает поход в Закавказье. Укреплению урартской власти в Закавказье Аргишти, сын Менуи, уделял много внимания; это подтверждается также и тем обстоятельством, что из 18 известных в настоящее время его надписей 12 найдены на территории Армянской ССР.

Продвижение урартов на север привело также к тому, что урартский административный центр был перенесен из Менуахинили (Ташбурун); через Аракс, в Закавказье.

Местоположение этой древней крепости, названной по имени урартского царя Аргиштихинили („постройки Аргишти“?), нам хорошо известно. Она находилась на холме у современного селения Армавир (бывш. Курдуклю). Здесь же, по всей вероятности, была и древнейшая столица Армении—Армавир, основанная, согласно преданию, приведенному Моисеем Хоренским, Армаисом, внуком Хайка. Армавир уже давно привлекал к себе внимание историков и археологов. В 1831 г. французский ориенталист Сен-Мартен, желавший переехать в Россию для работы на Кавказе, указывал на необходимость раскопок Армавира, местоположение которого было им неверно определено.

¹ А. Н. Sayce, JRAS, XIV, 1882, 625.

² Надпись Таш-тепе (СICh, 20), надпись из Муша; см. И. И. Мещанинов, Халдская надпись Менуи из села Муша, ДАН—В, 1930, 206.

Одним из первых ученых, высказавших мнение о том, что древняя столица Армении—Армавир, находилась на северном берегу Аракса, около сел. Курдуклю, мнение твердо установившееся в исторических трудах по Армении, был Дюбуа де Монперё (F. Dubois de Montpéreux), путешествовавший по Армении в 30-х годах XIX в. При описании холма Дюбуа де Монперё отмечал, что на его вершине сохранилась древняя стена, а сам город, расположенный на равнине, совершенно разрушен, и объяснял это тем, что постройки города были преимущественно глинобитными.¹ Основательному разрушению крепости и города содействовало также расхищение камня местными жителями для строительства. С Армавирского же холма брались камни и для постройки крепости сардара в Сардарабаде.

В 1869 г. в этом районе была найдена первая клинообразная надпись, усилившая интерес к Армавиру. Обследование Армавира было поставлено в план работ подготовительного комитета к V Археологическому Съезду.

Раскопки были начаты в мае 1880 г. А. Д. Ерицовым и продолжены осенью того же года А. С. Уваровым.² На самом холме („Блур“) были заложены три траншеи, обнаружившие остатки очагов и большое количество обломков керамики. Кроме того, у холма были раскопаны два могильника, давшие разновременные погребения. В северном костяки лежали в направлении с востока на запад; при них были найдены бронзовые кольца и браслеты, а также стеклянные и сердоликовые бусы. Во втором, южном могильнике, костяки лежали на правом боку с согнутыми ногами, „при них попадались горшки, обсидиановые ядрища и железные предметы“. Могилы были обложены камнями.

А. С. Уваров приводит следующее описание стен, сохранившихся на вершине холма: „Как прямые стены, так и стены башни имеют одну и ту-же ширину, аршина в четыре. С внутренней и внешней стороны они облицованы большими квадратными камнями из черносиневатой базальтовой лавы, правильно обтесанными. Камни эти имеют два аршина в толщину, и в боках заметны углубления для прикрепления каких-нибудь металлических скоб. На лицевой поверхности, по краям, проведена правильная полоска, и затем вся средняя часть выступает вперед в виде босажа (bossage). Таким образом, камни раз сложенные вместе, обрисовывают желобком всю четырех-

¹ F. Dubois de Montpéreux, Voyage autour de Caucase, chez le tcherkesses et les abchases, en Colchide, en Armenie et en Crimée, III, 1839, 418—419.

² А. С. Уваров, Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира, Протоколы Подготовительного Комитета V Арх. Съезда в Тифлисе, 1882, 439—449. Перепечатано в Сборнике мелких трудов А. С. Уварова, II, 1910, 140—148.

угольную поверхность, отчего босаж резко выдается".¹ „Такая кладка стен, как я покажу далее—писал А. С. Уваров,—тождественна с другим армянским памятником IV в., а следовательно, эти развалины не древнего Армавира, а какой-то крепости того же IV в. после р. х“². Для подтверждения своей датировки А. С. Уваров сравнивал строительные остатки на Блуре с храмом в Гарни и с примыкающей к нему крепостью.

М. В. Никольский с полным основанием возражал против такой датировки стен Армавирского холма и указывал, что рустовка (bassage) характерна именно для урартских построек, приводя в качестве примера камень из стены с урартской надписью, найденный в районе Армавира.³

В настоящее время известно 15 урартских клинообразных надписей, происходящих из окрестностей Армавирского холма, причем древнейшие из них относятся ко времени правления Аргишти, сына Менуи (вторая четверть VIII в.), а самая поздняя, повествующая о постройке крепости, содержит имя Русы, сына Эримены (начало VI в.).

Эти надписи свидетельствуют о больших строительных работах, проведенных урартами в районе своего административного центра в южном Закавказье.

Одна из надписей сохранила нам и название построенной урартами крепости. Она начинается следующими словами: „Аргишти, сын Менуа, говорит: крепость мощную я построил, назвал ее Аргишти-хинили“. Далее рассказывается о проводке канала (от реки Мунани) и о разведении виноградников и садов.

На заботу урартов об ирригационной системе в районе Армавира указывает надпись, отмечающая проводку канала Аргишти, сыном Менуи, и находившаяся у русла древнего канала, отходившего от Аракса, неподалеку от места впадения в него Арпачая.⁴

По всей вероятности, эти работы урартов касались лишь расширения ирригационной системы, сооруженной местными жителями еще до прихода урартов. При археологическом обследовании различных районов Армении постоянно встречаются остатки древних каналов, при которых иногда находились колоссальные каменные статуи рыб, с различными символическими знаками, известные в археологии под термином „вишапы“. ⁵ Н. Я. Марр относил эти изваяния к до-

¹ А. С. Уваров, ук. соч., 443.

² А. С. Уваров, ук. соч., 444, приводимая А. С. Уваровым датировка храма и крепости Гарни ошибочна.

³ М. В. Никольский, МАК, V, 57.

⁴ М. В. Никольский, ук. соч., 37.

⁵ Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов, Вишапы, 1931; Б. Б. Пиотровский, Вишапы, Каменные статуи в горах Армении, 1939.

урартской эпохе, но следует заметить, что их датировку крайне трудно обосновать, так как они до сих пор стоят особняком и резко отличаются по своему стилю от всех известных нам на территории Армении древних памятников.

Из района Армавира известны там также две базы от колонн с надписями: „Богу Халду величайшему (владыке) Аргишти, сын Менун, этот храм построил“,¹ доказывающие наличие в южном Закавказье храмов, посвященных урартским богам.

На основании большого количества клинописных памятников, отмечающих интенсивную строительную деятельность урартов в южном Закавказье, М. В. Никольский считал, что „по всему вероятию, Армавир имел значение в религиозном отношении еще в дованский период Урарту не меньше, чем город Ван в ванский период. Когда политический центр был перенесен на юг и северные страны, входившие в древнее царство Урарту, настолько отдалились от него, что ванским царям приходилось возвращать их вновь посредством завоевания, культ Армавира был в упадке, храмы пришли в ветхость, жертвы прекратились. Завоевав левый берег Аракса в нынешней Эриванской равнине, Аргишти восстановил прежнее религиозное значение этого места“.²

Это свое предположение М. В. Никольский подкреплял ошибочным переводом часто встречающейся в урартских надписях фразы: *ĒKALLU badusie šidistubi terubi*.

Эту фразу, наличную также в Армавирских надписях, М. В. Никольский, следуя общепринятому в урартоведении переводу, переводил „дворец разрушенный я восстановил, обстроил“. Такое понимание текста не может теперь считаться правильным, так как прилагательное *badusie* совсем не означает „разрушенный“, а, повидимому, отмечает качество постройки, как например, „мощный“, „крепкий“, имея в своей основе корень *bad-*. Вместе с тем и глагол *šidistubi terubi* следует переводить не „я восстановил“, а „я постройкой закончил“, т. е. „я построил“. При учете того, что идеограмму *ĒKALLU* (ассир. „дворец“) для урартских надписей в некоторых случаях надо переводить „крепость“, „замок“, вся вышеприведенная фраза получит следующий перевод, совершенно противоположный старому, а именно: „крепость мощную я построил“.

При современном состоянии знаний урартского языка можно спорить относительно точного перевода прилагательного *badusie*, но совершенно бесспорным является ошибочность прежнего понима-

¹ М. В. Никольский, ук. соч., надпись № IV; Б. Б. Пиотровский, Шахриарская клинообразная надпись, ДАН—В, 1931, 25.

² М. В. Никольский, ук. соч., 41, см. также 38.

ния этого текста, как сообщения о производстве реставрационных работ.¹

Из района Армавирского холма нам известен большой археологический материал, относящийся к различному времени, часть которого датируется концом II и началом I тысячелетия. Эти древнейшие памятники, совершенно аналогичные найденным в других районах Армении, не дают никакого основания говорить о наличии здесь в середине IX в. Урартского центра.

Следует, конечно, пожалеть, что до сих пор из Армавирского района мы располагаем лишь подъемным материалом или же случайным находками. Систематические раскопки здесь не производились. В 1927 г. в план работ Кавказского историко-археологического института (Тбилиси) и Комитета Охраны древностей Армении было включено исследование Армавира. Тогда же совместная экспедиция этих двух учреждений приступила к работе, отказавшись, однако, от производства раскопок и органичив свою деятельность описанием наземных памятников и составлением генерального топографического плана.²

Значение Аргиштихиинили для истории южного Закавказья второй четверти VIII в. очень велико.

Этот урартский центр являлся базой для походов в различные районы Закавказья с целью их эксплуатации или же включения в состав Ванского царства.

Отсюда совершались походы на восток к оз. Севан, а также на север, за г. Арагац. Путь к оз. Севан, который шел по Занге, отмечается также и местонахождением надписей Аргишти, сына Менуи.

Продвижение урартов к оз. Севан с юга, через Даралагез, по видимому, было затруднено сильной заболоченностью берегов Аракса в восточной части Айратской равнины.³

Около древней крепости Аринберд (Ганли-тапа), на окраине Еревана, был найден камень из кладки стены с надписью, свидетельствующей, что построил эту крепость Аргишти. Последняя строка надписи, начинающаяся числом 10100, непонятна. Обычно в этих цифрах видят указание на число камней, употребленных для постройки, переводя слово *karī* как „камень“.⁴ Но по аналогии этого текста с

¹ Перевод слова *badusie*, как „предназначенный для обитания“, которого придерживается Г. В. Церетели (Урартские памятники Музея Грузии, 40—41), кажется мне менее правдоподобным, чем тот, которого придерживаюсь я.

² Бюллетень Кавк. Ист. Арх. Ин—та, № 1—3, 2928, 19—20 и № 4, 1928, 15.

³ С. Д. Лисицкая, Кошун-даш, Академия наук СССР Н. Я. Марру, Сборник статей, 1935, 711.

⁴ М. В. Никольский, Клинообразная надпись из Ганли-тапа, ДВ, II, 1894.

надписью Бостан-кая, где карі выступает как мера поля или виноградника¹ (может быть, урожая, собранного с поля или виноградника)², я думаю, что и в данном случае речь идет о величине (площади) крепости.

Развалины Аринберда, крепости построенной урартами, были обследованы в 1893 г. А. А. Ивановским, опубликовавшим также ее схематичный план.³

Вверх по Занге, примерно в 15 клм. от Еревана, около сел. Элар еще в 1862 г. была открыта другая клинообразная надпись Аргишти, сына Менуи.

Клинопись вырезана на громадном камне неправильной формы, находящемся на краю ущелья, против сел. Элар. Между селением и камнем с надписью находится холм с развалинами древней крепости и обширным поселением вокруг нее. Надпись рассказывает о походе в страну Этиуни и о захвате страны Улуани и страны города Дарани.⁴ Вполне вероятно, что древняя крепость с поселением у сел. Элар и есть город Дарани, упоминаемый в надписи, тем более что сама крепость по характеру кладки и своему плану очень близка к известным нам урартским и, повидимому, была сооружена в VIII в. Но она продолжала служить местом поселения и значительно позднее, о чем свидетельствуют результаты раскопок 1926—27 гг., а также подъемный материал. Раскопки доказали, что и в более древний, доурартский период на месте крепости существовало поселение.

Локализация страны Этиуни, упомянутой в начале надписи, встречает большие затруднения. Название страны Этиуни имеется также в надписи Аргишти, сына Менуи, найденной в древней крепости у Сарыкамыша.⁵ Впервые страна Этиуни встречена в надписях Ишпуина и Менуи (СICh, 13), где упоминаются страны Уитеру, Луша и Катарца. В надписи Аргишти из церкви Сурб-Сахак, в Ване (СICh, 112), рассказывается о походе в Этиуни и о покорении стран Днауехи, Луша, Катарца и Эрах. В Хорхорской летописи (СICh, 111) название Этиуни встречается пять раз, причем в заключительной части летописи оно стоит как вместе с названием приурмийской страны Мана и города Арда (Мусасира), так и вместе с названиями южно-кавказских стран—Эрах, Катарца и Ишкигулу.

¹ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 1932, 474.

² На древнем Востоке площадь поля исчислялась иногда по количеству зерна при посеве; такова ассирийская мера „имеру“.

³ А. А. Ивановский, МАК, VI.

⁴ М. В. Никольский, МАК, V, 104.

⁵ М. В. Никольский, ук. соч., 90.

Невольно возникает вопрос—не является ли термин Этиуни не собственным именем, а описательным названием страны, наподобие термина „страна Бабания“, который теперь переводят как „горная страна“.

Не помогают истолкованию названия страны Этиуни часто предлагавшиеся сопоставления этого названия с племенным названием удии и предположение о перемещении страны Этиуни, связанном с миграцией закавказских племен. Также нет достаточных оснований для того, чтобы считать Этиуни общим (собирательным) названием мелких стран южного Закавказья, хотя некоторые указания урартских текстов, как например: *burgalali ŠARRANI MATU etluḫinili*, где цари Этиуни даны во множественном числе,¹ как будто делают возможным такое толкование.

Третья надпись Аргишти, сына Менуи, была открыта у сел. Ордаклю, у северо-западной оконечности оз. Севан.

На берегу озера, по дороге в сел. Севан (б. Еленовку), заметна небольшая гряда скал, на одном из камней которой и вырезана клинообразная надпись.

Надпись рассказывает о захвате страны города Киехуни до города Иштикуни. Неподалеку от клинописи имеются также развалины древней крепости, занимающие обширную площадь. Крепость расположена к юго-западу от селения у шоссе, ведущего из Ордаклу в Нор-Баязет, и занимает группу невысоких холмов, подступающих к неширокой низменной части берега.²

Массивные стены, шириною до 4 м., охватывают как вершины холмов, так и ложбины между ними, образуя целую систему отдельных замкнутых участков. Внешние стены, спускаясь к воде, пересекают побережье, единственный удобный для прохода путь. На вершине основного крепостного холма имеются развалины постройки, около которых находится камень с 12 чашечными и одним квадратным углублениями.

Датировка наземных сооружений Ордаклинской крепости до раскопок весьма затруднительна. По всей вероятности, они позже урартского времени, но не подлежит сомнению, что на этом самом месте и в урартский период существовало поселение-крепость. Во всяком случае, среди подъемного материала на крепостных холмах имеются отдельные фрагменты древней керамики (начала I тысячелетия).

¹ А. Н. Sayce, JRAS, XIV, 550.

² Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, Крепости Армении доурартского и урартского времени. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 5—6, 56.

Значение Ордаклинской крепости уже с первого взгляда представляется совершенно ясным—она служила преградой для доступа к западному севанскому побережью с севера, этим объясняются ее размеры и мощность сооружений.

Вопрос о том, проник ли Аргишти, сын Менуи, далее в Севанский район, остается открытым, так как на западном и южном берегах озера его надписи отсутствуют, а Хорхорская летопись не упоминает стран Севанского района.

Другой путь походов, снаряжавшихся в Аргиштихинили, шел на север, к западному склону горы Арагац.

Надпись Аргишти на скале у сел. Гулиджан (сев. зап. склон Арагаца) рассказывает о походе в страну Кулиаини и захвате города Дурубани.

Самая северная из урартских надписей, сохранившихся на территории Армянской ССР, находится на левом берегу Арпачая, у сел. Ганлиджа. Текст надписи следующий: „Халду великому Аргишти говорит: я завоевал страну Эрах, я завоевал город Ирданиуни до страны Ишкигулу“.

Неподалеку от скалы, на которой вырезана надпись, находится холм, возвышающийся над ущельем Арпачая, на котором сохранились остатки построек, по всей вероятности, замка Вахрамашен, принадлежавшего князю Вахраму Пахлавуни (X—XI в. н. э.). Предположение М. В. Никольского¹ о существовании на этом месте крепости урартского времени, камни которой были использованы для более поздних построек, вполне вероятно.

Ганлиджинская надпись интересна для нас тем, что она дает возможность локализовать страны Эрах и Ишкигулу, известные по целому ряду урартских текстов. Страна Ишкигулу упоминается также в тексте клинообразной таблички, найденной при раскопках на Топрах-кале.

Во второй четверти VIII в., как мы видим, области южного Закавказья становятся частью Ванского царства, которое таким образом получило горные районы, богатые скотом, а также Айратскую долину, одну из лучших сельскохозяйственных долин Передней Азии.

Эта долина прочно закрепляется урартами, там создается административный центр (Аргиштихинили), где пребывал урартский наместник, по всей видимости, один для всех областей южного Закавказья.

Урату к концу царствования Аргишти, сына Менуи (середина VIII в.), находилось в зените своего могущества. Прочно закрепляется власть урартов в Закавказье и в приурмийском районе, успехом

¹ М. В. Никольский, МАК, V, 86.

завершаются походы, направляемые на запад, в хеттское государство. Северная Сирия становится зависимой от Урартского государства, которое таким образом захватывает себе все основные торговые пути Передней Азии.

Ассирия не может противодействовать экспансии выросшей силы Ванского царства и начинает терять область за областью, ее положение становится угрожающим. Положение Ассирии в первой половине VIII в. (времени царствований Ададнирари III, Салманасара IV, Ашурдана III, Ададнирари IV (?) и Ашурнирари VI) следует расценивать как экономический и политический упадок страны.

В результате всего этого прежнее главенствующее положение Ассирии в Передней Азии переходит к Урарту.

Глава VI

Урарту во второй половине VIII века

Сардур, сын Аргишти

Уже давно стал известен обнаруженный в церкви Сурб-Погос в Ване обломок большой стелы, на правой боковой части которой сохранился следующий текст: „Бог Халд выступил, великою милостью покорил он Мурини, царя страны Уеликухи, покорил он Циналиби, сына Луеху, царя страны города Тулиху, покорил он Ашурнирари, сына Ададнирари, царя страны Ассирии, покорил он страну Арме, покорил он Нихириани, царский город страны. Преклонились они перед Сардуром, сыном Аргишти“.¹

Этот текст очень показателен. Сведения о победе над Ассирией стоят в одном ряду со сведениями о завоеваниях в странах Закавказья. Ассирия уже не в силах активно бороться против Ванского царства. Ассирийская царская династия постепенно выпускает из рук приобретения войны Ашурнасирапала II и Салманасара III, ее правление делается бесцветным.

По Хорхорской летописи мы знаем, что Аргишти одержал победу над Ашурданом; из приведенного текста мы узнаем о победе Сардура над Ашурнирари, который в ассириологии считается сыном Ашурдана,² а здесь назван сыном Ададнирари. Но уверенно утверждать об ошибке в урартском тексте нельзя; возможно, текст Сардура упоминает еще одного ассирийского царя, от которого до сих пор не дошло памятников.

Ванское царство, одерживая победы над Ассирией, не только распространило свое влияние в западных областях, в северной Сирии, т. е. в тех областях, к завоеванию которых стремилась Ассирия, но расширяло также свои владения и на севере, в Закавказье.

Страна Уеликухи находилась на западном побережье оз. Севан,

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, I, стр. 32—33.

И. И. Мещанинов, *Стела Сардура в Ване, Сурб-Погос, ИАН*, 1932, 161.

² Вейднер в своей хронологии ассирийских царей (*Archiv für Orientforschung*, IV, в. I, 802 и IV, в. 5/6, 217) считает Ашурнирари VI (753—746) сыном Ашурдана III (771—754).

в районе современного Нор-Баязета, а город Тулиху на юго-западном берегу озера.

На скале у сел. Атамхан еще в 1863 г. была открыта клинообразная надпись Сардура, поступившая позднее в Кавказский музей (ныне Музей Грузии), в Тбилиси.

Она рассказывает о факте, упомянутом также и текстом на обломке стелы из церкви Сурб-Погос в Ване: „Богу Халду могущественному. Сардур, сын Аргишти, говорит: город Тулиху, царский город Циналиби сына Луеха, в битве я взял, царя, мужчин и женщин я увел“.¹

При археологическом обследовании Севанского района нам, по-видимому, удалось установить местоположение города Тулиху. Остатки этого укрепленного города находятся на низменном берегу озера, недалеко от шоссе, примерно между 10 и 11 километровыми столбами от Мартуни.

Невысокий крепостной холм является наиболее крупной возвышенностью на ровном берегу озера между сел. Атамхан и сел. Эранос. Несмотря на плохую сохранность крепости, все же можно проследить с северо-восточной ее стороны две линии ограждений, опоясывающих довольно широкие террасы, спускающиеся к озеру. Прослеживаются также участки стены, окружавшей площадку крепостного холма. Стены внешних ограждений сохранились в виде кладки в один ряд больших каменных глыб, стена же площадки холма представляет обычную для крепостей урартского времени кладку из двух рядов камней с завалом между ними.²

Для истории Ванского царства времени правления Сардура, сына Аргишти, исключительное значение имеет памятник, открытый в 1916 г. экспедицией Русского Археологического Общества в Ван. При раскопках ниши „Хазине-капуси“ („Дверь сокровищ“) на северной стороне Ванской скалы И. А. Орбели открыл стелу на постаменте, клинообразный текст которой представлял летопись Сардура.

Надпись занимает все четыре грани стелы и переднюю сторону постамента; кроме того, части текста были также помещены на южной и восточной стенах ниши. Всего сохранилось 265 строк клинописного текста; таким образом, летопись Сардура является крупнейшим урартским эпиграфическим памятником, который по величине можно сравнивать только с Хорхорской летописью Аргишти.

К востоку от ниши со стелой находилась вторая ниша, также

¹ М. В. Никольский, МАК, V, 110—116, № XVI.

² Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, Крепости Армении доурартского и урартского периода, Проблемы истории материнской культуры, 1938, № 5—6, 58.

раскопанная экспедицией. Стелы там не оказались, но в полу ниши было обнаружено углубление, гнездо, в котором некогда был установлен памятник. По всей вероятности, в восточной нише помещалась стела, содержащая начало летописи, но об этом речь будет ниже.

Изучение текста надписи представляет целый ряд трудностей; кроме невозможности, при настоящем уровне наших знаний урартского языка, дать достоверный перевод всего текста, очень трудно установить последовательность его отдельных частей. К сожалению, верхняя часть стелы отсутствует, что сильно затрудняет установление связи между текстами четырех граней памятника.

Обычно, на четырехгранных урартских памятниках текст расположен следующим образом—начало помещалось на широкой лицевой грани стелы и затем текст переходил на следующую справа грань. Таково расположение текста на стеле из Топузавы и на стеле из Муша, где заключительные строки надписей легко распознаются по формулам проклятия.¹

Казалось бы, что и тут началом текста следует считать текст лицевой широкой грани, но Н. Я. Марр, исходя из текста, все же первым столбцом считал левый узкий. Дело в том, что на второй широкой грани упоминается поход третий раз в страну Эрах, что будет правильным лишь в том случае, если мы за первый поход примем поход, упомянутый на левой узкой грани. Но в этом случае не исключена все же возможность, что сведения о первом походе в Эрах находились на уничтоженной стеле восточной ниши или же помещались в отбитой верхней части памятника. Поэтому последовательность частей текста летописи, предложенную Н. Я. Марром, следует считать условной.

Летопись² рассказывает лишь о военных деяниях Сардура и содержит описание походов восьми лет его царствования. Изложение событий каждого года заканчивается трафаретной фразой, отмечающей, что описанные дела выполнены за один год; отсутствие верхней части стелы часто затрудняет отнесение того или иного события к определенному году, так как изложение событий одного и того же года переходит иногда на другой столбец.

I год первого столбца летописи (по Н. Я. Марру) был занят походами в страны Мана (юг оз. Урмии) и в Эрах (к северу от г. Арагац)

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien* II, 1, 291; И. И. Мещанинов, *Халдская надпись Менун из сел. Муша*, ДАН—В, 1930, 206.

² Н. Я. Марр и И. А. Орбели, *Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван*. 1922; M. V. Tseretheli, *Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu*, 1928 ССШ, 132.

„Сардур говорит: затем направился я в страну Мана, страну захватил я, поселения сжег и разрушил, страну опустошил,¹ мужчин и женщин угнал я в Биайну. Город Дарабани, крепость укрепленную их в битве захватил я, людей там покорил (?) я, страну в мою страну включил. В том же году, затем, направились войска в страну Эрах, страну они захватили, поселения сожгли и разрушили, страну опустошили, мужчин и женщин в Биайну угнали. Халду великому Сардур говорит: всех (?) людей пленными там я сделал, 3225 мужчин там я взял, 4928 женщин, всего 8153 человека. Некоторых я убил, некоторых живыми увел, 412 коней, 6665 голов крупного рогатого скота, 25735 овец (я захватил)“ (I, 12—49).

Текст II года летописи рассказывает о походе в страну Кулха, о победе над Хахани, царем страны Хушаалхи и о походе в Закавказскую страну Абилианих. Из побежденных стран было пригнано много пленных и большое количество крупного и мелкого рогатого скота (II, 1—16).

В III год Сардур предпринял вторичные походы в страны Эрах и Абилианих. „Бог Халд выступил, великою милостью покорил он царя страны Эрах, покорил он страну Абилианих, повергнуты они перед Сардуром, сыном Аргишти“ (II, 19—22). „Сардур говорит: выступил я в страну Эрах, захватил Эрах, страну в один день покорил“ (II, 25—27). После разгрома Абилианих местный правитель сдался на волю урартского царя, о чем летопись говорит следующими словами: „Пришел Мурины Абилианихский, обнял Сардуковы колени“... (II, 36—38).

IV год летописи касается походов на северо-запад от Урарту, против Рашуни, царя страны Руишиани и Диуцини, царя Йганини (II, 49—53).

Повидимому, к этому же году надо отнести походы в страны Куммух и Уихи-Рухи. Сардур жестоко расправился с Куммухом, оказавшим ему упорное сопротивление. В побежденной стране были сожжены не только поселения и крепости, но и люди. На развалинах и пепелище Куммуха Сардур установил свои победные стелы (III, 5—15).

В V год летописи был совершен поход в Закавказье, в район оз. Севан, где были покорены цари страны Уедури-Этиуни, Аркукини, Каамани и Луеруни (III, 45—53). К этому же году следует отнести походы в страны Пулуа и Лулуина, а также поход в третий раз в страну Эрах, описанный так: „Сардур говорит: в том же году третий раз направился я в страну Эрах, страну захватил, поселения сжег и

¹ Буквально „сожрал“, так как в других местах текста этот глагол передан идеограммой рта.

разрушил, страну опустошил, мужчин и женщин угнал в Бнайну, крепости там построил, страну в мою страну включил. Богу Халду великому, Сардур говорит: пленными там сделал я, 6436 мужчин там я взял, 15553 женщины угнал, всего 21989 человек, некоторых убил, некоторых живыми увел. 1613 коней, 115 верблюдов, 16529 голов крупного рогатого скота я угнал, 37685 овец я угнал" (IV, 19—33).

VI год летописи был занят войной на западе, против Кушташпи, царя страны Куммух. Поход этот окончился успешно, Сардuru удалось склонить Кушташпи на свою сторону и получить от него богатые дары—40 мин (около 20 кг) золота, 800 мин серебра, свинец и большое количество бронзы (IV, 36—57).

События VII года изложены в тексте на постаменте стелы. Там упоминаются походы на северо-запад, в страны Куриани и Игани, причем царем Игани в этот раз назван уже не Днуцини, упоминаемый при описании событий IV года, а Капурини. К VII году относятся и походы в Закавказье, а именно в страны Абилианих, Эрах и Уеликухи, причем правителем последней страны назван Нидини (V, 19—21). Осенний поход этого же года был направлен в Севанский район, в страны Аркукини, Адахуни, Луипруни, Эшуман, Каамни, Кухаалбани, Ухуини и Тернани (V, 21—26).

В надписи на восточной стене ниши, повидимому, надо видеть изложение событий VIII года, но возможно, этот текст является заключительным текстом стелы восточной ниши. В нем описываются походы в страны Мана, Бабилу, в Урме и в Закавказье.

Особый интерес вызвало упоминание страны Бабилу. Н. Я. Марр видел в нем название Вавилона, полагая, что этот термин указывает на поход в Ассирию.¹ В. В. Струве считал, что текст летописи отмечает походы на Вавилон.² Но я думаю, что более прав Сэйс, сопоставлявший Бабилу клинописного текста с Бабирсу Страбона, около Артаксаты.³

В тексте на южной стене ниши особое внимание вызвало упоминание страны Шура,⁴ имеющееся также и в Хорхорской летописи. В урартской царской титулатуре титул „царь страны Шура“ встречается с древнейшего времени (надписи Ишпуина). Сэйс название „страна Шура“ признавал названием одной из коренных областей

¹ Н. Я. Марр и И. А. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, 1922.

² В. В. Струве, Урарту—древнейшее государство на территории СССР, Ученые записки Ленингр. Гос. Унив. № 19, 1938, 141.

³ A. Sayce JRAS, XIV, 640 и 639.

⁴ И. И. Мещанинов, Шура и Урурдан в клинописных памятниках Ванского бассейна, ДАН—В, 1924, 19.

Урарту,¹ к чему в общих чертах склонялся и Н. Я. Марр. Линч полагал, что под термином Шура надо разуметь часть Сирии, против чего возражал М. В. Никольский, видевший скорее в этом названии Ассирию,² что вряд ли можно считать правдоподобным.

Не исключена возможность, что в термине „страна Шура“ мы должны видеть не собственное имя страны, а нарицательное имя, может быть, „страна обширная“, подразумевая под этим совокупность завоеванных стран. Тогда может стать понятным и соответствие урартского титула „царь страны Шура“ ассирийскому „царь вселенной“, о чем я уже говорил³. Этим объясняется и то обстоятельство, что страна Шура в летописи встречается в заключительной части, не носящей характера отчета о походе, но, к сожалению, в очень трудном для понимания тексте.

Летопись Сардура дает громадный материал по походам в Закавказье, свидетельствуя о том, что включению этих земель в состав Ванского царства урартские цари придавали большое значение.

Во времена Сардура урартским административным центром в Закавказье оставался Аргиштихинили. Из района Армавирского холма происходят шесть клинообразных надписей, строительного и культового характера, с именем Сардура, сын Аргишти. Они отмечают постройку крепостей, храмов, разведение виноградников, сооружение стел с культовыми надписями („ворота бога Халда“) и приношение жертв. По этим надписям Аргиштихинили представляется урартским центром, живущим цветущей жизнью. Он являлся также и базой для урартских походов в различные районы Закавказья.

В Севанском районе урарты подчинили себе западный и южный берега оз. Севан, о чем рассказывают как летопись, так и отдельные надписи, найденные на территории Закавказья. О покорении страны Уеликухи (район Нор-Баязета) мы знаем как из летописи Сардура, так и по тексту обломка надписи из церкви Сурб-Погос в Ване. Последняя надпись отмечает также покорение города Тулиху, местоположение которого определяется Атамханской наскальной надписью на юго-западном берегу озера.

Летопись Сардура говорит также о покорении целого ряда приозерных стран, среди которых находится и страна Аркукини (Аргукини). Эта страна является крайней страной на юго-восточном побережье оз. Севан. У современного сел. Загалу на массиве, перерезающем низменное побережье, расположена древняя крепость, напомина-

¹ A. Sayce, JRAS, XIV, 716 и XLIII, 621.

² М. В. Никольский, ДВ, I, в. 3, 407.

³ См. выше, стр. 66.

ющая по своему местоположению крепость у сел. Ордаклю. На скале, под древней крепостью находится клинообразная надпись, рассказывающая о покорении Сардуром страны Аркукини.¹

Крепость у Загалу представляет собою характерный образец сооружений урартского времени в Закавказье,² но выделяется своими крупными размерами.

Около крепости находится большой курганный могильник, материал из которого нам известен по раскопкам Е. А. Лалаяна 1906 г.³ На террасе ниже крепостной площадки и в балке имеется целый ряд земляных курганов с каменными склепами.

Материал из раскопок Е. А. Лалаяна в Загалу, хранящийся в Музее Грузии в Тбилиси, разновременен, но в основной своей части он датируется второй четвертью I тысячелетия, представляя близкую аналогию материалу, добытому раскопками Э. Реслера, В. Белька и А. А. Ивановского в Азербайджане и раскопками Ж. де-Моргана и Н. Я. Марра в Армении.

Надпись в Загалу является наиболее восточной из известных в настоящее время урартских клинообразных надписей в Закавказье, но это обстоятельство вовсе не дает нам основания считать Загалу пределом урартских походов при Сардуре. Летопись в нише Ванской скалы содержит целый ряд географических названий, связанных с Севанским районом, местоположение которых мы не можем определить.

Из Аргиштихили урарты совершали походы и на север, в частности, в страну Эрах, но на этом пути клинообразные надписи Сардура, сына Аргишти, не обнаружены. Возможно также, что в страну Эрах урарты проникали с запада, через побережье Чалдырского озера, на берегу которого была открыта клинопись, рассказывающая о захвате Сардуром города Макалтуни страны Ухиме, города, упоминавшегося еще в Хорхорской летописи Аргишти. К озеру Чалдыр урартские войска могли двигаться также и из страны Диаухи, где власть урартов была довольно крепкой; через эту страну лежал путь урартских походов на северо-запад и в восточную Каппадокию.

Кроме успешных действий в Закавказье и на северо-западе Урарту, Сардур продолжал укрепление урартской власти в приурмийском районе и в западных областях, в частности, в северной Сирии, не встречая противодействия со стороны Ассирии.

Летопись Сардура рассказывает о победе урартов над Кушташпи, царем Куммуха (Кумахахали), а самая западная из урартских над-

¹ М. В. Нинольский, МАК, V, № XV.

² Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, Крепости Армении доурартского и урартского периода, Проблемы истории материальной культуры, 1938, № 5—6, 56.

³ *Արքայադարանի Հանդես* (.Этнографическое обозрение), XV, 1907, 165—206

лисей, на скале у сел. Изоглу, на левом берегу Евфрата¹, свидетельствует о походах Сардура через Евфрат и о захвате города Мелита (современной Малатии).

В середине VIII в. Ванское царство находилось в зените своего могущества и Сардур, сын Аргишти, по праву носил титулы царя „страны стран“ и „царя царей“. Господство Ванского царства в Передней Азии не встречает противодействия.

Походы Тиглатпаласара III против Урарту

В начале второй половины VIII в. положение дел в Передней Азии изменяется. В 745 г., после восстания в Калху, на ассирийский престол вступил Тиглатпаласар III. Произведя реорганизацию армии, значительно усилившую мощь ассирийского войска, Тиглатпаласар приступил к восстановлению прежних границ Ассирии и к возврату потерянных владений.

Естественно, Ассирию особенно тревожило Ванское царство² и в первую голову, укрепление урартов в северной Сирии, через которую шли все торговые сношения с Малой Азией. По дошедшим до нас ассирийским перечням событий,³ мы знаем, что в третий год своего правления, т. е. в 743 г., Тиглатпаласар двинулся в северную Сирию, к городу Арпаду и одержал тогда же победу над урартским войском. Следующие три года правления Тиглатпаласара были заняты укреплением ассирийской власти в Сирии, после чего ассирийский царь стал готовиться к походу на Урарту, который был осуществлен в 735 году.

Сведения о войне Тиглатпаласара с урартами имеются в его анналах, двух надписях из Нимруда и в тексте на глиняной табличке Британского Музея.⁴

Анналы дошли до нас в сильно разрушенном состоянии, так как большинство камней с текстом было использовано при постройке дворца Асархаддона, причем поверхность камней с клинописью подвергалась отеске. Это весьма затруднило установление последовательности частей текста, вырезанного на отдельных камнях.⁵ Изложение

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien I*, 1910, 481.

² Б. Б. Пиотровский, *Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э.*, ВДИ, 1930, № 1 (6), 65.

³ P. Rost, *Die Keilschrifttexte Tiglat-Pileasers III*, 1893, стр. XII; A. Ungnad, *Eponymen, Reallexikon der Assyriologie*, II, 1938, 430 и 431.

⁴ Все надписи приводятся в указанной книжке Роста, кроме того, надпись из Нимруда (1) и текст глиняной таблички опубликованы Шрадером в серии *Keilschriftliche Bibliothek*, II, 1890, 2 и 8.

⁵ E. Schrader, *Zur Kritik der Inschriften Tiglat-Pileasers II*, *Abhandl. d. Königl. Akad. d. Wissensch.* 1879 (отдельный оттиск, 1880).

событий в надписях Тиглатпалассара группируется в большинстве случаев не по годам, а по отдельным областям, что часто затрудняет разрешение вопроса, к какому году (743 г. или 735 г.) относятся сообщаемые ассирийскими текстами сведения о военных действиях ассирийцев против урартов.

К 734 г. следует, повидимому, отнести текст анналов, рассказывающий о победе Тиглатпаласара над Сардуром. Там сообщается о союзе Сардура с четырьмя сирийскими князьями: Матнилу из страны Агуси, Суламалем, князем Мелиты (район Малатии), Тархулара из Гургума (Мараш) и Куштаппи из Куммуха (Коммаген), упомянутом и летописью Сардура в нише Ванской скалы. Далее говорится о победе над этой коалицией и захвате огромного числа пленных, которые были уведены в Ассирию. Сам Сардур бежал под прикрытием ночи, и Тиглатпаласар преследовал его только до границ Урарту, до моста (переправы) через реку Евфрат. Анналы перечисляют богатую добычу, захваченную в урартском военном лагере, среди которой находились походное ложе урартского царя, его драгоценности, кольцо-печатка и царская колесница.¹

В надписях из Нимруда (I и II) рассказывается о союзе Сардура с Матнилу и о поражении урартов в местности между Киштан и Халпи, областями страны Куммух. В одной из надписей (II) сообщается, что Сардур после разгрома своего войска ночью верхом на кобыле ускакал в горы. Указание на то, что урартский царь ускакал на кобыле, является, повидимому, насмешкой над воином, потерявшим своего боевого коня.²

Далее рассказывается о походе ассирийцев в Урарту и об осаде цитадели города Тушпы, в которой отсиживался Сардур. „Сардура урарта в Турушпе (Тушпе), его главном городе, я запер, большое побоище устроил перед городскими воротами, изображение моего Величества установил я напротив города“.

Разгромив город у Ванской скалы, Тиглатпаласар направился вглубь Урарту и прошел страну „сверху донизу“, не встретив сопротивления. В одной из надписей (II) в конце описания похода в Урарту сообщается, что несколько урартских крепостей (поселений) и река Каллама были причислены к Ассирии и присоединены к провинции ассирийского туртана, а частью—и к стране Наири.³

Повидимому, оба текста из Нимруда рассказывают о событиях 735 г., но вполне возможно, что они содержат сведения о войне

¹ P. Rost, Ук. соч., 12.

² С. F. Lehmann, Tiglatpileser III gegen Sardur von Urartu, VBGAEU, 1896, 321.

³ E. Klauber, Assyrisches Beamtentum nach Briefen der Sargonidenzeit, 1910,

ассирийцев с урартами сразу за два года (743 г. и 735 г.). В научной литературе существуют различные мнения относительно маршрута похода Тиглатпаласара в Урарту.

Бельк полагал, что ассирийская армия двигалась прямо из Ассирии, и считал возможным два пути. Первый—из Ниневии или Калху по Большому Забу до Джуламерка и далее до Башкала, и оттуда по урартской военной дороге в Ван. Второй—из Джуламерка, через Били—Мерване—Шатах и Мукус, к южному берегу оз. Ван.

Но Лемани-Гаупт справедливо возражал Бельку, указывая на то, что путь, восстанавливаемый Бельком, очень труден и почти невозможен для продвижения войска и считал, что Тиглатпаласар двигался в Ванское царство с запада.

На это указывают и ассирийские тексты, в которых дается последовательность завоеванных стран, начиная с города страны Энзите (район истоков Тигра). По всей видимости, базисом для походов в Урарту был город Арпад.¹

Мы очень мало знаем о конце царствования Сардура. Я думал раньше, что установление летописи Сардура в нише Ванской скалы следует отнести ко времени после 735 г.² Но это предположение отвергается упоминанием в летописи подчинения царя Куммуха, Кушташи, что могло произойти только до 743 г.

Можно полагать, что летопись Сардура, охватывающая события с самого начала его царствования, была написана на двух стелах, причем летопись первых лет была установлена в восточной нише, а последующих—в западной. Ведь на стеле, открытой И. А. Орбели, нет описаний походов в Ассирию, имевших место в первой половине царствования Сардура, и отсутствуют описания тех событий, о которых рассказывает обломок стелы из церкви Сурб-Погос, несомненно относящейся к началу правления Сардура, на что указывает имя ассирийского царя Ададнирари. И не будет большой неожиданностью, если обломок стелы из церкви Сурб-Погос окажется обломком памятника, находившегося в восточной нише.³

Трудно сказать, кем и когда была разрушена стела восточной ниши. Возможно, она была разбита ассирийцами при осаде Ванской цитадели, так же как урарты после снятия осады до основания уничтожили рельеф с изображением Тиглатпаласара, который был высечен на скале около Тушпы, о чем рассказывает ассирийская летопись.

Военным успехом Тиглатпаласара был нанесен серьезный удар

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 77.

² Б. Б. Пиотровский, *Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э.*, ВДИ, 1939. № 1 (6). 67.

³ Н. Я. Марр и И. А. Орбели, *Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван*, 192

Ванскому царству, приведший к тому, что при ослаблении центральной урартской государственной власти от Урарту стали отпадать области, входившие в его состав, и преемнику Сардура, Русе, пришлось заново собирать земли Урарту.

Урартское государство

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению истории Ванского царства, следует кратко остановиться на характерных чертах государств Передней Азии I тысячелетия. Прежде всего, надо отметить крайнюю непрочность государственных объединений и неустойчивость их границ. Эта особенность, присущая всем государствам Древнего Востока, проходит красной нитью через древнюю историю Передней Азии.

Естественное разделение труда между отдельными районами, особенно между горными и низменными областями, очень рано привело к широкому междуобщинному обмену, а затем к развитой торговле.

Уже Саргон Аккадский достигал „кедрового леса“ и „серебряных гор“, т. е. Ливана и Тавра, а в середине III тысячелетия правитель Лагаша, Гудеа, как рассказывают его надписи, доставлял в Шумер строительный лес с гор Амана, а диорит для статуй из Аравии, для чего снаряжались специальные караваны.

В начале III тысячелетия в Каппадокии существовала аккадская „торговая фактория“ и „купцы“, отлично знавшие караванные пути, предлагали Саргону Аккадскому свои услуги в качестве проводников его армии.

Передняя Азия начала I тысячелетия была перерезана торговыми путями, в общих чертах совпадавшими с более поздними караванными дорогами, имевшими часто существенное значение при возвышении того или иного государства Древнего Востока.¹

Сохранились обломки позднеассирийских дорожников, написанных на глиняных табличках, составленных, как арабские дорожники IX—X вв. н. э., с указанием расстояний (в днях) между отмеченными в дорожнике местностями.²

Металл стал уже обычным предметом обмена, и в Закавказских могильниках встречаются бронзовые браслеты, не случайно связанные по своему весу с основной древневосточной мерой веса—миной.³

А в могильниках Нагорного Карабаха, который не входил в со-

¹ A. Billerbeck und A. Jeremias, *Der Untergang Nineveh's*, *Beitrage zur Assyriologie*, III, 174.

² B. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I, 339.

³ J. de Morgan, *Mission scientifique au Caucase*, I, 1889.

став Ванского царства, но был с ним в постоянных сношениях, обнаружены отдельные золотые предметы явно переднеазиатского происхождения. Так, в Арчадзорском кургане, раскопанном в 1894 г. Э. Реслером, был найден цилиндр из листового золота с изображениями животных, а в Ходжалинском могильнике, откуда происходит агатовая пронизка с ассирийской клинописью, упоминающей имя царя Ададнрари, в кургане № 20 был обнаружен золотой обломок, изображающий голову льва.

На более ранние несомненные связи Древнего Востока с Кавказом указывают как Майкопский курган, так и курганы эпохи ранней бронзы в Триалети (Цалка).

Широкие торговые сношения и междуобщинный обмен обусловили также частые войны между отдельными областями, при которых обмен заменялся насильственным захватом. При непрочных политических объединениях война приобретала исключительное значение, выступая как своеобразная форма обогащения; куда не мог обратиться торговец, туда пробирались воины, и ассирийские цари в своих надписях именуются иногда „доблестными героями, открывающими горные пути“.

Войны сопровождалась походами на дальние расстояния. Во время похода Саргона 714 г., похода, который, по сравнению с другими, не может считаться особенно далеким, ассирийская армия прошла около двух тысяч километров. Эти далекие походы направлялись не в неизвестные страны и никогда не являлись случайными.

Клинописные документы ассирийских архивов показывают, что походам предшествовали подготовительные работы, и, в частности, наблюдения за действиями противников, о чем свидетельствуют донесения ассирийских разведчиков, направлявшихся во вражеские страны со специальными заданиями.

Эти постоянные войны являлись крупной разрушительной силой, особенно в местностях с ирригационной системой. Ассирийская литература оставила нам красочные описания опустошения захваченных областей и жестокой расправы с непокорными противниками.

Урарты, в этом отношении мало в чем уступали ассирийцам, и в летописях урартских царей постоянно встречается, ставшая стереотипной, фраза: „страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил, мужчин и женщин увел в Биайну“.

Древневосточные источники также постоянно отмечают переселение и угон жителей из захваченных областей, что являлось и характерной чертой ассирийской военной политики. Пленные жители вместе со скотом, а часто и со всем имуществом, переселялись на другие места, иногда чрезвычайно отдаленные от их родины.

На рельефах Ашурнасирапала II имеется следующий текст: „Древний город Калху, выстроенный Салманасаром, царем Ассирии, моим предшественником, пришел в ветхость и разрушился. Этот город я вновь выстроил и в нем поселил людей, захваченных моей рукой, из стран, которые я победил“.¹ Далее идет перечень местностей, откуда происходят переселенцы. В строительных надписях Синахериба и Асархаддона неоднократно приводятся перечни местностей, где были захвачены пленные, участвовавшие в строительных работах.

Часть пленных уводилась в Ассирию в качестве рабов. На рельефах Синахериба имеются изображения сооружения платформы для строящегося дворца. Там, среди носильщиков, выполняющих трудную работу по переноске корзины с землей и крупных камней, изображены люди, закованные в кандалы, что указывает на их подневольный труд.² И в Урарту, как во всяком ранне-классовом обществе, рабство имело большое значение, но источники наших сведений не дают возможности выявить специфику урартского рабовладения.

Покоренные области обычно включались в состав государства, что в урартских летописях выражалось фразой „страну в мою страну включил“. Описание взятия Мусасира Саргоном заканчивается следующими словами: „Людей области Мусасира к людям Ассирии я причислил, повинности воинские и строительные я наложил на них, как на ассирийцев“.³ Повидимому, урартская политика по отношению к завоеванным странам совпадала с ассирийской.

В покоренные области назначался наместник, обычно военачальник, становившийся полным хозяином области; он следил за порядком и принимал меры к своевременной уплате податей и налогов. Таких наместников, называвшихся в урартской клинописи ассирийским термином „bēl raḥāti“, сажало и Урартское государство в завоеванных им областях, ставших его окраинами. Из текстов нам известно, что урартские наместники назначались и в те области, где сохранялся местный правитель. Так, в Мусасире, наряду с местным правителем Урзаной, имелся урартский наместник Аналукуну, известный нам по ассирийским текстам. Те же тексты говорят и об урартском наместнике в стране Алзи.

Система управления на местах и разделения царства на отдельные округа, во главе которых находились наместники, была проведена в Урарту с большой последовательностью, что несомненно имело

¹ В. С. Голенищев, Описание ассирийских памятников, изд. Эрмитажа, 1897, 42.

² A. Patterson, The Palace of Sinacherib, табл. 34—35.

³ F. Thureau-Dangin, Une Relation de la huitième campagne de Sargon, 1912, 65.

исключительное значение в деле укрепления Ванского царства. Форрер (E. Forrer) полагает даже, что реформа административного управления Ассирии, проведенная Тиглатпаласаром III, имела в качестве образца урартское административное управление. Но для борьбы с чрезмерным усилением наместников, округа Ассирии были меньше по размерам.¹ Дальше мы увидим правильность этого мероприятия, проведенного Тиглатпаласаром, так как чрезмерно усилившиеся урартские наместники пытались нанести решительный удар урартской царской власти.

Но все же, несмотря на эту организацию государства, окраины Урарту были крайне ненадежны. На окраинах Ванского царства постоянно вспыхивали восстания отдельных племен, объединявшихся в союзы против урартов. О непрочности урартской власти на периферии государства свидетельствуют неоднократные походы урартов в те области, которые считались входящими в состав Ванского царства.

Подвижность этих непокорных небольших племен очень затрудняла борьбу с ними, и когда приходили войска из центра государства для их усмирения, то они легко снимались с места и уходили в горы. В ассирийских летописях часто употребляется выражение, что враги при приближении ассирийцев „улетали, подобно птицам“, или „уплывали, подобно рыбам“.

Вполне понятно, что отдельные племена окраинных областей больших государств, приведенные в покорность лишь силой оружия, при ослаблении государственной власти легко восставали и возвращали свою прежнюю независимость. Все это характеризует и иллюстрирует чрезвычайную неустойчивость государств Передней Азии, обусловившую вместе с тем и постоянные передвижения отдельных племен, теснимых неприятелем, или же, в свою очередь, теснящих своих соседей.

Кроме того следует также отметить, что большинство Переднеазиатских государств, как и Урарту, не представляли собою этнического и культурного единства, их окраины существенно отличались от центральной части. Так и области Закавказья, входившие в состав Урарту, по своей культуре были ближе к другим районам Закавказья, не подчиненным урартам, чем к центральной части Ванского царства.

Указанными особенностями переднеазиатских государств объясняется и непрочность Урартского государства, от которого каждый год отпадали и снова присоединялись целые области. Все это делает понятным почему после поражения, нанесенного урартам войском Тиглатпаласара III, государство Сардура распалось.

¹ E. Forrer, Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches, 1921, 49.

Руса, сын Сардура

Состояние источников изучения урартской истории таково, что некоторые периоды жизни этого государства остаются совершенно неосвещенными, так что по существу мы располагаем лишь фрагментами и отдельными звеньями цепи истории Ванского царства. К таким темным, не освещенным материалами периодам истории Урарту относится конец правления Русы, вступившего на престол около 730 г.

Руса стал царем Ванского царства в тяжелое время. Кроме собирания земель, отпавших от Урарту после 735 г., пришлось также вести упорную борьбу с наместниками областей царства, стремившимися к самостоятельности.

В ассирийском тексте, описывающем VIII поход Саргона, рассказывается, что в Мусасирском храме находилась статуя Русы с надписью: „С моими двумя конями и моим возничим, моими руками завоевал я царство Урарту“.¹

Издатель этого текста, Тюрро-Данжен (F. Thureau-Dangin) из приведенной надписи сделал заключение, что Руса не был сыном своего предшественника Сардура, а явился узурпатором, основателем новой династии. Он полагал, что Сардуром, сыном Аргишти, закончилась династия Менуи и Русу I он отождествлял с Русой, сыном Эримены, надписи которого сохранились на обломках бронзовых щитов, найденных при раскопках храма на Топрах-кале.

Лемани-Гаупт также считал, что в конце царствования Сардура наступило смутное время и что престол был узурпирован Русой, происходившим от боковой линии, берущей начало от Сардура, сына Ишпуина.²

Лемани-Гаупт возражал против отождествления Русы I с Русой, сыном Эримены, как это делал Тюрро-Данжен, которому были неизвестны урартские надписи, в которых Руса I именовался сыном Сардура, считая однако, что имя отца Русы лишь случайно совпадало с именем его предшественника—Сардура, сына Аргишти. Прямое указание на узурпацию Русой урартского престола Лемани-Гаупт видел в надписи на статуе Мусасирского храма, сравнивая ее с легендой о Дарии, по которой персидский царь покорил страну с помощью своего коня. Вторым основным доводом Лемани-Гаупта в пользу насильственного захвата Русой престола Сардура является перенос царской резиденции с Ванской скалы на отроги горной цепи Зымзым-даг (Топрах-кале).

Мне кажутся доводы, приводимые Лемани-Гауптом, неубедитель-

¹ F. Thureau-Dangin, Une Relation de la huitième campagne de Sargon, 63.

² C. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 1931, 461, 685 и 855.

ными. Перенос резиденции урартских царей с Ванской скалы на Топрах-кале вполне естественен, так как при осаде Тиглатпаласаром цитадели города Тушпы поселение около Ванской скалы было, вероятно, основательно разрушено ассирийцами, а сады вырублены. Надпись же на статуе, я думаю, указывает вовсе не на узурпацию власти, а на восстановление Урарту, на собрание отпавших от него, при временном ослаблении государственной власти, областей.

Если бы Руса действительно был узурпатором, то вряд ли стал бы он выписывать свое отчество (Руса, сын Сардура), где имя отца совпадало с именем свергнутого им царя, тем более что упоминание отчества не является обязательным для урартских надписей. Кроме того, если бы Руса был незаконным наследником престола, ассирийские тексты, описывающие войну Ассирии с Урарту, не преминули бы отметить незаконность его власти, как это они часто делали по отношению к узурпаторам.

Руса продолжал политику Сардура, по расширению границ Ванского царства и укреплению государственной власти на окраинах. Но главное его внимание было направлено на Закавказье и Приурмийский район.

В Закавказье в это время произошли большие изменения. Аргиштихили, прежде единый административный центр всего Закавказья, теперь, повидимому, потерял это свое значение, так как Закавказье было разделено на несколько округов, во главе которых стояли самостоятельные наместники. В этом выразились необходимые мероприятия, направленные против роста силы наместников.

Из района Армавира (Аргиштихили) нам известна только одна надпись, относящаяся ко времени после Сардура, сына Аргишти. Это—надпись Русы, сына Эримены, повествующая о постройке крепости.

С другой стороны, в Закавказье Руса I проводит широкую строительную деятельность, не ограничиваясь районом Аргиштихили, причем вновь выстроенные крепости в некоторых случаях становятся местом пребывания урартского наместника.

В Севанском районе имеются две крепости, построенные, согласно связанным с ними клинообразным надписям, урартами, причем нам известны и их названия—одна крепость носила имя бога Халда, а другая Тейшебы.

Первая из них находилась на высокой скале, господствующей над гор. Нор-Баязетом. На угловом камне из кладки стены этой крепости сохранилась клинообразная надпись следующего содержания: „Богу Халду величайшему Руса, сын Сардура, говорит: царя страны Уеликухи я покорил, рабом взял в плен, страну во владение захва-

тил, наместника (bēl raḥāti) сюда поставил, ворота бога Халда и крепость мощную построил, назвал (ее) городом бога Халда страны Биайны великой“...

Перевод последних двух строк надписи неясен.¹

Страна Уеликухи, упоминаемая в этой надписи, встречается не только в другой надписи Русы из Севанского района (около Цовинарской крепости), но и в эпиграфических памятниках из центральной части Ванского царства.

Так, вышеприведенная надпись Сардура из церкви Сурб-Погос, в Ване, упоминает о покорении Мурины, царя Уеликухи, а столбец V летописи Сардура говорит о захвате в стране Уеликухи (Уеликуни) 22 крепостей и о подчинении урартам правителя ее, Нидина.

Археологическая карта Нор-Баязетского района, составленная для Исторического Музея Армении, отмечает целый ряд поселений, центральным из которых является крепость у Нор-Баязета. Камень с надписью Русы, происходящий из кладки стены, свидетельствует о том, что именно сохранившиеся участки стен относятся к сооружению урартского времени; да и сами стены, очень характерные по конструкции, не оставляют в этом никакого сомнения.

Значительная по площади крепость,² имеющая в плане, соответственно занимаемому ею массиву, вытянутую форму, разделялась поперечной стеной на две части. Восточная часть, над обрывом, меньшая по площади, но обнесенная более мощной стеной, представляла собою, вероятно, цитадель, в которой помещался урартский наместник, заменивший местного правителя.

По всей видимости, „город царский“ страны Уеликухи, упоминаемый в летописи Сардура, и есть эта Нор-Баязетская крепость. Во всяком случае, нет достаточных оснований для того, чтобы „городом царским“ считать крепость, расположенную ниже по р. Гавар, у сел. Кишляг. Эта небольшая крепость (Кишляг), так же как и две другие (Кишляг II, Мртби-дзор), представляют по отношению к Нор-Баязетской крепости лишь служебное, защитное значение. Две крепости около сел. Кишляг, расположенные на берегу Гавара, друг против друга, как раз в том месте, где возвышенный массив грани-

¹ Надпись издана: Գ. Ղափանցյան, Նոր-Բայազետի սեպագիր արձանագրությանը, ՀՍԽՀ Գրտ. և արվեստի ինստ. Տեղեկագիր, 1938, 75—108. (Г. Капанцян, Клинообразная надпись из Ново-Баязета, Изв. Инст. Наук Армении, № 4); И. И. Мещанинов, Халдская надпись из Нор-Баязета, ДАН—В, 1928, 168—174; J. Friedrich, Inschrift des urartischen Königs Rusa I aus Nor-Bajazet, Archiv Orientalni, III, 2, 1931.

² Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, Крепости Армении доурартского и урартского времени. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 5—6, 51.

чит с прибрежной низменностью, уже по своим размерам и положению указывают на то, что они не имели самостоятельного значения.

От крепости на правом берегу р. Гавар сохранились небольшие участки стен, сложенных из крупных каменных глыб.

Левобережная крепость представляет несколько иную картину. В ней кроме цитадели с довольно хорошо сохранившейся стеной имеется еще внешнее ограждение из крупных камней, не составляющее замкнутой линии. Стены цитадели представляют собою кладку из двух рядов каменных глыб, с завалом из мелких камней между ними. На угловых частях стены, так же как и на прямолинейных ее участках, имеются выступы, наподобие контрфорсов, характерные для урартских построек и имеющиеся в Нор-Баязетской крепости. Въезд в цитадель находился в ее юго-восточной части.

Третья крепость, представляющаяся также связанной с Нор-Баязетской, находится к югу от нее, у оврага Мртби-дзор или Мтрибидзор. По своему внешнему виду она близка к правобережной Кишлягской. Ограда из больших каменных глыб, с кладкой в один ряд, закрывает северную и восточную стороны крепостного участка, тогда как с юга и запада естественную защиту представляет крутой каменный склон возвышенности. Около укрепления, у восточной его части, находится ряд погребений с внешним признаком каменного навала и круглого в плане ограждения. Эти погребения были раскопаны Е. А. Лалаяном в 1906 г. во время его работ в Нор-Баязетском районе.¹

Но кроме отмеченных крепостей, связанных с центральным укрепленным поселением, в Нор-Баязетском районе имеется целый ряд других крепостей, частью самостоятельного значения. Среди них выделяется крепость южнее сел. Кулали, с хорошо сохранившимся древним поселением.

Не считая все крепости, обследованные нами в районе Нор-Баязета, одновременными, я все же нахожу возможным основную их часть датировать первой половиной I тысячелетия и относить их к древней стране Уеликухи, одной из приозерных стран.

Страна Уеликухи, по всей вероятности, занимала долину р. Гавар и прибрежную полосу от места, занимаемого древним монастырем Айраванк и до сел. Башкянд.

Эта небольшая по площади и населению страна, входившая в коалицию приозерных областей, оказывала упорное сопротивление

¹ *Աղագրական Հանդես* (Этнографическое Обозрение), XIV, 1906, 5-37; Е. А. Лалаян, Раскопки в Ново-Баязетском уезде ССР Армении, Русский Антропологический журнал, XVII, 3-4, 1929, 59.

продвигавшимся урартам, на что указывают неоднократно приводимые в урартских надписях сведения об ее покорении.

Вторая урартская крепость, связанная с клинообразной надписью Русы, сына Сардура, находится на южном побережье оз. Севан, между сел. Цовинар (Келаграном) и Алучалу.¹ Крепость была сооружена на возвышенности, перерезывающей низменный берег озера.

В северной части этой возвышенности, над водой озера, находится вырезанная на скале клинообразная надпись, неоднократно привлекавшая внимание исследователей.² Основным изданием этого текста до последнего времени являлось издание М. В. Никольского, пользовавшегося эстампажем, снятым А. А. Ивановским. Все предыдущие издания по копиям Месропа Смбалянца и Белька передавали надпись в крайне искаженном виде.

В 1927 г. Комитетом Охраны Древностей Армении была снаряжена экспедиция, снявшая новый эстампаж с этой труднодоступной надписи. Текст надписи по новому эстампажу был переиздан Г. А. Капанцяном и И. И. Мещаниновым, причем чтение надписи оказалось существенно отличным от чтения М. В. Никольского. Передача текста исследователями, работавшими над эстампажем независимо друг от друга, совпадая в основном, все же имеет некоторые разночтения, разрешение которых оказалось возможным лишь при дополнительной работе над подлинником.

Надпись у Цовинарской крепости (Келагранская надпись) была мною обследована дважды, в 1932 и 1934 гг. В первый раз я сверял копию эстампажа с подлинником, подплыв на лодке, во второй же раз—спустившись на канате сверху.

Неровности поверхности скалы при нанесении клинописного текста не были сглажены и выщерблены в камне зачастую смущали исследователей, работавших по эстампажу. Сохранность надписи оказалась лучше, чем можно было предполагать: сбита средняя часть двух верхних строк и нижняя часть правой стороны текста. Остатки нижних строк во многих местах покрыты известковым налетом, закрывающим некоторые знаки.

¹ Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, ук. соч., 57; их же, *Kyklopische Festungen am Südufer des Sewansee*, Сб. кружка по изуч. Древн. Востока при Гос. Эрмитаже, 1 (8), 1933, 39—51.

² Впервые надпись опубликована Месропом Смбалянцем в журнале Лазаревского Института—*«Русский Вестник»*, 1863, № 53. Последующие основные издания: М. В. Никольский, МАК, V, надп. № 18; Г. А. Капанцян, *Халдская надпись Русы I из Келанкраи, Эривань*, 1931; И. И. Мещанинов, *Колагранская надпись*, ИАН, 1932, 73; его—же, *Восточное Закавказье времен халдских завоеваний*, ВДИ, I, 1937, 73

Привожу перевод надписи на основании транскрипции текста, полученной при сверке с подлинником трех копий по эстампажу (копии Г. А. Капанцяна, И. И. Мещанинова и моей):

„Богу Халду величайшему, владыке, Руса, сын Сардура (говорит): я эти страны в один поход подчинил (?), рабами полонил (?) страну Адахуни, страну Уеликухи, страну Луерухи, страну Аркукини; четырех царей ипани именуемых приозерной области,¹ страну Гуркумели, страну Шанатуанини, страну Терниушани, страну Зишуанини, страну ... зуанини, страну Арниани, страну Замаани, страну Иркиматариани, страну Елаани, страну Ериелтуанини, страну Андаманиуни, страну Гурианини, страну Алзирани, страну Туруанини, страну Меланини, страну Уидуанини, страну Атазаанини, страну Ери—... анини, страну Азамерунини; девятнадцать царей ишани именуемых, приозерной области² страны Бабаниа обширной.³ Всего двадцать три царя в один год я захватил, мужчин и женщины в Биайну увел. Во второй год я пришел, построил эти крепости ... области ... покорил. Эту крепость мощную построил, назвал бога Тейшебы городом страны Биайны великой“ ...

Далее помещена формула проклятия.

На массиве над надписью находятся развалины древней крепости, на которую уже довольно давно было обращено внимание. Бельк⁴ считал Цовинарскую (Келагранскую) крепость урартской постройкой, поместив ее в список известных ему образцов ванского строительства. Над надписью, повидимому, и сохранились развалины крепости, о которой говорит клинописный текст, называя ее городом бога Тейшебы.

Самая высокая часть крепостной площадки занята цитаделью, обнесенной со всех сторон стеной, со въездом в северо-западной стене. Кладка стен состоит из двух рядов крупных камней с завалом из мелких камней между ними. Ширина стен превышает 3 м., достигая 3,20 м. Следов сглаживания камней не заметно, имеется лишь грубая отеска выступающих поверхностей. Как и для всех известных мне циклопических крепостей Армении урартского периода, сохранившуюся кладку стен следует расценивать лишь как кладку основания, на котором возводилась кладка из сырцового кирпича. При разрушении стен крепости обвалившаяся часть сырцовой кладки легко смывалась и тем самым обнажалось каменное основание.

¹ По Мещ.: „четырех царей по эту сторону приозерья“.

² Мещ.: „девятнадцати царей дальше в сторону приозерья“.

³ Мещ.: „в горах высоких“.

⁴ W. Belck, Bauten und Bauart der Chalder, VBGAEU, 1895, 602.

Склон крепостного холма, особенно в северной его части, защищен от оползней подпорными стенками, которые подведены также и под углы четырехугольных башен цитадели.

Поселение, примыкавшее к восточной стороне цитадели, было также обнесено стеной. На его территории, повидимому, находился и древний могильник, разрушенный местными жителями.

Могилы, в виде небольших курганов с каменной насыпью или же в виде кромлехов, встречаются на холмах к востоку и юго-востоку от крепости. Из этих древних могил происходят две урартские конические печати, поступившие в 1915 г. в Музей Армянского Этнографического Общества.¹ Раскопки в крепости, произведенные в 1934 г. экспедицией Эрмитажа, также дали материал урартского времени.

Надпись Русы, сына Сардура, высеченная на скале под Цовинарской крепостью, представляет большой интерес. Как мы видели, в ней сообщается о покорении 23 стран, которые разделены на две группы. Первая группа состоит всего из четырех названий стран: Адахуни, Уеликухи, Кумерухи и Аркукини. Вполне убедительно предположение о том, что в первой группе перечислены страны побережья оз. Севан; местоположение двух из них, а именно Уеликухи и Аркукини, определяется бесспорно. Страна Уеликухи занимала среднюю часть западного побережья, а Адахуни восточную часть южного берега. Если мы допустим, что Цовинарская надпись перечисляет присеванские страны соответственно движению урартского войска, т. е. с севера на юг по западному побережью и затем с запада на восток по южному, то мы должны будем предположить, что страна Адахуни находилась севернее Уеликухи, в районе сел. Ордаклю, а Кумерухи в западной или центральной части южного побережья, так как юго-западный берег был занят страной Тулиху.

Если локализация стран первой группы Цовинарской надписи не вызывает в общем сомнений, то установление местоположения 19 стран, перечисленных во второй группе, встречает серьезные затруднения, так как ни одна из них не имеет достоверного соответствия среди названий, упоминаемых урартскими клинообразными надписями. Уже давно высказывалось предположение о том, что эти страны находились к востоку от оз. Севан, на территории Азербайджанской ССР; но существует и другое мнение, по которому все 23 страны находились в Севанском районе. Предположение о том, что 19 стран второй группы находились к востоку от озера Севан, не вызывает серьезных возражений—со стороны озера нет никаких естественных

¹ Б. Б. Пиотровский, Урарту и Закавказье, Краткие сообщения Инст. Ист. Материнской Культуры Акад. Наук СССР, III, 1940, 33.

препятствий для продвижения на восток, вплоть до Нагорного Карабаха, который постоянно был связан с Арменией. Но если продвижение урартов на восток от озера представляется правдоподобным, то совсем проблематичным остается вопрос относительно присоединения этих областей к Урарту, включения их в состав Урартского царства.

Существует и третья возможность локализации этих 19-ти стран, а именно—областями Передней Азии, выходящими даже за пределы Закавказья. В этом случае Цовинарскую надпись надо рассматривать как описание походов, совершенных урартским царем за один год. На допустимость этого предположения указывают некоторые названия стран: Замани (ассир. Бит-Замани), Гурниани (Курианини летописи Сардура) и Алзирани (ассир. Алзи).

Разумеется, Руса I не ограничивался укреплением своих границ на севере, он вел также упорную и длительную борьбу за влияние в южных от Урарту областях, как в стране Мана, Парсуа, так и в странах Мусасир и Наири.

В трудных условиях, в условиях внутренней борьбы с наместниками отдельных округов, старался Руса, сын Сардура, поднять пошатнувшуюся мощь Ванского царства и, как кажется, в этой своей деятельности он достиг определенных успехов.

Руса искусно проводил внешнюю политику. Учитывая возрастающую опасность со стороны Ассирии, он избегал открытых столкновений с вновь окрепшим постоянным врагом Ванского царства, но старался обеспечить безопасность границ своего государства путем или соглашений с правителями соседних стран или же вмешательства в их внутренние дела, возводя на престол правителей, сторонников Урарту.

Глава VII

Поход Саргона против Урарту в 714 году

Ассирийские летописи, содержащие чрезвычайно важный материал для истории Ванского царства, при всей их торжественности и славословии победам ассирийского войска, очень скупо и сжато рассказывают о событиях в однообразной, трафаретной форме. По сведениям, приводимым летописями, трудно судить о характере того или иного похода и вовсе нельзя представить себе его подготовку и ход военных действий.

Но один из эпизодов военной истории Ассирии известен нам довольно хорошо. Это—поход VIII года правления Саргона, снаряженный в 714 г. в страны, исходящиеся к северо-востоку от Ассирии. Упоминание об этом событии часто встречается в ассирийских исторических текстах, а в списках событий по годам (эпонимах) 714 год отмечен походом против страны Урарту и города Мусасира.¹

Довольно давно стали известны и изображения, иллюстрирующие этот эпизод истории Передней Азии.

При раскопках французского консула в Моссуле Ботта, в развалинах дворца Саргона (Дур-Шаррукин) у сел. Хорсабад в 1842—43 гг. были открыты два зала, украшенные рельефами с военными сценами похода 716 г. в страну Мана, к южному побережью оз. Урмии (зал XIV), и похода 714 г. в Мусасир (зал XIII). К сожалению, оба этих зала находились в сильно разрушенной северо-восточной части дворца и ко времени раскопок Ботта на стенах сохранились лишь отдельные камни с рельефами. На них изображены: осада крепостей, продвижение ассирийской армии и царской колесницы в горной местности, разграбление Мусасирского храма, взвешивание и увоз захваченной в Мусасире добычи.²

Рельефы из зал XIII и XIV дворца Саргона известны нам по рисункам Фландэна, так как сами памятники частью были оставлены на месте раскопок и засыпаны землей, частью же затонули в Тигре

¹ A. Ungnad, Eponymen, Reallexicon der Assyriologie, II, 5, 1938 (a-na mât U-ar]-tî âl Mu-ša-šir šal-di-a ...).

² E. Botta et Flandin, Monument de Ninive, II, табл. 139—147.

при их перевозке во Францию. Рисунки Фландэна выполнены чрезвычайно точно и тщательно, и по ним мы в полной мере можем получить представление даже о деталях изображений.

В 1912 г. ассириолог Тюро-Данжен опубликовал текст большой таблички, поступившей в Лувр из частных рук и рассказывающей о событиях, изображенных на стенах зала XIII дворца Саргона. Четыреста тридцать строк клинописного текста¹, в форме реляции богу Ашuru, содержат красочное и детальное описание похода 714 г.

Один край таблички был отбит и не поступил в Лувр. Этот недостающий кусок Луврской таблички был обнаружен среди материалов германской археологической экспедиции, производившей раскопки в городе Ашуре, и в 1922 г. он был опубликован Мейсснером².

Таким образом, становится вероятным, что табличка Луврского музея была открыта при раскопках германской экспедиции в Ашуре, но прошла мимо рук производителей работ.

Детальный рассказ о походе VIII года правления Саргона позволил целому ряду ученых сделать эту тему предметом специальных работ. Кроме указанной книги Тюро-Данжена и работы Мейсснера, походу 714 г. посвящены две специальные статьи Леманн-Гаупта³, а также работа Олбрайта⁴. Кроме того, в общих трудах по истории Древнего Востока этому походу обычно уделяется много внимания.

Кроме фактических сведений о ходе событий этого времени мы располагаем большим количеством совершенно исключительных документов, позволяющих изучать обстановку событий и отношения Ассирии с соседними странами.

В Ниневии, во дворце Ашурбанипала, уже давно был найден клинописный архив, из которого громадное большинство памятников поступило в Британский музей.

Текст большой группы табличек этого архива,⁵ представляющих собою письма, в клинописной транскрипции стал известен с 1892 г.,

¹ F. Thureau-Dangin, Une Relation de la huitième campagne de Sargon, p. 1012. Далее текст этот я буду именовать „Луврской табличкой“ или же „текстом Саргона“ (сокр. „Саргон“).

² B. Meissner, Die Eroberung der Stadt Ulu auf Sargons 8. Feldzug, ZA, XXXIV, 1922, 105.

³ C. F. Lehmann-Haupt, Musasir und der achte Feldzug Sargons II, Mitteil. d. Vorderas. Gesell., XXI, 1916, 119—151; его же, Zu Sargons II Feldzug gegen Urartu, 714 v. Chr., Klio, XV, 1918, 439—440.

⁴ W. F. Albright, The eighth campaign of Sargon, Journal of the American Oriental Society, XXXVI, 226—232.

⁵ Сокр. „Письма Куянджикского архива“; в скобках стоит № письма по изданию Вотермэна.

благодаря труду Гарпера (R. F. Harper),¹ а перевод их, выполненный Вотермэном (L. Waterman), издан в четырех томах² в период 1930—1936 гг.

Тексты эти содержали сообщения ассирийских разведчиков и агентов относительно соседних Ассирии стран, причем большое количество писем касается Ванского царства. Они представляют для нас совершенно исключительную ценность потому, что сообщают такие сведения, о которых умалчивают другие источники.

На основании их оказалось возможным дать общую характеристику отношений стран Передней Азии в конце VIII в. и в начале VII в. Из числа этих работ следует упомянуть работы Клаубера (E. G. Klauber),³ посвященные политике и культуре эпохи Саргонидов, Форрера (E. Forrer)⁴ о делении ассирийского государства на провинции и Олмстэда (A. Olmstead)⁵, издавшего в 1918 г. книгу о культуре Передней Азии времени Саргона. В своей „Истории Ассирии“⁶ Олмстэд специальную главу посвятил табличкам Куянджикского архива, обратив особое внимание на те, которые касаются взаимоотношений Ассирии с Урарту.

Олмстэд в своих работах датировал все письма, касающиеся Урарту, временем не ранее 710 г., считая, таким образом, что они рассказывают о событиях после 714 г. и что упоминаемым в них урартским царем является не Руса, сын Сардура, а его преемник—Аргишти.

С этим мнением, разделяемым многими историками Древнего Востока, трудно согласиться.

Несомненно, значительную часть писем Куянджикского архива, относящуюся к Урарту, следует датировать именно временем борьбы Саргона с урартским царем Русой.⁷

После постройки дворца Саргона (Дур-Шаррукин) прежняя резиденция ассирийских царей—Калху, остается резиденцией наслед-

¹ R. F. Harper, *Assyrian and Babylonian Letters belonging to the Collection of the British Museum*, I—VIII, 1892—1902 (издание Чикагского Университета).

² Leroy Waterman, *Royal correspondence of the Assyrian Empire*, I—IV, *University of Michigan Studies*, XVII—XX, 1930—1936.

³ E. G. Klauber, *Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit*, Leipz. 1931; его же, *Zur Politik und Kultur der Sargonidenzeit*, *American Journal of Semitic Languages and Literatures*, XXVIII, 101 и XXX, 233.

⁴ E. Forrer, *Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches*, Leipz. 1921.

⁵ A. T. E. Olmstead, *Western Asia in the Days of Sargon of Assyria*, New York, 1918.

⁶ A. Olmstead, *History of Assyria*.

⁷ Б. Б. Piotrovskiy, *Урартское государство во второй половине VII в.*, ВДИ, 1939, № 1 (6), 64—73.

ника престола. Так как до нас дошли сводки сообщений ассирийских агентов, составленные для Саргона его сыном, Синахерибом, и в письме Синахериба (№ 198) прямо говорится о приходе гонцов в Калху, Олмстэд делал вывод, что вся эта корреспонденция относится ко времени после постройки Дур-Шаррукина и в ней описываются события в Урарту, происходившие при царе Аргишти, сыне Русы.

К сожалению, в информационных письмах об урартском царе постоянно говорится без упоминания его имени, но, действительно, один раз, а именно в письме Уппахир-бела Саргону (№ 424), говорится о прибытии гонца от Аргишти. Казалось бы, что этим все сомнения разъяснены, но в действительности дело значительно сложнее.

В одном из сильно разрушенных писем (№ 441), на которое не обращалось внимания, явственно читается имя урартского царя Русы в обычной ассирийской его передаче — Урса.

В письмах Куюнджикского архива действительно часто упоминается Дур-Шаррукин (дворец Саргона), что является решающим доводом для датировки Олмстэда, но дело в том, что в группе писем, касающихся Урарту, мы не находим упоминаний Дур-Шаррукина.

Среди писем, опубликованных Вотермэном, имя дворца Саргона вместе с названием страны Урарту встречается только один раз, в очень непонятном письме (№ 544), имеющем совершенно особый характер.

Правда, Дур-Шаррукин встречается в письмах четырех корреспондентов, сообщавших в других своих письмах сведения об Урарту. Таково письмо Габбуана-Ашура (№ 122), извещающее царя о том, что он всю солому переправил в Дур-Шаррукин, а также письма Табшар-Ашура (№ 107 и 433), Ша-Ашурдуба (№ 138) и Шулму-бела (№ 890).

Но все эти чиновники были связаны с царем не один год, и отдельные их письма могут разделяться большим промежутком времени. Так, в частности, один из основных агентов, информировавший Саргона о событиях в Урарту, писец гарема Ашуррисуа, нес долготлетнюю службу, пережил, повидимому, самого Саргона и при его сыне Синахерибе впал в немилость.

Среди писем Британского музея имеется очень интересное письмо (№ 382) Ашуррисуа, адресованное одному из приближенных ассирийского царя: „Второму начальнику, моему господину, — твой раб Ашуррисуа. Привет моему господину. Почему господин мой молчит? Я, как пес, бегаю и молю (?). Я написал три письма моему господину, почему же господин мой не благосклонен и не пошлет

мне ответа? На должность, мою, господин мой, пусть я вернусь! Я, который, как сын, бегал (?) для твоего отца, который для тебя... (непонятный текст)... Как я писал, господин мой, пусть сделают. Сейчас я написал моему господину, пусть он скорее пошлет ответ на письмо“.

В этом письме провинившегося агента, с которым ассирийский царь не желает даже иметь дела, говорится о долголетней службе как для адресата, так и для его отца. Так почему же других корреспондентов Саргона мы должны считать кратковременными и ограничивать всю корреспонденцию, касающуюся Урарту, 710—709г., как это делает Олмстэд?

Несомненно, письма Куюнджикского архива, относящиеся к Ванскому царству, охватывают большой промежуток времени и повествуют о событиях, происшедших в Урарту как при Русе, сыне Сардура, так и при Аргишти, сыне Русы.

Сопоставляя эти письма, мы можем даже проследить изменения отношений Урарту с другими странами; так, в частности, в письме № 515 страна Зикирту выступает как союзник Ванского царства, а в письме № 205 отразились совершенно иные отношения Зикирту и урартского царя.

Вряд ли можно отнести ко времени после 714 г. сообщение Ашуррисуа о том, что „Манен восстали в поселениях урартского (царя) в области морского побережья“ (№ 381). Ведь после похода 714 г., как мы увидим ниже, урарты потеряли власть над страной Мана и вообще над всем южным и юго-восточным побережьем оз. Урмии. Несомненно, целый ряд других сообщений в письмах Куюнджикского архива относится ко времени именно похода Саргона против Русы, что я и попытаюсь показать, связав их с другими ассирийскими источниками.

Исключительный интерес для датировки некоторых писем Куюнджикского архива имеют заключительные строки Луврской таблички, содержащей описание похода 714 г., так как они сохранили нам и имя автора реляции, участника похода.

Это—главный „абаракку“ Табшар-Ашур,¹ хорошо нам известный по информационным письмам архива, где сохранилось 17 его подлинных писем, часть которых касается Урарту. Разве это не является убедительным доводом за то, что часть Куюнджикской корреспонденции относится именно ко времени VIII похода Саргона?

Мне пришлось несколько подробно задержаться на вопросе да-

¹ Текст Луврской таблички, 427: „Реляция Табшар-Ашура, главного абаракку, который привел в Ашур мое Величество“.

тировки писем Куюнджикского архива потому, что в научной литературе, как я указал выше, распространено мнение, расходящееся с моим и недостаточно обоснованное. Разбор датировки использованных мною документов я вынес вперед для того, чтобы не перебивать основной текст этой главы.

Следует также указать, что в вопросе о датировке писем Куюнджикского архива немалую роль при отнесении их ко времени после VIII похода сыграли сведения о неурядицах и смутах в урартском государстве, которые обычно связывались с положением Ванского царства, создавшимся после поражения, нанесенного ему Саргоном. Но это соображение ни в коей мере не может быть признано основательным, так как оно связано с чрезвычайно распространенным представлением о конце урартской истории в 714 г., которое опровергается как внимательным изучением последующих ассирийских источников, так и материалами из раскопок на Топрах-кале, у Вана, и на Кармир-блуре, в Закавказье.

В предыдущей главе мы уже видели, что после поражения Сардура Тиглатпаласаром урартская государственная власть сильно ослабела и от Ванского царства стали отпадать входившие в его состав страны, особенно периферийных частей государства. Русе, вступившему на престол после Сардура, пришлось заново собирать Урартское государство и, кроме того, вести тяжелую борьбу с усилившимися наместниками областей, старавшимися выйти из-под зависимости от урартского царя.

Закончив внутренние дела, Руса всецело стал проводить политику своих предшественников по расширению территории Урарту, но теперь это расширение шло главным образом за счет областей южного Закавказья.

Такая политика не вызывала противодействия Ассирии, для которой особенно опасным было укрепление Урарту в северной Сирии и в приурмийском районе. В 20-х годах VIII в. отношения Ассирии к Ванскому царству носили мирный характер. Салманасар V, занятый своими внутренними делами, не обращал особого внимания на Урарту.

Но это положение изменилось после 722 г., когда на ассирийский престол вступил Саргон, бывший, как теперь установлено на основании надписи на зигатти (декоративном гвозде) Стамбульского музея, родным сыном Тиглатпаласара III, а вместе с тем братом свергнутого им ассирийского царя.¹ С самого начала своего правления Саргон стал внимательно следить за событиями, происходивши-

¹ E. Unger, Sargon II von Assyrien, der Sohn Tiglatpilesers III, Publikationen der Kaiserl. Osmanischen Museen, IX, 1933.

ми в соседних странах. Об этом свидетельствуют письма ассирийских разведчиков, сохранившиеся в Куянджикском архиве.

События в Урарту особенно интересовали Саргона.

В этом отношении очень характерно письмо Упшакхир-бела Саргону (№ 424), в котором, между прочим, сообщается: „Я послал специального гонца, чтобы узнать новости страны Урарту. Он возвратился и сообщил по этому поводу следующее: правитель, который находится против нас в городе Харда, отправился с другим правителем... от города к городу до Турушпы я установил наблюдение...“

Габбуана-Ашур из пограничной ассирийской крепости писал (№ 123): „Мои гонцы пойдут к Набули, Ашурбельдану и Ашуррисуе, которые должны были отправиться. Мы не преминули записать имена всех людей. Каждый выполняет свою работу, нет никакого упущения. Мы многократно слышали следующее: Урартский (царь) из Турушпы не вышел и мы будем вести наблюдения, как приказал господин, мой царь. 16(?) числа месяца Таммуза я прибыл в город Курбан. 20 числа месяца Аб я отправил письмо царю, моему господину“.

Интересно, что лица, упоминаемые в приведенном письме, сами были резидентами. Так, Ашуррисуа был одним из самых деятельных разведчиков, и в коллекции Британского музея среди табличек Куянджикского архива хранится 11 подлинных его писем, а в 8 других письмах приводятся сообщенные им сведения.¹ Подлинных писем Набули не сохранилось, но его информации приводятся в трех письмах других корреспондентов.²

Сводки донесений составлялись наследником ассирийского царя,

11. Саргон. Рельеф из дворца Саргона. Туркский музей.

¹ Waterman, ук. соч., № 144, 145, 146, 147, 148, 380, 381, 382, 333, 491, 492, 101, 123, 197, 198, 488, 490, 619, 1079.

² Waterman, ук. соч., № 123, 197, 1307.

Синахерибом. До нас дошел целый ряд клинописных табличек, в которых Синахериб докладывает Саргону полученные сообщения от разных лиц. Все эти донесения представляют для нас громадный интерес, так как они содержат сведения, о которых умалчивают другие источники.

В частности, из них мы узнаем о военных столкновениях урартов с киммерами, появившимися в Передней Азии в конце VIII в.

Вот что сообщал о киммерах Саргону его сын Синахериб (№ 197): „Царю, моему господину,—твой раб Синахериб. Привет царю, моему господину. Ассирия благополучна, храмы благополучны, все царские крепости благополучны, пусть сердце царя, моего господина, будет весьма довольно. Мне писал Укийский (царь): когда царь урартский пошел на страну Гамир, все его войско было побито, сам он, его наместники с их войском были отброшены... Вот сообщение Укийского царя... Набули, наместник города Хальсу, писал мне—я писал страже пограничных крепостей относительно вестей об урартском царе. Когда он отправился в страну Гамир, все его войско было побито, три из его начальников со своими отрядами убиты, сам же он бежал и вступил в собственную землю; его лагерь до сих пор не достигнут. Вот сообщение Набули...“

О неудачном походе урартов против страны киммеров, во время которого был убит правитель страны Уаси (к юго-западу от оз. Ван), имеется также сообщение Ашуррисуа, приведенное им со слов Урзаны, правителя Мусасира (№ 1079). Далее указывается, что поражение урартского войска вызвало в стране смуту. Воспользовавшись временным ослаблением центральной государственной власти, окраинные области Ванского царства начали отделяться. Письмо Ашуррисуа сообщает Саргону (№ 381): „Манеи восстали в поселениях Урартского (царя), в области морского побережья, унесли добычу и поднялись в горы. Аналукуну, наместник Мусасира, и Тунауи, наместник Кар-Сипара, отправились на Манейскую границу для охраны“.

Но кроме восстаний в окраинных областях Ванского царства, произошел мятеж и в центре Урарту, вызванный борьбой за власть между отдельными правителями урартских областей. Несомненно, это было также самым тесным образом связано с разукрупнением урартских наместничеств, с борьбой государственной власти с чрезмерно усилившейся местной администрацией.

Во главе восстания стоял урартский туртан (полководец) Каккадану. Ашуррисуа писал Саргону (№ 444): „Пять наместников страны Урарту вошли в страну Уаси. Ситину, наместник страны...—тени, Каккадану, который (находится) против страны Укая, Сакуата страны Каниун, Сиплиа страны Алзи, Туту страны Армиралиу—вот их имена...“

в Уаси они вошли, теперь силы свои отдаленные они приблизили, войска усилились. Царь вышел из Турушпы и направился в Каниун.“

Повидимому, к мятежникам присоединилась и часть урартского войска, о чем рассказывает другое письмо Ашуррисуа (№ 492): „В начале месяца Нисан Урартский царь вышел из Турушпы и направился в город Елизаду. Каккадану, его туртан, пошел в страну Уаси, войско всего Урарту схватил, царь спустился в Елизаду.“

Русе удалось довольно скоро подавить этот мятеж, о чем сообщают ассирийские источники, опять-таки со слов Ашуррисуа (№ 197): „Весть об Урартском царе. Прежнее, что я писал, подтвердилось, у них произошла большая резня, теперь страна его успокоилась. Начальники его—каждый в свою страну отправились. Каккадану, его туртан, схвачен. Царь Урартский находится в стране Уаси“.

Но, повидимому, в то время как Руса ходил усмирять восстание в Уаси, за его спиной, в Тушпе, также произошло восстание, которое вскоре было подавлено, о чем сообщал Саргону основной разведчик ассирийского царя в Ванском царстве—Ашуррисуа (№ 144): „По поводу Нарагу, командира, о котором я писал господину моему, царю. Вместе с ним 20 начальников, которые злоумышляли против царя, схвачены. Теперь царь Урартский вошел в Турушпу и стеснил их. Остальные, которые следовали (?) за ними... всего 100 воинов—убиты. Урсине, второй туртан, брат Аплиукну схвачен в Турушпе.“ (Сводка Синахериба).

Восстановив порядок в своей стране, Руса приступил к укреплению границ Урартского государства.

Повидимому, киммеры не особенно тревожили урартов, защитой которых служило Закавказье, где урарты построили целый ряд своих крепостей. Кроме того, следует указать, что особую опасность для государств Передней Азии киммеры стали представлять несколько позднее, а именно, в первой половине VII в.

Создав крепкую защиту северных частей Ванского царства, Руса, сын Сардура, приступил к скрытой борьбе с Ассирией.

На западе он заключил соглашение, направленное против Ассирии, с Амбарисом, правителем страны Табал, и с Мита, правителем мушков.¹ Позднее, в 713 г., Саргон направил свое войско в Табал и увел плененного Амбариса в Ассирию.

На юге Руса укрепил свое влияние в стране Мусасир, в главном городе которой находился храм бога Халда. Мусасир, по всей вероятности, входил в состав Ванского царства; так как там, наряду с местным правителем Урзаной, находился урартский наместник.

¹ Н. Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons, I, 1889, 130.

В горах к юго-западу от оз. Урмия, на перевале дороги, ведущей из Ревандуза в Ушне, врачом американской миссии Лобделлем в 1855 г. была открыта стела Русы с текстом на урартском и ассирийском языках. Памятник этот находится неподалеку от Келяшинской стелы, в 1½ км от сел. Топузавы, по дороге к сел. Сидикан. Топузавскую стелу курды в отличие от стелы Келяшин („Синий столб“) называют Келягяур („Серый столб“). К сожалению, надпись стелы сильно разрушена:¹ и нет возможности восстановить ее полностью, но в сохранившихся строках речь идет о продвижении урартов до гор Ашура, возведении Урзаны на мусасирский престол и о принесении жертв в храме бога Халда в продолжение 15 дней.

Мусасир имел важное стратегическое значение, чем и объясняется постоянное стремление урартов подчинить его своему влиянию. Страна Мусасир находилась к югу от Урарту и была для Ассирии мало доступна, так как отделялась от нее труднопроходимыми горами. Эти именно горы, повидимому, надо разуместь в том месте текста Топузавской стелы, где говорится о достижении Русой гор страны Ашура. Но несмотря на эту естественную преграду ассирийские цари имели все же сношения с Мусасиром.

Среди табличек Куянджикского архива находится письмо (№ 409) Урзаны одному из ассирийских чиновников, в котором мусасирский правитель отвечает на запрос, где находится урартский царь со своими отрядами и собирается ли он посетить Мусасир.

Урзана сообщает, что Руса еще не прибыл, но ожидается в скором времени, и на замечания о том, что никто без разрешения ассирийского царя не может приводить в Мусасир свои отряды, пишет: „Когда царь Ашура прибыл, мешал ли я ему: то, что он (т. е. ассирийский царь) сделал, этот (т. е. урартский царь) делает. Поэтому, как я могу ему помешать?“

Повидимому, это письмо относится ко времени начала царствования Саргона, но не исключена также возможность отнесения его к Салманасару V или же к концу правления Тиглатпаласара.

С самого начала своего царствования Саргон стал готовить три района военных действий. В Сирии и Палестине ему пришлось вести борьбу с мелкими княжествами, пользовавшимися поддержкой египтян, на юге он ставил своей целью подчинение Вавилона, а на севере ему предстояла встреча с сильнейшим из противников, с Ван-

¹ Разрушение стелы Лемани-Гаупт относит к 714 г. На повреждение текста стелы именно ассирийцами указывает то обстоятельство, что на памятнике особенно тщательно выбит титул бога Халда „владыка мира“, совпадающий с обычным титулом бога Ашура. На Топузавской стеле также бесследно сбито и имя ассирийского царя (Armenien, II, 1, 299).

ским царством. Борьба на последнем фронте несколько облегчалась внутренними неурядицами в Урарту, о которых речь была выше.

Первые два года правления Саргон был занят военными действиями в Сирии и Палестине, где уже на второй год ассирийцы добились крупных успехов, разбив войска египетского фараона Шабакки.¹

С третьего года своего правления Саргону можно было перенести действия на северный фронт. Особенно упорная борьба между Ассирией и Урарту шла за влияние в стране Мана и в других приурмийских областях. Ассирийские летописи рассказывают, что после смерти правителя Маны, Иранзу, Саргон возвел на престол его сына Аза. Руса же организовал восстание против Аза и, после убийства Аза, содействовал вступлению на манейский престол Уллусуну, который подарил ему 22 города (поселения).²

Создается очень напряженное положение, но ни один из противников не решается начать открытую борьбу.

Армии ассирийцев и урартов не встречаются, они этого избегают, и дело доходит до того, что оба противника поочередно отступают. Так случилось и в 716 г. Когда Саргон направился походом в Мана, взял приступом крепости и разрушил главный город Изирту, урартский царь не оказал никакой помощи своему ставленнику, оставив его на произвол судьбы.

После победы Саргона, Уллусуну, скрывавшемуся в недоступных горах, ничего не оставалось делать и он „полетел, как птица“, и „обнял колени“ победителя.³ Саргон простил его, вернул ему престол, помог восстановить страну, а в столице страны Мана, Изирту, установил свою статую.⁴

В XIV зале Дур-Шаррукина, дворца Саргона, на рельефах стен сохранились изображения, относящиеся к этому походу.⁵ На одном из рельефов мы видим взятие манейской крепости. Событие происходит на берегу оз. Урмни, на что указывает изображение воды в нижней части всей сцены.

Разумеется, страна Мана не смогла выдержать напора ассирийской армии, значительно превосходившей по силе армии других государств Передней Азии.

Ассирийская армия состояла из следующих четырех основных родов войска: пехоты, конницы, колесниц и инженерных отрядов.

¹ Н. Winckler, *Die Keilschrifttexte Sargons*, I, 1889, события 720 г. Вместе с Шабаккой был побежден и Танно, правитель Газы, уведенный в ассирийский плен.

² E. Schrader, *Keilschriftliche Bibliothek*, II, 57—59.

³ K. Winckler, *Die Keilschrifttexte Sargons*, I, стр. 13—15; E. Schrader, *ук. соч.*, 59.

⁴ Schrader, *ук. соч.*, 59.

⁵ Botta et Flandin, *Monument de Ninive*, II, табл. 145—147.

Наиболее многочисленной группой, естественно, была пехота, разрешавшая иногда самостоятельные задачи.

Пехота уже с древнейших времен разделялась на два вида: тяжелую и легкую. К первой относились воины, игравшие, главным образом, оборонительную роль. Они были вооружены обычно копьем или мечом и имели щиты, своими размерами иногда превышавшие человеческий рост. Легкая пехота состояла из лучников, пращников и копейщиков и играла активную роль в наступательных действиях. Сила ассирийской пехоты состояла в том, что в ней эти два вида пехоты были слиты воедино. Боевое звено ассирийской армии состояло из двух или трех человек: легко вооруженного лучника или же двух лучников, действовавших под прикрытием воина, имевшего щит и вооруженного лишь копьем или мечом. Благодаря такой организации и наступательная и оборонительная силы армии были очень велики.

Организация ассирийской конницы совпадала с пехотой. Там также основное боевое звено составляли два воина, один, вооруженный луком, другой—копьем и щитом.

Большую силу в ассирийской армии, особенно при атаках на открытом месте, представляли колесницы, имевшиеся, ввиду их значительной материальной ценности, в ограниченном количестве. Ассирийские цари увеличение количества колесниц считали своей заслугой, и Тиглатпаласар I особо отмечал, что он для укрепления своей страны умножил, по сравнению с прежним, число боевых колесниц.

На сценах осады и штурма крепостей показаны также и стенобитные машины—тараны. Они устанавливались на повозках и подкатывались к стенам крепости по особо сооруженному деревянному настилу. Устройство таранов было простым. На высокой деревянной конструкции на цепях или канатах, спускавшихся сверху, подвешивалось тяжелое бревно, на передний конец которого была надета металлическая оковка, а к заднему прикреплялся груз. Бревно, служившее тараном, приводилось в действие путем раскачивания. При такой конструкции таран мог пробить не только основания крепостных стен, но также и верхние их части на высоте 8—10 метров.¹

Войска Саргона, вступившие в 716 г. в страну Мана, легко одержали победу. На одном из рельефов XIV зала Дур-Шаррукина изображены ассирийский военный лагерь и перепись взятых в плен манейцев, закованных в кандалы.² Уллусуну, отдавший себя в руки побе-

¹ Б. Б. Пиотровский и Н. Д. Флигтнер, История техники древнего Двуречья. Очерки по истории техники Древнего Востока, 1940, 116—121.

² Botta et Flandin, Monument de Ninive, II, табл. 146.

дителя, был прощен. Таким образом, Саргон снова восстановил в стране Мана угодную ему власть.

Но на следующий год Руса опять организовывает в Мана восстание, во главе которого становится Данукку. И снова, сразу же после ухода урартских войск, Саргон появляется в мятежной стране, подавляет восстание и пленного Данукку уводит в Хамат¹. Вместе с тем он усиленно проводит подготовку решительной борьбы с Урарту, широко пользуясь информацией относительно внутреннего положения своего противника.

В 714 г., в VIII год своего правления, Саргон снаряжает поход в страны к востоку от оз. Урмин. Этот поход нам хорошо известен благодаря тексту Луврской таблички.

Заключительные строки текста сохранили нам кроме имени его автора, абаракку Табшар-Ашура, также и имя писца. „Табличка Набу-Шалимшуну, великого писца царя, великого врача, мастера искусства Саргона, царя Ассирии, старшего сына Хармакку, царского писца, жителя города Ашура.“²

В XIII зале Дур-Шаррукина, на стенных его рельефах были изображены отдельные эпизоды этого похода. К сожалению, сохранилась лишь часть рельефов югозападной половины зала. Они относятся к концу похода, к взятию города Мусасира, прекрасно дополняя и иллюстрируя соответствующую часть Луврской таблички.³

В начале лета 714 г. войско Саргона с большим караваном верблюдов и ослов выступило из Калху.

Переправившись через Верхний и Нижний Заб во время половодья, Саргон вступил в ущелье гор Куллар и взял путь на север, третий раз снарядив свою армию „внутрь гор“: „К странам Зикирту и Андиа направил я дышла колесниц Нергала и Адада“ (14).⁴

Прежде чем попасть в приурмийскую низменность ассирийцам пришлось преодолеть трудные горные пути с переходами через перевалы и переправами через горные реки. Движение армии проходило успешно и, согласно тексту, войны как „храбрые орлы перелетали через горы“, а верблюды и грузовые ослы „перепрыгивали подобно козам горным“ (18).

Перевалив через шесть гор (Синахулзи, Пируатти, Туртани, Синабир, Ахшууру и Суйа) и переправившись через две реки (Раппа и Аратта), Саргон спустился в Сурикаш, провинцию страны Мана,

¹ Н. Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons, I, 17.

² F. Thureau-Dangin, Une relation de la huitième campagne de Sargon, 1912. Botta et Flandin, Monument de Ninive, II, табл. 140—143.

⁴ В скобках указываются строки текста Луврской таблички.

граничившую со странами Караллу и Аллабриа, правители которых, Ашурли и Итти, еще в 716 г. выступали против ассирийского царя.

Правитель Мана, Уллусуну, вышел навстречу ассирийскому войску, приветствовал Саргона в своей пограничной крепости и привел ему в дар табун коней, а также стада крупного и мелкого рогатого скота (32—36). Подобные подарки Саргон получил и от царя Аллабриа, Бел-абил-иддина (38), повидимому ставленника Саргона, заменившего Итти.

Свои дары Саргону принесли также правители мелких стран, которые просили ассирийского царя заставить урарта Русу уйти из страны Мана. Саргон обещал нанести Урарту поражение, освободить страну Мана и восстановить ее прежние границы (56). Но все же сразу он не стал предпринимать против Урарту никаких военных действий, а взял путь на восток, в страны Зикирту и Анди. По пути ассирийцы создавали свои базы, по всей видимости, на случай вынужденного отступления или же перехода к обороне.

Так, в Панзиш, мощную пограничную крепость между странами Зикирту и Анди, были сложены зерно, масло, вино и оружие (76—78). Только после этого Саргон вторгся в пределы Зикирту. Метатти, правитель Зикирту, союзник урартского царя, не принял битвы и скрылся в горах, так что ассирийцы не смогли его обнаружить. Свой город Парда он бросил, оставив сокровища дворца на разграбление (80—84).¹

Прекратив преследование врага, Саргон вдруг резко изменил путь своего войска. Дело в том, что ассирийский царь неожиданно узнал, что Руса вместе со своими союзниками, вождями горных племен, взошел на гору Уауш (Сохенд) и в горном ущелье построил свою боевую армию (96—111). Луврская табличка указывает, что о подготовке нападения урартов Саргону сообщил его гонец (разведчик).

Среди писем Куянджикского архива сохранилось одно письмо (№ 515), в котором можно видеть именно то донесение, которое упоминается в Луврском тексте. Привожу его перевод: „Царю, моему господину—твой раб Бел-Иддина. Относительно вести об урартском царе: посланец андийского правителя и посланец правителя Зикирту (Зикира) прибыли в Уаси и сказали ему: Царь Ассирии против нас. Как только он повидался с посланцами, он вступил в страну Зикирту.

„Сам он со своими воинскими силами и хубкийским правителем в 5 переходах (?) в тыл (?) тебе поворачивает. Среди своих вельмож

¹ Н. Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons, I, 27.

он сказал: собирайте ваши воинские силы для истребления царя Ассирии...“

Было бы очень заманчивым в осведомителе Саргона, авторе этого письма, Бел-Иддине видеть правителя страны Аллабрия, Бел-абил-иддина, упоминаемого текстом Луврской таблички (38).

Саргон, получив сведения о нахождении в его тылу урартского войска, решительно изменил свой путь и стремительно двинулся в страну Уишдиш, против Русы. Ассирийский царь направился на врага лично, в своей боевой колеснице, в сопровождении всадников и отряда Синахусура (132).

Внезапно, среди ночи, напал он на урартский лагерь и разбил урартов на голову. Урартские воины,—лучники и копейщики, не выдержали этого нападения, „ущелья гор были заполнены их трупами и кровь убитых врагов текла, как река“. Много всадников, знатных урартов, было взято в плен.

Сам Руса, как рассказывает текст, бросил свою боевую колесницу и был принужден спасаться верхом на кобыле.¹ В образной форме переданы испуг и отчаяние урартского царя: „Подобно ночной птице, которая летит перед орлом, сердце его трепетало от страха; подобно человеку, который пролил кровь, покинул он Туршпу, свою царскую резиденцию; подобно животному, которое бежит перед охотником, достиг он склонов своих гор; подобно рожающей женщине, бросился он на постель свою, питье и пищу отстранил он от уст своих, неизлечимую болезнь навел он на себя“ (148).

Текст заключает, что поражением Русы был нанесен решительный удар антиассирийскому союзу стран—Урарту, Зикирту и Андия, и Саргон торжественно заявляет: „Злым врагам доступ в страну Мана я закрыл“ (154).

После поражения, нанесенного ассирийцами урартскому войску в стране Уишдиш, Саргон изменил путь своего похода и по восточному побережью озера Урмни двинулся в Урарту (162). Сломив сопротивление мощной пограничной крепости Ушкайа, стены которой были на высоком основании и достигали 8 локтей (т. е. 4 м. толщины), Саргон двинулся к северу, вступив в провинцию Суби, где разводились верховые лошади для урартской конницы (167—177).

По тексту Луврской таблички можно заключить, что восточное побережье оз. Урмни было богатым земледельческим районом, так как при описании захвата отдельных крепостей и поселений этой провинции особо отмечается разграбление закромов с ячменем.

¹ О битве на склоне Сохенда подробно рассказывают и анналы Саргона; в них же говорится и о том, что Саргон вернул часть захваченной у Русы территории Уллусуну, царю страны Мана.

Очень красочно описывается взятие города Улху, находившегося в районе современного Маранда. Эта часть текста сохранилась на том обломке таблички, который поступил в Берлинский музей.¹

Вначале описываются работы урартского царя Русы, превратившего пустынную местность в цветущий район. К городу была подведена питьевая вода, безводные участки стали орошаться каналами, с отходящими от них арыками. Неорошаемая прежде земля была превращена в пашни и плодовые сады, большие участки стали пастбищами для скота. Далее рассказывается о роскошном дворце, выстроенном на берегу канала.

Жители, узнав о приближении ассирийцев, скрылись в горы, оставив свой город. Ассирийские воины ринулись, „подобно урагану и ливню“, сметая все на своем пути, и, вступив в захваченный район, сразу же занялись разрушительными работами.

Каменная стена города была разрушена, „как глиняный горшок“, „железными кирками и мечами“ и сравнена с землей. Та же судьба постигла и дворец. „Полные закрома города“ и винные погреба были отданы ассирийскому войску на разграбление. „Устье канала было запружено и его воды превращены в болото“. Во всем районе „гремел грохот железных топоров“, сады вырубались, а срубленные деревья складывались в кучи и тут же сжигались. Посевы были уничтожены до последнего колоса, а луга вытоптаны конницей и пехотой.

Особым богатством отличалась провинция Сангибуту (сев.-вост. побережье оз. Урмии), имевшая много городов, которые, „подобно горным вершинам на высотах хребта Арзабиа, сверкали мощными стенами“. Стены эти были очень высоки, в 120 рядов кирпича, т. е. около 14 метров; они были обнесены глубокими рвами, а около ворот находились башни. Кроме того, для наблюдения в горах были построены небольшие сторожевые башни, на которых постоянно дежурили дозоры (239—249). При приближении ассирийской армии жители Сангибуту покинули свою страну и скрылись в горах (249).

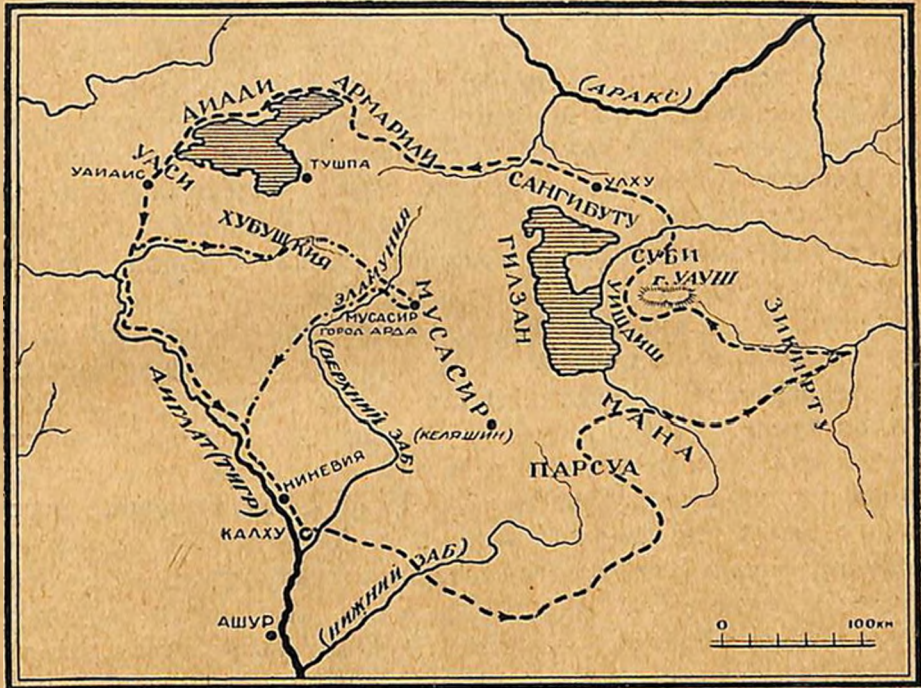
Текст Луврской таблички от лица Саргона рассказывает: „Как темная туча вечера, покрыл я эту страну, все покрыл я, подобно стае саранчи... Громадные запасы ячменя и пшеницы, которые за большое время они собрали в свои амбары, я приказал нагрузить на спины лошадей, мулов, верблюдов и ослов. В лагере своем зерно я нагромоздил, подобно холмам“, зерно было отдано воинам, — „запасы для возвращения в Ашур сделали они“ (253, 262—264).

Из Сангибуту ассирийцы двинулись в страну Армарили, упоми-

¹ В. Meissner, Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8 1922, 113—122.

наемую в донесениях ассирийских разведчиков,¹ и взяли город Арбу, „город рода отца Русы“, и Риар, „город Сардура“ (277). Семь городов укрепленных, где помещались гарнизоны и где жили родственники урартского царя, Саргон сравнял с землей. „Храм бога Халда зажег, как костер, святилище его разрушил“ (278—279).

Далее путь ассирийского войска шел через „гору Уизукки, гору кипарисовую, нагромождение мрамора“, в страну Аиади (280), в которой было „30 городов, укрепленных на берегу волнующегося моря, у склонов великих гор“.

12. Маршрут похода Саргона 714 г.

Текстом особо отмечены города Аргиштиуна и Каллания. Эти крепости „сверкали, подобно звездам“, и „основания их достигали высоты 4 раза 60 локтей“ (т. е. около 120 метров).²

Тюрю-Данжен, опубликовавший текст Луврской таблички, в комментариях к изданию дал детальный разбор маршрута ассирийской армии в VIII походе Саргона. Но маршрут, установленный Тюрю-Дан-

¹ Waterman, № 44. В этом донесении упоминается наместник страны Армиралну—Туту.

² Повидимому, речь идет о высоте скал, на которых были построены крепости.

женом, вызвал возражения со стороны Лемани-Гаупта.¹ В основном их расхождения начинаются с локализации страны Аиади. Лемани-Гаупт признавал правильным восстановление пути движения ассирийского войска до горы Сохенд и согласился с тем, что урартская пограничная крепость Ушкайа находилась в районе современного Тавриза, а город Улху поблизости современного Маранда.

Но Лемани-Гаупт решительно возражал против локализации страны Аиади на северном побережье оз. Ван и полагал, что она занимала низменное восточное побережье озера, т. е. находилась в центральной части Ванского царства..² Свое мнение он подкреплял отождествлением лесистых гор Уизукки, богатых мрамором, о которых говорит Луврский текст, с Зымзымдагским хребтом, действительно имеющим выходы мрамора. А в упоминаемых текстом крепостях страны Аиади, сооруженных на горных вершинах, Лемани-Гаупт видел крепости Ванского района, как например, Анзав, Каладжик (Аралезк) и Хуркум. Указывая на то, что ни одна из этих крепостей не связана с Аргишти, он высказал предположение, что под городом Аргиштиуна следует разумеать Ванскую цитадель. Лемани-Гаупт считал также возможным, что в той нише Ванской скалы, где имеются следы стесанной клинообразной надписи, была вырезана победная надпись Саргона, позднее уничтоженная Аргишти, сыном Русы.

Локализация страны Аиади имеет решающее значение для восстановления маршрута похода 714 г. и для разрешения вопроса, — проникал ли Саргон в центральную часть Урарту. Если мы примем восстановление маршрута, предложенное Туро-Данженом, то на этот вопрос мы принуждены будем дать отрицательный ответ, в то время как Лемани-Гаупт твердо был уверен в том, что Саргон прошел через самый центр Ванского царства. Если мы рассмотрим доводы и обоснования этих двух точек зрения, то увидим, что мнение Лемани-Гаупта оставляет больше неясностей и спорных моментов.

Представляется совершенно невероятным то обстоятельство, что текст, якобы рассказывающий о походе ассирийцев в самое сердце Урарту, не упомянул столицу этого государства — Тушпу, тем более, что Тушпа часто упоминается в информационных письмах, связанных с подготовкой похода 714 г. У нас нет никаких данных для отождествления города Аргиштиуна с цитаделью Ванской скалы, сооруженной в главной ее части Менуей, и более вероятно сопоставление древнего Аргиштиуна с современным городом Арджишем.³ Луврский

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, I, 317—323.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, I, 320.

³ М. В. Никольский, Об одном из древних названий Ванского озера, Сборник статей в честь П. С. Уваровой, 1916, 167—175.

текст говорит о тридцати укрепленных городах страны Аиади, находившихся „на берегу волнующегося моря, у склонов великих гор.“ И это указание текста делает более вероятным предположение Тюрор-Данжена, так как эта обстановка соответствует северному побережью оз. Ван.

Я полагаю, что маршрут похода 714 г. установлен Тюрор-Данженом с большей обоснованностью, нежели маршрут, предложенный Лемани-Гауптом, и поэтому в дальнейшем изложении я буду придерживаться мнения французского ученого.

Нам неизвестны причины, по которым Саргон отказался от похода к столице Ванского царства—Тушпе, но следует думать, что это не было случайностью и что Саргон, учтя полученные им сведения относительно положения в Урарту, не рискнул двинуться в самый центр страны.

Надо заметить, что все ассирийские походы имели более солидную подготовку, чем нам это обычно представляется, и их маршруты далеко не были случайными.

Обойдя оз. Ван с севера и запада, ассирийское войско попало в область Уаси, часто упоминаемую в информационных письмах Куянджикского архива, и осадило город Уанаис, „крепость великую, могущественную более других крепостей“ (299). В ней содержался большой урартский гарнизон, а также разведчики-шпионы (amīl da-a-a-lī).

Гарнизон города заперся в крепости. Город этот был взят с тыла, и Луврский текст от лица Саргона говорит: „Воинов его я перебил перед воротами, как ягнят“ (301).

После этого, покинув район современного Битлиса, армия Саргона вошла в страну Наири, находившуюся в долине р. Бохан. Саргона встретил местный правитель Ианзу, который в своей царской резиденции, городе Хубушкини, принес ассирийскому царю богатые дары: лошадей, крупный и мелкий рогатый скот (306).

При обратном продвижении своей армии Саргон внезапно принял новое решение—предпринять поход против страны Мусасир. Об этом текст Луврской таблички рассказывает: „При моем возвращении Урзана Мусасирский, совершивший грех и преступление, нарушивший клятву богов, непокорный владычеству, злой, горец, который согрешил против договора с Ашуром, Набу и Мардуком и затем возмутился против меня, прервал мое продвижение вперед при возвращении с похода, так как со своими тяжелыми подношениями он не поцеловал мои ноги; подать, дань, свои подношения он удержал и ни разу не послал своего гонца, чтобы приветствовать меня“ (309—312).

Не прерывая обратного пути своего войска, Саргон с тысячным отрядом направился к Мусасиру. Текст дает подробное описание трудного пути к Мусасиру, расположенному в лесистых горах; а лесистые горы служили обычно самым тяжелым препятствием, так как в них всегда можно было ждать внезапного вражеского нападения. „С одной только колесницей ног моих и 1000 моих всадников горячих, лучников, людей, вооруженных щитом и копьем, моих яростных воинов, сведущих в сражении, я привел в порядок и затем дорогу на Мусасир, путь трудный, я взял, на Арсиу, гору могучую, склоны которой подобны осгрию и не имеют подъема, я заставил подняться мои войска. Реку Верхний Заб, которую жители Наири и Килху называют Еламуниа, я перешел, между Шейак, Ардикши, Илайау, Аллуриу, горами высокими, гребнями возвышенными, остриями трудных гор, которые исключают всякое описание. Между ними нет пути для продвижения пехоты, внутри их образуются могучие водопады, шум падения которых на милю гремит, как гром, которые покрыты всевозможными деревьями и всеми желаемыми плодовыми деревьями и виноградными лозами, куда никакой царь еще не проходил и властитель, бывший до меня, не видел их пути. Их большие стволы я срубил и затем крупные их острия медными кирками вытесал. Дорогу узкую, проход, тропинку, которую пехотинцы прошли бочком, для прохода моих войск между ними я устроил, колесницу ног моих я положил на затылки (людей), а я верхом на лошади стал во главе моего войска“ (320—331).¹

Относительно местоположения Мусасира, страны и одноименного ей города (по-урартски „город бога Арда“), до сих пор нет единого мнения.

Тюро-Данжен полагал, что страна Мусасир была расположена на западном склоне горного хребта, отделяющего бассейн оз. Урмии от Тигра, причем, по его мнению, Келяшинская и Топузавская стелы отмечали южную границу страны, сам же город Мусасир находился в северной части страны, в хорошо укрепленной естественными условиями горной местности, в районе современного Дизá. В Луврском тексте указывается, что ассирийская армия, прежде чем вступить в город Мусасир, должна была переправиться через р. Верхний Заб, „которую жители Наири и Килху называют Еламуниа“. Тюро-Данжен полагал, что место переправы армии Саргона через Верхний Заб было несколько севернее от впадения в него р. Нигзиль-чая. По его мнению, такое местоположение Мусасира в труднодоступной горной местности вполне соответствует тексту на цилиндрической

¹ Перевод А. П. Рифтина.

печати Урзаны,¹ в котором Мусасир образно называется змеей в горах, раскрывшей свою пасть.

Лемани-Гаупт не согласился с локализацией Мусасира, предложенной Туро-Данженом. Он полагал, что страна Мусасир была небольшой, но имела несколько городов; на западе она простиралась до Ревандуза, на юге вряд ли простиралась дальше долины р. Топузава, и только на севере она могла уходить вглубь гор. Сам город Мусасир, по мнению Лемани-Гаупта, находился в непосредственной близости от Келяшинской и Топузавской стел, так как он теснейшим образом был с ними связан, о чем свидетельствует особенно текст Келяшина. Лемани-Гаупт предполагал, что город находился на холме к востоку от стелы. Там сохранились остатки крепостной стены и развалины каменных построек.²

Внутренняя стена крепости охватывает площадь примерно в 36×32 метра. В. Ф. Минорский считал, что эта площадь слишком незначительна для Мусасира, и на этом основании отвергал локализацию Мусасира, предложенную Лемани-Гауптом.³ Но Лемани-Гаупт, как бы предвидя это возражение, указывал на то, что внутри стен могли поместиться и дворец и храм, так как урартские храмы были небольшого размера.

По мнению Лемани-Гаупта, ассирийское название „Мусасир“ можно этимологизировать как „Нора (выход) змеи“ (*musa-siri*), что подтверждается также метафорическим образом текста печати Урзаны. Он пытался объяснить эту метафору местоположением города; „голова змеи“, в таком случае, находилась около Сидекана, где сливаются р. Бора и р. Топузава.

Так как ассирийские цари бывали в Мусасире еще до 714 г., Лемани-Гаупт реконструирует следующий путь из Ниневии в Мусасир: Ниневия—Малтайа—Дехогский перевал—Дауджиа—Гявар, с выходом на урартскую военную дорогу Ван—Мусасир.⁴ Но во время похода 714 г. ассирийцы шли другим путем, а именно с запада.

Следует признать, что до производства археологических исследований как в районе Келяшина и Топузавской стелы, так и в районе Дизá, где, по мнению Туро-Данжена, находился Мусасир, вопрос о местоположении Мусасира остается открытым.

Но в построении Лемани-Гаупта имеется еще одна трудность, а именно—локализация страны Уаси и города Уаиаис, упоминаемого

¹ J. Menant, *Recherches sur la glyptique orientale*, II, 1886, 95—96, рис. 92.

² С. Ф. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, 299—300.

³ В. Ф. Минорский, Келяшин, стела у Топузава и древнейшие памятники вблизи Урмийского озера, ЗВО, XXIV, 1917, 145—193.

⁴ Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, 309.

Луврским текстом. Он полагал, что Тюро-Данжен ошибочно реконструировал обратный путь армии Саргона, в основе чего лежит отождествление Уаиаиса с Битлисом. Лемани-Гаупт утверждал, что из Битлиса на Сгерт нет военной дороги, и если бы ассирийская армия обошла озеро Ван с севера и запада, то ее путь должен был бы проходить через Муш—Фаркин—Гассанкей. Путь же Саргона к Мусасиру, намеченный Тюро-Данженем, по мнению Лемани-Гаупта, настолько тяжел, что его можно сравнить только с переходом Ганнибала через Альпы.

По мнению Лемани-Гаупта и Белька, страна Уаси находилась поблизости от Мусасира, так как из письма Урзаны известно, что среди лиц, сопровождавших урартского царя в Мусасир, были наместники Уаси страны укийцев. Главный город Уаси, Уаиаис, был мощной крепостью, с большим гарнизоном, и был центром шпионажа. Несомненно, эта крепость находилась в чрезвычайно важном в стратегическом отношении пункте.

Лемани-Гаупт отождествлял крепость Уаиаис—Уаси с современным гор. Башкала, к юго-востоку от Вана. Он указывает, что само название „Башкала“ („головная“ или „главная крепость“) говорит об исключительном стратегическом значении этого пункта. Крепость действительно расположена на перекрестке двух важных дорог: Ван—Диза—Нери—Ревадуз и оз. Урмия—перевал Чух—Ван.

По Луврскому тексту крепость Уаиаис (Уаси) называлась „пограничной ногой“ Урарту и находилась по соседству с Наири-Хубушкиа, в то время как крепость Ушкайа (в районе Тавриза) называлась „пограничной головой“ и находилась против страны Мана. Таким образом, обе эти крепости, по ассирийским источникам, являлись главными крепостями на западной и восточной окраинах южной границы Ванского царства. По мнению Лемани-Гаупта, Тюро-Данжен отметил это совершенно правильно, но отнес Уаиаис-Уаси слишком далеко на запад.¹

Мне пришлось очень много места уделить вопросу о местоположении Мусасира, относительно которого в настоящее время существуют две изложенные выше точки зрения. Находящийся в нашем распоряжении материал не дает возможности определенно принять одну из них, но все же мне кажется, что старое мнение Тюро-Данжена более обосновано, страна Аиади Луврского текста гораздо легче отождествляется с северным побережьем оз. Ван, чем с центральной частью Урарту, и вместе с тем,—больше оснований для отнесения страны Уаси в район Битлиса, нежели в район Башкалы.

¹ Лемани-Гаупт в своей заметке, посвященной походу 714 г. (Klio, XV, 3—4, 439—440), справедливо отвергает отождествление Уаси с Ушке.

Но несомненно, что эта страна находилась в труднодоступной горной местности, к юго-востоку от Тушпы.

Очень возможно, что Руса, ожидая вторжения Саргона в центральную часть своего государства, перевез свою царскую казну в страну Мусасир, правитель которой был союзником Ванского царя. Может быть именно это обстоятельство и толкнуло Саргона на чрезвычайно трудный поход через лесистые горы.

Вернемся снова к тексту Луврской таблички, которая дополняется также анналами и другими надписями Саргона.

Внезапно подступив к Мусасиру, ассирийское войско „подобно саранче“¹ покрыло всю местность. Правитель Мусасира Урзана бежал в горы, оставив в городе свою жену и детей.² При приближении ассирийцев в Мусасире началась паника, и Луврский текст подробно описывает смятение, охватившее город.

Жители обратились к помощи своего бога. „Больших быков, жирных баранов без счета они перед ним приносят в жертву, бога Халда они венчают короной владычества, они дают ему держать скипетр царства Урарту... Над этим городом клич моего войска я заставил греметь как гром... Его люди, старики и старухи поднялись на крыши своих домов и горько плачут, ради спасения своих жизней они ползают передо мной на четвереньках. Так как Урзана, царь их, правитель, по слову Ашура не смирился и затем сбросил ярмо моего владычества и пренебрег служением мне, я задумал взять в плен людей этого города; увод бога Халда, опоры Урарту, я повелел. Перед большими его воротами победоносно я посадил его, его (т. е. Урзаны) жену, его сыновей, его дочерей, его людей, семя дома отца его я взял в плен. Я присчитал их к 6110 людям, 12 мулам, 380 ослам, 525 быкам, 1235 баранам, и затем ввел их в укрепление моего лагеря.³ В Мусасир, местопребывание Халда, победоносно я вошел и во дворце, жилище Урзаны, я воссел как властитель“ (341—350).⁴

С кладовых, переполненных нагроможденными в них сокровищами, были сбиты „печати их хранения“. Все содержимое кладовых стало добычей ассирийского царя. Текст приводит длинный перечень захваченной добычи, причем одного только золота было взято около 1040 кгр. (34 таланта и 18^{1/2} мин), а серебра—5060 кгр. (167^{1/2} талантов и

¹ Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek, II, 63.

² Н. Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons, I, 31.

³ Анналы и торжественная надпись Саргона дают несколько другие цифры людей 6170 (анналы), 20170 (торжеств. надпись). Анналы говорят о 690 мулах и ослах, 920 быках и 100225 овцах.

⁴ Перевод А. П. Рифтина.

полмины).¹ Кроме того, во дворце были взяты—чистая медь, свинец, сердолик, лазурит и несметное количество разных драгоценных камней (351—352).

Далее приводится перечень отдельных, главным образом, металлических вещей, причем в некоторых случаях особо отмечается их урартское производство. Захватив имущество в кладовых дворца, Саргон направил своих приближенных и начальников отрядов в храм бога Халда, где добыча оказалась еще более значительной.

На рельефах Дур-Шаррукина имелось изображение разграбления ассирийцами Мусасирского храма. В центре этой сцены изображен храм, соответствующий описанию ассирийского текста. В левом верхнем углу изображен ассирийский чиновник, ведущий счет захваченным богатствам. Перед ним стоят два писца, один из которых записывает клинописью на глиняной таблетке, а другой—финикийским или арамейским письмом на папирусе.² Рядом находился другой рельеф с изображением взвешивания добычи на весах.³

Согласно сведениям Луврской таблички, в храме было взято, кроме большого количества золота (цифра не сохранилась), около 500 кгр. серебра (162 таланта и 20 6/36 мины) и 109080 кгр. меди в слитках (369). Текст приводит пространное описание отдельных вещей, захваченных в храме.

Было взято 6 золотых щитов, которые „в его жилище (бога Халда) были повешены справа и слева“ и были украшены головами собак, и 12 серебрянных щитов с головами драконов, львов и туров. По описанию эти щиты совершенно совпадают с изображенными на рельефе Дур-Шаррукина. На фасаде храма висят крупные щиты, украшенные головами собак; подобные щиты имеются и в руках ассирийских воинов, уносящих добычу.

Кроме щитов из драгоценного металла, Луврский текст перечисляет бронзовые и железные изделия, происходящие из Ассирии, Урарту и Килху (страна к югу от оз. Ван).

В храме находились также большие бронзовые статуи урартских царей (Сардура, сына Ишпуина, не известного по урартским источникам и бывшего, повидимому, правителем Мусасира; Аргишти и Русы со своим возничим на колеснице) и другие монументальные скульптуры из металла (статуи „великих привратников“, фигуры быка и коровы с теленком).

¹ *Анналы Саргона* дают следующие цифры: золота 34 таланта и 18 мин и серебра 160 талантов и 21/2 мины.

² *Botta et Flandin, Monument de Ninive, II, табл. 141.*

³ *Ук. соч., табл. 140.*

Описание колоссальной добычи, захваченной в Мусасире, заканчивается словами: „Имущество дворца Урзаны и храма бога Халда с его несметными богатствами, которые в Мусасире я захватил, я нагрузил во всей их бесчисленности на мое многочисленное войско и в Ассирию заставил я тащить эту добычу. Людей области Мусасира к людям Ассирии я причислил, повинности воинские и строительные я наложил на них, как на ассирийцев“ (408—410).

Этим разгромом Мусасира Саргон сильно ослабил Урарту, лишив его надежного союзника, защищавшего центральную часть Ванского царства с юга.

Летописи Саргона рассказывают о том, что когда „Руса (Урса), правитель Урарту, услышал, что Мусасир разрушен, его бог Халд увезел, то собственной рукой, железным кинжалом своего пояса лишил себя жизни“, и заключают: „на Урарту и всю его область нанесено несчастье и заставил людей, живущих там, стонать и плакать.“¹

Так окончился снаряженный в 714 г. поход Саргона против Урарту, хорошо нам известный благодаря разнообразным и детальным источникам.

Мы не знаем потерь ассирийской армии во время этого похода, хотя Луврский текст и указывает, что „начальник колесницы, два всадника и три сапера были убиты“ (426). Можно было бы думать, что в данном случае упомянуты лишь командиры и не отмечены потери рядовых воинов, но все же кажется более вероятным, что этот перечень убитых является обычной формулой реляции богам, так как дословно то же перечисление убитых имеется и в текстах Асархаддона.²

Поход VIII года правления Саргона является характерным образцом грабительских войн того времени. Ассирийская армия, за которой упрочилась слава непобедимой, держала Переднюю Азию в своем подчинении лишь недолгое время.

Народы, которым Ассирия не давала права на существование, объединялись против своего могучего врага, и в конце царствования Саргона его военная слава начала меркнуть.

До сих пор не установлены обстоятельства смерти Саргона; некоторые из источников глухо указывают как будто на то, что он пал

¹ Keilinschriftliche Bibliothek, II, 63. Сведения о самоубийстве Русы встречаются очень часто в надписях Саргона (H. Winckler, Keilschrifttexte Sargons, I, 177), в частности, об этом рассказывает и стела от монументальных скульптур дворца Саргона, хранящаяся в Государственном Эрмитаже. Луврский же текст говорит только об отчаянии, охватившем Русу, который „упал на землю, разорвал свои одежды и опустил свои руки“ (411).

² D. Luckenbill, Ancient Records of Assyria and Babylonia, II, 1927, 99.

на поле битвы, а другие позволяют заключить, что он был убит во время дворцового заговора.

Несмотря на исключительный успех 714 г. Ассирия все же не смогла сломить окончательно мощь Ванского царства, хотя и нанесла ему жестокое поражение.

После этого похода Урарту продолжало еще существовать около 130 лет и даже пережило своего постоянного соперника—Ассирийское государство, которое через 100 лет после VIII похода Саргона пало под ударами союзной армии вавилонян, мидян и скифов.

Глава VIII

Последний период истории Урарту

В 714 г. после смерти Русы урартским царем стал его сын, Аргишти, от которого до нас дошли только три клинописных памятника (CICH, 148, 149, 150).

Сохранившиеся и известные нам документы очень слабо освещают историю Ванского царства этого времени. Хотя в одной из своих надписей Саргон при перечислении завоеванных стран, среди которых упоминается также Урарту, говорит, что он своих „приближенных (*šutreši-šu*) заместителями (*šaknu-ti*) над ними поставил, дань и подать как на ассирийцев наложил“,¹ все же Урарту после VIII похода Саргона не потеряло своей самостоятельности.

Во всяком случае в 713 г. Саргон предпринял поход против Амбариса, правителя страны Табал и Мита, правителя мушков (мохов), прежних союзников Русы,² а в следующем, 712 г. он возводил укрепления на границе урартов и мушков.

Ассирийские надписи рассказывают также о расправе в 708 г. (XIV правления Саргона) с Муталлу, правителем Куммуха, который приносил дары и платил ежегодную дань урартскому царю Аргишти, рассчитывая на его помощь.³

И после похода 714 г. Саргон продолжал внимательно следить за событиями в Урарту, о чем свидетельствуют информационные письма Куонджикского архива. В письме Упахир-бела ассирийскому царю (№ 424) рассказывается об организации наблюдения в районе города Харда, севернее современного Дюарбекра, и о том, что туда прибыл гонец Аргишти, который передал приказ урартского царя не выполнять его прежнего указания и беречь коней до прибытия второго гонца. К сожалению, нам осталось неизвестным содержание этого приказа Аргишти. Но в другом своем письме (№ 548) Упахир-бел сообщает о движении урартского войска к городу Харда.

Клинообразные памятники свидетельствуют нам и о строитель-

¹ E. Schrader, Keilinschriftl. Bibliothek, II, стр. 41 (текст на глиняном цилиндре); H. Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons, I, 5. II.

² H. Winckler, ук. соч., 31.

³ F. Schrader, Keilinschriftl. Bibliothek, II, стр. 67; H. Winckler, ук. соч., 117.

ных работах Аргишти, проводившихся в центре государства и, в частности, в тех местах, через которые прошла армия Саргона. Две его стелы, найденные около Арджиша, рассказывают о постройке города, сооружении искусственного озера и о проводке канала.

Повидимому, Аргишти был царем Урарту почти что на протяжении всего царствования Синахериба (705—681 гг.). Ассирийские источники этого времени совершенно умалчивают о событиях, происходивших в Урарту. Синахериб был занят войнами с Вавилоном, Сирией и Палестиной, а также подготовкой похода в Египет, и не вел, во всяком случае, открытой борьбы со своими северными соседями, несмотря на то, что граница урартского государства была в это время сравнительно близко от центра Ассирии. Судя по текстам Синахериба, гора Тас (совр. Бавиан), где ассирийский царь устроил свой охотничий парк, находилась „на границе Урарту“.¹

В 681 г. Синахериб был убит во время дворцового заговора, причем Библия, сохранившая эти сведения, указывает еще, что сыновья Синахериба, убившие отца, бежали в Урарту. „И когда он (Сеннахерим) поклонялся в доме Нисроха, бога своего, Адрамелех и Шаредер, сыновья его, убили его мечом, а сами убежали в землю Араатскую“².

Моисей Хоренский в своей „Истории Армении“ передает этот же рассказ. Он писал, что Сеннахерим, царь ассирийский, был „умерщвлен своими сыновьями—Адрамелом и Санасаром, которые спаслись бегством к нам“ (I, 23).

Санасар, по рассказу Моисея Хоренского, поселился на юго-востоке Армении, на границе с Ассирией. Впоследствии его потомки, „показав на службе верность нашим царям, удостоились получить достоинство бдешха в этих странах. Аграмозан (Адрамел) же поселился на юго-востоке той страны, от него произошли роды Арцруни и Гнуни.“

Армянский народный эпос также сохранил рассказ об убийстве Синахериба его сыновьями. Но там ассирийский царь выступает в образе багдадского халифа, идолопоклонника, которого убивают его сыновья Санасар и Багдасар.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности установить время окончания царствования Аргишти. Во всяком случае, в текстах Асархаддона (681—668) мы встречаем имя нового урартского царя, Русы, сына Аргишти:

¹ D. Luckenbill, *Annals of Sennacherib*, 1927, 79, 12 и 84, 54.

² Кн. царств IV, гл., XIX, 37. Также Иеремия, LI, 27 и Исая, XXXVII, 38. Флавий Иосиф в своей истории Иудеев (X, гл. 1 и 2) приводит этот рассказ со слов Бероза, называя сыновей Сеннахерима Адрамелеком и Селенаром.

Среди оракулов Асархаддона, вопросов к богу Шамашу, сохранился текст, в котором ассирийский царь спрашивал бога о том, осуществятся ли замыслы Урсы (Русы), правителя Урарту, или народов Гимирра. Его беспокоил также вопрос, двинутся ли урарты и киммеры походом в страну Шуприа.¹ В другом тексте Асархаддон спрашивал Шамаша о том, удадутся ли планы „воинов Гимирра, или воинов мидийских, или воинов манейских“.²

Таким образом, его тревожили северные соседи Ассирии—киммеры, урарты, мидяне и манейцы. И не случайно Ашуршалиль в письме к Асархаддону говорит об организации наблюдения в странах Урарту, Мана, Мидии и Хубушкии.³

Но, повидимому, ассирийцы не желали вести открытую борьбу со своими северными соседями, и когда Асархаддон во время своего похода в страну Шуприа (673—672 гг.) захватил в крепости Уппум скрывавшихся в ней урартских беглецов, то он вернул их урартскому царю. Повидимому, и урарты, в свою очередь, избегали столкновений с Ассирией.

Период правления Русы, сына Аргишти, по дошедшим клинописным источникам, представляется нам периодом интенсивного строительства и укрепления мощи Урарту. Поэтому некоторые ученые и называют Русу II „реставратором Ванского царства“.

Громадное большинство археологического материала, дошедшего до нас от Урарту, относится к концу Ванского царства, начиная со времени царствования Русы II. Раскопки на Топрах-кале, у Вана, исследовали, кроме остатков древнего города, также развалины храма и дворца. Посвятительная надпись на бронзовом декоративном щите из храма, содержащая имя Русы, сына Аргишти, указывает на то, что Руса III, сын Эримена, не строил храм заново, а только его обновлял.

Урартские надписи свидетельствуют о больших строительных работах, проведенных Русой II на севере своего государства и, в частности, в Закавказье.

Об этом пространно говорит надпись, открытая в Маку,⁴ к северо-востоку от оз. Ван, а также текст большой стелы, обнаруженной при раскопках Звартноца, древнего армянского храма VII в. н. э. около Вагаршапата.⁵ Стела эта, высотой в 2,70 м., содержит 47 строк клинописного текста, рассказывающего о крупных строительных ра-

¹ J. A. Knudtzon, *Assyrische Gebete an den Sonnengott*, II, № 48.

² J. A. Knudtzon, *ук. соч.*, № 1.

³ L. Waterman, *ук. соч.*, № 434.

⁴ Н. Я. Марр, *Надпись Русы II из Маку*, ЗВО, XXV, 1922, 1.

⁵ В. С. Голенищев, *Надпись древне-ванского царя Русы II*, ЗВО, XIII, 1901, 86

ботах, проведенных Русой II в „Кутурлинской равнине“,¹ повидимому, в долине Занги. В Звартноцской надписи говорится о разведении виноградников, о плодовых деревьях и о каких-то посевах. Далее рассказывается об отводе канала от реки Ильдаруни (ани) и о жертвоприношении животных богам Халду, Тейшебе и Арду. Кончается надпись обычной формулой проклятия разрушителям памятника.

Трудно установить место, откуда была перемещена в армянский храм эта громадная стела и о какой реке идет в ней речь. Полагали, что она происходит из ближайших окрестностей Звартноца и что в реке Ильдаруни следует видеть древнее название р. Касах, но отнесли ее также и к числу Армавирских надписей.

Мне оба эти предположения кажутся мало вероятными. В районе р. Касах нет ни одного большого городища урартского времени, с которым можно было бы связать эту стелу, рассказывающую о больших строительных работах. А из округи Армавирского холма нам не известен, за исключением небольшой строительной надписи Русы III, ни один памятник позже Сардура, сына Аргишти, в котором говорилось бы о строительстве в этом районе. Как уже было указано, повидимому, в связи с политикой Русы I, направленной на ослабление наместников областей Ванского царства, Армавир (Аргиштихинили) потерял свое прежнее значение единого урартского административного центра в Закавказье, уступив свое место нескольким новым центрам. И я считаю возможным, что Звартноцская стела происходит именно из такого нового административного центра.

В 1936 г. на холме Кармир-блур, у Еревана, найден обломок камня с остатками клинописи (рис. 19), содержащей имя Русы, сына Аргишти. Сохранившийся обломок представляет собою верхний правый угол камня из кладки стены, причем текст на нем свидетельствует о том, что эта надпись на стене постройки занимала по крайней мере четыре камня. Содержание ее остается пока неизвестным, так как от всего текста сохранились лишь заключительные строки с формулой проклятия, тождественной формуле Звартноцской стелы.

Городище Кармир-блур, на левом берегу Занги, представляет собою развалины крупного поселения урартского времени, около которого находилась большая и сильно укрепленная крепость.

От р. Занги около Кармир-блур отходит целый ряд каналов и в частности, проходящий через высеченный в скале туннель Эчмиадзинский канал. Очень возможно, что сооружение некоторых из этих

¹ Г. А. Капанцян, Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении, 1940, 24. Существительное *hubi* автор переводит как „долина“ (ср. *Tua-gaaxsiniei hubi* и *Niribai hubi* в Хорхорской летописи), усматривая этот же корень и в названии страны Хубушкина (ук. соч., 45).

каналов следует отнести к урартскому времени. Таким образом, стела, обнаруженная в Звартноце, могла находиться ранее на равнине против Кармир-блур, а ее текст—рассказывать о строительных работах Русы, сына Аргишти, в районе его закавказского административного центра.

Интенсивная строительная деятельность урартов в Закавказье подтверждается и материалом, происходящим из центральной части Ванского царства. При раскопках на Топрах-кале была найдена табличка с клинописью,¹ представляющая собою письмо Шагаштара, правителя (или же сына правителя) страны Ишкигулу, извещающая урартского царя о строительстве в северных областях Ванского царства.

Такое укрепление урартов в Закавказье в середине VII в., по-видимому, не было случайным. Можно предположить, что в это время урарты вступили в союз с киммерами и скифами, проникшими в Закавказье. Именно это обстоятельство, вероятно, и тревожило Асархаддона, который в своих вопросах к богу Шамашу спрашивал о намерениях Урсы (Русы) урартского и Гимирру (киммеров).² Но нам известно, что Руса не вступал в борьбу с Ассирией, и летописи Ашурбанипала рассказывают о прибытии в Ассирию около 654 г. урартского посольства: „В то время урартский царь Руса услышал о могуществе моих богов и страх перед моим величием победил его. Он послал своих князей приветствовать меня в Арбеле“.

Урартские послы прибыли в Арбелу сразу же после победы Ашурбанипала над Теумманом эламским и взятия Суз.³ На рельефах Куянджикского дворца Ашурбанипала изображен даже прием урартских послов ассирийским царем. Очень характерно переданы низкорослые фигуры послов, один из которых молодой, безбородый, а другой бородатый. Одеты они в длинные платья, украшенные бахромой, поверх которых накинута плащи, на головах мягкие, вероятно войлочные, шляпы с кистями, ноги обуты в высокие зашнурованные сапоги.⁴ Урартские послы изображены представляющимися Ашурбанипалу, стоящему на колеснице, а также присутствующими при жетоках казнях эламитян.

¹ C. F. Lehmann, Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und Dr. C. F. Lehmann 1898—99 ausgeführten Forschungen in Armenien, Sitzungsber. d. Berl. Akademie d. Wissensch., 1900, 625.

² J. A. Knudtzon, Assyrische Gebete an den Sonnengott, I, 1893, № 48.

³ M. Streck, Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergange Niniveh's, I, 1916, 286.

⁴ G. Maspero, Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique, III, 1899, 412—413. В этой работе автор ошибочно приписывает урартское посольство после Эламского похода Сардуру, а не Русе.

Сохраняя мир с Ассирией, Руса II все же продолжал военные действия на западе—в восточной части Малой Азии и в Северной Сирии. В Мазгерде, на юге Дерсимских гор, т. е. на западной окраине Ванского царства, в урартской крепости сохранилась клинообразная надпись Русы II, помещенная при входе в обширное помещение, высеченное в скале.¹ Эта надпись так же, как и надпись из Адильджеваза, рассказывает об урартских военных походах. Тут упоминаются походы против хеттов и мосхов (мушков). Мазгердская крепость свидетельствует также и о том, что Урарту в это время не потеряло своих западных владений, и его западной границей, повидимому, оставался Евфрат.

Нам не известны обстоятельства и время окончания царствования Русы, сына Аргишти, но, во всяком случае, летописи Ашурбанипала отмечают около 639 г. (после второго аравийского похода) прибытие посольства нового урартского царя, Сардур III.²

„Сардур (царь Урарту), услышав о мощи и подвигах, которые судили мне великие боги, приветствовал (мое) Величество, как сын отца, и соответственно этому писал: привет царю, моему господину. В почтении и смирении тяжелый дар свой он послал мне“.³

Этот урартский царь Сардур, наследовавший Русе, сыну Аргишти, известен нам только по приведенному тексту ассирийских летописей. Урартские памятники, связанные с его именем, до нас не дошли.

Мы довольно хорошо знаем культуру последнего периода Урарту, но плохо осведомлены относительно его истории, в то время как для раннего периода мы имеем как раз обратную картину: имея представление о политической истории того времени, мы не располагаем достаточным материалом для изучения культуры.

Во второй половине VII в. в Ванском царстве, повидимому, последовательно царствовали три царя, но памятники дошли только от последнего из них, а именно Русы, сына Эримены. И если Сардур упоминается в ассирийских источниках, то следующий урартский царь, Эримена, известен нам лишь по отчеству его сына, Русы.

Отсутствие памятников, которые бы с уверенностью могли быть отнесены к Эримене, а также умалчивание о нем ассирийских источников дали основание некоторым историкам исключить его из списков царей Урарту, так как, по их мнению, нет истории без письменных документов.

Было высказано и другое предположение, а именно, что Эри-

¹ C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, I, 1910, 467.

² M. Streck, *ук. соч.*, 286.

³ E. Schrader, *Kellinschr. Bibliothek*, II, 231.

мена не существовал вовсе и что отчество последнего царя, Русы, следует понимать как Руса страны Эримены (т. е. Армении).¹

Но оба эти предположения представляются мне неубедительными, и я думаю, что нет оснований подвергать сомнению существование урартского царя Эримены лишь вследствие того, что до нас не дошли его памятники и упоминания его имени в письменных источниках. Если мы его исключим из списка урартских царей, то правления Сардура и Русы III окажутся очень долговременными. А относительно умалчивания о нем ассирийских текстов следует заметить, что после правления Ашурбанипала в Ассирии наступил резкий упадок, окончившийся гибелью этого некогда могущественного государства Передней Азии, да и, кроме того, урартский царь Сардур, в существовании которого никто не сомневается, в ассирийских письменных источниках упоминается всего лишь один раз.

В храме на Топрах-кале было найдено большое количество бронзовых художественных предметов, относящихся ко времени правления Русы, сына Эримены. На обломках шести декоративных бронзовых щитов сохранились его посвятельные надписи, а на куске бронзовой обивки дверей храма имеется надпись, говорящая о том, что этот храм построен Русой, сыном Эримены.² Другие надписи этого урартского царя из центральной части Ванского царства нам не известны, но в Закавказье, в окрестностях Армавирского холма, был найден камень из кладки стены, с клинообразным текстом, рассказывающим о постройке крепости.³ По содержанию эта надпись аналогична надписи Аргишти, сына Менуи, найденной у Ганли-тапа.

Определение времени правления Русы, сына Эримены, представляет большие трудности. Леманн-Гаупт, исходя из того, что Ванское царство прекратило свое существование около 585 г., т. е. когда мидяне прошли через его территорию перед встречей с лидийскими войсками Алиата на р. Галис, и считая Русу, сына Эримены, последним урартским царем, окончание его царствования относит именно к 585 г.⁴, а начало его правления условно датирует 605 г.

Урартское государство пережило Ассирию, которая во второй половине VII в. стала терять свои владения, вступив в тяжелую борьбу с отпавшей от нее Вавилонией и возвысившейся к тому времени Мидией. Союз с Египтом не спас Ассирию; в 614 г. мидяне взяли и разрушили Ашур, в 612 г. после длительной осады Ниневии вавилонянами, мидянами и скифами пала вторая столица Ассирии.

¹ И. И. Мещанинов, К анализу имени Эримена, Язык и мышление, I, 1933, 37.

² СICh, 157—163.

³ М. В. Никольский, МАК, V, № XIX.

⁴ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2.

Последний ассирийский царь Ашурбалит должен был отступить в Харран, где он смог продержаться до 610 г., и в 605 г., после взятия Кархемиша, Ассирийское государство перестало существовать.

Вавилонская хроника, описывающая события 616—609 годов,¹ рассказывает о походе Набупаласара в 609 г. в Урарту (область города Урашту), но результаты этого похода остаются нам неизвестными, так как на этом месте текст хроники обрывается.

Некоторые историки Древнего Востока именно 609 г. считают годом гибели Урартского государства, разрушения Тушпы и перехода урартской территории во владение Мидии. Но это предположение опровергается сведениями Библии. В пророчестве Иеремии, в части, датированной четвертым годом царствования Иоакима, сына Иосии, т. е. 605 г., против Вавилона призываются мидяне, урарты (Арарат), маней и скифы (1,27). Значит, Ванское царство продолжало существовать и после похода Набупаласара 609 г.

Я думаю, что более правильно предположение об окончательной гибели Урарту в начале VI в. К этому времени Ванское царство окончательно потеряло свое прежнее значение, чему содействовали также и кочевые племена, проникшие в Переднюю Азию с севера, из-за Кавказского хребта. Этими кочевыми племенами, как показывают раскопки на Кармир-блуре, в начале VI в. были разгромлены урартские административные центры в Закавказье.

Владычество Мидии в Передней Азии было недолгим; уже в 550 г. столица Мидии,—Экбатаны, была взята персами.

В середине VI в. западная часть территории Ванского царства была занята новым союзом племен, во главе которого стояли армены.

Об этом нам говорят ахеменидские клинообразные надписи. В перечнях стран, покоренных Дарием (около 520 г.), в вавилонском тексте Накширустемской и Бисутунской надписей стоит еще древнее название Урарту (в вавилонской форме—*matu U-ra-aš-tu*), в то время как в древнеперсидском и эламском текстах оно заменено термином Армения (др.-перс. *Armina*, эламск. *Har-mi-nu-la*).² Таким образом, территория Ванского царства стала называться по имени нового политического объединения, захватившего значительную ее часть.

Термин Урашту имеется также и в надписях Ксеркса (начало V в.). Последний раз он встречается в надписи печати Шамаш-барраку, сына Нидиктум-бела, „начальника (*šaknu*) над людьми Урарту и Мелиду“, оттиснутой на табличке времени Дария II (около 415 г.).³

¹ C. J. Gadd, *The Fall of Nineveh*, 1923, 24, 36 и 42.

² F. H. Weissbach, *Die Keilschriften der Achameniden*, 1911, 10—13 и 88—89.

³ E. Unger, *Urartu, Reallexicon der Vorgeschichte*, XIV, 1928, 32.

13. Бронзовый щит Русы, сына Эрмены, из храма на Топрах-кале.

Реконструкция.

На судьбе урартов после падения Ванского царства я остановлюсь в заключительной главе настоящей работы, здесь же укажу только, что древний термин „Урарту“ сохранился и у Геродота (III, 94), писавшего о том, что в XVIII податной округ Персии входили и алародии (урарты).

Последний период истории Урарту, вследствие недостаточности материала, остается не совсем ясным, и у нас нет достаточных оснований для утверждения о гибели Урарту в результате катастрофы, разгрома при нашествии врагов.

Наоборот, археологические материалы и исторические, весьма скудные свидетельства, как будто, указывают на то, что Ванское царство погибло не внезапно, а постепенно, уступая свое место новым силам, появившимся на арене истории Передней Азии в конце VII века и начале VI века.

Глава IX

Раскопки в Ване

На восточном берегу Ванского озера, на плодородной равнине, с трех сторон ограниченной горами, расположен город Ван.

Одна его часть, обнесенная стеной, находится у подножия господствующей над всей местностью скалы, на которой высится крепость с массивными башнями и мощными, увенчанными зубцами, стенами. Этот район Вана и до наших дней сохранил черты средневекового города с его узкими и шумными улочками, переполненными народом. Он является деловой частью города, в нем находятся базар, мечети и армянские церкви.

Другая часть Вана, к юго-востоку от скалы, более обширная, утопает в зелени и по праву носит название „Айгестан“, „город садов“. Дома окружены садами с высокими тополями, яблонями, персиками, гранатами и другими плодовыми деревьями, способными выдержать довольно суровую и снежную зиму. Но вся эта пышная растительность создана и поддерживается трудом человека, так как без искусственного орошения она бы погибла.

Само озеро Ван—мертвое; прозрачная и постоянно изменяющая свой цвет вода озера насыщена содой и непригодна для питья; об очищающих свойствах щелочной воды озера рассказывали еще античные писатели. В озере водится только один вид рыбы, тарех, и то лишь у устья рек, впадающих в озеро.

Много пришлось человеку положить труда, чтобы превратить эту местность в „земной рай“, как называли армяне город Ван, имевший большое значение в исторической жизни Армении.

Английский путешественник Линч о западном берегу озера писал: „Я уже несколько раз имел случай заметить, как незначителен человеческий элемент в этих армянских ландшафтах. В Ване в первый раз мы получаем другое впечатление, зависящее, однако, вовсе не от людей, населяющих теперь эту страну, но от памятников давнопрошедшей цивилизации, которыми изобилуют окрестности Вана и от которых на нас через много веков еще веет духом древней культуры,—здесь массивный фундамент акведука, там остаток циклопической стены повествуют нам о господстве человека над природой и

невольно воскрешают перед нашим умственным взором равнину, пересеченную большими дорогами, реки с переброшенными через них мостами, водопроводы, приносящие издалека оплодотворяющую воду".¹

И действительно, многочисленные древние памятники свидетельствуют о том, что тут подчинение природы человеком представляло многовековой процесс.

Город Ван поистине можно считать музеем древностей. Крепость на скале в нижней части своих стен сохранила еще древнюю кладку, отличающуюся мощностью и размерами камней. Вся скала носит на себе следы человеческой работы. В ней высечены обширные площадки, лестницы, желобы, а в южной отвесной ее стене находятся обширные пещерные помещения, поражавшие путешественников, посещавших Ван.

На сглаженной поверхности скалы, иногда около входов в пещерные помещения, находятся клинообразные надписи, короткие, а иногда и многострочные, составляющие несколько колонн. Некоторые надписи помещены на стенах высоких вырубленных в скале ниш, часто в форме двери, к которым ведут массивные лестницы.

При прогулке по городу нередко можно было видеть камни из древних построек, покрытые клинописью; такие камни были заделаны и в стены некоторых армянских церквей. У местного населения древние памятники часто имели культовое значение. Так, жители селения Харакоис, у озера Арчак, воспрепятствовали германской экспедиции перевезти стелу с клинообразной надписью в Стамбульский музей, ибо ей приписывалось магическое свойство увеличения урожая.

Шульц, посетивший Ван в 1828 г., рассказывает о том, что к надписи в нише на северном склоне скалы совершались паломничества и что знаки надписи были забиты разноцветными тряпочками. На такое культовое значение клинописи указывает также и то обстоятельство, что нередко на памятниках бывают вырезаны кресты, перекрывающие клинообразную надпись.

В армянском народном творчестве часто встречаются легенды, связанные с древними памятниками. На склоне горной гряды Зым-зым-даг, к северу от города Ван, высечена большая ниша, высотой в 5,18 м., имеющая форму двери, внутри которой, на гладкой поверхности, вырезана клинообразная надпись. Жители Вана называют эту нишу „Мхери-дур“ или „Мхер-капуси“, что означает „Дверь Мхера“, и рассказывают о ней многочисленные легенды. Западно-

¹ Липч, Армения, II, 68—69.

европейские ученые, изучавшие клинообразные надписи в районе оз. Ван, не могли дать верного объяснения этому названию.

Так, Шульц относительно „Двери Мхера“ приводит легенду, согласно которой за этой дверью находится бесчисленное количество зал, в которых живут злые духи—дэвы. Он сообщает и другой рассказ о том, что, согласно повериям, „Дверь Мхера“ (называемая также „Демир-капуси“, т. е. „Железная дверь“) открывается один раз в год, в праздник св. Иоанна. Имя Мхер Шульц объяснить не мог, но правильно предполагал, что оно связано с именем бога солнца Митры.¹

Эти сведения повторяет и Сэйс.² Лэйард, посетивший Ван в 1850 г., также дал описание „Двери Мхера“, полагая, что она названа по имени одного пастуха, о котором народная легенда рассказывает следующее. Пастуху, заснувшему около „Двери Мхера“, во сне было открыто магическое слово, при помощи которого можно было проникнуть внутрь скалы. Когда обрадованный пастух проснулся, то он произнес заклинание и, действительно, дверь в скале открылась и перед его глазами оказалась большая зала, наполненная несметными сокровищами. Когда он вошел внутрь, то дверь за ним тотчас затворилась. Наполнив свою котомку золотом, он произнес магическое слово и вышел из пещеры. Но тут пастух вспомнил, что внутри скалы он оставил свой посох. По его просьбе дверь в третий раз открылась, он вошел внутрь за забытым посохом, но выйти оттуда уже не смог, так как не мог вспомнить магическое слово. Верная собака, не дождавшись своего хозяина, отнесла мешок с золотом домой и привела к скале жену пастуха; та слышала голос своего мужа, но ничем не могла ему помочь. Легенда добавляет, что и теперь еще можно слышать иногда голос пастуха, заточенного в скале.³

Этот же рассказ повторяет и Линч, называвший стелу „Чобан-капуси“, т. е. „Дверь пастуха“, и указывает, что происхождение ее второго названия, именно „Дверь Мхера“, не известно.⁴

Приходится удивляться, что ученым, занимавшимся древнейшей историей Армении, не была знакома легенда о Мхере, легенда из армянского народного эпоса о четырех поколениях Сасунских богатырей, известного по имени одного из них, а именно Давида.

Заключительная часть эпоса рассказывает о заточении в скалу

¹ F. Schulz, Mémoire sur le lac de Van et ses environs, JA, IX, 1840, 301.

² A. H. Sayce, The Cuneiform Inscriptions of Van, JRAS, XIV.

³ A. H. Layard, Nineveh und Babylon, 303.

⁴ Линч, Армения, II, 144. Любопытно, что в этой легенде талисманом является цветок кунжута (сезама). Сюжет этой сказки проник и в Западную Европу, причем там гора, скрывающая сокровища называется Земси или Сезам (кунжут).

последнего представителя Сасунских богатырей—Мхера Младшего. Варианты этого рассказа указывают также место, где Мхер и его конь, Куркик-Джалали, ушли в скалу.

Скитаясь по миру, Мхер направился в Цовасар на могилы своих родителей и из могилы отца услышал пророчество: „Довольно тебе бродить по свету, довольно бродить... твое место—камень Акропу (вариант: „камень Аграву“, т. е. „вороний камень“); когда мир разрушится и вновь восстановится, коль земля выдержит твоего коня, мир—твой“. Мхер отправился в город Ван, по дороге увидал ворона, которого хотел пристрелить, но только ранил. Следуя за улетающим вороном, он достиг одной скалы и внезапно почувствовал, что случилось что-то необычайное—земля перестала держать Мхера, точно так же, как переставала держать богатырей в русских былинах. „Был полдень, сколько ни гнал, конь все зарывался до вечера; взял коня под уздцы, пошел, дошел до подножия одной горы около Вана. Встретилась ему одна черная скала. Сказал: «Дай ударю мечом по этой скале, если расколется—я не впал в грех, если же не расколется—значит я впал в грех». Как только ударил мечом по скале, скала на две части раскололась, он и его конь вошли в скалу, скала снова соединилась“.

Таким образом, в эпосе указывается и место действия, именно—подножие одной горы, около Вана, а в пророчестве отца Мхера было сказано, что его место—„камень Акропу (Аграву)“. С северной стороны к Вану подходит горная гряда Зымзым-даг, а выступ этой гряды называется Ак-кепри (Ак-керпи), что соответствует названию „камень Акропу“ рассказа эпоса. Неподалеку от выступа Ак-кепри и находится ниша „Дверь Мхера“.¹

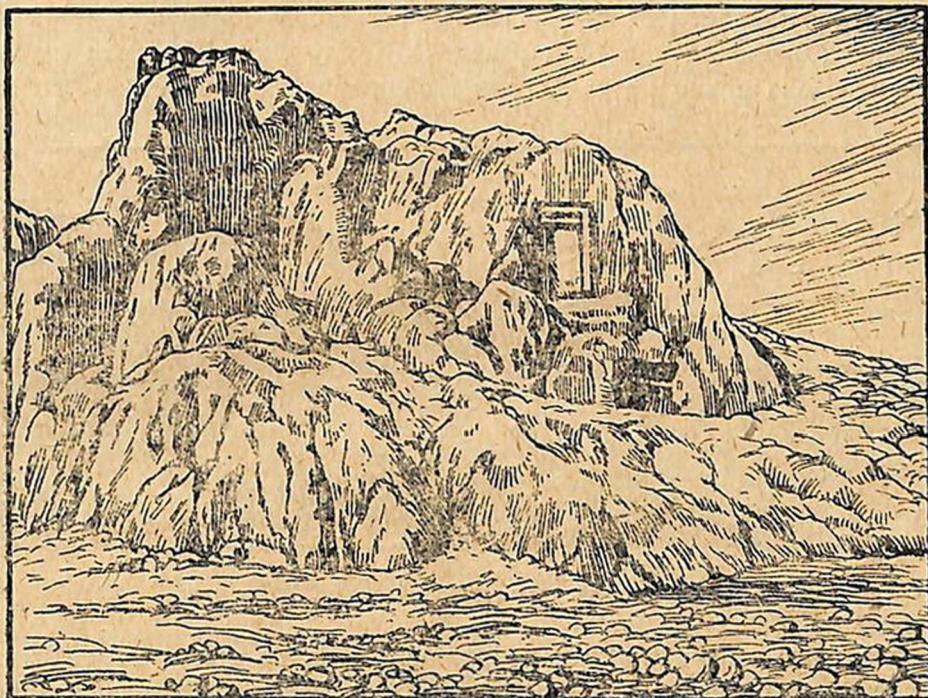
В армянской научной литературе уже давно указывалась связь в народе этого древнего памятника с легендой о Мхере. Так, Сырвандзтян² приводит рассказ ванских армян о „Двери Мхера“, согласно которому за этой дверью заключен вместе со своим конем богатырь Мхер, а „черная влага, появляющаяся около этой двери,—это моча коня“. Около ниши имеется углубление в скале, которое считается следом копыта коня Куркик-Джалали.

И другие легенды эпоса связаны с древними памятниками Ванского района. Очень вероятно, что рассказ о постройке Санасаром и Багдасаром мощной Сасунской крепости связан также с циклопическими крепостями, сохранившимися на армянском нагорье от очень древнего времени, действительные строители которых ко времени сложения эпоса были уже забыты.

¹ Б. Б. Пиотровский, Дверь Мхера, газ. „Коммунист“, Ереван, 15 сент. 1939 г.

² Գ. Վ. Սրվանձեղյան, Գրոց-Ֆրոց, Կ. Պոլիս, 1910, 86.

Народные сказания приписывают многие древние памятники Армении легендарной царице Шамирам, в которой нетрудно узнать ассирийскую царицу Шамурамат (Семирамиду), ставшую очень популярной в народном творчестве Передней Азии. Ей приписывались также и древние памятники, сохранившиеся в Ванском районе. С именем ее связываются не только остатки древних крепостных сооружений и канала, но также и один из районов города Вана, называемый „Шамирам“.

14. „Дверь Мхера“.

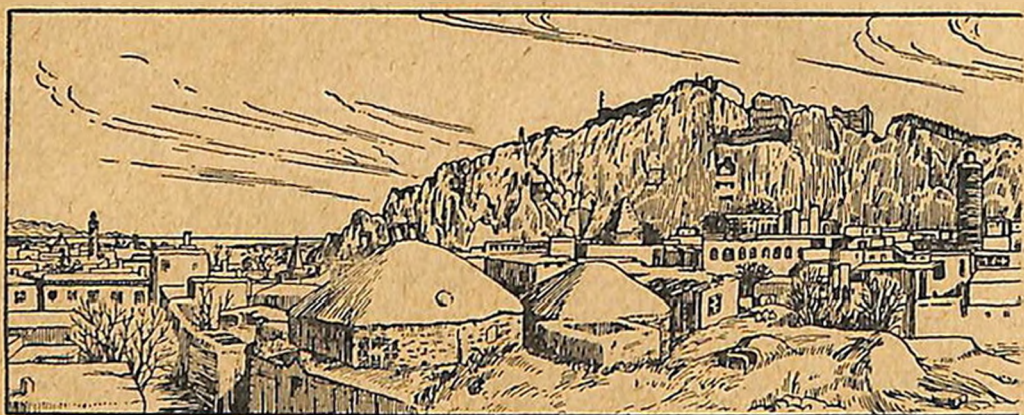
Моисей Хоренский, приводя легенду об Ара Прекрасном и Шамирам, рассказывает в ней о постройке города Вана ассирийской царицей (1,16). Согласно этому рассказу, Шамирам из Айратской долины направляется на юг, в гористую часть страны.¹

„Объездив множество мест, достигает она Соленого озера, с восточной его стороны, и видит расположенную у берега продолговатую гору, по длине тянущуюся к западу, в северной части пологую, в южной же вздымающуюся к небу и обрывающуюся крутым утесом. К югу от него и к востоку от горы раскинулась обширная долина, переходящая в снижающееся к берегу озера ущелье, изоби-

¹ Текст Моисея Хоренского привожу в переводе Л. А. Калантара.

люющее питьевой водой, которая ручьями стекала с горы и сочилась из падей и расселин, а еще ниже, у подножия, красиво сочетаясь, сливаясь в большую реку, слева и справа от которой, по склонам, находилось немалое количество поселений. К востоку от облюбованного ею холма высился другой, поменьше“.

В приведенном рассказе без труда можно узнать Ванскую скалу, местоположение которой описывается очень точно и подробно. Что же касается второго, меньшего холма, то в нем можно видеть высоты Топрах-кале. После описания восточного побережья озера Ван Моисей Хоренский приводит рассказ о постройке Шамирам города, для чего она приводит из Ассирии и подвластных ей стран людей—

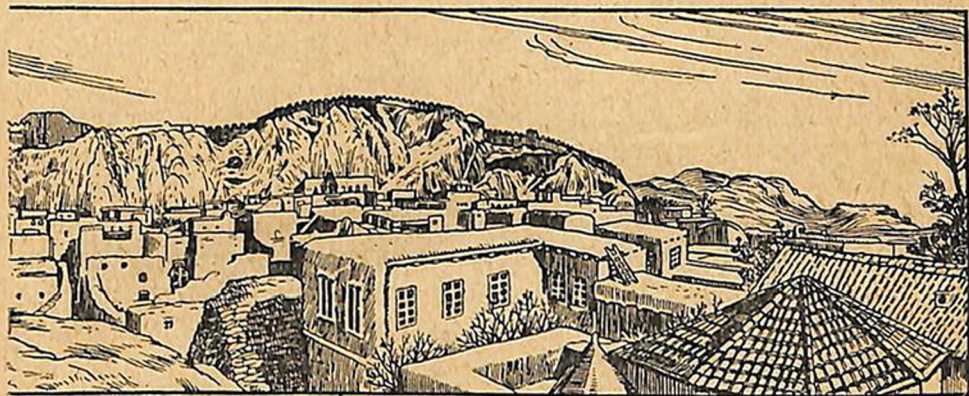
15а. Западная часть Ванской скалы. Вид с юга.

„двенадцать тысяч простых работников и шесть тысяч из ее мастеров, искусных резчиков на дереве, камне, меди и железе, знающих в совершенстве свое искусство“.

„Спустя немного лет завершает она дивное строительство возведением крепчайших стен с медными воротами. В самом городе понастроила она множество роскошных зданий, с большим разнообразием в камне и цвете, в два и три этажа, при надобности—с балконами. Мастерски распланировала она город широкими улицами. Выстроила посреди горста прекрасные купальни, достойные удивления по своим удобствам. Часть реки отвела и распределила по городу на различные нужды и на орошение парков и цветников. Другая часть реки была отведена по правому и левому берегам озера для орошения пригородных земель. Восточные, северные и южные окрестности города украсила она усадьбами и тенистыми рощами плодовых и лиственных деревьев и насадила много пышных садов и виноградников. И много еще достопримечательного создала она в этой

великолепной твердыне и населила ее множеством жителей. А все то чудесное, что сооружено было ею в нагорной части города,—непостижимо для большинства людей и неопишимо. Опясав стенами вершину, на которую никому не взойти и не взобраться; воздвигла она там царский дворец, таинственный и страшный. Как и что там сооружено,—в точности ни от кого нам не довелось слышать, и мы не решаемся описать. Достаточно сказать, что из всех царских сооружений это, как мы слышали, считается самым величественным“.

Далее идет пространное описание пещерных помещений, высеченных в отвесной стене Ванской скалы, и загадочных клинообразных писем, встречающихся „во многих местах страны армянской“.

156 Восточная часть Ванской скалы. Вид с юга.

Этот рассказ знаменитого средневекового армянского историка и послужил причиной того, что в 1827 г. французское Азиатское Общество командировало в Ванский район молодого ученого Шульца. Ему было поручено обследовать и описать замечательные памятники Семирамиды, о которых так подробно рассказывает Моисей Хоренский.

Прибыв после долгого путешествия в Ван, Шульц энергично принялся за работу. Ему встретились клинообразные письма, отличающиеся по форме клиньев от ранее известных, не расшифрованных еще клинописей. Шульц стал тщательно копировать эти древние надписи на камнях древних построек и на скалах, и несмотря на то, что он не имел представления ни о системе письма, ни об языке, копии его оказались очень точными, и ими долгое время пользовались ученые, работавшие над расшифровкой ванской клинописи.

Среди надписей на неизвестном в то время языке Шульцу встретилась одна надпись, высеченная на южной стороне Ванской скалы, в которой он правильно признал персидскую надпись и распознал имя

и титулы Ксеркса, сына Дария: к этому времени уже были сделаны первые шаги расшифровки персидской клинописи.

В Ване Шульц занимался не только одними надписями; он подробно знакомился со всеми памятниками древности и оставил их описание, опубликованное по материалам, доставленным во Францию после его трагической гибели.¹

Шульц посетил и подробно описал Ванскую скалу. По крутой тропинке, огражденной стенами, сложенными из сырцового кирпича поднимался он к верхней площадке скалы. Редко для кого-нибудь из европейцев открывалась деревянная дверь, обитая металлическими пластинками и большими гвоздями, ведущая во внутрь крепости, гарнизон которой состоял из старого янычара и ручного медведя. В крепости находилось также несколько очень старых бронзовых пушек, имевших больше музейное значение, чем военное.

По мнению Липча, это именно обстоятельство—плохая укрепленность крепости—и было причиной запрещения доступа в крепость европейцам,² что после Шульца строжайше выполнялось турецкими властями. Вследствие этого описание Ванской скалы, приведенное Шульцем, до последнего времени остается единственным. Им же даны самые подробные описания помещений, высеченных в Ванской скале, вызывавших удивление у европейских путешественников, для которых доступ к ним был закрыт.

После работ Шульца древности Ванского района, и в первую голову клинописи, вызвали живой интерес в научных кругах Западной Европы.

Лэйард, путешествуя по центральной части Передней Азии, заехал в Ван, где провел некоторое время, изучая клинообразные надписи и древности. Он подтвердил догадку Шульца о том, что одна из надписей на Ванской скале принадлежит Ксерксу, сыну Дария, а другую, высеченную на громадном угловом камне циклопической стены у подножия скалы, правильно определил как ассирийскую. Им же был опубликован план и разрез знаменитых пещерных помещений, у входа в которые находился пространственный клинописный текст, представляющий собою летопись Аргишти, сына Менуи, известных под названием „Хорхорской пещеры“.

И после Лэйарда Ван посещали многие путешественники и ученые. Интерес к древнему Ванскому царству возрастал с каждым годом.

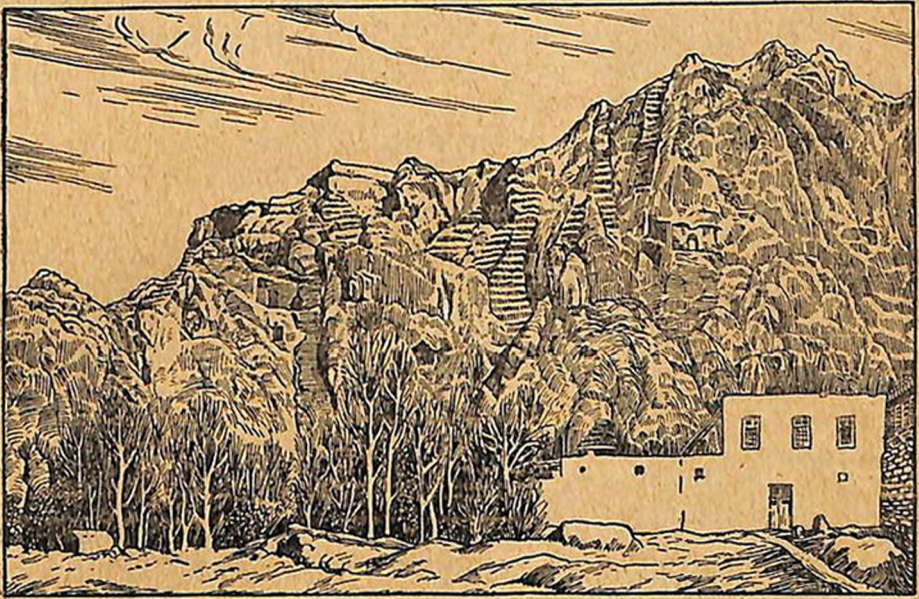
Археологическое изучение ванских древностей, так же, как и

¹ F. E. Schulz, *Memoires sur le lac de Van et ses environs*, J A, IX, 1840, 257—323.

² Липч, Армения, II, 138.

ассирийских, на первых порах находилось в руках европейских представителей, не специалистов-археологов. Раскопки имели цель добыть вещи для обогащения музеев Западной Европы.

Но так как Ванская скала для европейцев была недоступна, то раскопки пришлось вести на высотах Топрах-кале („Земляной крепости“), расположенных на северо-восточной окраине города. Там находились развалины большой крепости, в которой в то время еще сравнительно хорошо сохранились остатки древних построек как из сырцового кирпича, так и из гладко отесанных камней.

16. Часть Ванской скалы у Хорхорской пещеры.

В 1879 г. Топрах-кале начали копать английский консул Клэнтон и американский миссионер Рейнольдс. В 1880 г. к ним присоединился археолог-любитель Рассам, настойчивый кладоискатель, которому за два года до того посчастливилось принять участие в находке на Балаватском холме бронзовых обивок с рельефами, изображавшими походы Салманасара III к Ванскому озеру, а еще раньше, копая дворец Ашурбанипала, найти часть знаменитой клинописной библиотеки ассирийского царя и откопать зал дворца, украшенный рельефными изображениями охоты на львов,—изумительными памятниками ассирийского искусства последнего этапа его развития.

Городище Топрах-кале не оправдывало их ожиданий, попадались лишь мелкие предметы, представлявшие незначительный интерес.

Больше материала дали раскопки храма, в северо-восточной части крепости, с которого начали свои раскопки Клэйтон и Рейнольдс.

Были откопаны стены из камней светлого и темносерого цвета, сложенных в шахматном порядке. Внутри храма и около него были найдены большой каменный жертвенник, бронзовые декоративные щиты, украшенные изображениями животных, бронзовые фигурки, части мебели, обломки каменной мозаики и глиняные сосуды. От раскопок в Ване Рассам явно ожидал большего. Он надеялся открыть нечто похожее на ассирийские дворцы, монументальные памятники искусства, каменные облицовки стен с рельефными изображениями. В своей книге¹ раскопкам на Топрах-кале Рассам уделил всего две страницы и опубликовал фотографию остатков храма во время раскопок и кучу найденных вещей, причем на последней фотографии очень трудно рассмотреть отдельные предметы.

Вещи из этих раскопок в основной своей части попали в Британский музей, где они и до сих пор лежат необработанными, а частью выставлены в зале ассирийских древностей. Некоторые предметы попали через Рейнольдса в Америку, но и они до сих пор не стали достоянием науки. В частности, только по старой копии известна глиняная таблетка, покрытая клинописью, — редчайший экземпляр памятников этого рода, несомненно представляющий первостепенный интерес для изучения древнего Ванского царства.

Археологи-дилетанты не могли понять ценности обнаруженных ими на Топрах-кале древностей; они рассматривали эту крепость как памятник окраинной ассирийской культуры.

В то время историки Древнего Востока, главным образом ассириологи, вели большую и успешную работу над письменными памятниками. На основании изучения как ассирийских клинописных текстов, так и ванских удалось установить, что древности, открытые в Ване, следует отнести к народу, называемому в ассирийских клинописях урартами, который с переменным успехом вел продолжительную и упорную борьбу с Ассирийским государством.

Древний город на скале и на месте современного Вана, приписываемый Моисеем Хоренским ассирийской царице Шамирам, оказался столицей Урартского царства, городом Тушпой. Была открыта новая, чрезвычайно интересная страница истории Передней Азии.

Раскопки в Ване возбудили интерес к древностям у местных жителей. Топрах-кале начали копать с целями чистого кладонскательства, а находимые вещи продавать скупщикам древностей; вещи переходили в иностранные консульства и миссии, где образовывались

¹ H. Rassam, *Asshur and the Land of Nimrod*, 1879, 377—378.

коллекции древностей, а оттуда они поступали в музеи Западной Европы. В земле ваны находили большое количество сосудов, мелкие каменные поделки, в частности, печати с резными изображениями, железное оружие, различные металлические орудия, бронзовые изделия, иногда очень художественные.

В письме с предложением К. П. Патканову приобрести для русских музеев древности из Вана, один из местных жителей Вана писал: „В прошлом году англичане покопали немного эти обширные развалины на средства Британского Музея. Было обнаружено прекрасное здание, похожее на дворец, но несмотря на большие расходы, они извлекли лишь маленькую фигурку, подобную мону, которым английская пресса придала весьма крупное значение. Они намерены (это место) подробно исследовать. Некогда в указанных развалинах было обнаружено множество прекрасных вещей, как неизмеримой величины трон, сплошь покрытый клинописью и позолоченный, но больно сообщить, что по возвращении моем из Европы я узнал, что, расколов, его уничтожили. Я помню в детстве, какое огромное количество различных фигур обнаруживали в этих развалинах, но, принимая их за проклятое дело рук сатаны или джинов, ударами молота разбивали и выделывали из них бронзовые сосуды или лопаты и лемехи“.¹

В 1898 г. в Ван была направлена первая научная археологическая экспедиция, во главе которой стоял австрийский историк Древнего Мира Леманн-Гаупт и археолог Бельк, начавший свои работы в Закавказье. Так как Ванская скала была недоступна, то экспедиция производила раскопки только на Топрах-кале.

¹ Б. Б. Пиотровский, Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа, ТОВЭ, I, 49.

17. Бронзовая статуэтка из Топрах-кале. Берлинский музей.

Топрах-кале представляет собою скалистый выступ горного кряжа Зымзым-даг, длиною около 100 м. при ширине в 60—68 м. Южные, восточные и западные его склоны обрывисто или круто пологи, и только в северной части он соединяется с возвышенностью. Склоны Топрах-кале имеют высеченные древние ступени, высотой до 1 м. при незначительной ширине. Крепостные стены не сохранились и камни от них, вероятно, расхищены ванцами для своих строительных нужд. Поверхность крепости занята развалинами построек из сырцового кирпича, причем эти развалины составляют мощный культурный слой, толщиной в 6—8 м.¹

В северо-восточной части выступа находился храм, который раскапывали в 1879—80 г. Но ко времени работ экспедиции от него остался только один фундамент, так как камни стен были уже расхищены. Около храма находился вход в подземелье, сплошь заваленный землей и щебнем.

Раскопки были произведены в нескольких местах одновременно; число рабочих достигало 100 человек.

Раскопки на месте храма обнаружили его фундамент, высотой в 0,5—4,5 м., сложенный из массивных глыб известняка. В средней части фундамента был обнаружен квадратный колодец 4 м. × 4 м. глубиною в 1,40 м. доходивший до скалы. Леманн-Гаупт полагал, что на этом месте стояла статуя бога, или же колодец служил местом оракула.

Расчитывая найти клинописные документы, свидетельствующие о сооружении храма, Леманн-Гаупт разобрал четыре угла фундамента, так как именно в этих местах ассирийцы закладывали посвященные таблички, но эта надежда не оправдалась.

Около храма, у юго-западного его фасада, были раскопаны развалины постройки из крупных сырцовых кирпичей (55 см. × 32,5 см. при толщине в 16 см.), где в большом количестве были найдены обломки разноцветной каменной инкрустации пола и отдельные железные предметы. Возможно, что это сильно разрушенное здание представляет собою развалины дворца урартского царя.

Расчистив вход в подземелье, археологи открыли лестницу из 56 ступеней, ведущую в обширное помещение высотой около 2 м. Потолок этого помещения имитировал бревенчатый накат, характерный для урартских построек. Назначение этого подземелья остается невыясненным. Наличие углубления в нем, похожее по форме на ванну, давало основание считать его водохранилищем или купальней, но возможно, что оно являлось подземным святилищем или же гроб-

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 455; о раскопках на Топрах-кале см. также выше, стр. 14.

ницей, причем в последнем случае углубление в полу следует рассматривать как саркофаг.

К юго-западу от подземелья были найдены обломки клинописных табличек со счетными записями, а также письмо урартскому царю, происходящие, повидимому, из клинописного архива. Но все поиски этого архива оказались тщетными.

Весьма интересные результаты дали раскопки поселения. Примерно в его середине находилось большое количество обломков крупных сосудов—карасов. Раскопки в этом месте обнаружили помещение из сырцового кирпича, в котором оказалось 20—25 карасов, каждый емкостью в 500—600 литров. Только два из них были относительно целы, остальные же представляли обломки, лежащие кучей. На то, что эти сосуды первоначально служили хранилищами зерна и жидкостей, указывают меры емкости, обозначенные на них иероглифами; встречаются также меры емкости, выписанные клинописью. Но некоторые из этих сосудов служили также хранилищами различных предметов: в двух сосудах были обнаружены оружие и изделия из золота и серебра, в частности,—золотая дисковидная подвеска с изображением богини, сидящей на троне, и стоящей перед нею жрицы.

Раскопки в различных частях крепости дали много различного материала. У западного склона была найдена бронзовая, очень массивная ножка трона, у восточного—хорошо сохранившийся канделябр, украшенный в нижней своей части фигурками крылатых бычков с человеческими головами.

Развалины жилищ носили явные следы пожара: в большом количестве найдены обуглившиеся куски дерева, некоторые металлические предметы оказались оплавленными. Все это указывало на то, что поселение Топрах-кале погибло при внезапном нападении.

Среди находок на Топрах-кале встречаются иногда чрезвычайно интересные вещи. Так, в одном из сосудов оказался кусок сильно обуглившейся ткани, определенный как шелк.¹ Были найдены куски лазурита, вероятно среднеазиатского происхождения, и многочисленные бусы из различных полудрагоценных камней, частью привозных.

К сожалению, остатки зерен, найденные при раскопках поселения, не были определены.

Раскопки на Топрах-кале дали громадное количество железных и бронзовых изделий, железные топоры, молоты, вилы, ножи, железные и бронзовые петли для запоров и многое другое. Керамика оказалась чрезвычайно разнообразной, но особенно выделяются кувшины с ручкой чрезвычайно изящной формы, имевшие красную, до блеска лощенную поверхность.

¹ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 967.

При раскопках северо-западного склона была обнаружена ровная площадка, ограниченная с одной стороны стеной, заполненная наваленными друг на друга костяками людей и животных и громадным количеством обломков глиняных сосудов. Заслуживает внимания то обстоятельство, что на этой площадке не был найден ни один человеческий череп или же обломки черепов. Лемани-Гаупт полагал, что на раскопанной им террасе сохранились следы жертвоприношений, в частности, человеческих, указания на которые он видел в некоторых урартских надписях. По его мнению, головы людей, принесенных в жертву, складывались в особом месте. Несмотря на правдоподобность такого объяснения, все же оно не может быть признано окончательным, и назначение этой площадки еще не совсем ясно.

Раскопки Лемани-Гаупта и Белька на Топрах-кале для изучения культуры Ванского царства имеют большое значение. Это были первые и единственные раскопки, произведенные на территории центральной части Урарту в широком масштабе. Они дали не только большое число памятников материальной культуры, но позволили также понять значение древней крепости на Топрах-кале.

Около искусственного озера Кешиш-гель была найдена стела с надписью о построении урартским царем Русой I, сыном Сардура, города, названного его именем. В развалинах на Топрах-кале Лемани-Гаупт и хотел видеть именно этот город Русы, построенный им после похода Тиглатпаласара III в Ванское царство, уничтожившего в 735 г. город около Ванской скалы, где отсиживался Сардур.

Крепость на Топрах-кале, по мнению Лемани-Гаупта, была царской резиденцией Русы I, куда он перенес и культ бога Халда, соорудив для этого новый храм. Позднее этот храм перестраивался другими двумя царями, носившими имя Русы, на что указывают надписи на декоративных щитах, происходящих из раскопанного храма.

Крепость на Топрах-кале, по мнению Лемани-Гаупта, погибла внезапно, при мидийском вторжении около 585 г., и жизнь с тех пор на ней прекратилась, так как там, по наблюдению археологов, якобы нет культурных слоев, относящихся к послеурартскому времени.

По поводу надписи Ксеркса на Ванской скале Лемани-Гаупт полагал, что она рассказывает о строительных работах, произведенных персидским царем не в районе оз. Ван, а в центральной части своего государства. Это замечание совершенно справедливо, но оно вовсе не стоит в противоречии с представлением о том, что жизнь на Топрах-кале продолжалась и после 585 г., на что как будто указывают и некоторые предметы, как это отмечал и сам Лемани-Гаупт, считавший возможным, что и урартский царь Руса, сын Эримены, пережил мидийское вторжение и стал вассальным князем Киаксара. Но в полной

мере справедливо положение Лемани-Гаупта и Белька о том, что основной материал, раскопанный на Топрах-кале, характеризует культуру Ванского царства конца его истории, второй половины VII в. и начала VI в.

После раскопок германской экспедиции на Топрах-кале там долго не производилось никаких археологических работ.

Лишь зимой 1911—12 г. И. А. Орбели посетил Топрах-кале и произвел там небольшие раскопки на его восточном склоне, неподалеку от развалин постройки, в которой Лемани-Гаупт нашел бронзовый канделябр. Во время кратковременных раскопок были найдены обломки мраморного фриза с изображением быков и деревьев в орнаментальном обрамлении. Этот фриз, повидимому, был облицовкой стены какого-то парадного помещения. Кроме вещей, добытых путем раскопок, И. А. Орбели собрал большое количество весьма интересных древностей, находившихся на руках у местных жителей.

И в 1916 г., когда Русскому Археологическому Обществу удалось снарядить археологическую экспедицию в Ван, то Н. Я. Марр, руководивший этой экспедицией, местом раскопок снова избрал крепость Топрах-кале, уже давшую богатый материал.

Раскопки Н. Я. Марра подтвердили предположение о том, что крепость погибла внезапно; всюду отчетливо прослеживались следы пожара, раскопками постоянно открывались обугленные бревна обвалившихся перекрытий. Материалы из раскопок Н. Я. Марра в Ване хранятся в Государственном Эрмитаже. В основных своих чертах они повторяют материал, добытый германской экспедицией, но ввиду меньшего размаха работ они значительно малочисленнее. Среди отдельных предметов, найденных при раскопках, особый интерес представляет массивный бронзовый гвоздь (рис. 25), по форме напоминающий ассирийский „зигатти“, служивший для прикрепления к стенам ковров и циновок.

Ко времени работ Н. Я. Марра крепость на Топрах-кале была уже сильно разрушена. После раскопок германской экспедиции на ней продолжали хозяйничать кладоискатели и местные жители. Даже фундамент храма, расчищенный экспедицией Лемани-Гаупта, был разобран до последнего камня, а вся поверхность крепости была изрыта ямами и норами. На Топрах-кале трудно даже найти живое место, настолько он поврежден научными и кладоискательскими работами.

Одновременно с раскопками на Топрах-кале экспедиция Русского Археологического Общества проводила обследование и Ванской скалы, доступ к которой был свободен. Производились обмеры изумительных помещений, высеченных на южной стороне скалы, фотографировались стены крепости, сохранившие в нижних своих частях

еще урартскую кладку, достигавшую на некоторых участках 20-метровой высоты.

И. А. Орбели обследовал две ниши на северном склоне Ванской скалы, известные под названием „Хазине-қапуси“, т. е. „Дверь сокровищницы“. На стене одной из них находится клинопись, скопированная еще Шульцем. Легенда рассказывает, будто бы эти ниши ведут в помещение, наполненное золотом и драгоценными камнями, которое стерегут два стража с огненными мечами; кроме того, каждую ночь из щели, находящейся около ниши, выползает большой змей, который ложится около надписи и всю ночь сторожит сокровища.¹

И. А. Орбели заинтересовали концы каких-то букв, выступавших из грунта, заполнявшего западную нишу. „Загадочная надпись“ оказалась короткой армянской надписью, но продолженные работы, направленные на выяснение формы и назначения ниш, дали совершенно неожиданные результаты. С каждым днем раскоп все более углублялся, но пол ниши не был виден. На шестой день работ в раскопе, достигавшем уже 2 м. глубины, показался камень с клинописью, оказавшийся верхней частью стелы с надписью, вырезанной на четырех ее гранях. Расчистка стелы также тянулась долго, она казалась бесконечной и шла очень медленно; наконец, обнажилась вся стела высотой около 2,27 м., установленная на монолитной базе в 1,08 м. вышины, лицевая сторона которой также была покрыта клинописью.

Оказалось, что этот громадный памятник содержит летопись урартского царя Сардура, сына Аргишти, — один из самых пространных клинописных текстов, дошедших от урартов.² „Дверь сокровищ“ действительно хранила клад, обогативший науку. Этот текст имеет первостепенное значение для изучения истории Передней Азии второй четверти VIII в.

Но работы на северном склоне Ванской скалы не ограничились расчисткой стелы, установленной в западной нише. И. А. Орбели раскопал еще не только вторую, восточную нишу, но исследовал также всю площадку около ниш.

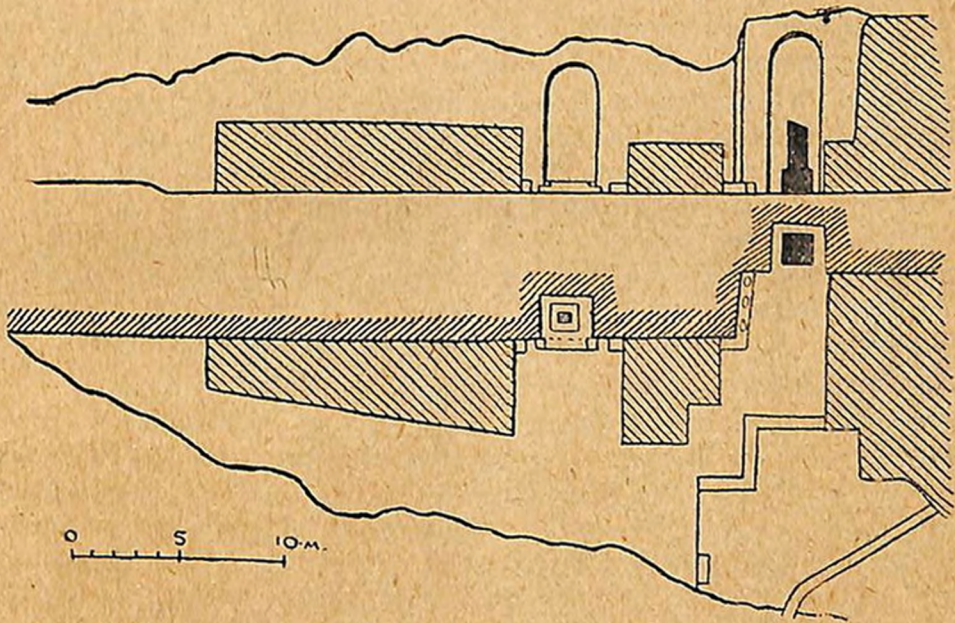
Получилась полная картина одного участка. На северном склоне скалы, в отвесной сглаженной ее стене были вырублены две высокие ниши с закругленным основанием, причем западная, правая, находилась еще в некотором углублении. Обе эти ниши содержали памятники в виде стел, покрытых клинописью (стела восточной ниши не сохранилась). Перед ними находилась площадка, имеющая в плаце-

¹ Н. Я. Марр и И. А. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, 7.

² См. выше, 82.

вид прямоугольного треугольника с небольшим основанием, в западной части площадки заметно возвышение со ступеньками, которые вели к нише.

У основания стены и углубления около западной ниши шел уступ. И. А. Орбели по этому поводу писал: „Едва ли можно сомневаться в том, что эти шедшие вдоль задней скалы уступы, а может быть и ступень, соединяющая пол площадки с упомянутым возвышением против западной ниши, служили для сидения; необходимо здесь иметь в виду, что этот уступ возвышения против западной ниши совершенно отличен по виду от несомненно служившей для хождения ступеньки, ведущей с того же возвышения на восток“.¹

18. Схема фасада и плана площадки с нишами на Ванской скале.

Таким образом, раскопки открыли нам один из уголков древней столицы Ванского царства, культовое место, где были установлены памятники, рассказывающие о победе урартских царей над соседними странами.

Благодаря произведенным раскопкам можно со всей реальностью представить это место в древности и судить о том впечатлении, которое оно должно было производить на посетителя.

Площадки, высеченные в скалах, монументальные лестницы, уступы в виде гигантских ступеней, на которых некогда покоился

¹ Н. Я. Марр и И. А. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, 21.

фундамент стен, а также и сами массивные циклопические стены несомненно производили впечатление мощности и великолепия.

Линч писал, что когда он подъезжал по озеру к Вану, то больше всего его поразило „местоположение Вана, которое превзошло все ожидания. Скала, казавшаяся издали островом, выступала далеко вперед из равнины почти к самой воде и не имела, как казалось, никакой связи с другими горами. Горизонтальные очертания ее были увенчаны зубчатыми стенами, а у подножия ее и вдоль берега роскошная растительность... покрывала все неровности почвы“.

В древности вид Ванской скалы, цитадели урартской столицы Тушпы, несомненно был еще более величественен.

Столица Ванского царства была трудно доступна для врагов, со всех сторон она была прекрасно защищена природой. Горы, устрашавшие неприятеля, ограничивали Тушпу с трех сторон, а с четвертой, западной стороны, находилось озеро. Крепости в горах около перевалов надежно преграждали путь врагу.

И действительно, Тушпа была неприступной крепостью. Только один раз во всей истории Урарту, а именно в 735 г., войска ассирийского царя Тиглатпаласара III достигли урартской столицы, осадили цитадель, но взять ее не смогли, и Сардур, запершись в крепости на Ванской скале, выдержал всю осаду.

Ванская скала ждет археолога, и нам в настоящее время даже трудно представить, что может она дать при археологическом изучении,—во всяком случае,—много неожиданного.

Глава X

Раскопки крепости на Кармир-блуре

Во второй половине VIII в. в Ванском царстве произошло, по-видимому, изменение системы административного управления на окраинах. Крупные административные центры заменялись более мелкими, что стояло в связи с борьбой урартской центральной власти с чрезмерно усилившейся местной. Ассирийские документы Куюнджикского архива красноречиво свидетельствуют о конфликте, происшедшем между урартским царем Русой, сыном Сардура, и наместниками крупных областей Ванского царства.

В Закавказье эта новая политика административного управления окраинами сказалась, в первую голову, на потере Армавиром (Аргиштихили) своего прежнего значения, как основного административного центра на севере. В Армавире, при большом количестве клинописных памятников Аргишти и Сардура, до сих пор не найдено ни одной надписи Русы, сына Сардура, да и ко всему второму периоду урартской истории из Армавирских надписей относится только одна небольшая надпись последнего урартского царя Русы, сына Эримены, рассказывающая о постройке крепости.

В VII в. в Закавказье было несколько урартских наместников, о назначении которых на эту должность говорят иногда урартские эпиграфические памятники.

С течением времени, одновременно с ослаблением центральной государственной власти, к наместникам стала возвращаться их утраченная сила, и со середины VII в. вновь начинается усиление представителей урартской администрации в присоединенных к Ванскому царству областях.

Интереснейшим памятником именно этого времени является крепость на холме Кармир-блур, у Еревана, расположенном на левом берегу Занги, около сел. Чарбах.

На холме, особенно на его склонах, выходящих к реке Занге, заметны остатки древних крепостных сооружений, участки стен, сложенных из крупных каменных глыб.

В 1936 г. геологом А. П. Демехиным на территории древней крепости был найден обломок камня из кладки стены с остатками

клинописного текста, содержавшего формулу проклятия разрушителям крепости¹ (рис. 19).

По счастью, этот обломок надписи сохранил нам имя строителя, урартского царя Русы, сына Аргишти, правившего во второй четверти VII в., современника ассирийских царей Асархаддона и Ашурбанипала.

19. Кармир-блур. Обломок камня с клинописью.

В древности весь крепостной холм был обнесен массивной стеной, сложной в плане, с многочисленными выступами, которые имели как фортификационное, так и декоративное значение (рис. 20).

С запада к холму примыкает обширное древнее поселение, на поверхности которого различимы каменные фундаменты построек. Поселение это сильно разрушено местными жителями, бравшими камень для своих построек. При добыче строительного камня на тер-

ритории поселения было обнаружено большое количество древней керамики, иногда в виде целых крупных сосудов, а также каменная форма для отливки бронзовой секиры, характерного для начала I тысячелетия до н. э. типа.

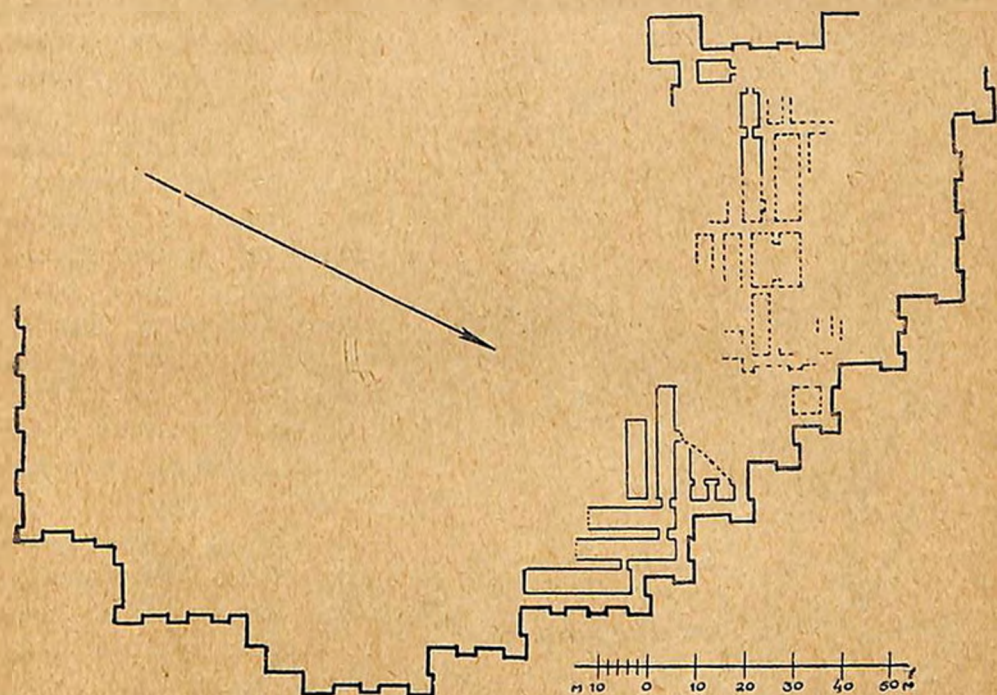
Само местоположение крепости на Кармир-блуре представляет исключительный интерес. Она находится на северной границе Араратской низменности—района, прочно освоенного урартами. Таким образом, она являлась не только местопребыванием урартского наместника, о чем речь будет ниже, но и, в некоторой степени, пограничной урартской крепостью, где находился урартский гарнизон и куда стекалась дань, собранная в соседних областях.

Сохранность крепости, ненарушенность основного культурного слоя и полное отсутствие в некоторых частях более поздних остатков, перекрывающих урартские, поставили еще в 1936 г. вопрос о необходимости производства на Кармир-блуре раскопок. В 1939 г. работы были начаты совместной археологической экспедицией Госу-

¹ Ч. Ղափուգարյան, Կարմիր բլուրի նորագույն սեպագիր արձանագրությունը, Տեղեկագիր ՀՍՍՀ Պատմ. և գրակ. ինստ., II, 1937, 222; К. Г. Кафадарян, Новонайденная клинообразная надпись на Кармир-блуре, стр. 222.

дарственного Эрмитажа, Комитета Охраны Исторических памятников Армении и Армянского филиала Академии Наук СССР; работы продолжались до 26 июня 1941 г.¹

Для раскопок на Кармир-блуре были выбраны два участка: большой продолговатый холм в северо-западной части городища и прилегающий к нему с западной стороны холм меньшего размера. Раскопки велись в 1940 и 1941 гг. совместно Эрмитажем и Армянским

20. Кармир-блур. Общий план крепости.

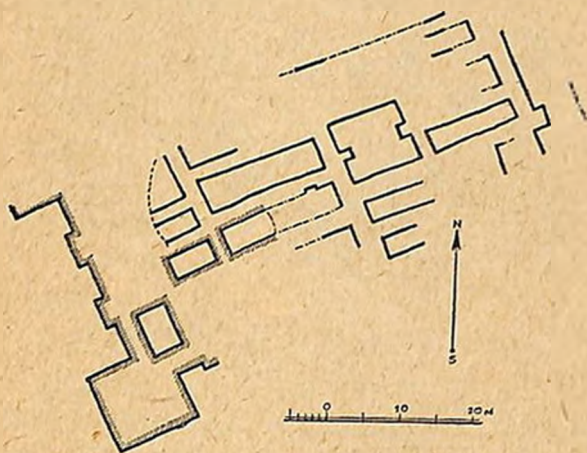
филиалом Академии Наук по единому плану, но двумя отдельными отрядами: экспедиция Эрмитажа вела раскопки на западном холме, а отряд Филиала обследовал северную часть восточного холма, включая и внешние крепостные стены.²

¹ Работами экспедиции Эрмитажа в 1939—41 гг. руководил Б. Б. Пиотровский, а экспедициями Комитета Охраны и Армянского филиала—К. Г. Кафадарян (1939) и С. В. Тер-Аветисян (1940—41 гг.). Деятельное участие в раскопках Кармир-блур приняли сотрудники: С. Н. Аносов, Р. М. Джанполадян, И. М. Дьяконов, О. Егиазарян, А. Мнацакян и А. П. Султан-Шах.

² Б. Б. Пиотровский, Раскопки Кармир-блур, Сообщения Государств. Эрмитажа, I, 1940, 23; его же, Предварительный отчет о раскопках экспедиции Эрмитажа на Кармир-блуре, 1939, Изв. АРМФАН'а, № 3, 1940, 18; К. Г. Кафадарян, Раскопки Кармир-блур, 1939, Изв. АРМФАН'а, № 3, 1940, 26; С. В. Тер-Аветисян и Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур. Изв. АРМФАН'а, № 4—5, 1940, 147.

Выполнение задания отряда Эрмитажа было облегчено одним случайным обстоятельством. В первый же день раскопок работы были прерваны сильным ливнем. На другое утро после дождя было замечено, что поверхность холма высыхала неравномерно, причем при высыхании определенно вырисовывались в плане стены древнего здания.

Дело в том, что стены, сложенные из сырцового кирпича, значительно дольше задерживали влагу, чем грунт, заполнявший внутренность помещений. Таким образом, и без раскопок можно было выявить общий план древнего сооружения. Этим планом Экспедиция постоянно руководствовалась в ходе своей работы (рис. 21).

21. Кармир-блур. План западного здания.

Холм, выбранный для раскопок, как выяснилось, заключал в себе развалины монументального здания, площадью около 2000 кв. м. Здание имело вид вытянутого по направлению восток-запад прямоугольника с удлиненными комнатами по его оси.

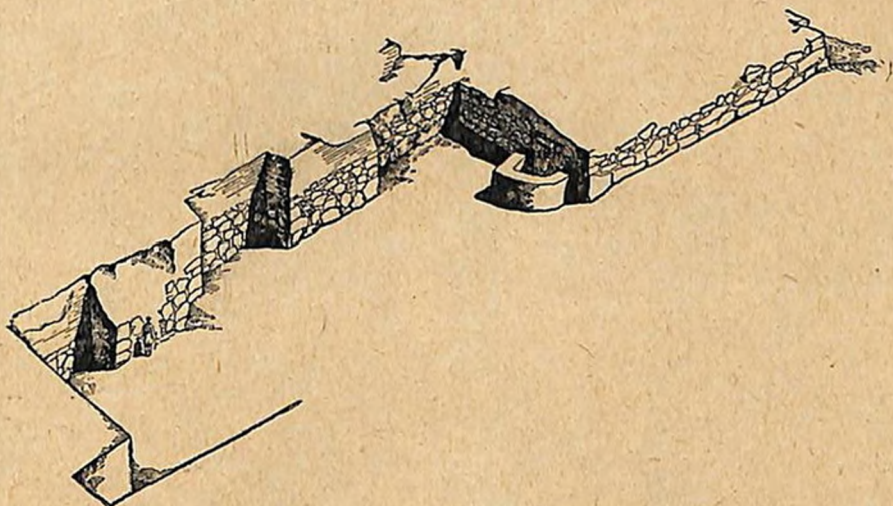
Кроме раскопок трех внутренних помещений, Экспедиция с первого же года работ приступила к расчистке западного фасада, который был раскрыт широким раскопом, обнаружившим значительную часть стены.

При работе по обнажению внешней стены здания приходилось удалять громадную массу грунта, высотой свыше 4 метров, образовавшуюся от обвала верхней части сырцовых стен. По обоим краям фасад здания имел большие выступы, наподобие башен, а в средней части—два контрфорса.

Нижняя часть стены, на высоту около 2 метров, была сложена из крупных, грубо обработанных каменных глыб, без применения связующего вещества, т. е. сухой кладкой. На этом массивном каменном основании возводилась кладка из сырцового кирпича, также очень крупных размеров. Длина кирпичей равнялась 51,8 см, ширина 35 см., а толщина 14 см. Толщина внешней стены достигала 3,50 м., т. е. возводилась в 10 рядов кирпича, а внутренней—2,10 м., т. е. в 6 рядов кирпича.

Снаружи и каменный фундамент и верхняя кирпичная кладка были покрыты слоем глиняной обмазки со значительной примесью рубленной соломы. Этот прием очень характерен для ассирийских построек, как это можно видеть по материалам из Ашура, древней столицы Ассирии.

Общая длина фасада равнялась примерно 50 метрам. На аксонометрическом чертеже остатков западной стены изучаемого здания, выполненном арх. Н. М. Токарским, хорошо видна степень сохранности этого памятника (рис. 22). Она такова, что без труда позволяет дать реконструкцию всего фасада. Высота стены равнялась примерно 10 метрам, так как внутренние помещения сохранили стены на высоту

22. Кармир-блур. Западный фасад западного здания.
Аксонометрическая проекция.

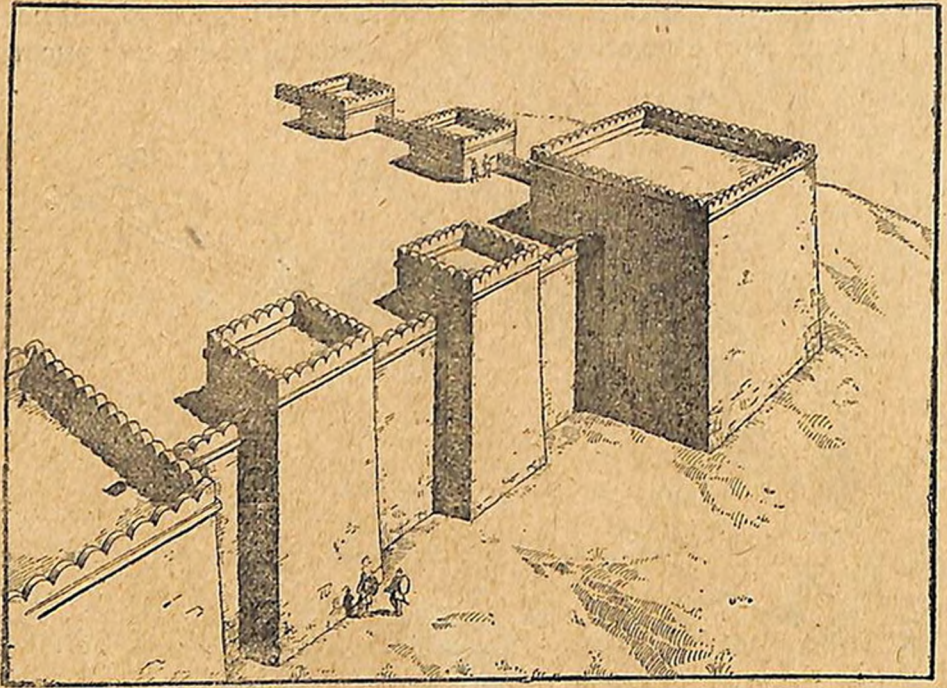
7 метров. В верхней части, очевидно, имелись зубцы, которые обычно встречаются на изображениях урартских крепостей и строений во дворце Саргона. Бронзовая модель урартского здания, найденная на Топрах-кале, около Вана, также воспроизводит в своей верхней части зубцы, а в крепости на Ванской скале сохранились даже подлинные каменные зубцы, с закругленным верхом.

К сожалению, трудно судить, из чего были сложены зубцы Кармир-блурского здания, но отсутствие каких бы то ни было следов их скорее всего свидетельствует о том, что они клались, так же, как и вся стена, из сырцового кирпича. Верхние части стен Ашура также имели зубцы из сырцового кирпича, но иногда для их кладки при-

менялись особые кирпичи с поливной поверхностью с голубой и желтой каймой.

Стена Кармир-блурского здания была гладкой; внешняя ее поверхность, как уже указывалось, была покрыта слоем глиняной обмазки, толщиной в 1—2 см., скрывавшей от взора швы кладки и каменный фундамент.

Форма всего здания очень проста. Стены его были отвесны и гладки, все очертания прямоугольны, что тесно связано со строительным материалом. Глиняная обмазка придавала стене тусклый

23. Кармир-блур Фасад западного здания.
Реконструкция в перспективной проекции.

желтый или светло-коричневый цвет. Ровная линия стены разбивалась равномерно распределенными контрфорсами и массивными угловыми башнями. Перед нами налицо все основные принципы древней переднеазиатской архитектуры.

Действительно, западное здание на Кармир-блуре имеет близкие аналогии не только в ассирийском зодчестве, но и в центрально-переднеазиатском. В частности, храм дворца Капара в Тель-Халафе имеет один фасад, конструктивно тождественный с Кармир-блурским. Те же угловые башни и контрфорсы в средней части, те же отвесные высокие стены (рис. 24).

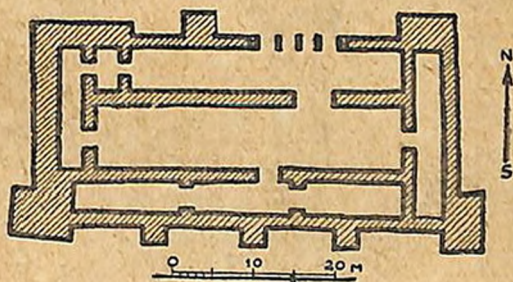
Но сходство западного здания Кармир-блур с древней архитектурой Передней Азии не ограничивается только одним внешним видом. Расположение помещений в здании также имеет много общего с планировкой дворцов древней Месопотамии, хотя на Кармир-блуре, повидному, отсутствует внутренний двор, характерный для дворцовых построек Ассирии, как это видно на примере хотя бы Дур-Шаррукина, дворца Саргона.

Комнаты раскопанного здания очень длинные, до 20 м., но ширина их не превышает 4,5 м. Такая сравнительно незначительная ширина помещений определялась их перекрытием, которое представляло собою бревенчатый накат, засыпанный сверху слоем земли. При раскопках постоянно обнаруживались рухнувшие вниз обгорелые бревна потолка, диаметром до 40 см.

Стены комнат очень высокие, в некоторых из раскопанных помещений (в центральной, наилучше сохранившейся части холма) они достигали 7-метровой высоты, но в древности они несомненно были еще выше. Такая высота помещений, характерная и для дворцовых построек Передней Азии, имела целью

создать прохладу внутри здания. Никаких данных, чтобы считать эти помещения двухэтажными, при раскопках установлено не было. Отсутствуют также какие бы то ни было следы междуэтажных перекрытий, и кроме того, нижний этаж здания при многоэтажности должен был быть абсолютно темным, так как в стенах нет окон. Наличие дверных проемов только в нижней части стен, окончательно убеждает в одноэтажности открытого здания. Комнаты освещались верхним светом, около перекрытия.

Очень возможно, что здание в верхней своей части имело каменный карниз с оконными проемами. В расчищенных помещениях были обнаружены хорошо отесанные базальтовые блоки, по отеске совершенно отличные от средневековых строительных камней. Разброшенность их, часто по полу комнат, свидетельствует, что они обрушились с большой высоты, а сохранность их указывает на сильное воздействие огня. Возможно, крыша здания не была плоской, а имела несколько уступов, наподобие зиккурата, с окнами, помещенными на различной высоте. Это вполне соответствовало бы стилю древневосточной архитектуры.

24. План храма в Тель-Халафе.

Раскопки восточного здания, проводившиеся отрядом Филиала Академии Наук, пополнили наши знания относительно урартского строительного искусства.

Расчищенные комнаты примыкали к северному фасаду, представлявшему собою вместе с тем и внешнюю стену крепости. Линия стены не была прямой, а имела несколько выступов с угловыми башнями; это—своеобразный декоративный прием.

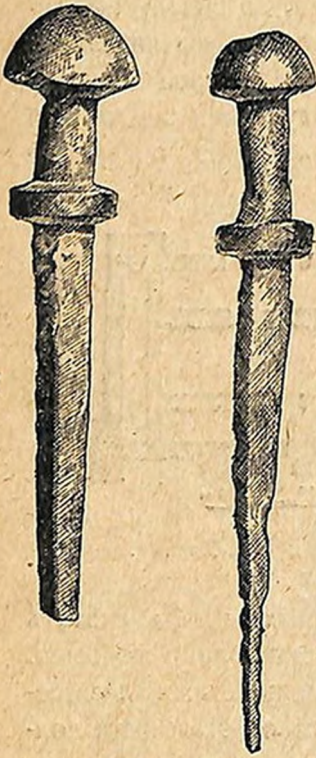
В одном большом зале удалось обнаружить пол, сложенный из очень массивных кирпичей прямоугольной формы. Сверху эти кирпичи покрывались еще толстым слоем глины, но чаще всего полы внутренних помещений были просто земляными. Иногда под полом шел желоб, являвшийся, вероятно, частью канализационной системы. Такой желоб, идущий через две комнаты, был обнаружен при раскопках восточного здания.

Стены внутренних помещений были покрыты толстым слоем, до 1,5 см., обмазки, иногда из глины с примесью рубленой соломы, а иногда из хорошо отмученной глины. В последнем случае на поверхности стены прочерчивались контуры кирпичной кладки. Глиняной обмазкой покрывались также и камни основания стен.

Повидимому, подобно дворцам Передней Азии, стены внутренних помещений зданий на Кармир-блуре украшались коврами, цветными тканями и циновками.

25. **Бронзовые гвозди „зигатти“.** В ассирийских дворцах такая драпировка прикреплялась к стенам посредством гвоздей с богато орнаментированной фаянсовой головкой, называвшихся в клинописи „зигатти“. При раскопках 1939 г. в одной из комнат западного здания был найден крупный бронзовый гвоздь, очень напоминающий по своей форме ассирийские „зигатти“, и именно образцы первой половины I тысячелетия (рис. 25). Такой же гвоздь был найден Н. Я. Марром в 1916 г. при раскопках на Топрах-кале, у Вана. Вполне вероятно, что и в урартских постройках этими гвоздями прикреплялась драпировка стен.

Кроме ковров и циновок, стены внутренних помещений украшались бронзовыми предметами и, в частности, крупными (диаметром около одного метра) бронзовыми щитами декоративного назначения.

слева—Топрах-кале.
справа—Кармир-блур.

Два таких щита были найдены в 1940 г. при раскопках восточного здания. Первый из них, чрезвычайно плохой сохранности, был обнаружен прислоненным к стене, внутренней стороной наружу, второй же был открыт в оползне стены, всего лишь на глубине нескольких сантиметров от поверхности земли (рис. 26). Щиты эти имели сильно выдающуюся вперед среднюю часть и широкий борт по краю.

Декоративные бронзовые щиты из центральной части Урарту были известны и раньше. Еще в 1880 г. при раскопках (Рассама) храма на Топрах-кале и позднее при случайных раскопках были обнаружены обломки щитов с надписями по борту, содержащими имена урартских царей Русы, сына Аргишти, и Русы, сына Эримены. Щиты были изготовлены из тонкого бронзового листа и украшены фигурами животных—быков и львов, расположенных в концентрических полосах. По всей вероятности, эти щиты украшали наружные и внутренние стены храма на Топрах-кале.

Сходство их формы с формой щитов из раскопок на Кармир-блуре полное, причем совпадают даже детали, в частности, прикрепление рукояток тремя характерными заклепками.

На одном рельефе из дворца Саргона была изображена сцена разграбления ассирийцами урартского храма в Мусасире. На фасаде этого храма также показаны украшавшие щиты, аналогичные по своей форме найденным на Топрах-кале и на Кармир-блуре: та же сильно выдающаяся средняя часть и широкий борт. Некоторые из щитов Мусасирского храма имеют еще умбоны в виде голов животных. Ассирийский текст отмечает, что щиты, висевшие на стене Мусасирского храма, блестели ослепительно. Вероятно, и щиты, обнаруженные на Кармир-блуре, имели гладкую блестящую поверхность.

Стены помещений восточного здания украшались и другими бронзовыми предметами.

Во время раскопок 1940 г. в одной из комнат был обнаружен бронзовый колчан или горит, являющийся характерным образцом урартского искусства (рис. 27). Другой колчан (горит), подобной же формы, но очень плохой сохранности, был найден в 1941 г. Колчан

26. Кармир-блур. Бронзовый декоративный щит.

представляет собою трубку, длиной в 66 см., сделанную из согнутой пластины. Диаметр трубки около 10 см. В верхней и нижней частях колчана имеются приклепанные кольца для ремня.

Колчан украшен восьмью полосами с изображением конных воинов и боевых колесниц. Изображения эти, подобно изображениям на бронзовых щитах из Топрах-кале, выполнены штампом и сверху разделаны гравировкой. Колчан еще не поступил в реставрацию, так что коррозия, покрывающая всю его поверхность, сплошь закрывает и изображения. Но отчетливо можно различить, что в каждой полосе помещается по три изображения всадников и по два—колесниц.

Этот колчан обогащает наши знания по военной технике урартов. Колесницы урартского войска были известны лишь по клинописным текстам и по одному оттиску печати, найденному на Топрах-кале, довольно плохой сохранности (отсутствуют фигуры в кузове колесницы).

Всадники, изображенные на колчане, вооружены копьями и держат в руках круглые щиты небольшого размера. На колесницах помещено по две фигуры—одна безбородая, другая бородатая. Оба воина, подобно всадникам, имеют остроконечные шлемы. Интересно, что колесницы, с колесом, имеющим 8 спиц, по форме очень близки к ассирийским колесницам того же времени. Железные удила, найденные на Кармир-блуре в 1941 г., обнаруживают близкое сходство с ассирийскими образцами, из раскопок в Ашуре и Кальху.

Оба здания на Кармир-блуре погибли при внезапном нападении, и потому их развалины сохраняют большое количество мелких предметов.

Интересные находки были сделаны в 1940—41 гг. в одной из центральных комнат западного здания. При расчистке комнаты были найдены остатки берестяной коробочки или мешочка, в котором хранились мелкие вещи. Среди большого количества бус были крупные шаровидные сердоликовые бусы (рис. 28) обычного для Закавказья типа, боченовидные агатовые

бусы, чрезвычайно тщательно полированные (рис. 31), а также пастовые, разнообразной формы, преимущественно голубоватого и зеленоватого цвета (рис. 32). Имеется также мелкий бисер и пронизки из непрозрачного стекла с желтой инкрустацией в виде извивающейся ленты (рис. 29).

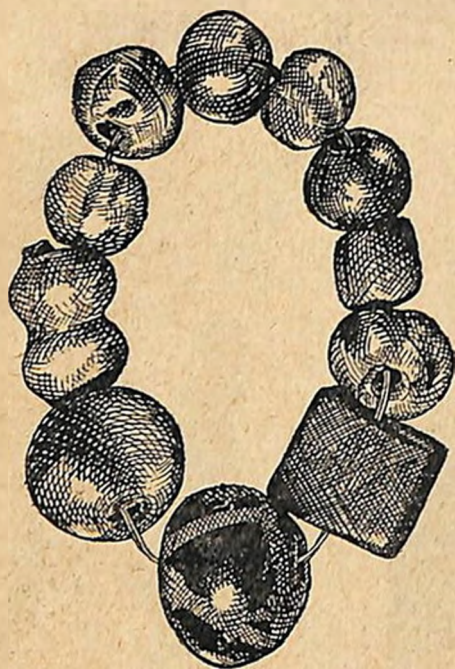

27. Кармир-блур.
Бронзовый колчан
или горит.

28. Кармир-блур. Сегдолиновые бусы и каменная печать.

Вместе с бусами были найдены три урартские печати в форме

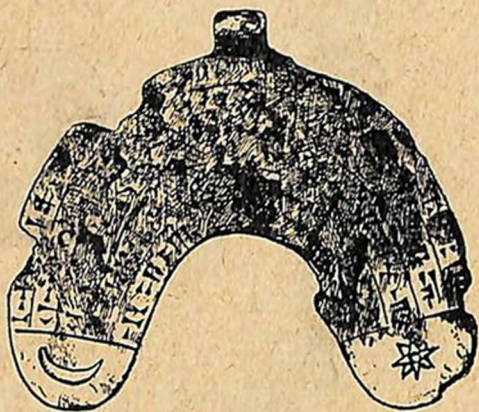
29. Кармир-блур. Стекланные бусы.

печатей, найденных в Закавказье. Две из них происходят из Армавира (материалы Н. Я. Марра), две из Цовинарской (Келагранской) крепости, одна из могильника в Нор-Баязетском районе и одна из раскопок на Муханнат-тапа, в Ереване.

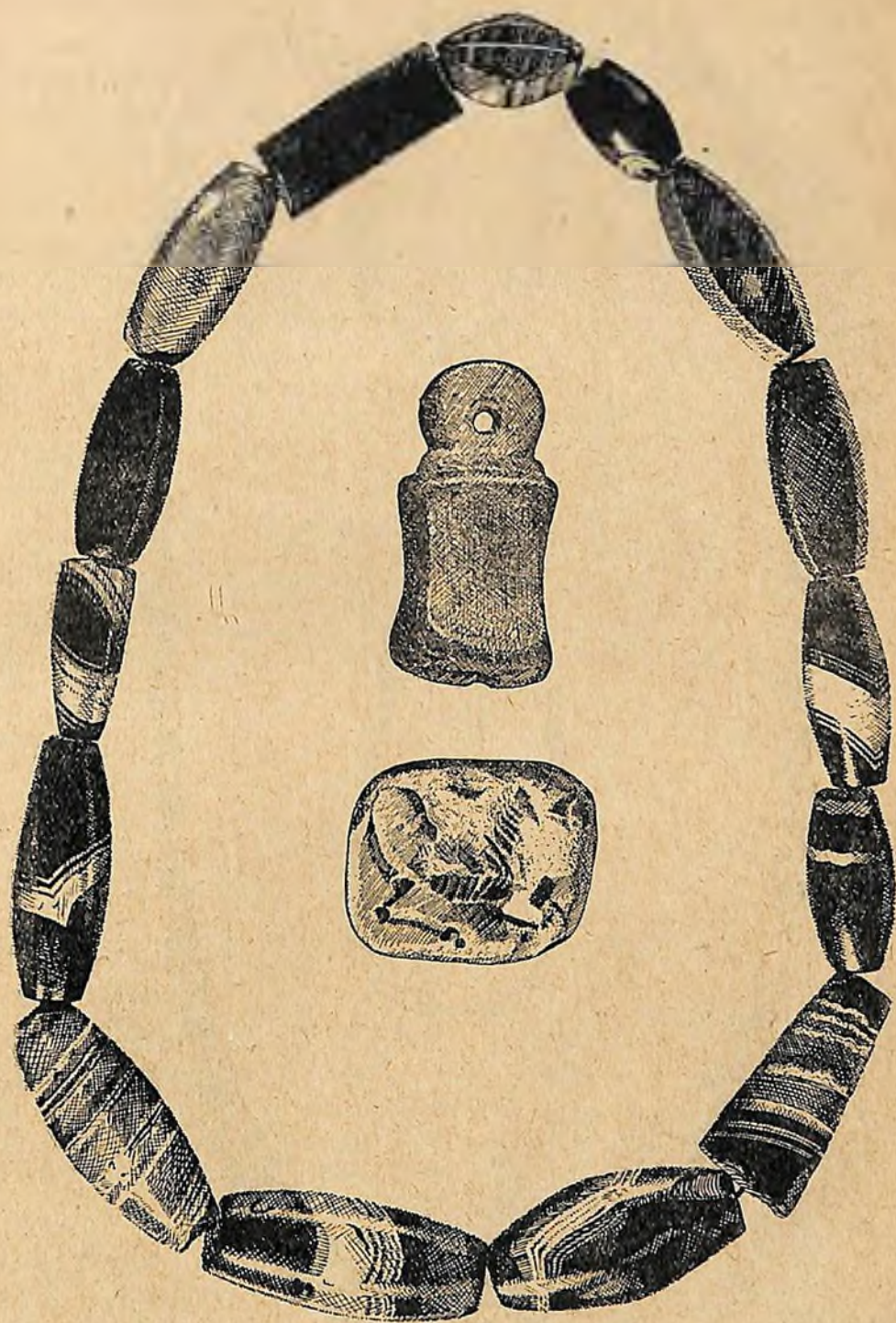
Кроме трех указанных печатей, на Кармир-блуре найдены еще две печати; одна, о которой речь будет ниже, обнаружена у внешнего фасада западного здания, а другая в восточном здании. К сожалению, вторая, изготовленная из мягкого камня, сохранилась очень плохо, но все же на нижней ее части различим знак бога Ашура—крылатый солнечный диск, а на боковой стороне—сильно стертые фигуры людей и деревьев.

гирь. Две из них каменные, а третья, самая маленькая, бронзовая. На первой печати вырезана фигура лежащего льва, повернутого вправо, над фигурой—полумесяц. На второй изображен, повидимому, лежащий грифон, повернутый влево, с загнутым вверх пушистым хвостом; над ним также помещен полумесяц. Наконец, на третьей, бронзовой, печати имеется изображение четвероногого животного, обращенного вправо, с загнутым хвостом; голова неразличима.

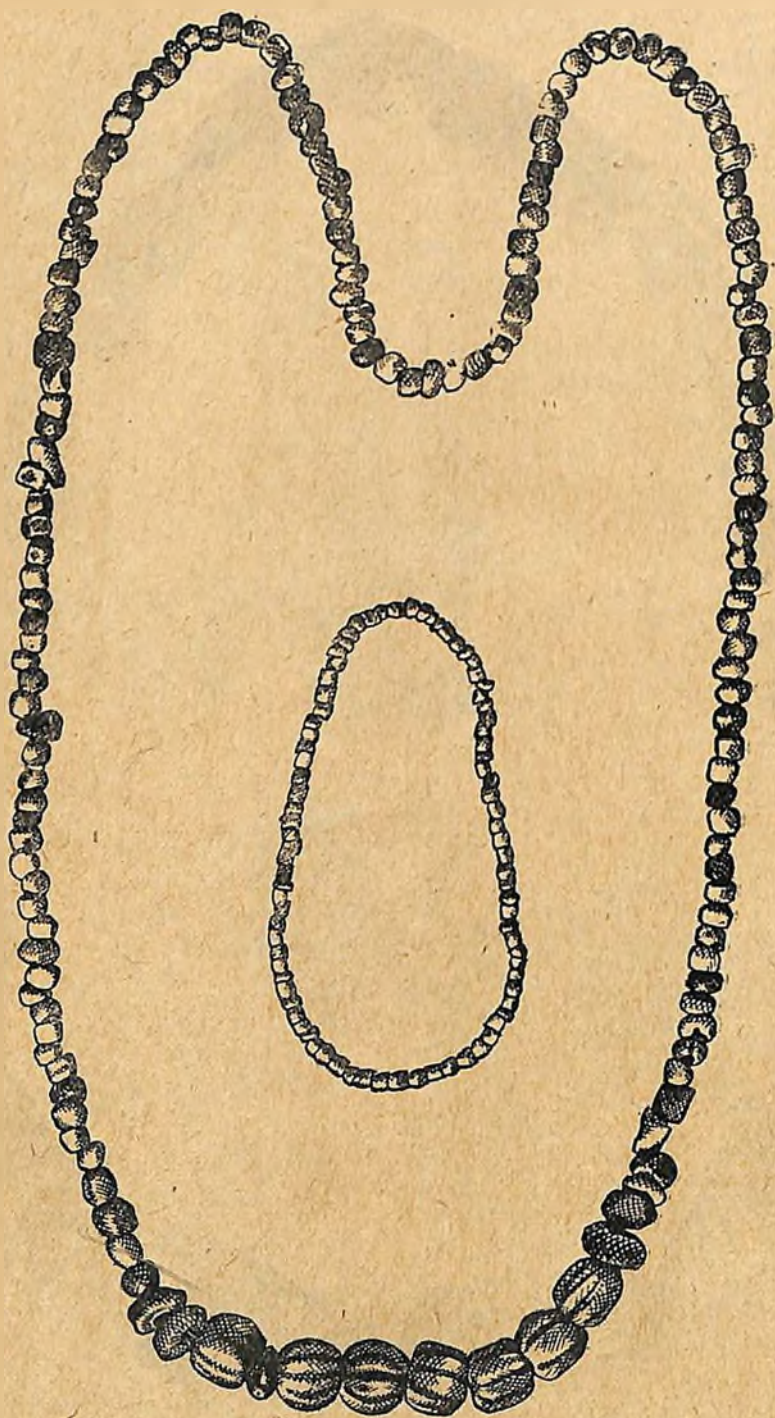
Находка урартских печатей на Кармир-блуре представляет большой интерес. Кроме их значения, как датирующего материала, они являются сравнительной редкостью. До раскопок на Кармир-блуре было известно только шесть урартских

30. Кармир-блур. Бронзовая подвеска с клинописью. /

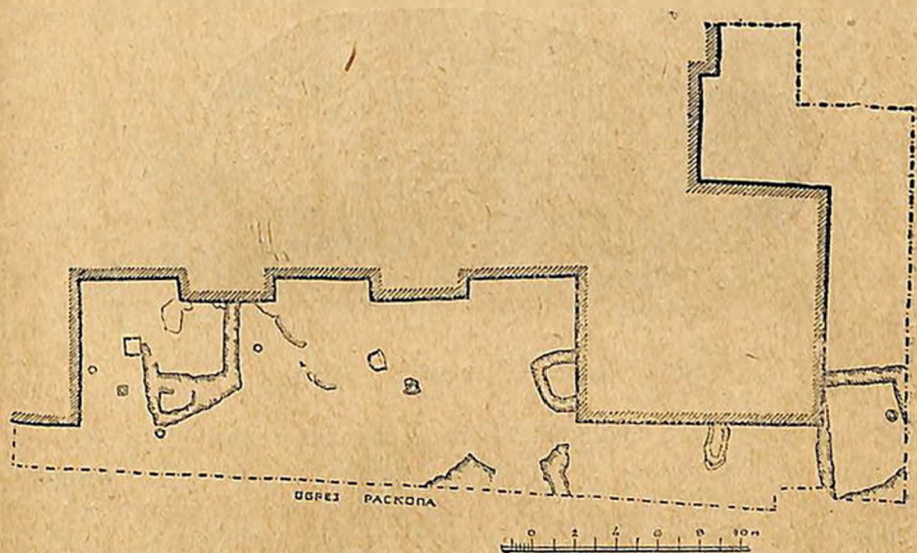
31. Кармир-блур. Агатовые бусы и каменная печать.

32. Кармир-блур. Бусы из пасты.

Самым интересным предметом из комплекса, найденного в берестяном мешочке, является бронзовая подвеска в форме полумесяца, на которой после очистки выявились следы пятистрочной клинообразной надписи. Клинописные знаки, повидимому, были затерты цветной пастой, содействовавшей сильному окислению и разрушению металла (рис. 32).

Характер надписи определяется отчетливо различным первым клинообразным знаком, представляющим идеограмму „заклинание“, „молитва“, хорошо известную по ассирийским религиозным текстам

32. Кармир-блур. План западного фасада заднего здания.

и впервые встречающуюся в урартской надписи. К сожалению, имя божества, к которому обращена молитва, не сохранилось. На концах подвески выгравированы два символических знака, полумесяц и звезда. Несмотря на то, что вследствие плохой сохранности надпись на подвеске не может быть разобрана, этот предмет все же представляет первостепенный научный интерес.

Амулет в форме полумесяца встречается среди подвесок в ожерелье ассирийского царя. По материалам из раскопок курганов, произведенных Е. А. Лалаяном в Севанском районе, известно, что бронзовые лунницы входили в состав конского убора. Подвески-лунницы бытуют как амулеты и в Северной Армении, но, правда, с очень ограниченным употреблением: они вешаются на шею коровы для защиты от дурного глаза.

Неподалеку от упомянутого берестяного мешочка были обнаружены две чаши простой формы, выкованные из бронзового листа, обломок костяного предмета в виде бараньей головки и бусина с выступами, покрытая цветной поливой.

Чрезвычайно интересная находка была сделана в восточном здании. В длинном коридоре, идущем поперек здания, была обнаружена бронзовая статуэтка, высотой в 24 см., служившая частью какого-то предмета. В верхней ее части находится массивная петля, а в нижней железный стержень. Этот предмет изображает стоящую

34. Кармир-блур. Каменная зернотерка.

безбородую фигуру с ниспадающими на плечи волосами, в длинном платье, имеющем рукава до локтей. Платье украшено характерным узором,—квадратами, и бахромой в нижней части. В правой, вытянутой вниз руке фигура держит дисковидную булаву, а в левой, согнутой,—боевой топор (рис. 91).

Уже при первом взгляде не остается сомнения, что перед нами прекрасный образец урартского искусства, что подтверждается и характерным украшением в виде венца листьев в нижней части. Атрибуты статуэтки и головной убор, украшенный рогами, свидетельствуют о том, что она изображает божество, вероятнее всего бога войны—Тейшебу. По стилю эта статуэтка очень близка к группе урартских бронзовых статуэток, частей роскошного трона, изображающих богов и фантастические существа, крылатых львов или быков с человеческими торсами или лицами.

Прекрасные образцы урартского искусства, обнаруженные при раскопках зданий на Кармир-блуре, собственно говоря—уже в начале работ, свидетельствуют о том, что дальнейшее изучение этой крепости, к сожалению, на время прерванное, даст большой и совершенно исключительный материал для изучения культуры Ванского царства и его взаимоотношений с Закавказьем в конце VII в. и в начале VI в.

Находки керамики во внутренних помещениях как западного, так и восточного здания сравнительно редки. В одном из помещений западного здания еще в 1939 г. был найден кувшин с урартским иероглифическим клеймом, в другой комнате—большой красный лощеный сосуд, наполненный зерном. Из восточного здания происходят большие кувшины закавказского типа с узорами, наведенными лощением, с очень характерными ручками, украшенными глубоко вдавленным орнаментом.

Назначение монументальных зданий, исследованных археологическими экспедициями Эрмитажа и Армянского Филнала на Кармир-блуре, остается еще не совсем ясным, но наиболее вероятно предположение, что они являются дворцом урартского наместника. По своему характеру исследованные здания очень похожи на дворец, что подкрепляется аналогиями древневосточной дворцовой архитектуры.

35. Кармир-блур. Каменная ступка.

Да и находки во внутренних помещениях отчетливо показывают, что перед нами не рядовое жилище, а обширные комнаты, некогда богато украшенные. Некоторые же комнаты изучаемых зданий, несомненно, являются помещениями хозяйственного назначения, которых так много во всех древневосточных дворцах. Дальнейшие раскопки на центральной возвышенности Кармир-блур откроют, вероятно, и остатки урартского храма, который обычно находился при дворце.

Во всяком случае, исследование Кармир-блур еще только начато и вся основная работа впереди.

Кроме раскопок внутренних помещений, экспедиция Эрмитажа произвела расчистку широкой площади и у западного фасада здания, давшую также чрезвычайно интересные результаты.

У фасада стены был раскопан целый ряд небольших, прямоугольных в плане жилищ ($3,5 \times 3,5$ м. и $3,5 \times 5,0$ м.), погибших, так же, как и дворец, при внезапном нападении врагов (рис. 33). От этих легких построек сохранились лишь незначительные остатки—каменные фундаменты, иногда в один ряд камня, и части глинобитных стен. При пожаре, уничтожившем крепость и поселение, крыши их,

сделанные из веток и прутьев, рухнули вниз, перекрыв все содержимое жилища.

В каждом из них, в центре или же около стены, находился очаг, наподобие тондыра, или вкопанный в землю, как в современных армянских сельских домах, или же возвышающийся над полом. Второй вид очагов встречается в Ассирии, как это показывают древние изображения и археологический материал.

36. Кармир-блур. Горшок с просом и печать, найденная в просе.
(Печать сильно увеличена).

Около очагов постоянно находились зернотерки (рис. 34) и каменные чаши с пестами (рис. 35). В этих каменных чашах, или же просто в углублениях, высеченных в скале, служившей полом жилищ, производилось освобождение зерен от шелухи („рушение“), после чего оно перетиралось на зернотерках, представлявших собою овальные камни с одной плоской стороной; жерновов, вращавшихся на оси, в то время еще не было.

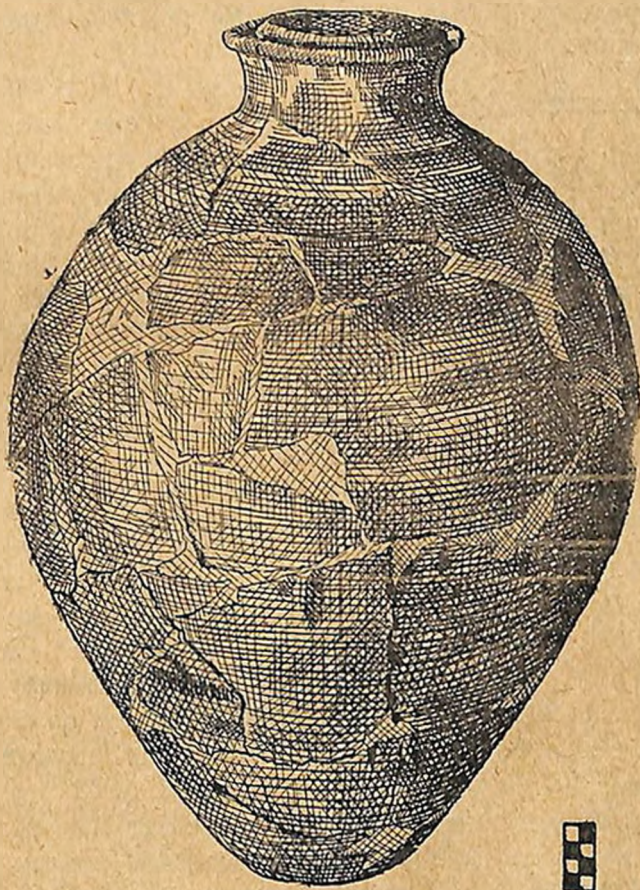
В одном случае, около очага были обнаружены приготовленные дрова, длиной около 0,7 м., со следами рубки топором.

В непосредственной близости от очагов находилось и зерно, хранившееся или в небольших зернохранилищах, высеченных в скале, или же, что встречается чаще, в больших карасах и в различных сосудах. Иногда сосуды с зерном помещались в особых небольших пристройках к стене жилища.

Зерна поражают своей прекрасной сохранностью, несмотря на то, что большая их часть найдена в обуглившемся и ооксовавшемся

виде. Весь органический материал из раскопок Эрмитажа 1939—41 гг. был определен и обработан В. А. Петровым, материал из раскопок отряда Филиала изучен М. Г. Туманяном.

Среди зерен наиболее богато представлено итальянское просо, или гоми (*Setaria italica*), найденное как в виде ооксовавшихся, плотно спекшихся кусков, так и в виде необуглившихся остатков зерна, наполнявшего большие сосуды и зернохранилища.

37. Кармир-блур. Сосуд для ячменя с крышкой.

В одном из жилищ был обнаружен сосуд весьма архаического облика, украшенный гребенчатым орнаментом. Сосуд этот оказался наполненным хорошо сохранившимся просом. При изучении проса, в нижней части сосуда сохранившегося в необугленном виде, В. А. Петров обнаружил небольшую урартскую керамическую печать с обломанным ушком (рис. 36). На печати вырезано обычное изобра-

жение—идушая птица светкой во рту и полумесяц в верхней части. Очень близкие аналогии к этой печати имеются среди материала из раскопок на Топрах-кале, около Вана. По всей вероятности, у этой печати при запечатании зернового запаса обломилось ушко, она упала в зерно и вследствие ее желтоватого цвета не была найдена владельцем. Затерянность этой печати указывает также и на то, что ею запечатывалось большое количество зерна.

Хранение больших запасов подтверждается материалом раскопок на Кармир-блуре. В 1941 г. на участке Филиала была открыта комната, целиком засыпанная пшеницей.

38. Кармир-блур. Угол жилища со стоящими в нем сосудами (реконструкция)

Ассирийские тексты также свидетельствуют о том, что в крепостях хранились большие зерновые запасы. В описании похода Саргона 714 г. в Урарту указывается, что в крепость Панзиш, пограничную крепость между странами Зикирту и Анди, было погружено зерно, масло, вино и оружие. Тот же текст рассказывает об обнаружении во

многих урартских крепостях восточного побережья оз. Урмия полных закромов с ячменем, которые отдавались ассирийскому войску на разграбление.

На Кармир-блуре ячмень найден в значительном количестве и представлен пленчатыми формами шестирядного ячменя (*Hordeum vulgare* L.). В 1940 г. из одного зернохранилища было извлечено более ведра хорошо сохранившихся ячменных зерен, а в помещении у юго-западной башни фасада обнаружен был большой сосуд, стоявший около очага и наполненный ячменем. Сосуд этот особенно интересен тем, что горловина его прикрывалась керамической крышкой (рис. 37).

Третьим, весьма распространенным в Кармир-блурской крепости злаком была мягкая пшеница (*Triticum vulgare* Vill.), по морфологическим признакам чрезвычайно напоминающая мягкие пшеницы мест-

ных сортов и в настоящее время разводимые в Армении. Наличие пшеницы в Урарту подтверждается опять-таки текстом Саргона.

По мнению В. А. Петрова, особый интерес представляет находка смешанного зернового запаса в большом глиняном сосуде из внутреннего помещения здания.

Привожу выписку из заключения В. А. Петрова: „Запас этот состоял из зерен того же шестирядного ячменя, семян двух видов бобовых—нута (*Cicer arietinum* L.) и „французской“ чечевицы (*Ervum Ervilia* L.),¹ и масличного крестоцветного миндау или индау (*Eruca sativa* Lam.).² Первоначальное предположение, что указанный сосуд мог содержать очистки от переборки или отвеивания другого зерна, опровергается тем, что смешанный зерновой запас был совершенно не загрязнен семенами сорняков, если не считать дикого мышея (*Setaria viridis* L.), и тем, что семена отдельных, входящих в смешанный запас видов были обнаружены и в виде самостоятельных чистых запасов. Понски параллелей в этнографической литературе показали, что у многих племен западных отрогов Гималаев и северо-западной Индии, сохранивших весьма архаические приемы возделывания сельскохозяйственных культур, до настоящего времени существует обычай вести смешанные посевы. Так, смешанные посевы нута и „французской“ чечевицы широко распространены в Афганистане, а в провинции Oudah ведут смешанные посевы шестирядного ячменя, нута и миндау, то есть именно той комбинации видов, запас семян которых обнаружен в сосуде из Кармир-блур. До настоящего времени авторами, работавшими в области происхождения культурных растений, существование смешанных культур объяснялось тем, что основная чистая культура загрязнялась каким-либо сорняком. Находка, сделанная на Кармир-блуре, и этнографические параллели позволяют ставить вопрос по-новому. Возможно,

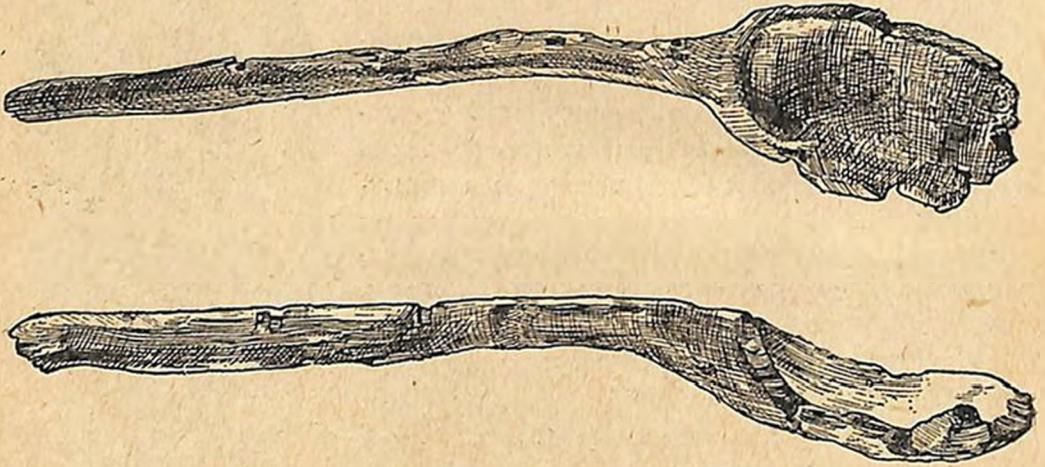
39. Кармир-блур. Сосуд для приготовления пива

¹ М. Г. Туманяном определены еще конские бобы, мелкосемянной формы *Vicia Faba* L.), и чечевица (*Ervum Lens*).

² М. Г. Туманян считает более вероятным определение этих зерен, как зерен кунжута (*Sesamum orientale* L.)

что смешанные культуры, представлявшие определенный хозяйственный интерес в суровых (в данном случае — по засушливости) климатических условиях, были распространены несравненно шире и поддерживались вполне сознательно“.

Весьма интересный комплекс сосудов с зернами был обнаружен в углу жилища, раскопанного у левого контрфорса западного фасада (рис. 38). У стенки стояли два караса с пшеницей, около которых находились мелкие сосуды, которыми, вероятно, черпалось зерно, во всяком случае в некоторых из них находилась также пшеница.

40. Кармир-блур. Деревянная ложка.

Перед карасами стоял красный лощеный сосуд с ручкой и урартским иероглифическим клеймом под ней, предназначенный для какой-то жидкости. В одном из сосудов, находившихся около него, оказался запас семян масличного крестоцветного *Samolida microsagra*, сопровождавшихся семенами и стручками двух сорных крестоцветных, что позволило В. А. Петрову уверенно говорить о сборе семян *Samolida microsagra* не из диких зарослей, а из засоренного посева.

Слева от карасов, в сосуде, вернее в обломке нижней части сосуда, были обнаружены какие-то высушенные рубленые листья. В. А. Петрову удалось различить в них листья и молодые травянистые части стеблей одного из видов закавказского чабреца (*Thymus*). Это растение в сушенном виде и до настоящего времени употребляется в Закавказье как пряность и примешивается в сыр или кислое молоко; употребляют его также и для приготовления настойки.

Но особый интерес в этом комплексе представил сосуд, стоявший некогда прислоненным к стене и отличающийся по своей форме. Это был сосуд удлинненной формы, наподобие сигары (выс. 0,32 м.),

с отверстием в днище (рис. 39), заполненный зернами и соломой „итальянского проса“ (*Setaria italica* L.). Особенности сохранившегося в этом сосуде зерна позволяют сделать заключение об его использовании в данном случае.

„По сравнению с другими образцами колосков гоми, колоски в рассматриваемом сосуде отличаются тем, что чешуи их не плотно сжаты и не охватывают собою зерно, а растопырены и чрезвычайно слабо удерживают зерно. Из-за этого, наряду с чешуями, еще заключающимися в себе зерна, чрезвычайно многочисленны пустые колоско-

4'. Кармир-блур. Деревянная коробочка (реконструкция).

вые чешуи и чистые выпавшие из них зерна. Подобная картина обычно наблюдается лишь у сильно намокшего и затем просушенного зерна, но на необмолоченном зерне.

„Трудно представить себе иную причину хранения зерна, подвергавшегося намачиванию и подсушиванию, в сосуде специальной формы, если не допустить, что необрушенное зерно гоми было нарочито намочено и просушено в течение какого-то технологического процесса. Этнография указывает на два процесса, связанных с намачиванием и подсушиванием зерна: подготовка зерна к переработке на крупу (прием, известный для овса) и приготовление солода при пивоварении. В последнем случае зерно намачивается, доводится до начала прорастания, в результате чего крахмал осахаривается, после чего оно просушивается и затем обдается горячей водой. В рассматриваемом случае приходится остановиться на второй возможности—на приготовлении солода. Солома, лежавшая у днища сосуда, являлась примитивным фильтром, служившим для удержания зерна внутри сосуда при сбрасывании осоложенного зерна кипятком для выщелачивания сахара. Солодовые экстракты находят у современного населения Армении двоякого рода применение. Во-первых, полученный раствор солодового сахара упаривается на медленном огне при постоянном помешивании, в результате чего получается сладкий бекмес, идущий

либо непосредственно в пищу, главным образом как заменитель фруктового бекмеса, либо—в качестве сладости при печении мучных изделий. Во-вторых, и в значительно больших количествах, соловодый экстракт заготавливается для приготовления пива“.

Сохранилось большое количество древних клинописных рецептов приготовления пива, причем среди них имеется рецепт для пива из проса. Поэтому, очень вероятно, что и в Кармир-блуре изготовлялось пиво из проса и что раскопки открыли нам и самый процесс приготовления этого пива.

Жителям Кармир-блур, вероятно, был известен также и лен. Во всяком случае, в одной из комнат здания был обнаружен обго-

42—43. Кармир-блур. Красные лощеные кувшины и горшок.

ревший рулон ткани, длиной не менее 15 метров, грубого мешочного типа. Изучение ее, проведенное В. Н. Кононовым, показало, что пряжа этой ткани изготовлена из растительных волокон, по всей вероятности, из волокон льна.

Около очага в жилище у западного фасада здания был обнаружен обрывок другой ткани, на этот раз шерстяной. Тонкость пряжи и волокон говорит за то, что шерсть, употребленная для ткани, была весьма высокого качества. Обугленность ткани не дает возможности установить—была ли эта ткань цветной или же нет.

В тексте Саргона в перечне добычи, захваченной в Мусасирском храме (366), упоминаются „130 одежд многоцветных и туник из льна, шерсти голубой и шерсти пурпурового цвета стран Урарту и Кильху“. Очень возможно, что и высококачественная шерстяная ткань из

Кармир-блуря была окрашенной так же, как расцвеченными были и те ткани, которыми драпировались стены внутренних помещений дворца.

Возвращаясь к большому количеству зерна, обнаруженному при раскопках Кармир-блуря, следует особо отметить то обстоятельство, что в этой урартской крепости отчетливо наблюдается преобладание земледелия перед скотоводством. За все три года раскопок были найдены лишь отдельные кости мелкого и крупного рогатого скота, в то время как раскопки других урартских крепостей дают несколько иную картину. Так, в моих раскопках в 1934 г. в Цовинарской крепости, при отсутствии остатков зерен, в большом количестве были найдены кости крупного рогатого скота, домашней овцы, а также кости домашней свиньи и медведя. Таким образом, урартская крепость на оз. Севан выявляет другую основу хозяйства, чем крепость

44 Клейма на
кувшинах.

45. Кармир-блур. Глиняная чашка.

на Айратской низменности, а именно — скотоводство, сочетавшееся с охотой.

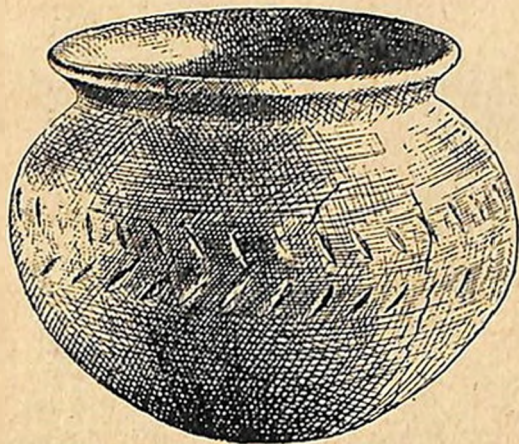
Без сомнения, найденные в Кармир-блуре знаки в большей своей части требовали искусственного орошения. Из урартских клинообразных надписей мы знаем, что урарты вопросам ирригации уделяли большое внимание. Надписи постоянно говорят о проводке оросительных каналов, причем некоторые из них сохранились и до настоящего времени. Река Занга около Кармир-блуря имеет несколько каналов, и вполне вероятно, что сооружение некоторых из них относится еще к урартскому времени. Не исключена возможность, что и при проводке Эчмиадзинского канала, проходящего около Кармир-блуря, был использован туннель древнего урартского канала. Обследование туннеля и русла этого канала может дать интересные результаты.

В южных областях Закавказья, входивших в состав Ванского царства, урарты также заботились о разведении садов и виноград-

ников; надо думать, что в древности при Кармир-блурской крепости были фруктовые сады и виноградники. Во всяком случае, в материалах из раскопок имеются косточки винограда и обгорелые сучья виноградной лозы. Виноградная косточка из раскопок отличается очень коротким носиком, так что древний виноград был относительно близок к кавказскому дикорастущему винограду (*Vitis silvestris* Gmelin), но следует заметить, что по косточке этот виноград часто бывает не отличим от некоторых винных сортов винограда.

При раскопках одного из внутренних помещений здания было обнаружено сооружение, которое, повидимому, следует считать относящимся к виноделению.

На полу помещения, на постаменте, сложенном из мелких камней, был установлен плоский чан, диаметром в 0,79 м., от которого

46. Кармир-блур. Глиняный горшок.

отходил каменный желоб, шириною в 0,20 м. и глубиною в 0,15 м. Этот желоб (дл. 5,79 м.), составленный из нескольких отдельных каменных колен, вел через все помещение и выходил в северо-западный угол, а оттуда через толщу стены наружу. С наружной стороны был открыт в стене сток, а под ним выдолбленный в скале канал, перекрытый каменными плитами. Уклон желоба в помещении равнялся примерно 6°, причем желоб был так устроен, что жид-

кость в чане задерживаться не могла и сразу же стекала вниз.

Около чана была обнаружена в обломках большая базальтовая воронка, диам. в 0,92 м. От огня камень совершенно растрескался и раскололся на множество отдельных кусков, из которых удалось составить воронку целиком. Воронка очень тщательной выделки, глубина ее 0,15 м., а ширина отверстия равнялась 0,11 м. Повидимому, эта воронка и являлась основной частью сооружения и из нее жидкость стекала в нижний чан, а оттуда отводилась наружу. Назначение этого сооружения все же остается неясным.

Камеральная обработка древесных остатков из раскопок на Кармир-блуре еще не закончена и поэтому нельзя дать перечень найденных там пород деревьев. Но несомненно, что кроме лиственных

пород там имеются остатки и хвойной древесины; к последней относятся многие балки перекрытия.

Деревянные предметы в жилищах у здания были обнаружены в сравнительно большом количестве. Обращает на себя внимание хорошо сохранившаяся крупная деревянная ложка (дл. около 35 см.), имевшая крючок для подвешивания на конце (рис. 40). Кроме того, из дерева изготавливались прясловидные пуговицы, иногда украшенные орнаментом в виде кружков. В зернохранилищах были найдены обломки крупных ковшей-совков, по форме напоминающих современные лабазные, а также части небольших деревянных коробок, в виде лукошек с крышкой, украшенных резьбой, в виде заштрихованных треугольников (рис. 41).

Около очагов найдены были также обрывки толстых веревок, сплетенных из травы. Все эти предметы представляют исключительный интерес, так как подобные материалы, иллюстрирующие древний быт, встречаются при раскопках крайне редко.

Керамика, открытая при раскопках Кармир-блур, чрезвычайно разнообразна, поэтому придется ограничиться лишь краткой характеристикой основных ее групп. Первая из них представлена образцами керамики из центральной части Ванского царства или же подражаниями им. Это — красная лощеная или крашенная керамика (рис. 42—43) выработанной формы: кувшины с ручками, профилированные чаши и небольшие двойные сообщающиеся сосудики.

Кувшины с ручками обычно имеют горло энохи и, иногда под ручкой, клеймо с урартскими иероглифическими знаками. Два сосуда из Кармир-блур имеют одинаковые клейма, другое же клеймо обнаружено на обломке кувшина из подъемного материала (рис. 44).

На одном кувшине, без клейма, под ручкой обнаружился резной рисунок (в виде ромба с отходящими от него линиями) на месте

47. Железные топоры. Слева — Топрак-кале, справа — Кармир-блур.

прикрепления ручки к тулову сосуда. Несомненно, этот рисунок, скрытый под ручкой, кроме технического назначения, имел еще магическое значение, являлся своеобразным оберегом, как это показы-

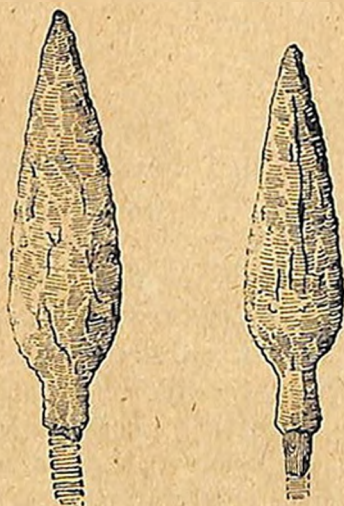
48 Кармир-блур. Железные наконечники стрел.

вают нам многочисленные этнографические материалы, касающиеся сосудов с ручками. Сосуды, совпадающие по форме и технике с сосудами из центральной части Урарту, встречаются иногда в древних крепостях и могильниках Закавказья. В частности, двойные сообщающиеся сосудики были найдены в древнем могильнике в Азатаване. Назначение их не совсем ясно; один из сообщающихся сосудиков в Кармир-блуре был наполнен семенами миндау.

Вторая группа Кармир-блурской керамики представляет собою грубую местную керамику, настолько своеобразную и архаичную по своему внешнему виду, что даже трудно верить в ее одновременность с первой группой. Сосуды грубые, черного цвета, часто в форме горшков с широкой горловиной, украшенные елочным гребенчатым узором,

семячковым орнаментом (рис. 46) или же вдавленным орнаментом в виде волны. В одном из таких сосудов и была найдена в просе урартская керамическая печать. Встречаются грубые сосуды и без всякой орнаментации. Большие карасы, в которых хранились запасы зерна, иногда были украшены елочным узором, выполненным гребенчатым штампом, и вдавленной, несколько раз повторяющейся, волной под горловиной сосуда.

Третью группу составляет керамика, имеющая аналогии в Закавказских могильниках VII—VI вв. Это—сосуды обычно темного цвета с узорами, выполненными лощением. Ручки кувшинов этой группы имеют характерное украшение в виде ряда глубоко вдавленных треугольников, которые заходят друг на друга вершинами. Такие же сосуды происходят из раскопок Ж. де Моргана в Лорийском районе

49. Железные наконечники стрел. Слева—Топрак-кале, справа—Кармир-блур.

(могильник Шайтан-даг); близкая к этой керамика имеется и среди материалов из раскопок Е. А. Лалаяна в Севанском районе. Крупный кувшин этого типа с характерной ручкой и узором, наведенным лощением, был открыт на Кармир-блуре при раскопках восточного здания.

Но эти три группы далеко не исчерпывают все разнообразие керамических форм, открытых раскопками. В большом количестве встречены миниатюрные сосуды различного назначения. Часть их, — из необожженной глины, а также маленькая глиняная ложка, несомненно служили для какого-то технического назначения. В. Н. Кононов высказывал в осторожной форме предположение, что в них добывалась ртуть из киновари, но это предварительное предположение требует еще тщательной проверки.

Из мелкой глиняной скульптуры до нас дошла лишь небольшая грубая фигурка, изображавшая, по видимому, лошадь.

При раскопках жилищ около западного фасада здания было обнаружено значительное количество металлических предметов, среди которых преобладали железные.

В зерновых ямах были найдены небольшие железные серпы, совершенно аналогичные найденным в центральной части Урарту. Полное сходство с урартскими железными изделиями из Ванского района обнаруживают также изогнутые ножи с деревянной или костяной рукояткой, ставшие с конца VII в. характерными предметами инвентаря закавказских могильников (рис. 47).

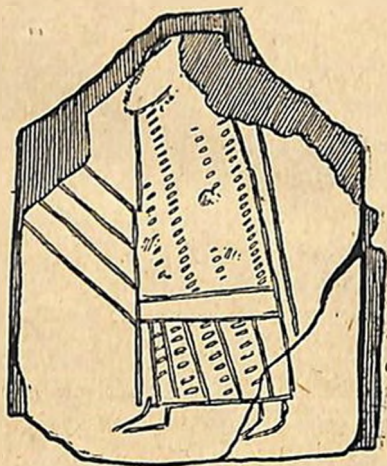
Полное сходство наблюдается также и между железными наконечниками стрел, найденными на Кармир-блуре, и происходящими из раскопок Н. Я. Марра на Топрах-кале. Это — крупные наконечники стрел мидалевидной формы с длинными стержнями для насадки на дерево (рис. 48, 49). Но кроме этих урартских железных наконечников стрел в Кармир-блурской крепости имеются бронзовые, несколько иной формы, принадлежащие закавказскому типу, постоянно встречающемуся в местных могильниках.

50. Кармир-блур.
Железный меч.

Из предметов вооружения надо еще отметить короткий железный меч, обнаруженный в одном из жилищ, около очага. Этот меч имел чрезвычайно интересную, закругленную в верхней части рукоятку с деревянной накладкой (рис. 50). Подобный меч известен из могильника, раскопанного в 1914 г. П. Ф. Петровым у сел. Малаклю, около Игдыра, и датированного урартскими печатями; материалы из этого могильника хранятся в Музее Грузии, в Тбилиси.

К числу предметов из Кармир-блур, связанных с найденными при раскопках в Передней Азии, относится и очень характерная ко-

51. Костяные рукоятки ножей Слева
—Кармир-блур, справа—Ассирия.

52. Кармир-блур.
Бронзовая пластинка.

стяная рукоятка железного ножа, четырехгранной формы, с четырьмя выступами (вроде ножек), украшенная нарезным линейным и кружковым орнаментом (рис. 51). Эта рукоятка по форме и орнаменту совершенно совпадает с ассирийской, изданной Перро и Шипье.¹

Железные предметы, происходящие из раскопок на Кармир-блуре, подтверждают предположение, что в Закавказье железо распространилось под влиянием урартов, о чем свидетельствует близкое сходство железных предметов из закавказских могильников с урартскими при существенном различии в бронзовых изделиях.

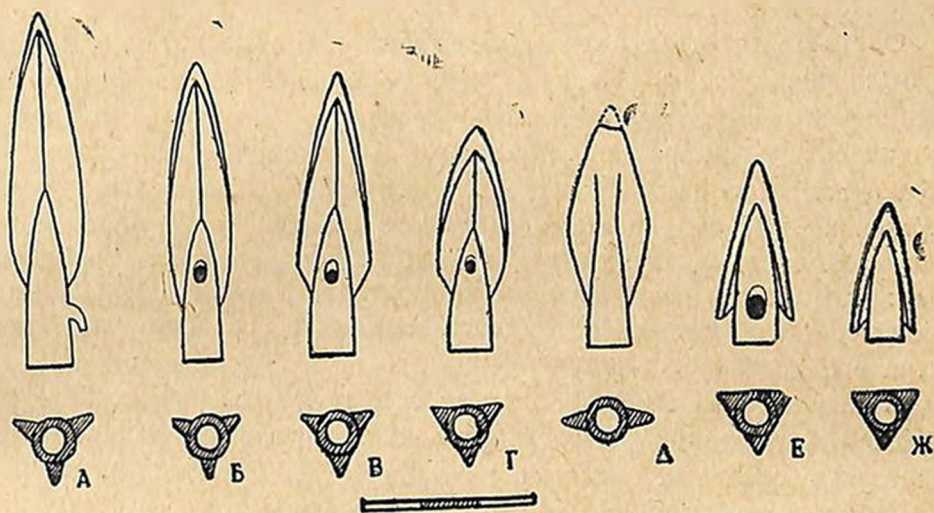
Бронзовые предметы на Кармир-блуре найдены в сравнительно небольшом количестве. Особо надо отметить два бронзовых слитка, отлитые в различных формах и представляющие собою „заготовки“ металла (рис. 72).

¹ G. Perrot et Ch. Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, II, 1884, рис. 416 и 923.

Из внутренних помещений западного здания происходят—бронзовый браслет, украшенный утолщениями с перетяжками (рис. 71), и фибула с широкой дужкой, формы, известной по могильникам конца VII в., раскопанным Ж. де Морганом.

Около комплекса в берестяном мешочке были найдены две плоские чаши, выкованные из бронзового листа, а в жилищах у западной стены—кованный сосуд с округлым туловом и высоким венчиком.

Весьма любопытная группа бронзовых изделий вместе со стеклянными бусами и раковинами каури была обнаружена в жилище

53. Кармир-блур Бронзовые наконечники стрел.

у угловой южной башни. Вместе с железными ножами там лежали небольшие бронзовые пластинки с гравированными изображениями. К сожалению, очистить удалось только две пластинки, имеющие одинаковые изображения, а именно, человеческую фигуру в длинном платье. Верхние части обеих пластинок обломаны и поэтому нельзя определить, кого эти фигуры изображают (рис. 52).

С этими пластинками в жилище у южной башни обнаружен обломок края пояса из листовой бронзы с чрезвычайно интересными изображениями, на которых я остановлюсь в главе „Скифы и Закавказье“. Несмотря на плохую сохранность обломка, на нем отчетливо виден рисунок древа жизни, знакомый нам по скифским памятникам, а именно, по изображениям на ножнах золотых акинаков из Келермесского и Мельгуновского курганов. Изображения древа жизни на скифских памятниках теснейшим образом связываются с изображениями на бронзовых поясах из Закавказья, в частности, на поясах из сел. Заким, Карсской области, и из Ани-Пемза. Изображение же

древа жизни на обломке Кармир-блурского пояса дает нам недостающее звено для более близкого сопоставления знаменитых образцов скифского искусства с закавказскими. Но обо всем этом речь будет ниже.

В заключение обзора памятников, открытых при раскопках на Кармир-блуре, следует еще остановиться на одной группе предметов. При раскопках западного фасада здания было найдено большое количество бронзовых наконечников стрел „скифского типа“ конца VII в. и начала VI в. (рис. 53), совершенно отличных от найденных в основном культурном слое крепости.

Обстоятельства их находок также чрезвычайно интересны. Они все были обнаружены в грунте, представляющем собою рухнувшие верхние части сырцовых стен, из чего можно заключить, что стрелы находились в кладке стены. Некоторые из наконечников погнуты от удара о камень, а один из них был даже найден в глиняной обмазке, покрывающей основание стены западного здания. Таким образом, совершенно очевидно, что эти наконечники стрел „скифского типа“ принадлежали врагам, разрушившим крепость на Кармир-блуре. Они нам уточняют дату гибели последнего административного урартского центра в Закавказье.

В начале VI в. Ванское царство сходит с исторической арены Передней Азии, урартская государственная власть совершенно ослабевает, но в северных областях государства, в Закавказье, повидимому, еще держатся урартские наместничества.

И тогда против них выступает та же сила, что разгромила векового соперника Урартского государства—Ассирию. В начале VI в., при вторжении в Закавказье кочевников, внезапным ударом была разрушена крепость на Кармир-блуре и, повидимому, этим самым был завершен последний этап урартского владычества в южном Закавказье.

Глава XI

Земледелие и скотоводство

Природные условия

Ванское царство занимало высокий горный массив Передней Азии, так называемое Армянское нагорье (средн. выс. 1500—1800 м. над у. м.), находящийся между двумя другими нагорьями—Анатолийским и Иранским.¹

С севера Армянское нагорье ограничено Понтийскими горами спускающимися к южному побережью Черного моря, с северо-востока—системой горных хребтов, образующих Малый Кавказ, а на юге оно отделяется от Верхней Месопотамии высокими Таврскими и Курдистанскими горами.

Рельеф, растительность и климат отдельных частей Армянского нагорья отличаются друг от друга настолько большим разнообразием, что Армении справедливо называют „страной контрастов“.

Центральное вулканическое плато, имеющее сравнительно мягкий рельеф, куполообразные вершины, пологие склоны и котловины с озерами, ограничено высокими складчатыми горами со скалистыми вершинами, крутыми склонами и глубокими ущельями. Таким образом, территория, на которой протекала жизнь Ванского царства, представляла собою как бы естественную крепость, хорошо защищенную с севера и с юга высокими, труднопроходимыми, лесистыми горами.

Центральное плато также имеет несколько мощных хребтов, разделяющих его на отдельные районы. Таков, например, Агридагский хребет, похожий несколько на окранные горы и имеющий в восточной своей части самую крупную горную вершину Передней Азии—Большой Арарат (Масис), достигающий 5156 м. над у. м. Некоторые из этих огражденных горами районов связаны друг с другом лишь путями через перевалы, становящиеся иногда в зимнее время непроходимыми.

На Армянском нагорье берут свое начало самые большие реки Передней Азии—Евфрат и Тигр.

¹ О природе Армянского нагорья см. R. Blanchard, *Asie occidentale* в серии *Géographie Universelle*, VIII, 1929; Лич, *Армения*, II, 494—525.

В центральной части Армянского нагорья имеются две большие реки, текущие в разные стороны, Аракс (Араз)—с запада на восток, и Арацани (Мурад), текущий с востока на запад и вливающийся в Евфрат.

Аракс, самая большая река нагорья (дл. 915 км.), берет свое начало от многочисленных горных родников и речек Бингель-дага и на своем протяжении часто меняет облик. В верхнем течении Аракс имеет характерный вид горной реки, в среднем же течении он проходит через плодороднейшую низменность, Айратскую равнину, лежащую на высоте 900—700 м. над у. м., славящуюся как житница Передней Азии. Далее, ниже Нахичевана, Аракс пробивает себе путь через горное ущелье и вступает в Мегринскую теснину. В нижнем своем течении он проходит через степи. Аракс половоден в мае, летом он сильно мелеет и во многих местах доступен для перехода в брод. Течение Аракса очень быстрое, что делает его непригодным для судоходства. Бурный характер реки отмечался еще античными писателями, и Вергилий называл его „нетерпящим мостов“.

Берега Арацани на протяжении его течения также разнообразны; река много раз меняет свое направление, пробивается через горные ущелья или течет по широким низменностям, разветвляясь на множество рукавов. Арацани протекает через плодородные Мелазгердскую и Мушскую низменности. Мушский бассейн (1260 м. над. у. м.) отличается большим плодородием (хлебные злаки и виноград); он связан во всякое время года с соседними районами, но превращению его в хлебный район Армении мешает заболоченность берегов, требующая сложных ирригационных сооружений.

Три больших озера на территории Урарту также отличаются друг от друга.

Озеро Ван¹ находится на высоте 1720 м. над у. м. и занимает площадь в 3690 кв. км.; уровень воды в нем изменяется. Вода озера насыщена содой и непригодна для питья. Восточный и северо-восточный берега озера имеют мягкий климат и удобны для ирригационного земледелия с использованием воды горных речек, стекающих к озеру. Не случайно именно здесь возникла столица Ванского царства, Тушпа.

Второе озеро—Урмия, лежащее на высоте около 1250 м. над у. м., по своему характеру отличается от Ванского озера. Вода его насыщена солью, с превышением в шесть раз количества соли в воде океана. Низменные берега озера Урмии весьма благоприятны для земледелия.

От этих двух озер существенно отличается высокогорное озеро Севан (Гокча), находящееся в Закавказье, на высоте 1916 м. над у. м. Это озеро имеет пресную воду и богато рыбой.

Климат Армянского нагорья чрезвычайно разнообразен; в основном он резко континентальный, близкий к степному.

Особой суровостью климата отличается северо-западная часть нагорья (в частности, Эрзерумское плато, на высоте около 1800 м. над у. м.), представляющая собою высокие степи с длительными, до семи месяцев, снежными зимами, с морозами, достигающими до 40°. Страна лишена леса, но имеет чрезвычайно плодородную почву. Земледелие в этих районах, несмотря на долгую зиму, возможно и на высоте до 2600 м. над у. м. (культуры пшеницы, ячменя и овса). Горные луга представляют собою прекрасные пастбища для скота.

Низменные районы Армянского нагорья бедны осадками; особенной сухостью отличается Айратская равнина, плодородие которой обеспечивается искусственным орошением.

На юго-востоке нагорья находится плато с мягким климатом, характеризующимся непродолжительными зимами и растительностью, близкой в средиземноморской.

Растительность Армянского нагорья крайне разнообразна, так как оно находится как бы на стыке двух резко различных ботанико-географических провинций: влажной, лесистой Понто-Гирканской и сухой, безлесной Иранской.¹

В Армении есть незначительные участки пустынь, полупустынь с бедной травяной растительностью, высокие степи, леса и альпийские высокогорные луга (2700—2950 м. над у. м.).

Лесов в Армении мало и только окраинные хребты нагорья—Понтийские и Курдистанские горы, покрыты лесом, в остальных же местах можно наблюдать только остатки древесной растительности.

Приведенный краткий и фрагментарный обзор природных условий Армянского нагорья, территории Ванского царства, имеет целью показать то природное разнообразие, которое до некоторой степени обусловило и разнообразие форм хозяйства. Естественно, низменные плодородные области способствовали развитию земледелия, в то время как высокогорные луга—скотоводства. Это повлекло за собою и естественное разделение труда между низменными и горными районами, преобладание земледелия в долинах и низменностях и скотоводства—в горах.

Прежде чем приступить к характеристике основных видов хозяйства Ванского царства, следует подчеркнуть, что речь может идти только о преобладании земледелия или скотоводства в той или иной части Армении. Как археологические материалы, так и исторические сведения показывают, что на Армянском нагорье в древности не было

¹ А. Л. Тахтаджян, Ботанико-географический очерк Армении, 1941, 7.

племен, занимавшихся исключительно земледелием или скотоводством; земледелие засвидетельствовано для горных районов так же, как скотоводство для низменных.

Земледелие

На Армянском нагорье, где были благоприятные условия для развития земледелия, начало земледелия восходит еще к неолиту. Это соответствует справедливому, на мой взгляд, положению, что первобытное земледелие возникло в условиях нагорий или в предгорьях, используя для орошения горные речки, и только позднее оно было перенесено в долины больших рек, где, при сложной ирригационной системе, получило интенсивное развитие.

Ботанические исследования подтверждают это положение. Армения отличается богатством видов культурных пшениц и многообразием диких пшениц—однозернянок и двузернянок; она же считается родной ржи.

Древнейшие поселения на территории Армении, относящиеся к III тысячелетию до н. э., дают нам картину развитой земледельческой культуры, и при исследовании зерновых остатков, добытых при раскопках этих поселений, М. Г. Туманяну удалось установить несколько видов пшеницы, часто представляющих переходные формы от дикой к культурной пшенице.

О древнем земледелии Армянского нагорья (в начале IX в.) упоминают ассирийские источники, описывая добычу, захваченную у племен, входивших в союз Наирн.

Так, Ашурнасирапал II в своих летописях рассказывает о том, что он „собрал жатву Наирн“ (пшеницу). Несомненно, урарты в период образования Урартского государства имели уже развитую земледельческую культуру, что подтвердят будущие археологические работы.

Урартское земледелие ярко обрисовывает текст Луврской клинописной таблички, описывающей поход Саргона в Урарту в 714 г. Согласно этому тексту, в стране Ундиш, на западном берегу оз. Урмин, в руки ассирийцев попали закрома с большим количеством ячменя (163). Такие же кладовые, переполненные зерном, оказались и в городе Аништания, на границе Сангибуту, страны, расположенной на северо-востоке от оз. Урмин. По Луврскому тексту страна Сангибуту выступает, как богатый земледельческий район; текст описывает находившиеся там горы ячменя и пшеницы, ставшие добычей ассирийского войска (262—264).

Сведения Луврской таблички касаются и центральной части Ванского царства. На северном побережье оз. Ван ассирийцы также захватили закрома с большим количеством ячменя (295).

Урартские клинообразные надписи содержат очень скудный материал, относящийся к земледелию. Некоторые из них говорят о полях с посевами и-še (надписи Русы I у оз. Кешишгель и Русы II из Звартноца, СICh, 145, 151). В обоих случаях перед и-še стоит детерминатив „дерево“ („растение“) и идеограмма „поле“. С названием этих посевов я сопоставляю и название зерна и-ša (с детерминативом „зерно“), встреченное в перечне добычи в летописи Сардура, сына Аргишти (VI, 10), которое, возможно, следует понимать как общее название для зерна (ср. ассир. še'u).

Богатейший материал по урартскому земледелию дали раскопки крепости на Кармир-блуре, о чем подробно уже говорилось.¹ В раскопках было обнаружено большое количество пшеницы (*Triticum vulgare* Vill.), ячменя (*Hordeum vulgare* L.) и проса—гоми (*Setaria italica* L.). М. Г. Туманян, изучавший зерновые остатки из Кармир-блур, отмечает, что определенные им сорта пшеницы и ячменя² свидетельствуют о том, что климат в урартскую эпоху был суше, чем в эпоху бронзы. Естественно, при таких условиях исключительное значение имело искусственное орошение полей. И действительно, надписи и археологические материалы свидетельствуют о больших ирригационных работах урартов, проводившихся как в центре царства, так и на его окраинах.

Забота о воде была постоянной заботой урартов. Воду приходилось подводить к крепостям, расположенным на выступах скал, переводя через овраги по каменным, а вероятно также и глиняным трубам, ее приходилось подводить к большим поселениям, расположенным в местах с непригодной для питья водой, ее приходилось проводить на поля для обеспечения урожая.

Сохранилось большое количество урартских клинообразных надписей, рассказывающих о проведении каналов; одни из них вырезаны на камнях ирригационных сооружений, другие же—на скалах над каналами. Упоминание о проведении каналов часто встречается в надписях урартских царей, касающихся строительства.

Остатки древних урартских каналов сохранились в большом числе как в центре Урарту, так и на его окраинах, причем некоторые и до нынешних дней служат целям ирригации. Руслу их или прорыты в грунте, или прорублены в скалах, а иногда каналы протекают через искусственные туннели.

О большой заботе, проявляемой урартским государством по отношению к ирригации, рассказывает текст Саргона: „царь Урса (Руса),

¹ См. выше, гл. X.

² М. Г. Туманян некоторые из найденных на Кармир-блуре зерен предположительно определяет как зерна ржи (*Secale* L.).

правитель их, по желанию сердца своего... указал выход вод, он вырыл канал, несущий проточную воду... (воду) изобилия, как Евфрат, он заставил течь. Он вывел бесчисленные арыки от его русла и... воистину оросил нивы... как дождь полил плоды и виноград. Платану, дереву высокому, украшению дворца его... как лесу над его окрестностями он дал простереть тень... и как бог дал его населению возглашать радостные „алалу“ (может быть „песни жатвы“), 300 имеров посева... хлеба при урожае (?) он дал течь“.¹

Остатки ирригационных сооружений, дошедшие до нас от Ванского царства, грандиозны и многочисленны. Кроме целой сети каналов имеются также искусственные озера, служившие резервуарами воды. Так, к востоку от Вана сохранилось искусственное озеро Кешишгель, имевшее целью, как указывает найденная около него стела с клинообразной надписью, водоснабжение города Русы (Топраккале). Речка, вытекающая из этого озера по направлению к Вану, сохранила еще остатки целого ряда плотин, сложенных из громадных камней. К сожалению, клинописный текст стелы, которую Леманн-Гаупт приписывает Русе I, очень труден для понимания, но вполне вероятно, что в нем действительно сохранилось и имя этого искусственного водоема—Rusašue, т. е. „озеро Русы“.²

Из всех ирригационных сооружений Ванского царства особой известностью пользуется канал, построенный урартским царем Менуа, сыном Ишпуина, подводивший воды к урартской столице—городу Тушпа. Этот канал, существующий и до сих пор, носит сейчас имя легендарной царицы Шамирам.³

Источником канала служат многочисленные родники в скалах к югу от р. Хошаб, у сел. Верхний Мешинкерт. Эти родники бьют из нескольких трещин в скале, находящихся на протяжении 30—40 метров, и по расчету Белька дают около 1500 литров воды в секунду. Вода, собранная в искусственное древнее русло, быстрым и шумным потоком, подобно водопаду, устремляется вниз, к р. Хошаб. Есть сведения, что на скале над источниками была клинообразная надпись, но она не сохранилась. Русло канала, собирающего воду родников, имеет 4,5 м. ширины, при 1,5 м. глубины, а скорость течения в нем достигает 3 м. в секунду. Пройдя по мосту из бревен через р. Хошаб, канал резко поворачивает на запад. Примерно в 100 м. от моста,

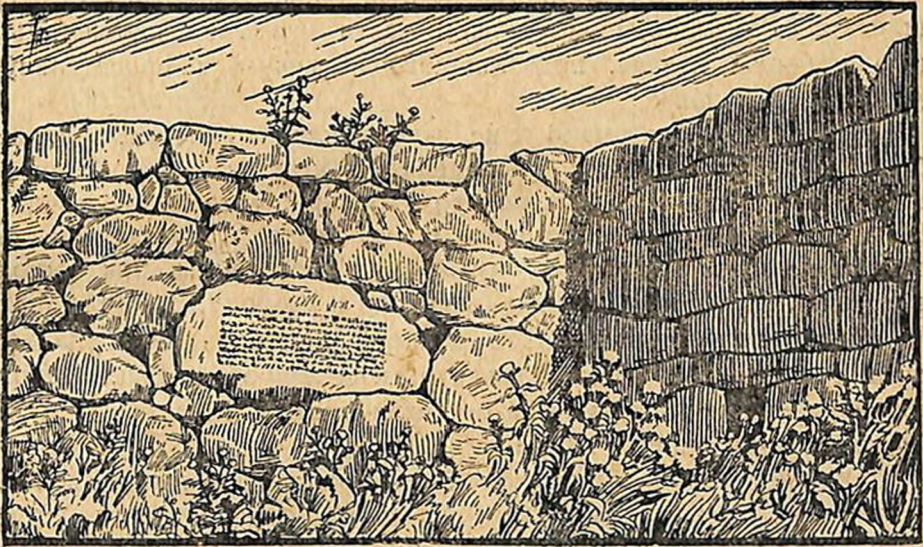
¹ B. Meissner, Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8 Feldzug, ZA, XXXIV, 1922, 115.

² W. Belck, C. F. Lehmann, Ueber neue armenische Keilinschriften, ZE, 1892, 141

³ W. Belck, C. F. Lehmann, ук. соч., 133; C. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 1, 95., *Ս. Տեր-Ավետիսյան, Արարտաշիան թագավոր Մինուան առաջինի կառուցած Շամիրամի շրանցքը, Տեղեկագիր, № 3—4 (8—9), 1911 թ.*

на скале, на высоте 15 м. встречается первая строительная надпись Менуи, к сожалению, плохо сохранившаяся.

В настоящее время известны 13 надписей, связанных с этим каналом (СICh, 34—46). Они находились в разных местах, обычно там, где прокладка канала представляла трудности, и содержат от 3 до 14 строк клинописного текста. Надписи постоянно содержат следующую фразу: *Menuaše Išpuniḫiniše ini pili aguni Menuai-pili tiri.*—„...Менуа, сын Ишпуина, этот канал провел, каналом Менуи (его) назвал.“ Иногда за этой фразой следует угроза разрушителям надписи или канала, или же тем, кто припишет себе его постройку.

54. „Канал Шамирам“.

Большие трудности представляло проведение канала через ущелья. Там канал устроен весьма своеобразным способом: по краю ущелья возводились громадные подпорные стенки циклопической кладки, достигавшие иногда 20 м. высоты, в верхних частях которых проходило русло канала (рис. 54). Но не всегда канал шел поверху этой стены,—иногда его русло, высеченное в скале, отходило вбок, примерно на расстояние 20 м. В этих случаях циклопическая стена служила подпорной стеной для предотвращения обвала склона от силы быстро текущей воды канала.

Путешественников поражала обычно чистота и прозрачность воды „канала Шамирам“ и быстрота ее течения.

От канала на всем его протяжении были устроены отводы, небольшие каналы; некоторые из них теперь приводят в движение

водяные мельницы, и очень возможно, что такие же мельницы существовали и в древности. И если каменный жернов, происходящий с горы Вараг, относится действительно к урартской эпохе, то он будет лучшим свидетелем существования в Ванском царстве водяных мельниц.¹

Такое грандиозное сооружение, как канал Менуи, несомненно охранялось в древности. Следы урартских укреплений этого назначения, повидимому, сохранились на полуострове у сел. Хуркум. Эта небольшая крепость господствовала над всей низменностью юго-восточного берега оз. Ван, над устьем Хошаба и каналом.

Ирригационное строительство Менуи, сына Ишпуина, не ограничилось сооружением в центральной части его государства только одного мощного канала, подводившего питьевую и оросительную воду к городу Тушпа.

От Менуи до нас дошло еще шесть клинообразных надписей (СІСh, 47—52), отмечающих проведение других каналов. Один из камней с такой надписью был найден в Беркри, у северо-восточного угла оз. Ван.² Повидимому, надпись эта относится к донныне еще существующему каналу, отходящему от реки Бендимахи, при выходе ее в долину. Канал этот, отводящий воду в сторону, выше уровня реки, имеет русло, укрепленное мощной циклопической кладкой. Каналы, сооруженные Менуей, известны к северу от оз. Ван, в районе Арджища, а два мощных канала орошали долины Мелазгерда и Хотанлу, по левому берегу Арацани.³

Ирригация имела исключительное значение для жизни восточного побережья оз. Ван; без искусственного орошения вся растительность тут погибла бы. Все поля с посевами также орошались искусственно. Трудно сейчас представить себе вид урартского поля и его размеры. Во всяком случае можно предположить, что урартские поля располагались на тех же местах, где и современные. На южном берегу оз. Севан, у сел. Загалу, я видел поля, орошавшиеся древним каналом, возможно урартского времени, протекавшим по вырубленному в скале руслу. На полях, к западу от Цовинарской крепости, я нашел случайно обломок обсидианового лезвия серпа. Так как, несмотря на тщательный осмотр места, я никаких других древностей там не обнаружил, то остается предположить, что этот обсидиановый вкладыш серпа выпал во время работы и что на этом

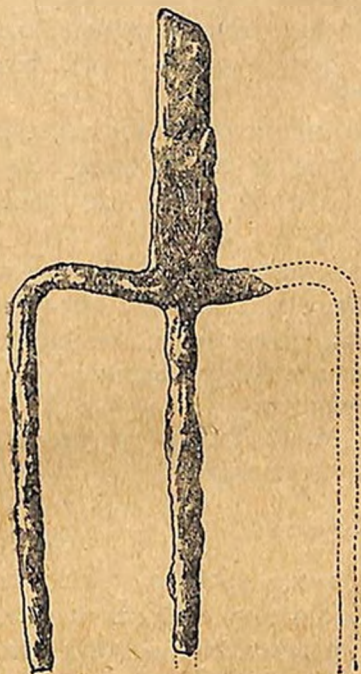
¹ Г. В. Церетели, Урартские памятники Музея Грузии, 63.

² W. Belck, Die Bewässerung der Ebene von Bergri und der Bendimaht-Tschal, ZE, XXXI, 1899, 244—248.

³ Bericht über die armenische Forschungsreise der HHrn W. Belck und C. F. Lehmann, VBGAEU, 1900, 57.

самом месте, где находятся современные посеы, и в урартское время были поля.

Техника урартского земледелия, несомненно, была очень высокой, но, к сожалению, о ней мы знаем крайне мало. При раскопках на Топрах-кале были найдены железные лемехи (сошники) плугов или мотыги, серпы и вилы (рис. 55--57).¹

55. Железные вилы. Топрах-кале.
Берлинский музей.

56. Железные сошники. Топрах-кале.
Берлинский музей.

57. Железный топор. Топрах-кале.
Берлинский музей.

Плуг (соха) в странах Передней Азии известен с древнейших времен. Первоначально он был деревянным, на что указывает и его шумерское название *giš arin*, но металлические принадлежности плуга встречаются уже с III тысячелетия. Месопотамия знает два плуга—тяжелый и легкий, существовавшие с древнейших времен.

Судя по массивности железных лемехов, найденных на Топрах-кале, надо думать, что урартский плуг был тяжелый и что в него впрягалось не менее двух волов. Лемех урартского плуга имел вид узкой лопаты, напоминая по форме наконечники мотыг, с которыми он несомненно был связан генетически.

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, рис. 72; его же, *Armenien*, II, 2, 546—547.

Возможно, что железные лопатовидные наконечники меньших размеров и служили наконечниками мотыг, которые широко распространены в ирригационном хозяйстве. Ведь мотыга и лопата являлись незаменимыми орудиями при регулировке водоснабжения полей посредством небольших арыков.

Небольшие железные серпы, слегка изогнутой формы, найденные на Топрах-кале и Кармир-блуре, существовали, во всяком случае, в Закавказье наряду с серпами из кремневых или обсидиановых вкладышей, закрепленных в деревянную или костяную (челюсть быка или лошади) рукоятку.

При раскопках поселений урартского времени было найдено громадное число каменных пестов, ступок, чаш и зернотерок, служивших для дальнейшей обработки зерна, но о них подробно говорилось выше.

Урартские зернохранилища были различных типов. Раскопки на Кармир-блуре открыли хранилища в виде углублений, высеченных в скале (зерновые ямы), в виде больших карасов, помещенных иногда в особую пристройку, и, наконец, в восточном здании была обнаружена целая комната, засыпанная пшеницей.

При обработке зерна из этой комнаты М. Г. Туманяну удалось найти даже остатки древних вредителей—долгоносиков.

Садоводство и виноградарство

Передняя Азия—родина многих плодовых деревьев, разводившихся там с древнейших времен. Исторические документы свидетельствуют о пышном расцвете садоводства в древних странах Месопотамии и в горных областях. Постоянные культурные сношения отдельных стран Передней Азии друг с другом привели к тому, что достижения в культуре садоводства одного какого-нибудь района передавались другому, так что теперь очень трудно установить действительную родину того или иного культурного растения. Да вполне вероятно, что для некоторых из них и родин-то будет несколько. Возможно, что культура винограда возникла в нескольких местах земного шара, независимо друг от друга, и это именно привело не только к различным видам винограда, но и к различным способам его возделывания. То же можно сказать и про многие фруктовые деревья. Но, разумеется, несмотря на это, мы ни в коей мере не можем преуменьшить первостепенное значение заимствования культурных растений, что отражает также и языковой материал.

Согласно ассирийскому преданию, Саргон Древний (нач. III тысячелетия), совершив поход в Каппадокию, вывез оттуда два сорта смоковниц, виноградную лозу, розу и другие растения. Ассирийские

тексты рассказывают нам и о более поздних попытках акклиматизации растений. Так, Синахериб в садах Ниневии разводил плодовые деревья и растения других стран, отмечая даже, что некоторые из них растут у него лучше, чем на своей родине. Интересно указать, что Синахерибом было введено в Ассирию „дерево, приносящее шерсть“, т. е. хлопок.

Урартские цари также большое внимание уделяли садоводству. В строительных надписях нередко фраза: *ieše ini (GIŠ) uldie terubi* [поле] (GIŠ) u-še (GIŠ) zari... ištini terubi (CICH, 151)—„я этот виноградник устроил, поле посевов (и) деревьев... там устроил“. Приведенный текст, взятый из надписи, обнаруженной в Звартноце, рассказывает, таким образом, о насаждении виноградников, посевах и разведении сада. Урартский термин *zari* с детерминативом „дерево“ уже давно и вполне правомерно сопоставлялся с армянским *ճառ*—дерево. И очень возможно, что тут идет речь именно о плодовых деревьях. О насаждении деревьев *zari* говорится в трех урартских надписях из Закавказья, рассказывающих о больших работах на Арабатской равнине (CICH, 126, 141, 143), так что упоминание плодовых деревьев в таких случаях вполне уместно и по контексту.

Садоводство в Закавказье существовало задолго до прихода урартов, и поэтому сведения надписей следует понимать как расширение работ.

Явственные следы садоводства были обнаружены при раскопках древних поселений конца II или же начала I тысячелетия у Ханлара (Азербайджанская ССР).¹ Наряду с органическим материалом, свидетельствующим о большом значении собирательства (косточки каркаса—*Celtis caucasica* Wild., семена лебеды—*Atriplex*, и мари—*Chenopodium*), в древнем поселении были найдены косточки винограда, *Vitis vinifera*, находившиеся в большом карасе, впущенном в пол жилища, и косточка персика, *Prunus persica*, или миндаля, *Prunus amygdalus*.

Кроме садов урарты насаждали также и рощи деревьев. В надписи у озера Кешишгель говорится об устройстве „... виноградника, рощи, посевов и сада“, причем для слова „роща“ употреблена соответствующая ассирийская идеограмма—*kištu*.

Виноградники в урартских текстах упоминаются очень часто; иногда они передаются ассирийской идеограммой, а иногда и в урартской фонетической передаче—(GIŠ) *uldi*; отождествление этого урартского термина с ассирийской идеограммой „виноградник“ в настоя-

¹ Я. И. Гуммель, К проблеме археоботаники Закавказья, I. Сообщения Грузинского Филлала Академии Наук, I, № 10, 1940, 745; его же, Археологические очерки, 1940, 98.

щее время бесспорно. В Ванском царстве виноградарство было широко распространено, имея собственное многовековое развитие, так как Армянское нагорье является одним из мест, где начала культивироваться виноградная лоза. Были даже попытки искать прародину винограда в Армении.¹

Во всяком случае, в древности особенно ценилось вино из горных районов Передней Азии, и кеदारом, даже во времена Геродота, славилось вино из „земли армениев“. Оно привозилось и в северную Месопотамию, несмотря на то, что виноградная лоза культивировалась там с древнейших времен, в то время как климат южного Двуречья для винограда мало пригоден.

Ассирийские изображения передают нам виноградники двух видов: один, состоящий из пышных кустов, другой же—из лоз, свободно вьющихся по деревьям. Оба эти вида встречались в центре Ассирии; первый, между прочим, изображен на сцене возведения дворца Синахериба в Ниневии, а второй имелся в дворцовом парке Ашур-банипала.

К сожалению, мы не располагаем материалом, который позволил бы определить сорта урартского винограда. Раскопки дали только одну косточку (Кармир-блур), по типу очень близкую к косточке дикорастущего винограда, *Vitis silvestris* Gmelin, а обугленные мелкие обломки лозы не поддаются определению. Несомненно, дальнейшие археологические работы дадут более полноценный материал для определения сортов винограда, культивировавшегося урартами.

Виноградники в Ванском царстве находились как в частном, так и в государственном владении; существовали также виноградники, принадлежавшие и царствующему дому. Около сел. Катепанц, на левом берегу „канала Шамирам“, был обнаружен камень с трехстрочной клинообразной надписью, повторенной дважды, следующего содержания: „Таририи, супруги Менуи, этот виноградник. Таририахинили (он) назван“. Этот камень с надписью, отмечающей виноградник, принадлежащий урартской царице и названный ее именем, лежал на искусственной террасе, т. е. на том самом месте, где и был разведен сад. Таким образом, мы можем судить и о размерах сада—терраса имеет в ширину около 18 м. и в длину около 70 м.; с нее открывается очень красивый вид на Ванское озеро, на цепь гор и на Сипан-даг.² Вряд ли этот выбор места для разведения виноградника царицы был случайным.

¹ V. Hehn, Kulturpflanzen und Haustieren in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland und Italien, sowie in das übrige Europa, 8. Auflage, neu herausgegeben von O. Schrader, 1911, 65.

² W. Belck, Mitteilungen über armenische Streitfragen, VBGAEU, 1901, 310; C. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, I, 108. Возможно, сад занимал несколько террас.

Сведения об урартском виноделии у нас тоже очень фрагментарны. По существу говоря, мы только знаем, что у урартов было вино, но способ его приготовления, сорта и качество его остаются нам неизвестными.

Очень вероятно, что часть больших карасов или обломков карасов с отмеченными иногда на них мерами емкости, открытых при раскопках на Топрах-кале, служила для хранения вина. Вероятно, в урартских городах и крепостях существовали кладовые, в которых хранились карасы с вином. Текст Саргона рассказывает о разграблении ассирийцами в городе Улху „потаенных винных погребов“, переполненных вином, и о том, как ассирийские воины тянули душистое вино через трубки, как речную воду.¹

В летописи Сардура, сына Аргишти, среди добычи упоминается 111 акархи вина (ассир. идеограмма), что составляет приблизительно 13—16 тысяч литров (VI, 10). В перечнях жертвоприношений в одной из надписей Аргишти, сына Русы, упоминается 6 хируси вина, т. е. около 60—90 литров.

В указанном выше месте летописи Сардура после упоминания вина стоит: „86 акархи 7 хируси ŠAR-ka-ii-ni-meš“, т. е. примерно 10—13 тысяч литров какого-то „царского напитка“. Вероятно, тут скрывается особый сорт вина или же пива. Пиво было излюбленным напитком Передней Азии; оно готовилось обычно из ячменя, но существовало пиво, готовящееся из эммера или проса. Приготовление просяного напитка урартами засвидетельствовано археологическими материалами из Кармир-блур. По древним переднеазиатским клинописным текстам известно большое число названий различных сортов пива; дошли до нас также и рецепты их приготовления.

Меры площади и емкости

Хотя урартские меры еще мало изучены, все же в них можно различить местные и заимствованные у ассирийцев.

Ко второй группе относятся урартские меры длины, на которых мы остановимся ниже, в разделе архитектуры, и основная мера веса Передней Азии—мина (урартск. ma-na), встречающаяся в текстах, обычно при описании количества металла.

Так, надпись Аргишти (CICH, 112) говорит о получении из Дианухи 41 мины чистого золота, 37 мин серебра и большого количества (цифра не сохранилась) бронзы.

В Передней Азии, несмотря на развитую торговлю, меры веса в отдельных районах были различными, и часто местные правители

¹ В. Meissner, Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8, Feldzug, ZA, XXXIV, 1922, строка 220.

стремились их унифицировать. Такие мероприятия были проведены Саргоном Древним и шумерским правителем Шульги (III дин. Ура); эталонами последнего при установлении твердой единицы веса пользовался также Навуходоносор. Разновесы Урука показывают, повидимому, три различные мины, колебавшиеся между 491,5 и 511,4 гр. Ассирийская мера равнялась 505 гр. (вес воды $\frac{1}{240}$ части кубического локтя). Урартскую мину я условно определяю тем же весом.

Возможно также, что сообщаемый текстом Саргона вес металлических предметов Мусасирского храма, выраженный в талантах и минах без дробных частей, объясняется не тем, что ассирийцы округляли вес урартских изделий, а тем, что меры веса ассирийцев и урартов были общими или же очень близкими.

В урартских текстах встречается мера карі, которая вызвала много разнородных толкований. В трех текстах Аргишти I, Сардура II и Русы III она относится к какому-то сооружению, детерминируемому знаком „дом“, „храм“. Вследствие этого было предположено, что карі означает количество камней, затраченных на постройку (числа „капи“ следующие—10100, 19340 и 1432). Но это предположено окончательно отвергается контекстом четвертой надписи того же рода, где 19340 капи связаны со словом pi-i-gi, детерминированным знаком „дерево“.

Леманн-Гаупт, на основании надписи из Бостанкая, уже давно высказал предположение, что карі является мерой площади, но потом изменил свое мнение, считая ее мерой веса.¹ Это подтверждалось и летописью Сардура, где мерой карі (VI, 10, но не карі-же, как читалось раньше) исчислялось зерно, причем карі тут несомненно выступала как мера веса или емкости. На этом основании сопоставляли ее с древней армянской мерой *կապիճ*, а также с целым рядом других созвучных названий мер. Все это имеет определенные основания. Может показаться, что в урартских текстах получилась полная и безвыходная путаница. Но на самом деле выход оказывается очень простым. Ведь на Древнем Востоке существовали одноименные меры и для площади и для объема (емкости). Так, ассирийская мера *ipēgu* („поклажа осла“) была мерой объема (40,4 литра) зерна и вместе с тем мерой площади (7340 кв. м.) поля; в этом случае площадь поля определялась количеством зерна, потребного при посеве.

Повидимому, и капи одновременно означала и меру площади и меру объема (емкости), поэтому вполне правомочны ее сопоставления с армянским *կապիճ* (каріճ), а если мы пойдем еще дальше, то и с древнерусской мерой „копа“, „купа“, как это заметил И. А. Орбели.

¹ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, I, 470; II, 2, 447.

Другой урартской мерой емкости, всегда выписываемой в клинописных текстах фонетически, является „акархи“ (akarqi). Термин akarqi Н. Я. Марр сопоставлял с армянским термином *կարհի*—карас, большой сосуд, а также с грузинской мерой „касри“, делящейся на 8 „хиров“.¹

На некоторых обломках больших сосудов, происходящих с Топрах-кале, оказались выписанными мера „акархи“ и ее дробные части „хируси“ (hirusi). На основании того, что на черепках с Топрах-кале и в других урартских клинообразных надписях число хируси не превышает 9, Леманн-Гаупт считал, что мера „акархи“ делилась на 10 или 12 хируси.² А на основании реконструкции размеров сосудов (на некоторых выписаны урартские меры емкости) он заключил, что акархи равнялось примерно 120—150 литрам, и соответственно этому хируси не была меньше 10 литров.

На сосудах, кроме клинописного выражения этих мер, встречаются еще их условные обозначения, обычно в виде крупных углублений, связанных с иероглифическим урартским письмом.

Но кроме указанных мер емкости были еще более дробные меры, названия которых не дошли до нас в клинописной форме. Число этих мер в виде кружков сохранилось на обломках небольших красных лощеных сосудов.³ Кружки сопровождаются иероглифами, изображающими различные сосуды. Вероятно, эти знаки означают или определенные мелкие меры емкости, или же ту жидкость, для которой сосуды предназначались. На одной из глиняных табличек, найденных на Топрах-кале, сохранилась счетная запись, переданная иероглифически, и там кружки и черточки связаны с различными иероглифами-пиктограммами.

Скотоводство

На Армянском нагорье скотоводство появилось задолго до возникновения Урартского государства, еще в неолитическую эпоху, причем природные условия страны оказали существенное влияние на весь ход развития этой отрасли хозяйства.

Задолго до возникновения Урартского государства скотоводство, наряду с земледелием, стало основным видом хозяйства, а скот основным источником накопления примитивного богатства и собственности, сначала племенной, а позже и родовой.

¹ Н. Я. Марр, Материалы по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению, ЗВО, XXIV, 1917, 120—123.

² С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 474.

³ С. F. Lehmann-Haupt, ук. соч., 475.

На основе скотоводства еще в глубокой древности усилилось имущественное неравенство отдельных племен, а затем и классовое расслоение внутри них. Развитие скотоводства обострило враждебные отношения между племенами Армянского нагорья, причем основным предметом раздора были скот и пастбища.

История нам отчетливо показывает, что в развитии общества Передней Азии скотоводство играло весьма важную, первостепенную роль.

Древнейшие памятники, дошедшие до нас от Ванского царства, дают картину развитого скотоводства, прошедшего многовековую историю. В Урарту четко наблюдается уже полукочевая форма скотоводства, явившаяся закономерным следствием его развития в горных условиях. При росте скотоводства новые потребности увеличивающихся стад не могли удовлетворяться прежними пастбищами—в лесах и на усадебных участках. В стремлении расширить эти базы началось истребление лесов и постепенное освоение горных альпийских лугов. Скот на летнее время угонялся в горы, на пастбища, куда вместе с ним перекочевывала и часть племени. Скотоводство приобрело полукочевой (яйлажный) характер, что вместе с тем усилило разделение труда между горными и долинными районами Армянского нагорья.

Этот процесс развития скотоводства хорошо прослеживается на археологическом материале Кавказа и Закавказья,¹ что позволяет до некоторой степени реконструировать также историю скотоводства и Армянского нагорья, не документированную еще археологическим материалом.

В урартских клинообразных надписях уже с конца IX в. постоянно упоминается крупный и мелкий рогатый скот, причем названия животных переданы ассирийскими идеограммами, иногда раскрытыми фонетически, что позволяет установить урартское их чтение. Таковы идеограммы „бык“ (урарт. raḥini), „бычок“, „дикий бык“, „корова“, „овца“ (урарт. žiše) и „ягненок“. Возможно, что идеограммами „бык“ и „овца“ передавались также понятия „крупный рогатый скот“ и „мелкий рогатый скот“, независимо от их вида и пола.

К сожалению, изображениями урартского скота мы не располагаем вовсе, если не считать рельефы Балаватских ворот Салманасара III, где изображен угон скота из страны Гилзан (на северо-западном побережье оз. Урмия), входившей позднее в состав Урарту, да сильно стилизованных фигур быков, имевших часто орнаментальный характер.

¹ Б. Б. Пиотровский, Новая страница древнейшей истории Кавказа, Изв. Арм. ФАН'а, 1943, I, 60.

Костный материал из раскопок на Топрах-кале не был определен и изучен. Кармир-блур дал лишь незначительные находки костей животных. Только из Цовинарской крепости, на южном берегу оз. Севан, т. е. самой окраины Урарту, мы располагаем костным материалом, определенным В. И. Громовой. Так, при моих раскопках 1934 г. были найдены кости крупного рогатого скота (*Bos taurus*), домашней овцы (*Ovis aries*) и домашней свиньи (*Sus scrofa domestica*).

Летописи Аргишти и Сардура, описывающие победоносные походы урартов в страны Передней Азии, в перечнях добычи дают громадные цифры скота, угнанного в центральную часть Ванского царства, причем в этих текстах явно выступает значительное преобладание мелкого рогатого скота над крупным. Согласно сохранившемуся тексту летописи за все отмеченные походы Сардур, сын Аргишти, привел в Бнайну около 110 тысяч голов крупного и около 200 тысяч голов мелкого рогатого скота (I, 46—47; II, 44; III, 39—40; IV, 32—33; V, 31; VI, 7—8).

Только за два похода в Закавказье из страны Эрах, к северу от горы Арагац, было угнано 23194 головы крупного и 63420 голов мелкого рогатого скота. Мы видим, что по этой сводке число захваченных овец и коз почти в три раза превышает число забранных там же быков и коров. Укажу попутно, что по переписи 1916 г. в Александропольском уезде Эриванской губернии насчитывалось 132 тысячи голов крупного и 157 тысяч голов мелкого рогатого скота. Если мы учтем, что страна Эрах занимала лишь часть территории б. Александропольского уезда, а также, что урарты завладели не всем скотом страны Эрах, то цифры летописи Сардура еще ярче будут свидетельствовать нам о громадном количестве скота у племен древнего Закавказья, входивших в состав Ванского царства.

Следует заметить, что основной добычей походов Аргишти и Сардура являлись люди и скот.

Весьма интересны сведения летописей о том, что походы урартских царей совершались в году дважды, весной и осенью.¹ Н. Я. Марр совершенно справедливо отметил, что это обстоятельство связано не столько с климатическими особенностями, сколько с основной формой скотоводства, господствовавшей в Передней Азии, а именно с полукочевым (яйлажным) скотоводством. Урартские войска появлялись или весной, в то время, когда скот еще не ушел на горные пастбища, или осенью, по его возвращении с гор, именно тогда, когда им была обеспечена богатая добыча.

¹ Н. Я. Марр, Заметки по яфетическим клинописям, ИАИМК, III, 1924, 300—304.

Мясо, по всей вероятности, было основной пищей урартов. Это отразилось и в том, что в перечнях жертв, приносимых богам (надпись на скале „Дверь Мхера“), упоминаются одни только жертвенные животные. Эта особенность урартского жертвоприношения выступает весьма четко, если мы сравним перечни жертв клинописей Ванского царства хотя бы с древне-египетскими.

Крупный рогатый скот в Урарту имел преимущественно пищевое значение (мясо и молоко), и только кожа животных служила целям ремесла. Как рабочий скот использовались, вероятно, лишь быки и волы; они были основной тягловой силой.

Мелкий рогатый скот, особенно овцы, давали не только мясную и молочную пищу, но и шерсть, обработка которой для Передней Азии засвидетельствована с чрезвычайно отдаленных времен. В древних поселениях часто встречаются дисковидные или полушаровидные пряслица от примитивного веретена, дожившего в своей архаической форме и до наших дней.

Ассирийские клинописные тексты рассказывают о существовании в Урарту разноцветных шерстяных тканей, а археологические раскопки дали уже образцы шерстяных изделий, правда еще незначительные и плохой сохранности (Кармир-блур).

Коневодство

По ассирийским источникам известно, что в Ассирию лошади доставлялись с древнейших времен из соседних стран, находившихся на северо-востоке.

Тиглатпаласар I после победы над союзом „царей стран Наири“ наложил на них дань—1200 коней и 2000 голов крупного рогатого скота. Салманасар III большое количество лошадей получал из приурмийского района; на рельефах Балаватских ворот изображен, в частности, угон из страны Гилзан целого табуна жеребцов (рис. 7). Урартские клинообразные надписи неоднократно рассказывают о захвате и угоне из покоренных стран (часто из областей Закавказья) в центр Ванского царства лошадей, причем в перечнях добычи лошади упоминаются в первую голову.

В урартской клинописи для термина „конь“ употребляется ассирийская идеограмма, буквально означающая „осел гор“, причем фонетическое ее чтение еще не установлено.

В летописи Сардура, сына Аргишти, отчет о каждом походе обычно сопровождался перечнем громадной добычи, главным образом скота, среди которой были и кони (I, 45; II, 15, 43; III, 38, 31; V, 31 и VI, 6). Общее число лошадей, по сохранившимся данным

летописи, было около 18 тысяч, что все же значительно меньше общего числа угнанного из этих же областей крупного и мелкого рогатого скота.

Лошадь в Урарту была распространенным домашним животным, что характерно для общества с полукочевым скотоводством, и отдельные районы Ванского царства, повидимому, даже славились своим коневодством. Так, судя по тексту Луврской таблички (169—170), в провинции Суби, на восточном побережье оз. Урмия, специально разводились верховые лошади и оттуда доставлялись жеребцы для урартской конницы. Тот же текст, описывая город Улху (район совр. Маранда), рассказывает о том, что урартский царь Руса устроил вокруг города роскошные пастбища для коней.

Уже самые ранние урартские тексты (конец IX в.) говорят о наличии в урартском войске как конницы, так и колесниц (и в этом случае термины переданы ассирийскими идеограммами), изображения же их нам известны только от позднего времени истории Ванского царства. Изображения всадников и колесниц имеются на бронзовом колчане из крепости на Кармир-блуре (рис. 27), изображение колесницы встречено также и на поврежденном оттиске печати, обнаруженном при раскопках на Топрах-кале (рис. 58).¹

58. Урартская колесница.
Оттиск печати, Топрах-кале.

По своему типу урартские боевые колесницы оказываются очень близкими к ассирийским. Они имеют тот же легкий кузов, сильно выгнутое вверх дышло и колеса, помещенные не посередине дна кузова, а у заднего его края.

Имеющиеся материалы позволяют нам даже в деталях проследить развитие ассирийской колесницы, особенно эволюцию колеса.

С середины III тысячелетия исчезает массивное дисковидное колесо, и на смену ему приходит колесо со спицами. На пути облегчения веса колеса первым шагом была замена крестовиной сплошной средней части диска, что привело к примитивному колесу с четырьмя спицами; с течением времени спицы делались тоньше и их число увеличивалось. В Ассирии еще до середины IX в. употребля-

¹ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, I, 261.

лось колесо с шестью спицами, как это можно видеть хотя бы на рельефах ворот Салманасара III. При Тиглатпаласаре III (середина VIII в.) колесо с шестью спицами продолжало еще существовать наряду с обычным в то время колесом, имеющим уже восемь спиц. При Саргоне и позднее колесо с восемью спицами становится характерным.¹

Урартские колесницы также имеют восемь спиц в колесе, что сближает их с позднеассирийскими, но они имеют все же и некоторые особенности. На кармир-блурском колчане колеса показаны с очень массивным ободом, а на оттиске печати—с фигурными спицами. Форма кузова урартских колесниц также совпадает с позднеассирийской: те же пропорции отдельных частей, тот же характерный выступ сзади.

Урартские колесницы, повидимому, получили распространение и в Закавказье. В одном погребении могильника в Ахтала (VII в.) был обнаружен пояс из листовой бронзы с резным изображением колесницы, запряженной двумя конями² (рис. 59). Хотя рисунок очень схематичен и колесница дана в чрезвычайно своеобразной проекции, характерной для примитивного искусства, все же в нем без труда можно узнать изображение колесницы переднеазиатского, урартского типа. Особенно характерно сильно выгнутое дышло, имеющее на конце украшение в виде цветка. Число спиц в колесе (четыре) можно отнести за счет схематичности рисунка. Перед нами настолько характерный тип переднеазиатской колесницы, что нет никаких оснований связывать изображение колесницы на поясе из Ахтала непосредственно с древнеегипетскими колесницами.³

Изображения урартских колесниц показывают парную запряжку, но, к сожалению, способ упряжки остается еще неясным, хотя можно полагать, что он был близок к ассирийскому. Ассирийская упряжь состояла из уздечки, кожаного ремня, охватывавшего шею лошади, наподобие ошейника, и подпруги; боковыми ремнями эти части упряжи соединялись с кузовом колесницы, а возжи пропускались через кольца, укрепленные на дышле.

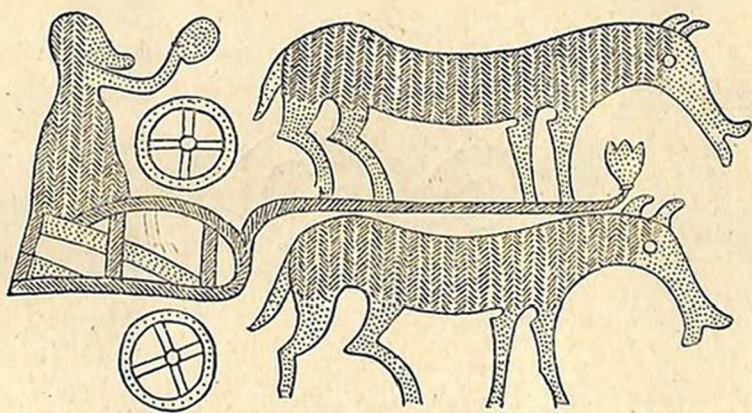
Урартские удила дошли до нас только в одном экземпляре. При раскопках 1940 г. на Кармир-блуре (рис. 60), около крепостной стены восточного здания, была обнаружена группа металлических предме-

¹ Б. Б. Пиотровский и Н. Д. Флиттнер, История техники древнего Двуречья, Очерки по истории техники Древнего Востока, 1940, 100.

² J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, I, 141, рис. 145.

³ L. Muskell, Kaukasische Parallele zu einem altaegyptischen Rennwagen, Bull. Musée de Géorgie, VIII, 1935, 143.

тов, среди которых оказались обломки железных удил весьма характерной формы. Удила эти состояли из трех частей—двух изогнутых трензелей (псалий) с частями мундштука и кольца, соединяющего обе части удил и являющегося средней частью мундштука. Каждый трензель имеет три отверстия, большое среднее для повода и два меньших—для ремней, скреплявших удила с уздечкой. Удила из Кармир-блур по своей форме полностью совпадают с ассирийскими из Калху¹ (рис. 61), хранящимися в Британском музее, также представляющими удила с трензелями, отлитыми в одно целое с мундштучными частями. В Ассирии известны и „жесткие удила“ этого же типа, имеющие острые выступы на мундштучной части.²

59. Колесница. Изображение на бронзовом поясе из могильника в Ахтала.

Удила описанной формы оказываются распространенными на очень большой территории.³ Они охватывают всю Переднюю Азию, Закавказье и доходят до Египта. Подобные удила происходят также из Афин и датируются концом VI в. Удила эти, повидимому, сопутствовали распространению лошади и боевых колесниц из Передней Азии в страны древнего мира.

Для иллюстрации скрепления металлических удил с кожаными частями уздечки я привожу серебряный ритон в форме лошадиной головы, происходящий из Мазандерана и датируемый V в.⁴ (рис. 62).

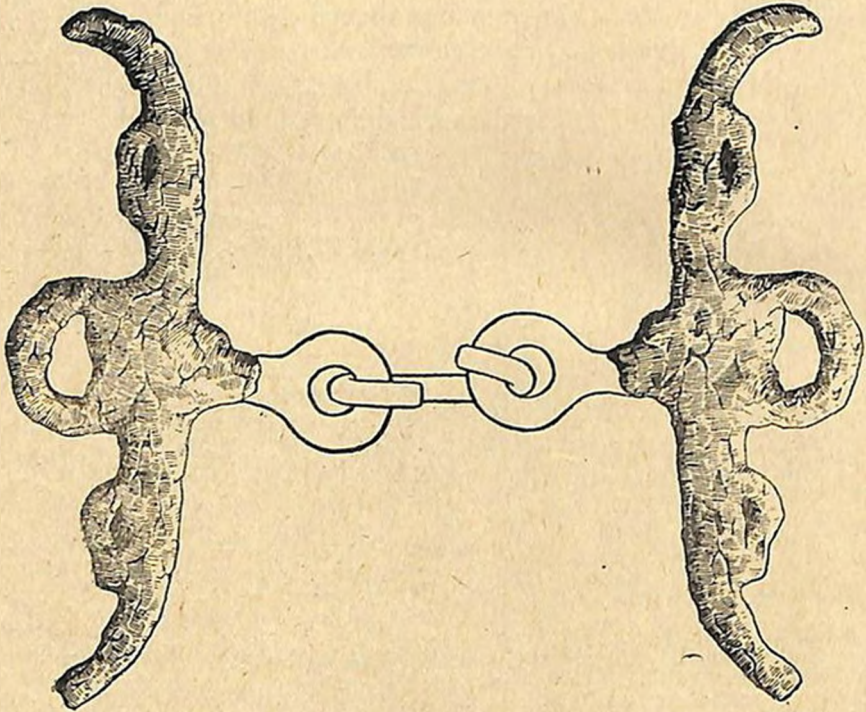
¹ M. Wolff u. D. Opitz, Jagd zu Pferde in der altorientalischen und klassischen Kunst, АО, X, 1936, рис. 14.

² Lefebure des Noëttes, La force motrice animale à travers les âges, 1934, рис. 49.
Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, 1941, 61.

⁴ АО, X, 4—5, 1935, 301 (по London Illustrated News, № 5002, 2. III. 1935).

На нем отчетливо видно прикрепление повода к большому среднему отверстию и ремней уздечки к двум боковым.

Наряду с удилами описанного типа, где трензеля представляют одно целое с мундштучными частями, одновременно с ними, существовал другой тип удил с напускными трензелями. В этом случае на мундштук, имеющий на концах кольца для прикрепления повода,

60. Железные удила. Кармир-блур.
Госуд. исторический Музей Армении.

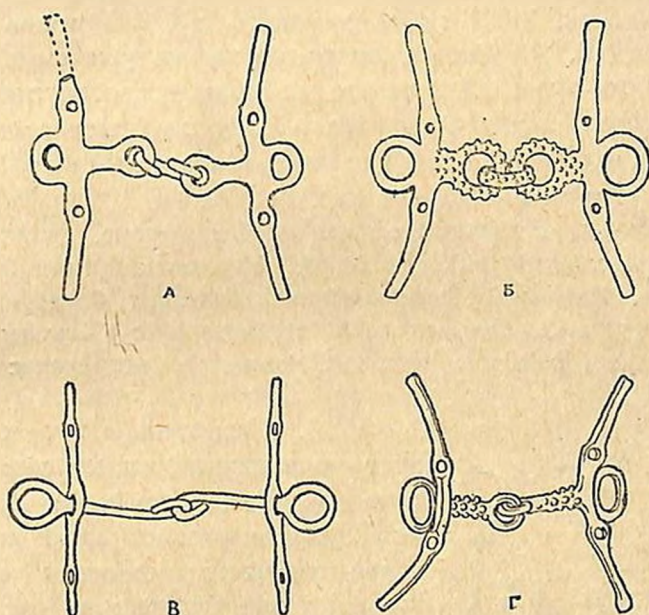
надеты свободно движущиеся трензеля с отверстиями для ремней. Этот тип удил распространен на той же территории, что и удила первого типа, захватывая Закавказье и Иран.¹

Лошади в Ванском царстве, несомненно, употреблялись для транспорта, но дошедшие до нас материалы ничего об этом не говорят. На цилиндрических печатях имеется изображение четырехколесных повозок с массивным дисковидным колесом, состоящим из трех частей, и с длинным дышлом,² но животные, впрягавшиеся в них, на печатях не показаны. Очень вероятно, что в такие повозки впрягались не только волы, но и лошади.

¹ Б. А. Куфтин, ук. соч., рис. 57.

² С. F. Lehmann-Haupt, Materialien, рис. 80.

Ванское царство имело разветвленные пути сообщения, связывавшие как отдельные части страны, так и страну с соседними государствами. Следы этих древних путей в некоторых частях сохранились; прокладывая дорогу в горах, урарты принуждены были зачастую врубаться в скалу. Такие участки древних дорог можно видеть в горах между оз. Ван и оз. Урмия. В районе памятников Келяшин и Топузава еще до сих пор сохранились остатки этой дороги, причем участки ее, прорубленные в скале, были шириною от 1,7 м. до

61. Бронзовые удила, а-б—Калху (Ассирия), в—Луристан (Иран), г—Грузия.

3 м., что может дать также и некоторое представление о размерах урартских повозок.¹

Но, несомненно, лошадь чаще всего употреблялась для верховой езды и как вьючное животное наряду с мулами и ослами. Благоустроенных дорог, с мостами (деревянными, а возможно и каменными) через реки, в Урарту было немного, и нередко путникам приходилось переправляться через реки вплавь на бурдюках, причем лошади следовали за ними; лишь в редких случаях для переправы сооружался плот, наподобие ассирийского “калакку”, также с привязанными к нему бурдюками.

¹ С. F. Lehmann-Haupt, Armenten, II, 1, 302, 304.

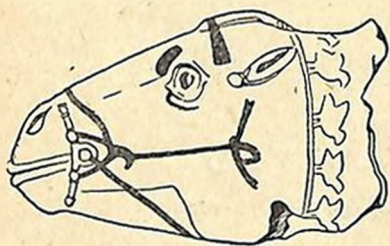
Верблюды

В качестве вьючных животных в Урарту употреблялись также ослы и верблюды.

Верблюды в Передней Азии встречаются с древних времен. На Балаватских воротах имеется изображение угона верблюдов из страны Гилзан, упоминаются они и в перечнях добычи в летописях Аргишти и Сардура. Так, из страны Эрах (Закавказье) Сардур угнал 1613 коней, 115 верблюдов, 16529 голов крупного и 37685 голов мелкого рогатого скота (IV, 31—33). Приведенные цифры уже сами по себе указывают на то, что верблюды все же были немногочисленны.

Текст Саргона при описании деятельности урартского царя Русы отмечает, что „он (Рус) сделал верблюдов известными всей... стране и они работали при насыпке плотин“.¹

Но верблюды, во всяком случае в Закавказье, употреблялись и для верховой езды. В 1896 г. А. А. Ивановский при раскопках кургана у сел. Карабулак (Азербайджан) открыл богатую могилу, в которой находились два скелета верблюдов с богатым убором, украшенным даже золотом, что в Закавказье встречается сравнительно редко.

62. Серебряный ритон V в.
Мазандеран.

А. А. Ивановский так характеризует раскопанный им курган: „Эта могила оказалась наиболее богатой по количеству и разнообразию найденных в ней предметов; но среди последних были и такие экземпляры (сосуды, кинжалы, браслеты и стрелы), какие неоднократно были находимы и в прежде разрытых. Поэтому нет оснований не отнести и этот курган со всем его могильным инвентарем к той же культурной стадии, к какой относятся все ранее

добытые предметы. В данном кургане нам посчастливилось только напасть на такое богатое погребение, на какое до этого не наталкивались“.²

В эту могилу были помещены три покойника, причем главный из них, хозяин могилы, лежал в вытянутом положении, два же других, вероятно убитые при погребении, были помещены по сторонам,

¹ В. Meissner, Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8 Feldzug, ZA, XXXIV, 1922, 115.

² А. А. Ивановский, МАК, VI, 164.

в сидячем положении. Этот курган представлял, повидимому, захоронение вождя одного из закавказских племен. Вместе с вождем и были похоронены богато убранные, принадлежавшие ему, верховые верблюды.

Основные черты хозяйства Ванского царства

Как мы видели, земледелие и скотоводство являлись в Ванском царстве основными отраслями хозяйства, и обусловленное природными особенностями естественное разделение труда выразилось в преобладании земледелия в долинах и низменностях, а скотоводства—в горах.

Развитое ремесло, требовавшее особых навыков, а зачастую и большого мастерства, находилось в руках специалистов-ремесленников. Изделия ремесленников при посредстве торговли расходились по всему царству, распространяясь иногда и за пределы Урарту.

Города, как центра ремесла и торговли, еще не существовало. Урартские города представляли собою крупные сельскохозяйственные поселения, в которых преобладающее население составляли земледельцы и скотоводы. Приведенные выше ассирийские источники свидетельствуют о том, что город Улху включал в себя поля и пастбища; ту же картину города дают и урартские клинообразные надписи.

В Ванском царстве наряду с индивидуальными хозяйствами существовали также хозяйства государственные и храмовые, включавшие в себя и крупные ремесленные мастерские. В государственных и храмовых хозяйствах работали также рабы и военнопленные, труд которых применялся и при больших строительных работах государственного значения, как постройка крепостей, проведение каналов, разработка рудников.

Форма эксплуатации земледельцев и скотоводов в государственных и храмовых хозяйствах из-за скудости материалов не может быть установлена, но с уверенностью можно утверждать, что положение этих людей существенно отличалось от положения рабов.

В крепости на Кармир-блуре, у дворца урартского наместника, были открыты жилища, принадлежавшие, вероятно, воинам гарнизона крепости, так как в них неоднократно встречалось оружие. У этих небольших жилищ отсутствовали какие бы то ни было пристройки, где мог бы помещаться скот.

Довольствие владельцы этих жилищ получали из кладовых крепости, на что указывают и размеры зернохранилищ, открытых в жилищах и вмещавших небольшой запас. Это предположение подтверждается и находкой в сосуде с просом сломанной печати, которая

вряд ли являлась личной печатью хозяина жилища, а скорее была печатью, которой опечатывалось зерно крепостных хранилищ.

До нас дошли и обломки глиняных табличек—документов учета и отчетности государственных и храмовых хозяйств. На Топрах-кале найдены обломки табличек со счетными записями, распределенными иногда по графам. Один такой документ содержит перечень животных, передававшихся храму. Эти находки дают нам право предполагать, что при дальнейших археологических раскопках урартских городов и крепостей будут обнаружены государственные и храмовые архивы, которые осветят нам многие стороны жизни Ванского царства, находящиеся в настоящее время в тени.

Приведенные материалы показывают, что хозяйство Ванского царства, повидимому, мало отличалось от гораздо лучше и полнее изученного хозяйства Ассирии; во всяком случае, основные их черты очень сходны.

Глава XII

Материальное производство

Изделия из металла

Одной из основных проблем истории Передней Азии является изучение древней металлургии, высокая степень развития которой отмечается древними источниками. Особое положение в этом вопросе занимает Урарту, где, по мнению многих исследователей, при наличии высокоразвитой бронзовой металлургии, раньше чем в других местах появилось и вошло в широкое употребление железо.¹

О чрезвычайном развитии металлургии в Урарту свидетельствует ассирийский текст, описывающий разграбление Саргоном дворца и храма в Мусасире во время похода 714 г.² В этом тексте в перечне добычи приводится громадное количество металлических предметов разного рода, причем в некоторых случаях особо отмечается их местное производство.

Герцфельд (E. Herzfeld) считал большинство металлических изделий, найденных в центре Ассирии, предметами не ассирийского происхождения и видел в них добычу, захваченную в других областях Передней Азии. При этом Герцфельд полагал, что текст Саргона, описывающий разграбление Мусасира, является определенным указанием на действительную родину всего этого металлургического искусства, на Урарту.³

Шахермейр (F. Schachermeyr) отмечал, что особенностью урартской (халдской) культуры в восточной части Передней Азии являлось высокое развитие металлургии, примыкавшей к традициям хеттов и митанни. Металлические изделия урартов, по мнению Шахермейра, экспортировались на север (Майкоп, Келермес), в Сирию и Месопотамию (Кархемиш, Ассирия), а также в Мидию, в Иран и на запад Передней Азии, вплоть до Эгейского моря.⁴

Такой широкий размах влияния урартской металлургии, до Этру-

¹ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, II, 1914, 53.

² F. Thureau-Dangin, *Une relation de la huitième campagne de Sargon*.

³ E. Herzfeld, *Khattische und khaldische Bronzen Janus*, I, *Festschrift zu C. F. Lehmann-Haupt, sechzigstem Geburtstage*, 1921, 140.

⁴ F. Schachermeyr, *Tuschpa, Reallexikon der Vorgeschichte* (M. Ebert), том XII

рии включительно, ставился в связь с этническим происхождением урартов, их миграцией с запада на восток.

По этому поводу Лемани-Гаупт писал: „Халды должны были явиться из наиболее западной части Малой Азии, где они соприкасались с элементами минойской культуры. Культура их, в основном,— западная, с небольшими следами ассирийского влияния; она повлияла в свою очередь на арханческое греческое искусство и имела особенное отношение к этрускам, что было основано на прежнем, относительно близком их соседстве. Когда армяне завоевали Урарту, халды удалились в горы, сохраняя свой воинственный дух и свое совершенство в металлургии. Их называли также халибами,— вероятно по имени стали, которую они первые начали вырабатывать“.¹

Приведенные высказывания с полной определенностью отмечают то большое значение, которое исследователи Передней Азии придают металлургии Ванского царства. Но, несмотря на такие ответственные высказывания исследователей, памятники материальной культуры Урарту остаются изученными далеко недостаточно.

Археологические исследования на территории центральной части этого древнего государства производились, собственно говоря, лишь в одном месте, на Топрах-кале, у Вана, где находилась царская резиденция второго периода урартской истории. Таким образом, материальная культура урартов нам известна лишь от периода с конца VIII в. и до начала VI в. Раскопки урартских крепостей на окраине государства, как например, Кармир-блур, около Еревана, также дали материал, относящийся к концу Ванского царства.

Но и из раскопок на Топрах-кале не весь материал поступил в научный обиход. Только часть находок из раскопок 1879—1880 гг. попала в Британский музей, остальная, значительная часть находок была расхищена при работах.²

Раскопки на Топрах-кале, произведенные в 1898—1899 гг. германской экспедицией Леманна-Гаупта и Белька, дали сравнительно небольшое количество металлических художественных изделий.

Несмотря на большой интерес, проявляемый исследователями к металлургии Ванского царства, многие урартские памятники искусства остаются неопубликованными.

Так, в частности, не издана полностью коллекция урартских бронз Британского музея, известная, главным образом, лишь по фотографиям, приводимым в работах общего характера.³ Интересная

¹ Из статьи „Urartu“, Encyclopaedia Britannica, том 22 (XIV изд., 1929).

² Лич, Армения, т. II, 81.

³ Список наиболее интересных бронзовых предметов Британского музея приводится Лемани-Гауптом, *Арменіен*, II, 2, прим. 30* и 31*.

бронзовая статуэтка бога, с протянутыми вперед руками, в позе возничего колесницы,¹ воспроизведена только в путеводителе по Британскому музею. Отдельные мелкие бронзовые изделия этого собрания, как статуэтка богини, стоящей на двух лошадях, и фигура двойного крылатого животного, опубликованы Миннзом.²

Лучше известно собрание урартских древностей Берлинского музея, в основной своей части изданное Леманн-Гауптом вместе с материалом из раскопок.³

Бронзовые предметы, приобретенные Леманн-Гауптом в Ване и поступившие в Берлинский музей, были до того предложены к покупке Эрмитажу, но, по неизвестным нам причинам, приобретены не были.⁴

При раскопках на Топрах-кале и на Кармир-блуре было найдено громадное количество железных орудий и оружия, значительно превосходящее количество предметов бронзовых. На Топрах-кале были найдены железные лемехи плугов или же наконечники мотыг, серпы, вилы, топоры и молоты, крючья, петли для запоров, большое количество наконечников стрел, наконечники копий, ножи и различные мелкие предметы.⁵ Из раскопок на Кармир-блуре происходят: железный меч, крючья, петли для запоров, удила, серпы, ножи и наконечники стрел, предметы совершенно сходные с найденными на Топрах-кале.

Раскопки на Топрах-кале и на Кармир-блуре отчетливо показывают, что в Урарту основным материалом для орудий и оружия было железо, а бронза имела второстепенное значение. В Ассирии, как указывал Леманн-Гаупт, железо начинает вытеснять бронзу около 800 г. и при Саргоне оно становится обычным материалом. Леманн-Гаупт высказал также предположение, что среди громадного количества железа (около 160 тонн), частью необработанного, обнаруженного во дворце Саргона в Хорсабаде, быть может, находилась и добыча из Урарту, захваченная во время войны с Русой, сыном

¹ British Museum, A guide of the Babylonian and Assyrian Antiquities, 3 изд. 1922, 171. Вотивная бронзовая повозка издана V. Scheil'ем. Un chariot du temple de Haldi, Rec. de trav. rel. à la phil. et l'art égypt. XXXVI, 1914, 179--180.

² Minns, Small Bronzes from Northern Asia. The Antiquaries Journal, X. 1930, табл. IV. Топор с изображением льва опубликован Ростовцевым в *Iranians and Greeks*, 1922, табл. II, а штриховой рисунок у W. M. Flinders Petrie, *Tools and Weapons*, табл. XI, 140.

³ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*.

⁴ Б. Б. Пиотровский, Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа. Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, I, 1939, 48.

⁵ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 544—546.

Сардура.¹ Во всяком случае, в перечне добычи, захваченной Саргоном в Мусасире, железные предметы упоминаются.²

Урартская металлургия была обеспечена местными рудами. Особенно много месторождений железа имеется в центральной части Урарту. Железом богаты Мушский, Битлисский и Ванский районы, а также горы к западу от оз. Урмия.³

Разработки меди⁴ известны в Хнысском районе, к юго-востоку от Эрзерума, у истоков Тигра, в горах к югу от Эрзингяна, а также в горах к западу от озера Урмия, на территории древней страны Мусасир, неподалеку от знаменитой Келяшинской стелы. Возможно, что именно здесь были древние урартские разработки меди, так как в Мусасирском храме и дворце хранилось громадное количество бронзовых изделий (около 114 тонн), при сравнительно небольшом количестве железных. Богатые медные месторождения южного Закавказья, повидимому, не привлекали урартов, во всяком случае, в перечнях добычи, захваченной в странах южного Закавказья, металл и металлические изделия ни разу не упоминаются.

Свинец и олово также имелись в Урарту. Свинец мог добываться на восточном побережье оз. Ван, к северу от урартской столицы Тушпы, а также в Курдистанских горах, в районе современного г. Джуламерк. Олово в центральную часть Урарту могло доставляться с восточного побережья оз. Урмия (г. Сохенд), входившего в состав территории Ванского царства!

В геологическом отношении Армянское нагорье изучено очень мало; несомненно, дальнейшие исследования значительно уточнят наши знания, а может быть и откроют нам документально засвидетельствованные древние урартские разработки.

Дошедшие до нас урартские бронзовые предметы довольно многочисленны, но все они относятся ко второму периоду урартской истории (VII в.—нач. VI в.).

Ценнейшие указания относительно более ранних бронзовых изделий урартов содержит текст Саргона, рассказывающий о взятии Мусасира. В храме бога Халда ассирийцами были захвачены следующие бронзовые вещи: 25212 щитов „тяжелых и легких“, 1514 копий „тяжелых и легких“, 305412 (!) мечей „тяжелых и легких“, 607 сосудов „тяжелых и легких“ и кроме того бронзовые луки (гориты ?) и штандарты (392—394).

¹ Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, стр. 545; V. Place, Ninive et l'Assyrie, I, 1867, 84.

² F. Thureau-Dangin, Une relation de la huitième campagne de Sargon.

³ См. материалы, приведенные Quirig'ом в Zeitschrift für prakt. Geologie, 1933, № 8.

⁴ Пользуюсь сведениями, предоставленными мне А. А. Иессеном.

Наряду с этими, довольно обычными бронзовыми предметами в Мусасирском храме находились крупные скульптуры, отлитые из бронзы, требовавшие для своего изготовления чрезвычайно высоких технических навыков. Некоторые из бронзовых статуй, упоминаемых в тексте, изображены также и на рельефе из дворца Саргона. В частности, около входа в храм на рельефе изображены две статуи в молитвенной позе, с поднятой вверх правой рукой; возможно, что это— две из четырех отмеченных в тексте бронзовых (медных) статуй „великих привратников, хранителей дверей его“ (399).

В храме находились также большие бронзовые статуи урартских царей. При перечислении богатств храма упоминаются: „статуя в позе молитвы, в царственной позе, Сардур, сына Ишпуина, царя Урарту;¹ трон которой был из литой бронзы; статуя Аргишти, царя Урарту, в звездной тиаре богов, правая рука которого благословляла, с нишей его, все в целом весом 60 талантов бронзы (т. е. около 2 тонн); статуя Урсы с его двумя конями и его возничим с пьедесталом (?), все из литой бронзы“... (400—403).

На сцене взвешивания добычи, захваченной в Мусасире, сколо весов, изображены три ассирийских воина, разбивающие топорами одну из отмеченных текстом статуй.²

Но кроме статуй царей в Мусасирском храме имелась также крупная бронзовая скульптура, изображавшая корову с теленком, которую на рельефе дворца Саргона мы видим перед фасадом храма. Повидимому, кроме коровы перед храмом находилась также бронзовая фигура быка. О них текст Саргона говорит следующее: „Бык, корова и ее теленок, на которые Сардур, сын Ишпуина, бронзу дома Халда отдал и приказал отлить“ (401).

Несомненно, одно только упоминание монументальных бронзовых скульптур в таком документе свидетельствует о высоком металлургическом мастерстве урартов. Некоторые из дошедших до нас урартских бронзовых предметов также являются образцами художественного и технического совершенства.

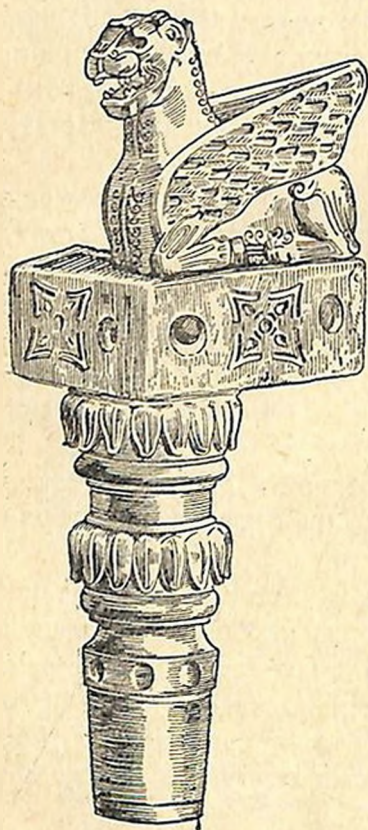
Мы имеем в виду группу предметов, являющихся частями роскошных тронов, находившихся в храме или дворце.³ Они представляют собою фигуры фантастических животных—крылатых быков или львов с человеческим торсом или лицами. Многие из них кроме штифтов и скреп, в местах их соединения с другими предметами, имеют еще вырезанные знаки, служившие рабочими метками.

¹ На самом деле Сардур, сын Ишпуина, царем Урарту не был.

² Botta et Flandin, Monument de Ninive, II, табл. 140.

³ Б. Б. Пиотровский, Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа,

Ножка трона была найдена при раскопках германской экспедиции на Топрах-кале.¹ Она очень массивна и украшена двумя орнаментальными венцами листьев, характерными для урартского искусства. Совершенно такая же ножка, но только с фигуркой фантастического животного — крылатого льва-быка²—находилась в коллекции Вогюэ (рис. 63). Повидимому, эта фигурка перекрывалась сидением. Ручки трона были украшены фигурами (рис. 3) двух лежащих крылатых быков (Эрмитаж и Британский музей) с головами, повернутыми в разные стороны, крылья которых были инкрустированы с обеих сторон.³

63. Бронзовая ножка трона.
Коллекция Вогюэ.

Массивные статуэтки без инкрустации на крыльях (рис. 64—65) должны были находиться где-то внизу.⁴ Фигуры божеств, стоящих на животных (рис. 4), имеют на боках прорезы, в которые вставлялся соединительный брус, и очень возможно, что они представляли собою боковые части спинки кресла.⁵

Такие роскошные троны изображены на ассирийских памятниках, и на них обычно восседают цари или боги.

Отмеченная группа предметов представляет собою, повидимому, части одного или двух тронов (один с фигурами львов, а другой—быков). Точная реконструкция трона в настоящее время затруднительна, так как при находке его на Топрах-кале местными жителями он был разбит и продан по частям частным лицам (скупщикам древностей), от которых предметы поступили в четыре крупнейших музея мира (Эрмитаж, Британский музей, Берлинский музей и Лувр).⁶

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien* II, 2, 485—487.

² G. Perrot et Ch. Chipiez, *Histoire de l'Art dans l'Antiquité*, II, 1884, 125. Передние ноги животного имеют копыта.

³ Эрмитаж, I отд. Отдела Востока, № 16001; Британский музей, № 91248

⁴ Эрмитаж; Брит. музей, № 91249.

⁵ Эрмитаж; Брит. музей, № 91243; Лувр.

⁶ Б. Б. Пиотровский, *Урартские бронзовые статуэтки, собрания Эрмитажа*, 49. Некоторые из этих предметов происходят из раскопок.

Эти бронзовые предметы имеют настолько определенные черты „ассирийского искусства“, особенно в трактовке и орнаментации фигур животных, что они были признаны ассирийскими изделиями. Некоторые же из них, несмотря на то, что они определенно происходят из Вана, еще до сих пор в руководствах по истории искусства Древнего Востока приводятся как образцы ассирийского искусства.

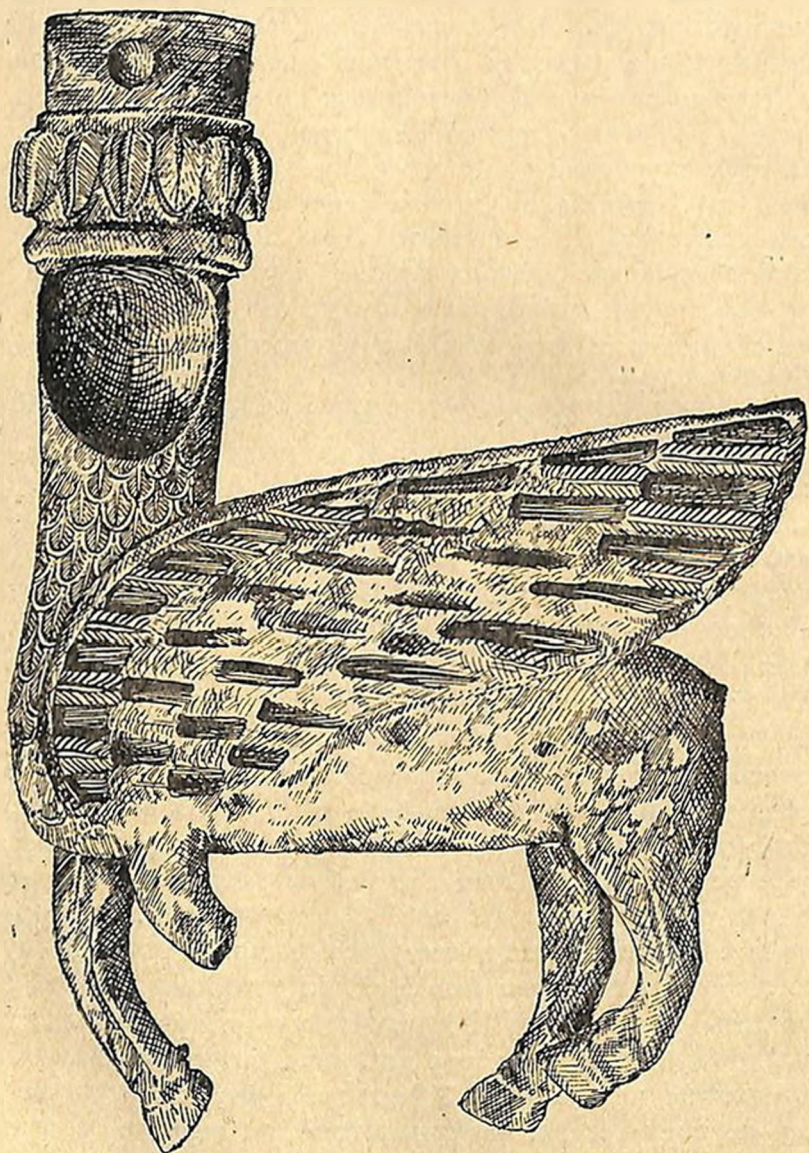
Эта группа урартских бронзовых изделий отличается от других известных нам памятников металлургического искусства Ванского царства и по технике своего изготовления. Каждая отдельная вещь имеет свои совершенно индивидуальные черты, отличающие ее от подобных, на первый взгляд даже тождественных предметов. При их изучении становится совершенно ясным, что они отлиты из бронзы по восковой модели.

Сущность этого способа отливки заключается в следующем: сперва из какой-нибудь пористой массы изготавливалась болванка, в грубых чертах передававшая форму предмета. Она покрывалась слоем воска, в котором производилась вся лепка. После тщательной обработки вылепленной статуэтки во всех деталях, ее заформовывали в огнеупорную формовочную массу (обычно—глину с песком), оставляя два отверстия, одно для литья металла, другое для выхода воздуха при литье. Затем, после тщательной просушки, форму нагревали, причем воск модели плавился и частью впитывался в пористое вещество ядра, закрепленного внутри формы, а частью вытекал наружу. В освободившееся от воска пространство вливался металл, который, заполнив образовавшуюся пустоту, точно повторял всю моделировку оригинала. Для извлечения готового предмета форма разбивалась и через отверстие в бронзовой статуэтке, образовавшееся в том месте, где ядро модели скреплялось с формой, извлекали массу, из которой состояло ядро. Таким образом, статуэтка получалась полый внутри.

Этим дорогим способом отливки, при котором по одной модели можно отлить только одну металлическую статуэтку, достигалась чрезвычайно мелкая моделировка предмета, которую невозможно выполнить чеканом или резцом. Урартские статуэтки, отлитые таким способом, не имеют швов, получающихся при отливке в разъемной форме, и передают ту тонкую отделку, которая возможна только при лепке из пластичной массы.

После отливки предметов они отделялись иногда еще дополнительно чеканкой, что имело значение и при последующем покрытии их листовым золотом, остатки которого сохранились на всех предметах выделенной нами группы. Способ золочения был крайне прост—вещи обтягивались тонким золотым листиком, края которого закреплялись зачеканкой в специально просеченные для этого бо-

роздки. Благодаря высокой пластичности золото повторяло все детали орнамента бронзовой основы и держалось достаточно крепко.

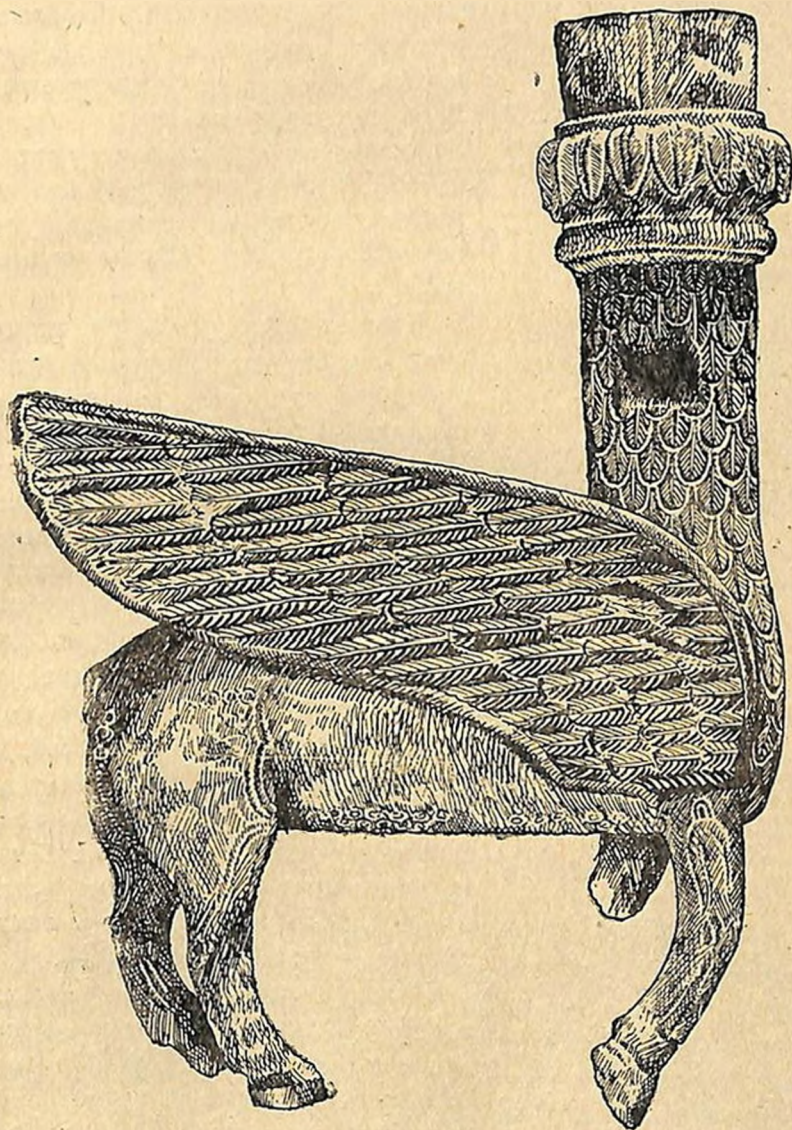

64. Крылатый бык (бронзовая часть трона). Топрах-кале.
Эрмитаж.

Лица фигурок изготовлялись, как это показывают статуэтки Эрмитажа и Берлинского музея, из белого камня с инкрустированными глазами и бровями. Ячейки крыльев были заполнены цветной красной пастой.¹

¹ Б. Б. Пиотровский, Бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа, 57.

В Британском музее, среди материала из раскопок Клейтона на Топрах-кале, имеется бронзовая фигурка змеи с головой хищника

65. Крылатый бык (та же часть трона, сзади, рис. 64). Топрах-кале.
Эрмитаж.

(№ 91253), покрытая листовым золотом и украшенная инкрустацией из цветной стекловидной пасты.¹

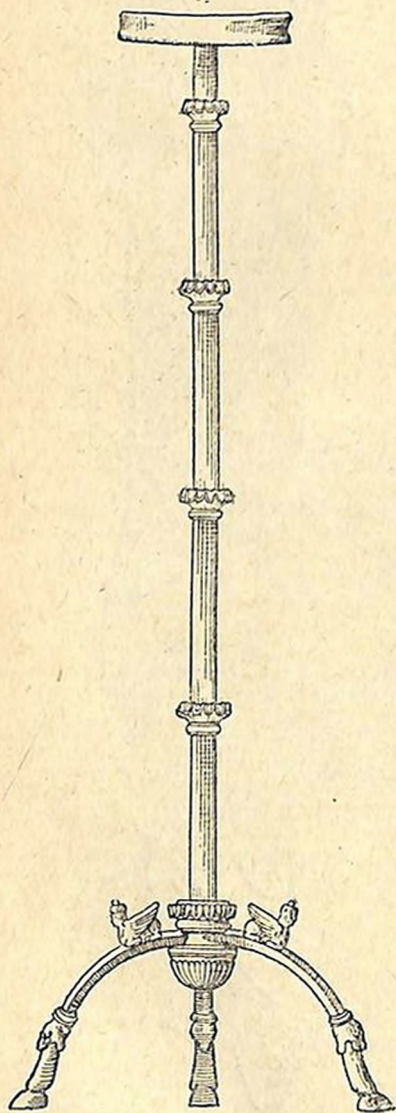
В урартском искусстве, повидимому, часто применялись украше-

¹ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 967.

ние предметов золотом и инкрустация из драгоценных камней. Так, из текста Саргона нам известно, что в храме Халда в Мусасире находилось „ложе бога, украшенное драгоценными камнями и золотом“, а также „кольцо с печатью золотое, предназначенное подтверждать решения Багбарту, супруги Халда, в которое были вставлены драгоценные камни“ (389 и 385). А из мусасирского дворца были взяты „сосуды из алебастра, украшенные драгоценными камнями и золотом“ (357).

К исключительным памятникам урартской скульптуры из металла относится бронзовая статуэтка, открытая при раскопках экспедиции Филнала Академии Наук на Кармир-блуре в 1941 г. Она изображает стоящую безбородую фигурку бога в длинном платье, имеющем рукава до локтей, и в своеобразном головном уборе, украшенном рогами, подобно головным уборам фантастических крылатых животных с человеческим торсом („шеду“). В правой, вытянутой руке бог держит булаву, а в левой, согнутой—боевой топор. Эта статуэтка являлась частью какого-то предмета, возможно навершием штандарта. В верхней ее части имеется массивная петля, а в нижней, под орнаментальным венцом из листьев,—железный стержень.

К числу высокохудожественных бронзовых урартских предметов следует отнести и бронзовый канделябр (рис. 66), открытый германской экспедицией при раскопках на Топрах-кале.¹ Высокий стержень канделябра, украшенный пятью венцами из листьев, установлен на треножнике, каждая ножка которого

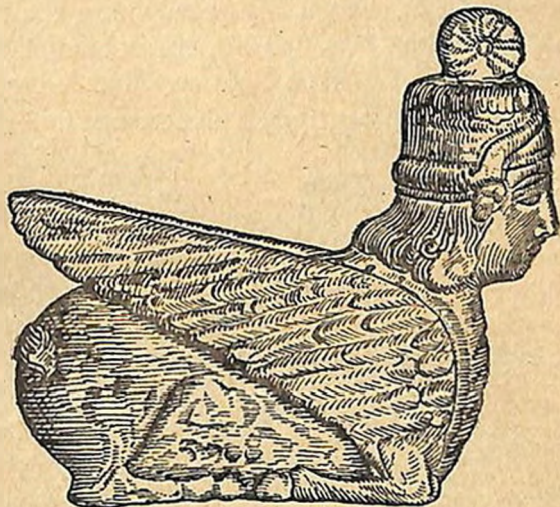
66. Бронзовый канделябр (реконструкция). Топрах-кале. Гамбургский музей.

¹ Lehmann-Haupt, *Materialien*, рис. 63; его же, *Armenien*, II, 2, 433 Л. Курциус без всякого основания считал этот канделябр ассирийским и датировал его временем Ашурнасирпала II.

заканчивается ногой быка, выходящей из пасти хищника. В верхней части треножника помещены фигурки лежащих сфинксов.

Одна такая фигурка (рис. 67), являющаяся, повидимому, также украшением канделябра, хранится в Государственном Историческом музее Армении.¹ На нижней части фигурки имеется вырезанный знак в виде ромба, аналогичный знакам на статуэтках—частях трона и служивший, вероятно, меткой мастера.

Форма этого канделябра является для Древнего Востока стойкой и повсеместно чрезвычайно распространенной. Лемани-Гаупт находит очень много общих черт между урартскими и этрусскими бронзовыми канделябрами, в чем он видит подкрепление своей теории о генетической связи урартов со Средиземноморьем. Действительно, бронзовые канделябры из Этрурии даже в деталях имеют сходство с урартскими, но это сходство следует объяснять не генетической связью этрусского искусства именно с урартским, а тем влиянием, которое оказало древневосточное искусство в целом на италийское (VIII—VI вв.).²

67. Крылатый бык с человеческой головой (часть бронзового канделябра).

Гос. Исторический Музей Армении.

Среди металлических предметов, связанных с Урарту, особую группу составляют бронзовые украшения котлов, изображающие птиц с человеческим, в громадном большинстве случаев женским, торсом.³ Детали их, а именно диск между крыльями, указывают на возможность рассматривать их как изображения солнечного божества.

Размеры фигурок связаны с размерами котлов, которые они украшали, и ширина их (размах крыльев) колеблется между 6 см. и 35 см.

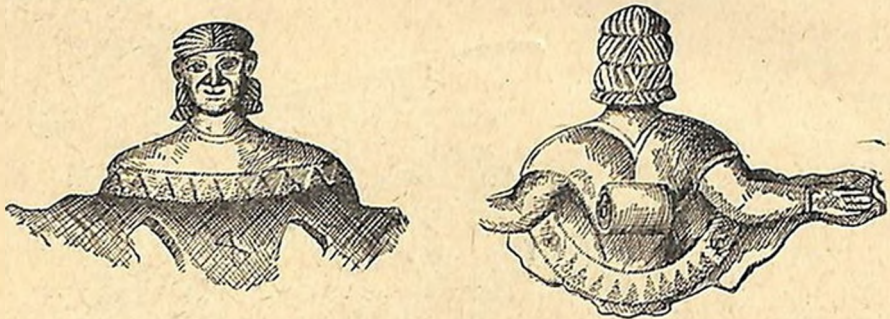
¹ Б. Б. Пиотровский, Урартские бронзовые статуэтки, 54.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Argenteum*, II, 2, 520 и след.

³ Одна бородатая фигурка происходит из Олимпии (Furtwängler, *Olympia*, IV, № 783), а в Флорентийском музее хранится котел из Ветулонии (№ 9619), на котором среди украшений имеются две бородатые фигурки.

В большинстве случаев эти фигурки были найдены отдельно от котлов, нередко при раскопках святилищ, но все они имеют следы бронзовых приклепок. Известны также целые котлы с фигурками, помещенными у верхнего края, устанавливавшиеся на бронзовых подставках, но эти котлы найдены за пределами Ванского царства.

О существовании в Урарту крупных бронзовых сосудов нам известно опять-таки из ассирийского текста, описывающего VIII поход Саргона, а также по изобразительным памятникам. Так, в перечне добычи, взятой в Мусасирском храме, упоминается: „один большой сосуд (чан) из бронзы, вмещающий 80 мер воды, с крышкой из бронзы, который цари Урарту, при совершении жертвоприношений перед Халдом, наполняли вином возлияний“ (397—398). На рельефе

68. Женская фигурка (часть бронзового котла) спереди и сзади. Найдена в Афинах.

из дворца Саргона, в сцене разграбления Мусасирского храма, перед храмом изображены два крупных сосуда, установленных на треножных подставках, ножки которых имели форму ног быков.¹

Бронзовые украшения котлов в виде крылатой человеческой фигурки (птица с женским торсом) стали известны сравнительно давно, еще до раскопок на территории Ванского царства.²

В 1931 г. Лемани-Гаупт дал перечень известных ему фигурок этого типа, содержащий описание 43 штук,³ но количество их с того времени увеличилось.⁴

Из числа учтенных Лемани-Гауптом экземпляров (не все они имеют достоверную паспортизацию) около десяти происходит с тер-

¹ Botta et Flandin, Monument de Ninive, II, табл. 141; две миниатюрные бронзовые подставки, с ножками в виде львиных лап, хранятся в Гос. Историч. Музее Армении.

² Bull. de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Petersburg, XVI, 1871, 462; Mélanges asiatiques, VI, 1873, 487.

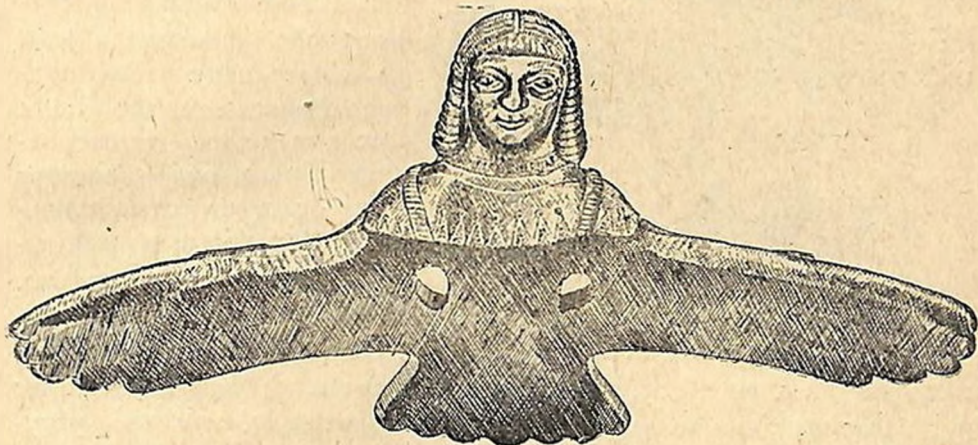
³ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 1931, прим. 21*

⁴ См. напр. New items from Athens, American Journal of Archaeology, XLII, 3, 1938, 400.

ритории Передней Азии, главным образом из Армении и, в частности, из Ванского района.

В Эрмитаже хранится фигурка (рис. 69), происходящая, по сведениям каталога Кизерицкого, с границы Закавказья и Ирана; в Британском музее имеется фигурка из Ниневии (№ 12060).

Все же наибольшее количество фигурок птиц с женским торсом происходит из Греции, как с материка, так и с архипелага, особенно из святилищ в Дельфах и Олимпии; известны они также из Афин, Беотии и с острова Родос. Западной границей распространения этих фигурок является Этрурия, где было найдено шесть экземпляров подобных украшений котлов (Палестрина, Ветулония).

69. Крылатая женская фигурка (часть бронзового котла).
Эрмитаж.

Таким образом, мы видим, что они встречаются на громадной территории, от Ирана на востоке и до Италии на западе. Эти украшения котлов в виде крылатых человеческих фигурок неоднократно служили темами специальных исследований.¹

Статистический подсчет находок ни в коей мере не может служить обоснованием для установления места их происхождения, так как, с одной стороны, территория Греции в археологическом отношении изучена гораздо лучше Передней Азии, а с другой стороны—греческие святилища одновременно дали большое количество находок (Дельфы—12 шт., Олимпия—7 шт. и Афины—3 шт.).

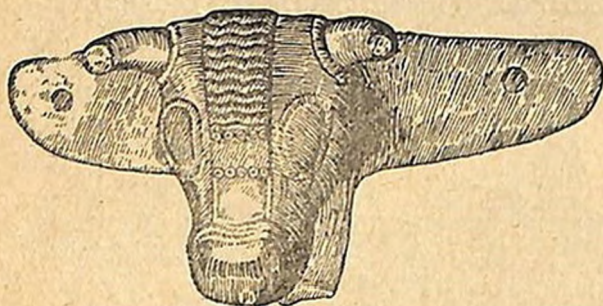
Относительно происхождения котлов, украшенных крылатыми

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, 86; его же, *Armenien*, II, 2, 488; A. Furtwängler, *Olympia*, IV; Perdrizet, *Fouilles de Delphes*, V, 80; G. Karo, *Orient und Hellas in archaischer Zeit*, Athen. Mitteilungen, XXXV, 1920, 139; E. Herzfeld, *Khattische und khaldische Bronzen*, Janus, I, 151.

человеческими фигурками, существует два мнения; первое из них считает рассматриваемые нами предметы образцами переднеазиатского искусства, в частности урартского (Леманин-Гаупт, Герцфельд) или ассирийского (Фуртвенглер), другое же относит их к средиземноморскому искусству, к коринфскому (Ипсен) или к ионийскому (Дукати).

Дукати в своей работе, посвященной этрусскому искусству, считал крупные бронзовые котлы на подставках предметами ионийского происхождения, относя к этой группе и бронзовый сосуд, найденный в одном из курганов южной Франции.¹

Но вопрос о месте изготовления выделенной нами группы бронзовых изделий на самом деле гораздо сложнее, и мы не можем счита-

70. Голова быка (часть бронзового котла).
Эрмитаж.

тать все эти украшения котлов в виде птиц с человеческим торсом происходящими из одного центра. Это подтверждается тем, что среди них выделяются две основные группы, отличающиеся друг от друга стилистически.² Некоторые из найденных в Греции фигурок (рис. 68) имеют следующие характерные черты: прямой,

выступающий вперед нос, тонкие губы, отмеченные одним штрихом брови (иногда они отсутствуют вовсе), узкие веки, прическа уступами и небольшие крылья, без прорисовки оперения.

Но эта группа немногочисленна. Для большей части предметов характерны как раз обратные стилистические особенности, а именно: сильно изогнутый нос, тонкий у переносицы и расширяющийся книзу, мясистые губы, выпуклые брови, широкие веки, гладкая прическа и крупные крылья с деталями, выполненными гравировкой.

Ипсен, с которым соглашается Леманин-Гаупт, повидимому, совершенно правильно относит первую группу к греческому (не ионийскому) искусству, связывая ее с архаической греческой скульптурой VI в. и устанавливая их коринфо-аргивское происхождение. Основную же группу, несомненно, следует считать переднеазиатской, связывая ее с урартским искусством, и датировать ее второй половиной VII в. и началом VI в.

К рассмотренной нами группе металлических изделий, служив-

¹ P. Ducati, Storia dell' arte etrusca, I, 1927, Firenze, 121—122.

² Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 490—493.

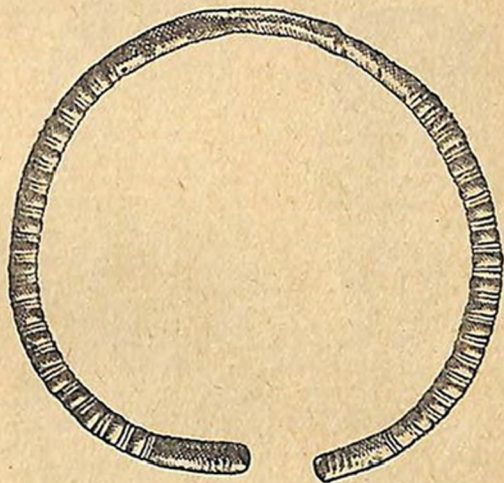
ших украшением бронзовых котлов, следует также отнести украшения в виде скульптурной головы быка, помещенной на пластинке, имеющей очертания птицы с распростертыми крыльями. Детали головы, характерная челка и глаза выполнены рельефом, разделка же птичьих крыльев и хвоста—гравировкой.

Одна такая головка, хранящаяся в Эрмитаже (рис. 70), была найдена в 1859 г. в гробнице, случайно обнаруженной на границе Закавказья и Ирана, вместе с украшением в виде птицы с женским торсом.¹ Два подобных же предмета, происходящих из Вана, находятся в Британском музее.²

Украшения бронзовых котлов по технике своего изготовления сильно отличаются от статуэток, представляющих собою части трона и рассмотренных нами выше.

Повидимому, эти украшения были отлиты в разъемной глиняной форме. Неровная и шероховатая поверхность предмета, отлитого в глиняной форме, должна быть зачищена и прочеканена. Как раз эта зачистка и расчеканка отчетливо прослеживаются на статуэтках, служивших украшением бронзовых котлов. Все детали лица и голов быков, узоры платья и детали крыльев выполнены чеканкой.

Но кроме глиняных разъемных форм для отливки, изготовленных путем оттиска соответствующей модели, существовали разъемные каменные, а возможно также и металлические формы. В таких формах отливались простые плоские предметы, главным образом украшения, орудия и оружие. К таким предметам относится упомянутый выше (стр. 186—187) бронзовый браслет (рис. 71), найденный во время раскопок на Кармир-блуре.

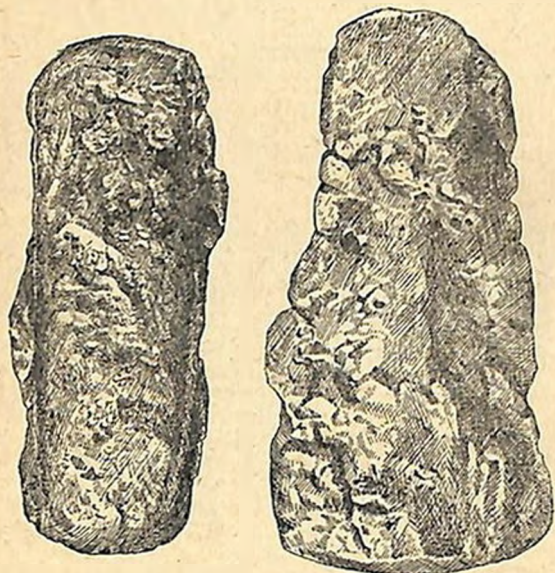

71. Бронзовый браслет. Кармир-блур.
Эрмитаж.

¹ Головка быка опубликована в Атласе по истории культуры и искусства Древнего Востока. Изд. госуд. Эрмитажа 1940 г. табл. 93.

² H. Schäfer und W. Andrae, Die Kunst des alten Orients, табл. 546, 1 и 2 (Брит. музей, №№ 91240 и 91242).

Наряду с отливкой в формах некоторые бронзовые предметы изготовлялись либо путем только одной проковки, либо путем склепки из прокованных листов. Из центральной части Урарту известны бронзовые пластинчатые пояса с узорами и изображениями, выполненными штампом с последующей гравировкой. На Кармир-блуре были открыты сосуды и чаши, целиком выкованные из медного листа.

72. Бронзовые слитки. Кармир-блур.
Эрнтаж.

К вещам, изготовленным этим способом, относятся также и крупные декоративные щиты, известные как из раскопок на Топрах-кале (Ван) и на Кармир-блуре, так и по ассирийским изображениям и текстам.

При раскопках восточного здания на Кармир-блуре в 1940 г. были открыты два таких щита, один в сильно поврежденном виде, другой — вполне сохранивший свою форму.¹ Щиты эти, диаметром около одного метра, выкованы из цельного медного листа. Они имеют весьма характерный профиль — выступающую вперед среднюю часть и плоский борт по краям.

Кармир-блурские щиты никаких украшений не имеют (рис. 26).

На Топрах-кале в различное время было найдено несколько обломков щитов, таких же по форме, но богато орнаментированных и имеющих клинообразные надписи, содержащие имена урартских царей — Русы, сына² Аргишти, и Русы, сына Эримены.² Щиты эти украшены тремя concentрическими поясами, заполненными фигурами львов и быков и крупной розеткой в центре (рис. 13). Композиция фигур чрезвычайно характерна: она рассчитана на неподвижное положение щита, так как при наклоне центральной оси композиции некоторые животные окажутся помещенными вверх ногами. Контуры жи-

¹ С. В. Тер-Аветисян и Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур. Изв. АрмФАН'а, 1940, № 4—5, 151.

² С. F. Lehmann-Haupt, Materialien, 99, рис. 70; его же, Armenien, II, 2, 51 и примеч. 30*, где дан перечень обломков и щитов, хранящихся в Британском музее (№№ 22481, 22482, 22484—90; 116735 и 116736).

вотных выполнены штампом, с последующей доработкой их чеканкой. Детали фигур выполнены гравировкой. Щиты с внутренней стороны имеют три бронзовые ручки, среднюю крупную и две боковых меньшего размера, прикрепленные к листу щита заклепками.

На изображении Мусасирского храма, имеющемся среди рельефов дворца Саргона, показаны такие же щиты, висящие на стене и на колоннах фасада. Текст Луврской таблички рассказывает, что в храме бога Халда было взято „шесть щитов золотых, которые в его жилище (т. е. храме) справа и слева были повешены и сверкали ослепительно, из середины которых выступали головы оскаленных собак и которые весили 5 талантов 12 мин красного золота цвета пламени“ (370—371). Эти громадные золотые щиты, каждый из которых весил около $6\frac{1}{4}$ килограмм,¹ имели золотые отлитые умбоны в виде голов собак. Кроме золотых щитов в храме Халда находились „двенадцать щитов из серебра, на которых головы дракона, льва и тура украшали (диски)“ (379).

Частями обивок дверей храма следует, вероятно, считать обломки бронзового фриза из раскопок на Топрах-кале,

73. Бронзовая чаша. Топрах-кале.
Берлинский Музей.

хранящиеся в Британском музее (91209). На обломках фриза сохранилась клинообразная надпись Русы, сына Эримены, изображение лежащего быка, обращенного влево, и круп такого же быка, но обращенного вправо. В верхней части фриза между быками, а также над левым быком помещены розетки. Эти розетки, копыта и некоторые другие части туловища быков имеют углубления, некогда заполненные инкрустацией.²

Кроме того, в Британском музее хранятся также мелкие обломки бронзовой пластинки, вероятно обивки ящика, с изображением фантастических существ и предметов культа.³

Из металлических предметов, происходящих с Топрах-кале, следует еще отметить бронзовую чашу (рис. 73) с ложчатыми украшениями (выступами) в нижней части,⁴ входящую в группу древнево-

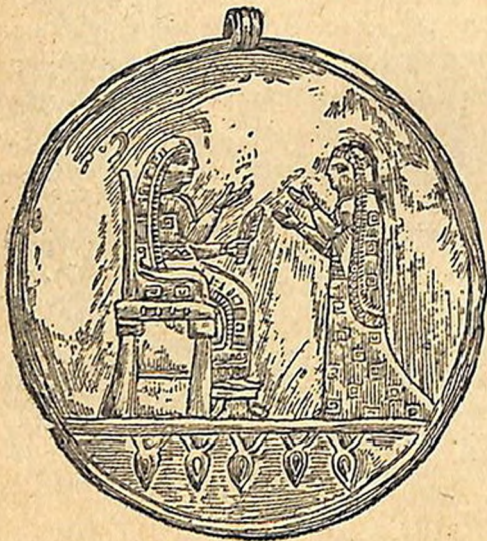
¹ Возможно, что сами щиты были бронзовые и имели только золотую обтяжку. В Британском музее хранятся обломки бронзовых щитов, имеющих отверстия для прикрепления к какой-то основе, возможно, деревянной.

² Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 549 и прим. 31*.

³ Lehmann-Haupt, ук. соч., прим. 31* (Брит. муз., № 91159).

⁴ Lehmann-Haupt, *Materialien*, 100, рис. 71.

сточных и античных металлических сосудов, известных под названием „фиал“.¹ Около борта чаши вырезаны два нероглифических знака. Эта чаша входит в группу „Zungenphialen“ (IX—VI вв.), по классификации Гейнца Лушея, и имеет многочисленные аналогии на Древнем Востоке (Ашур, Ниневия, Калах, Богазкей, Зенджирли, Тель-Халаф, Деве-эйюк в Сев. Сирии, Мазандеран, Аму-Дарьинский клад) и в античном мире (Кипр, Греция, Балканский полуостров, северное Причерноморье).²

74. Золотой медальон. Топрах-кале.
Берлинский Музей.

Но кроме сосудов, выкованных из целого бронзового листа, существовали также и сосуды, склепанные из нескольких частей, как кованных, так и литых (ручки).³

К урартским бронзовым предметам, изготовленным именно этим способом, относится и колчан или горит, открытый раскопками 1940 г. в восточном здании на Кармир-блуре.⁴

Из золотых урартских изделий до нас дошел только один медальон, найденный германской экспедицией на

Топрах-кале. Очень возможно, что на Топрах-кале были найдены и другие золотые изделия, но вследствие недостаточного наблюдения и небрежного ведения работ они прошли мимо рук исследователей. Даже золотой медальон, найденный в одном из карасов кладовой, открытой в центральной части Топрах-кале, был похищен рабочими и продан ювелиру, который вернул его руководителям работ.⁵

Медальон этот представляет собою диск из листового золота толщиной около 1 мм. и диаметром около 6,5 см. (рис. 74). В верх-

¹ Heinz Luschey, Die Phiale, 1939.

² Н. Luschey, ук. соч., 76—78. Автором не учтены находки подобных бронзовых сосудов в Армении (Малаклю, Головино, Нор-Баязетский район).

³ Б. Б. Пиотровский, Урарту, 55.

⁴ С. В. Тер-Аветисян и Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, Изв. АрмФАН'а, 1940, № 4—5, 153, см. выше, стр. 166.

⁵ W. Beick u. C. F. Lehmann, Entdeckungen in Armenien, Verhandl. Berl. Gesell. Anthr. Ethn. und Urgesch., 1898, 587.

ней части имеется ушко для подвешивания. Изображения на медальоне выполнены металлопластически, они выдавлены с оборотной стороны и затем дополнительно обработаны резцом снаружи. На медальоне изображена сидящая на троне женщина с веткой в левой руке, перед которой стоит вторая женщина в таком же одеянии, как и сидящая на троне.¹

Изображение на золотом медальоне получило двоякое объяснение. Некоторые исследователи видят в нем царицу и служанку (Мессершмидт), другие же — богиню плодородия (возможно урартскую богиню Багбарту). Последнее предположение подкрепляется сходным изображением на одной иранской цилиндрической печати,² датируемой первой половиной V в. (коллекция Клэрк). На ней изображена царица, подходящая к богине, сидящей на троне с цветком в руке; перед богиней стоит служанка с птицей в руках.

75. Бронзовая статуэтка. Крепость Дарабер, около Вана. Гос. Истор. Музей Армении

Полную аналогию изображенной на золотом медальоне сидящей женской фигуре представляет бронзовая статуэтка (рис. 75), хранящаяся в Государственном Историческом музее Армении.³ Она изображает сидящую женщину в совершенно таком же платье, как на медальоне, и в той же позе; правая рука с открытой ладонью протянута вперед и слегка поднята вверх, левая, тоже вытянутая вперед, сжата. Отверстие в левой руке указывает на то, что в нее вставлялось бронзовое изображение ветки или цветка. Повидимому, эта статуэтка изображает урартскую богиню, возможно богиню Багбарту, супругу бога Халда, статуя которой, согласно анналам Саргона,⁴ была захвачена в 714 г. ассирийцами в Мусасире.

¹ Lehmann-Haupt, *Materialien*, 84, рис. 56. Автор датировал этот медальон концом VIII—VII вв., но позднее он отказался от этой датировки и отнес его к персидскому времени, что разделяется ныне большинством исследователей. См. *Армения*, II, 2, 502—505. Фотографическое воспроизведение—*Армения*, II, 1, 265.

² J. Menant, *Recherches sur la glyptique orientale*, II, 1886, 174, табл. IX, 2; A. Furtwängler, *Geschichte der Steinschneidekunst*, III, 1900, 120, рис. 80.

³ Б. Б. Пиотровский, *Урартская бронзовая статуэтка Гос. Музея Армении*, Советская Археология, VI, 1940, 89.

⁴ E. Schrader, *Keilinschriftliche Bibliothek*, II, 1890, 63.

Текст Саргона (Луврская табличка) свидетельствует также о большом количестве золота, находившегося в Мусасире, во дворце царя Урзаны. Там были золотые кинжалы, 6 мечей и опахала, а также „жезлы из слоновой кости, черного дерева и бука с навершиями из золота и серебра“ и сосуды из тех же материалов, отделанные золотом и серебром (353—357).

В Мусасирском храме было еще больше золотых изделий. Кроме золотых щитов, украшавших стены храма, там находились следующие, перечисленные текстом Луврской таблички, предметы: „Большой меч из золота, меч тяжелый, меч его руки, весом в 26 и 3/36 мин золота (т. е. около 13 кгр.)... замок золотой в форме человеческой руки, засов его, на котором покоился окрыленный дракон, один колышек золотой, который закрывал замок“, и кроме того „два рога туров, окованных золотом... кресла черного дерева и бука, окованные золотом и серебром“ (370—390). Из этого перечня предметов видно, что среди золотых урартских вещей мы встречаем как кованные изделия, так и литые.

Вероятно, урартские золотые изделия по своей технике примыкали к древневосточным, имевшим очень древнюю традицию.¹ Уже в царских могилах Ура встречались предметы с золотой филигранью и с напаянной золотой зернью.² Золотые мечи, при которых находились точилки из лазурита, и секиры из могилы царя Мескаламдуга, по своей твердости не уступали медному оружию.

Возможно также и предположение, что в Ванском царстве применялось цветное золото, очень характерное для ювелирного дела Древнего Востока. Быть может, на это указывает цвет золотых щитов Мусасирского храма, отмеченных в тексте, как щиты „красного золота цвета пламени“.

Большого технического искусства урарты достигли также и в изготовлении изделий из серебра.

В Мусасирском храме хранилось громадное количество серебряных предметов, причем не все они были местного производства. Текст Луврской таблички особо отмечает „393 чаши из серебра тяжелых и легких, изделия стран Ашур, Урарту и Кильху“ (383), а во дворце Урзаны „курильницы и чаши из серебра страны Табал“ (361).

В Мусасирском храме находилось громадное количество сере-

¹ Золото на территории древнего Ванского царства известно в районе г. Сгерт, на юге от оз. Ван. Но несомненно, большое количество урартских золотых предметов изготовлялось из металла, полученного путем переплавки вещей, захваченных в соседних странах.

² Б. Б. Пиотровский и Н. Д. Флиттнер, История техники древнего Двуречья. Очерки по истории техники Древнего Востока, 89.

бряных предметов. Текст упоминает: „96 копий серебряных, штандарты из серебра, инкрустированные и окованные золотом... 67 тазов из серебра... 33 колесницы, серебряные луки в серебряных горитах, кривые мечи из серебра, серебряный жезл... щиты из серебра“ (378—383). Во дворце находились: „серебряный сосуд Русы с крышкой... 34 серебряные чаши... 54 сосуда, покрытых серебром... полумесяцы и кольца серебряные“ (358—360).

Подлинные урартские серебряные изделия дошли до нас в незначительном количестве. На Кармир-блуре, при раскопках западного здания, среди украшений было найдено небольшое серебряное колечко.

Очень интересные изделия из серебра были обнаружены германской экспедицией на Топрах-кале. В одном из карасов кладовой, откуда происходит и золотой медальон, оказалась сильно попорченная огнем серебряная баночка. Она имела цилиндрическую форму (выс. около 18 см.) и на обоих концах крышки, окованные золотыми гвоздиками. Верхняя крышка имела в центре золотое колечко, а сбоку отверстие. На обороте крышки была прикреплена соединенная с золотым колечком электрова пластинка в форме полумесяца, которой регулировался размер отверстия. Устройство верхней крышки баночки уже указывает на то, что она служила для хранения какого-то порошка. Снаружи баночка была покрыта плетением из тонких серебряных нитей, по всей видимости натянутых, а не кованных. В баночке был обнаружен порошок, оказавшийся сернистым серебром.¹

Леманн-Гаупт полагал, что этот порошок имел техническое назначение, и высказал предположение, что он применялся для чернения серебра. Этот прием украшения серебряных вещей и доньше весьма распространен в Закавказье и в Турции. Но до находок урартских предметов, украшенных этим способом, трудно говорить о правильности предположения Леманн-Гаупта, тем более, что находка порошка в драгоценной баночке говорит скорее за то, что он употреблялся для косметических целей.

Кроме этой баночки в кладовой на Топрах-кале были найдены два небольших серебряных сосудика, также имевших следы оплетения из серебряных нитей.²

Приведенный нами материал показывает исключительное разнообразие и богатство металлических изделий, существовавших в Ванском царстве. Текст Саргона, описывающий VIII поход, перечисляет громадное количество замечательных вещей, которые иногда

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, 89—92, рис. 59—61; его же, *Armenien*, II, 2, 482.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, 92 (№ 17); его же, *Armenien* II, 2, 480.

кажутся сказочными и перечислено которых даже трудно верить. Но, представим на минуту, что до нас дошли только древние списки вещей, положенных в царские могилы Ура и в гробницу Тутанхамона. Очень возможно, что мы усумнились бы в их реальности так же, как многие не верили в подлинность клада, открытого Шлиманом в Микенах.

В научной литературе неоднократно встречаются замечания о том, что количество металла, захваченного Саргоном в Мусасире, сильно преувеличено древним текстом. Но напомним, что когда Плас (V. Place) раскапывал уже разграбленный дворец Саргона (Дур-Шаррукин), то он в кладовой дворца обнаружил 160 тонн железа и что разборка этой кладовой продолжалась несколько дней.¹

Я полагаю, что у нас нет оснований сомневаться в правильности сведений, сообщаемых текстом Луврской таблички, автор которого, Табшар-Алшур, нам известен как агент, информировавший царя о событиях в соседних странах и чьи письма сохранились в Куянджикском архиве. Вместе с тем мы должны признать, что дошедший до нас от Ванского царства археологический материал лишь в слабой степени отражает реальную действительность.

Урартские металлические изделия по своему стилю оказываются очень близкими к ассирийским. Это приводило даже к тому, что они и признавались за ассирийские. Но все же, не отвергая ни в коей мере влияние Ассирии на искусство Ванского царства, следует признать, что урартское искусство не копировало рабски ассирийское.

Особенности искусства переднеазиатских государств, в частности и урартского, обусловлены характером этих государств. В обстановке непрочных политических объединений, широкого обмена и постоянных войн металлические изделия из одного какого-нибудь района Передней Азии распространялись на большой территории. Как мы видели выше, текст Саргона отмечает в Мусасирском храме наличие металлических изделий из Ассирии, Урарту и Кильху. Этот же текст говорит и о том, что ассирийцы вернули себе те драгоценности, которые враги „в городе, дворце и храме, постройках Ашура и Мардука захватили“.

Кроме того, металлические изделия в Передней Азии являлись основным предметом обмена, будучи даже в некоторой мере и всеобщим эквивалентом (браслеты определенного веса). Так, в частности в пророчестве Иезекииля (нач. VI в. до н. э.) о Тире говорится: „Яван, Тубал и Мешех торговали с тобой. На души человеческие и бронзовые изделия выменивали они твои товары“ (XXXVII, 13).

¹ V. Place, *Ninive et l'Assyrie*, I, 1867, 84.

Все это привело к образованию скрещенных стилистических элементов в искусстве Передней Азии, которые стали отличительными переднеазиатскими и только получали в отдельных ее областях свое развитие и характерные особенности. Возьмем для примера ассирийских крылатых быков (шеду), урартские бронзовые статуэтки, изображающие эти же фантастические существа, а также соответствующие скульптурные памятники из Митанни (Телль-Халаф) и Хеттского государства. Наряду с общими чертами и сходством даже в деталях, в этих памятниках отчетливо выступают также и их характерные особенности, присущие искусству каждого из этих государств.

Обработка камня

В центральной и северной частях Передней Азии не было недостатка в камне. Люди жили там среди скал, обрабатывали каменистую почву, применяли камень для строительства и в своем хозяйстве постоянно пользовались камнем, иногда очень твердым.

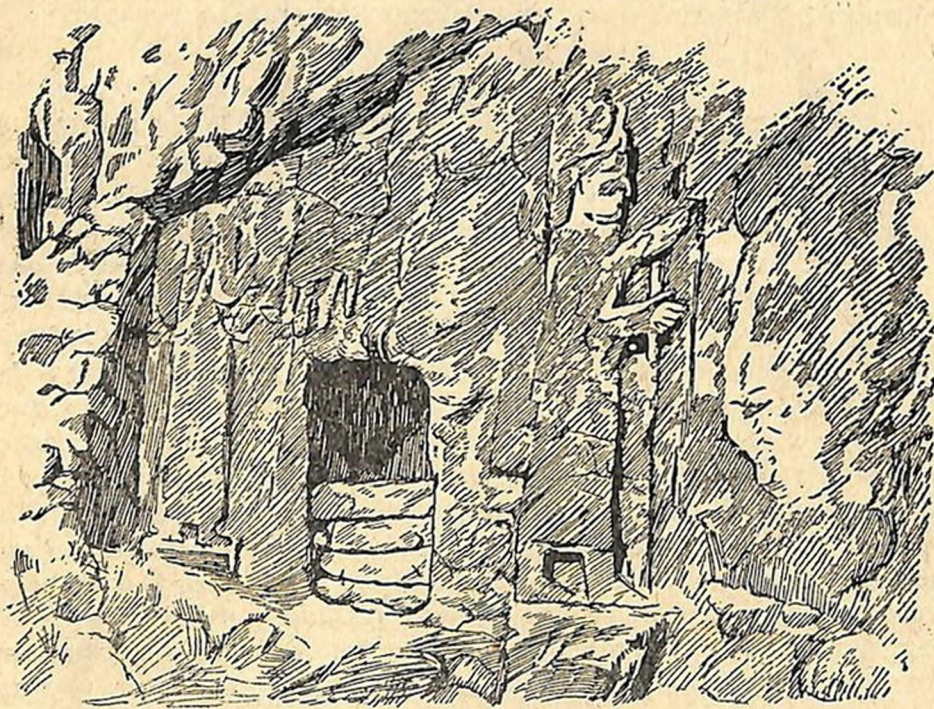
Весьма долго, уже наряду с бронзовыми и железными изделиями, в хозяйственной жизни продолжалось употребление каменных орудий, как-то: обсидиановых (реже—кремневых) ножей, скребков, вставных лезвий серпов и наконечников стрел. Все это можно встретить в закавказских могильниках первой половины последнего тысячелетия до н. э., а древние поселения дают нам громадное количество разного рода терок, ступок, терочников и пестов как из туфа, так и из твердого камня (трахита и базальта).

И в Ванском царстве, как показывает нам немногочисленный еще археологический материал, камень прочно вошел в быт, и изготовление из него предметов обихода было явлением обычным. Урарты, жители горной страны, не ограничивались применением камня в хозяйстве для изготовления мелких домашних предметов и украшений (бусы, подвески-амулеты, печатки и др.),—они обрабатывали камень в широких размерах, добывая себе средства к существованию или же подчиняя себе природу. Нередко русло горного оросительного канала приходилось проводить в скале, иногда прорубая для него туннель, а прокладывая дорогу в горах урарты принуждены были зачастую рубаться в скалу.

Древние урартские крепости, и в первую голову сама Ванская скала, свидетельствуют об изумительном мастерстве древних каменотесов. На Ванской скале сохранились остатки многочисленных лестниц, площадок, ниш, а также обширных помещений, высеченных в скале. Сооружения в скалах встречаются почти что на всей обширной территории древнего Ванского царства, но о них речь будет в следующей главе, здесь же остановимся лишь на одном из памятни-

ков этой группы—на пещерном помещении около г. Баязеда, имеющем около своего входа рельефные изображения.¹ Баязедские наскальные изображения являются пока что единственным памятником этого рода на территории Урарту и поэтому, несмотря на свою плохую сохранность, представляют исключительный интерес (рис. 76).

По обеим сторонам входа помещены две колоссальные фигуры людей, обращенные вправо, выполненные плоским рельефом, над самым же входом находится изображение козленка. Люди имеют длин-

76. Наскальный рельеф около Баязеда.

ные платья и небольшие остроконечные шапки (тиары), стоят они в молитвенной позе, с приподнятой вверх правой рукой, причем правая из фигур держит еще длинную палицу (?).

Отсутствие надписей и плохая сохранность этого своеобразного памятника не позволяет пока что с полной уверенностью отнести его к памятникам урартского искусства, хотя Зарре и Герцфельд определенно датировали его доахеменидским временем, с чем согласился и Лемани-Гаупт. Последний все же, на основании одежды фигур, склонялся отнести Баязедский рельеф к образцам мидийского искус-

¹ W. Belck, Aus den Berichten über die armenische Expedition, ZE, 1899, 241; А. А. Ивановский, МАК, VI.

ства,¹ которое, кстати сказать, остается еще совершенно неизвестным, почему очень трудно обсуждать предположение Леманн-Гаупта.

Если Баязедский рельеф действительно относится к урартскому времени, то он является редким образцом монументального урартского искусства.

Из крупных каменных скульптур от Ванского царства до нас дошла лишь одна сильно поврежденная статуя из серого базальта. Верхняя часть статуи была обнаружена в 1898 г. у Ванской скалы во время работ германской археологической экспедиции, позднее был найден и обломок нижней части памятника. В настоящее время обе части хранятся в Государственном Музее Грузии, где они смонтированы в одно целое (рис. 77)².

Голова статуи и вся нижняя часть фигуры отбиты. Высота сохранившейся части статуи равняется 1,28 м., из чего можно заключить, что вся статуя в целом достигала человеческого роста. Все детали фигуры выполнены невысоким рельефом. В верхней части сохранились завитые волосы, ниспадающие на спину и плечи, и суживающаяся борода. Руки сложены на груди, правая держит палицу или плеть с раздвоенным концом, а левая — лук и стрелы. С левой же стороны изображен длинный меч, висящий на портупее.

77. Базальтовая статуя, Ван. Госуд. Музей Грузии.

Формы фигуры и ее разделка выполнены суммарно, без деталей, что придает всей статуе архаический облик. Это позволило некоторым исследователям связывать рассматриваемый памятник урартской скульптуры с древнеассирийской (статуи Ашурнасирапала II и бога Набу в Калху).³

Отсутствие головы не дает возможности с достоверностью разрешить вопрос — изображает ли эта статуя царя или же бога. Как мы знаем, в ассирийском искусстве этот вопрос может быть разрешен только на основании головного убора. Мне кажется более вероятным, что статуя изображает не бога, а урартского царя, и притом царя первого периода истории Ванского царства.

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 754—757.

² Г. В. Церетели, *Урартские памятники Музея Грузии*, 1939, 62.

³ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, 76, рис. 47—48; *Armenien*, II, 2, 555.

Из раскопок на Топрах-кале происходит небольшой обломок камня (выс. около 17 см.) с частью сцены поклонения священному дереву. Сохранилось лишь изображение верхней части фигуры царя в молитвенной позе, с приподнятой правой рукой, держащего в левой руке ветку дерева.¹ Фигура царя была выполнена низким рельефом и инкрустацией, ныне утраченной. Вставными были лицо, руки, бахрома и квадратные украшения платья, детали тиары и ветка дерева. Таким образом, серый камень фона и основного контура изображений был инкрустирован белым и цветным камнем, а возможно и металлом.

Инкрустация камнем была излюбленным приемом урартского искусства. Вспомним хотя бы бронзовые, покрытые листовым золотом, фигурки тронов, лица которых были из белого камня со вставными глазами и бровями; платья и крылья этих сказочных полулюдей-полуживотных также были украшены цветной инкрустацией. При работах на Топрах-кале было найдено много изображений рук, сжатых в кулак или же с вытянутыми пальцами, вырезанных из мягкого белого камня и имеющих углубления для закрепления их штифтами. Их считали за votivные предметы магического назначения, но мне кажется более вероятным, что они были частями каменной инкрустации. Ниже мы остановимся на каменной разноцветной инкрустации пола одного из зданий, раскопанных на Топрах-кале.

Стены урартских зданий также иногда украшались каменными панелями с вырезанными на них изображениями. Раскопки И. А. Орбели на Топрах-кале дали целый ряд обломков такого фриза из красного мрамора, на котором были изображены быки (сохранились лишь части туловища) и деревья, заключенные в орнаментальную рамку.²

В Адельджевазе Бельк обнаружил обломки камней с частями изображений быка (голова, спина и круп животного с задней ногой),³ очень близкие по стилю к резьбе на фризе из раскопок И. А. Орбели. Все туловище быка разделано мелкой орнаментацией, аналогичной гравировке, которою украшены фигуры быков на бронзовых щитах из храма на Топрах-кале и статуэтки тронов. Крупнейшие знатоки древнего искусства Передней Азии, как Зарре и Герцфельд, без колебания считали изображение быка из Адельджеваза характернейшим образцом урартского искусства.

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, 81, рис. 53; *Armenien*, II, 2, 547—548.

² МАР, 34; Б. Б. Пиотровский, *Урарту, древнейшее государство Закавказья*, 1939, 37, рис. 17.

³ Части изображения опубликованы Леманн-Гауптом по эстампам, *Armenien*, II, 2, 742—743.

Мелкие изделия из камня были очень распространены в Ванском царстве. Из мягкого камня, жировика и змеевика, вырезано большое количество дошедших до нас урартских печатей, дисковидных, конических или же в виде гирек, с ушком в верхней части. Нижняя их часть, а у третьего типа и боковые стороны, покрыты мелкими, тщательно вырезанными изображениями.

Но мелкие каменные изделия изготовлялись не только из мягкого камня. До нас дошли обломок небольшого сосуда из красного порфира с фигуркой лежащего животного и маленькая плакетка (дл. 10 см.) из базальта с изображением „молнии“, возможно символом бога Тейшебы.¹

Обработка камня металлическим резцом была в Ванском царстве обычной техникой. Этим именно способом выполнены мелкие каменные изделия, резцом же выполнялись на каменных стелах, камнях построек и скалах клинообразные надписи, поражающие иногда тщательностью работы.

Из каменных предметов следует еще упомянуть многочисленные бусы из полудрагоценных камней. Особенно излюбленными были удлиненные бочковидные бусы из агата и шаровидные бусы из красного и розового сердолика. Они отражают высокую технику обработки камня—сверление бутеролью и полировку камня.

Керамика

Урартские керамические изделия многочисленны и разнообразны. Раскопки как в центральной части Ванского царства, так и на его окраине дали бесчисленное количество глиняных сосудов и их обломков. Разнообразие этих сосудов выражается не только в формах и размерах (от больших карасов, вместимостью около 600 литров, и до миниатюрных сосудиков, вышиною в 2 см.), но и в технике изготовления керамики.

Встречаются грубые сосуды, вылепленные от руки и иногда очень плохо обожженные; некоторые сосуды изготовлены на свободно вращающейся подставке, без оси, и, наконец, наиболее характерная группа урартской керамики представлена высококачественными изделиями, сработанными на гончарном круге.

И по цвету урартская керамика весьма разнообразна. Встречается желтая, красная и черная керамика различных тонов и с различной поверхностью—матовой, лощеной или же полированной. Цвет сосудов определяется как составом глины, так и условиями их обжига. Темный цвет обожженных глиняных изделий в значительной степени

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, 80, рис. 49 и 50.

зависит от присутствия в глине окислов железа (Fe_2O_3).¹ С этой стороны очень показательны химические анализы закавказской керамики, произведенные В. А. Скиндером.² Он установил как раз, что глина черных сосудов содержит большое количество Fe_2O_3 (27,24 %) и незначительное окиси алюминия— Al_2O_3 (1,67%).

Блеск же поверхности керамики зависит как от сглаживания (лощения) глины до обжига, так и от полировки после обжига. Оба эти приема постоянно применялись урартами. Известны сосуды, на которых по их матовой поверхности наводился линейный узор (зигзаги, перекрещенные линии).

Среди большого разнообразия форм урартских керамических изделий в значительном количестве имеются глубокие и плоские миски и чашки, горшки с широким или же суживающимся горлом, карасы, кувшины с ручками и без ручек, а также сосуды специфической формы (курильницы, плоски, сообщающиеся сосудики, подставки под сосуды и др.).³ Венчики и края сосудов часто имеют очень сложный профиль, под верхним валиком помещаются иногда орнаментальные пояски или же углубления. Рельефные пояски встречаются и на туловище сосуда. Вдавленный орнамент выполнялся иногда штампом, часто гребенчатым.

Уже давно было замечено, что многие формы урартской керамики связаны с металлической посудой и копируют ее формы. Таковы кувшины с ручками, имитирующими приклепанные металлические ручки, светильники в виде чаши с поперечной перегородкой,⁴ и сосуды с выступами, напоминающими характерные украшения металлических фиал.

Из урартских керамических форм особый интерес представляют чаши на высокой ножке и кувшины с удлиненным носиком,⁵ наподобие чайников, связывающие урартскую керамику с характерными формами древнейшей переднеазиатской.

Широкое распространение в Ванском царстве имели большие сосуды—карасы, служившие для различных целей. Они применялись не только для хранения жидкостей; в них хранились также зерно и различные вещи, и не случайно во время раскопок на Топрах-кале

¹ . Ост, Химическая технология, III, Строительные и вяжущие материалы, 1930, 128—129.

² В. А. Скиндер, Опыт археологической разведки, Пятигорск, 1906, 21—28; J. Hummel, Zur Archäologie Azerbaidžans, ESA, VIII.

³ Об урартской керамике см. С. F. Lehmann-Haupt, Materialien, 109—120; Armenien, II, 2, 559—587.

⁴ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 562—563.

⁵ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 567 и 576.

в карасах были обнаружены очень интересные урартские древности. Орнаментация этих карасов весьма разнообразна. Имеется рельефный орнамент в виде перекрученной веревки или же из пояска вдавленных, находящихся друг на друга треугольников. Часто рельефный узор сочетается со штампованным, резным или же наведенным лощением.

На Топрах-кале были найдены обломки краев больших карасов красного цвета, украшенных скульптурными фигурками животных. Обычно это — геральдическая группа из двух животных — хищник, нападающий на бычка (рис. 78). Бычок с поджатыми или же свисающими ногами помещен на верхней плоскости борта, нападающий же хищник, вцепившийся в бок бычка, распластан вертикально, по наружному краю борта. Известны также отдельные головки хищников с оскаленным ртом, очень детально моделированные (рис. 79).¹

78. Край глиняного караса с фигурами животных. Топрах-кале.

Скульптурные изображения животных встречаются и на металлических урартских изделиях, как, например, на бронзовом топоре из Ванского района,² а по своему размещению глиняные фигурки карасов связываются с бронзовыми (крылатый женский торс, головка быка), помещавшимися на борту бронзовых котлов. Глиняные фигурки, украшавшие урартские керамические изделия, очень близки к хеттским образцам (так называемой „каппадокийской керамике“), хорошо известным по материалам из раскопок в Анатолии (Бозазкей, Алишар и др.).³ Но хеттская керамика этого типа относится к более раннему времени.

Урартские карасы, украшавшиеся фигурками животных, часто имеют короткие клинообразные надписи, отмечавшие их емкость в мерах „акархи“ и „хируси“.

Особую и весьма характерную группу урартской керамики составляют небольшие сосуды (преимущественно кувшины и чашки) с блестящей красной поверхностью, по внешнему виду очень похо-

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, III, 115; *Armenien*, II, 2, 470—471.

² W. M. Flinders Petrie, *Tools and weapons*, 1917, табл. XI.

³ H. Genouillac, *Céramique Cappadoctenne*, Musée du Louvre, I-II, 1926.

жие на римскую керамику (*terra sigillata*). На самом же деле это сходство лишь внешнее, несмотря на то, что урартская керамика имеет несомненные связи с античной малоазийской (Троя, Гордион). Так, кувшины с венчиком в виде трилистника очень близки к типу античной энохи, а сосуды с длинным носиком, аналогичные керамике из многих мест Передней Азии, имеют сходство и с микенской керамикой.¹

С технологической стороны урартская красная керамика с блестящей поверхностью была детально изучена Кобертом (L. Kobert) и Лешке (Löschke).²

Красный блестящий слой, покрывающий сосуды, легко отщепляется и по своему составу однороден с глиной самого черепка сосуда; разница между ними определяется лишь характером обжига. Так, если черенок сосуда обожжен сравнительно слабо, в изломе видно, что середина имеет даже сероватый цвет, а ангоб сосуда (красный блестящий слой) обожжен очень хорошо.

Техника изготовления урартской керамики этого типа представляется в следующем виде: для сосуда и для ангоба бралась одна и та же глина,³ но глина ангоба подвергалась особой предварительной обработке. Ее обжигали при большой температуре, затем обожженную массу толкли, разводили в воде и этим ангобом покрывали поверхность сосуда (иногда кувшины окрашивались). При обжиге керамики температура не достигала той высоты, при которой ангоб сплавлялся бы с черепком сосуда, поэтому он так легко и отщепляется. После обжига сосуд тщательно полировался; таким образом, согласно указанным наблюдениям, урартская красная керамика по своей технике совершенно отлична от древнегреческой краснолаковой или же римской (*terra sigillata*).

Разумеется, изучение технологии древней керамики представляет большие трудности и исследователи не всегда могут уловить „секреты“ древнего керамического производства, особенно различных примесей, влияющих на цвет и плотность керамического черепка. Об этом красноречиво говорят этнографические данные и попытки реконструкции керамики по древним образцам.

На красных сосудах, на дне или же на нижней части имеются изображения, выполненные штампом, лощением или же гравировкой.

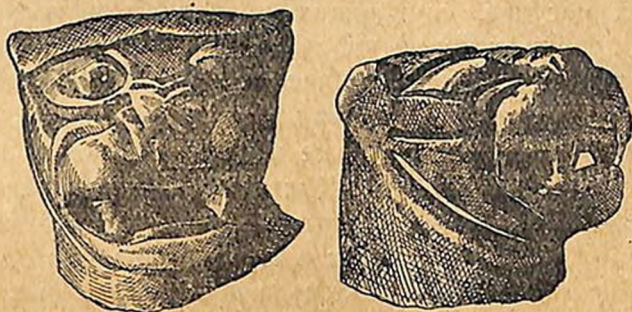
На кувшинах из Кармир-блур под ручками обнаружены клейма овальной формы с иероглифическими знаками, причем два кувшина,

¹ С. F. Lehmann Haupt, Armenien, II, 2, 576.

² С. F. Lehmann-Haupt, Materialien, 118—120; Armenien, II, 2, 577—580.

³ Глина ангоба обжигалась в окислительном огне, при котором закись железа переходит в окись, меняя цвет с сероватого на кирпично-красный, основной же черенок сосуда обжигался, повидному, при меньшем доступе воздуха.

найденные в разных местах, имеют одно и то же клеймо, что дает основание заключить, что сосуды носят клейма мастерских, а не владельцев. На мелких кувшинах и чашах из Топрах-кале были оттиски штампов, которые можно считать также марками мастерских. Штампы эти очень простой формы: кружки, подковки, звездочки, фигуры в виде цифры 8, кружок со вписанным крестом или же ступенчатой фигурой. Все они были оттиснуты до обжига.¹

79. Головка хищника. Украшение глиняного сосуда.
Топрах-кале.

Знаки, наведенные лощением, также разнообразны: кружки и полукружки со связанными с ними черточками и точками, зигзаги, перекрещенные линии; по всей вероятности, они передавали меры емкости.² Особенно многочисленны разные изображения на сосудах, процарапанные по слою ангоба. Тут имеются и несомненные знаки мер емкости и знаки собственности и даже нечто вроде иероглифических надписей. На сосуды наносились головы животных, деревья и различные фигуры, как пятилучевая звезда, треугольники, сходящиеся вершинами, и многое другое.³

Особую, но многочисленную группу составляет урартская тонкостенная керамика серого цвета, украшенная выпуклым орнаментом, выполненным иногда штампом.⁴ К сожалению, от сосудов этого типа дошли лишь небольшие обломки.

Много внимания было уделено расписной керамике Ванского царства, связанной с древнейшей переднеазиатской. На Топрах-кале был найден кувшин с росписью, изображающей идущих водяных птиц, тождественный по композиции с расписным сосудом из Закавказья.⁵

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, рис. на стр. 572—575.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, рис. на стр. 579.

³ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, рис. на стр. 577—579 и 586.

⁴ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, стр. 576.

⁵ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, табл. VIII; Б. А. Куфтин, *Археологические раскопки в Триалети*, I, 8; Н. Frankfort, *Studies in early pottery of the Near East*, I, 1924.

В литературе были даже попытки всю расписную керамику Закавказья отнести ко времени Ванского царства, но они не подтверждаются материалом, а в районе Вана расписная керамика частью относится и к доурартскому периоду. Известная нам урартская расписная керамика—полихромная; роспись обычно наводилась черной и бурой краской по желтому фону, мотивы росписи в большинстве случаев представляют собою геометрический орнамент. Некоторые из урартских сосудов, служивших хранилищами, имели глиняные крышки или пробки, которые иногда обмазывались глиной, на которой бывали оттиснуты печати. Такие оттиски печатей в большом количестве дали раскопки на Топрах-кале.

Из глины изготовлялись также и таблички для письма, сходные по своей форме с ассирийскими. Клинописные знаки наносились особой деревянной или же тростниковой палочкой по сырой глине. Особо важные документы, как и в Ассирии, вероятно, обжигались, но большинство таблеток хранилось в необожженном виде и их обжиг получился от пожара при гибели помещения, где они находились.

При раскопках урартских поселений и крепостей в большом количестве обнаружены пастовые и стеклянные бусы (фигурные и округлые бусы, а также бисер). Цветная паста служила и для украшения бронзовых изделий (инкрустация). Пастовые (смальтовые) бусы изготовлялись путем вытягивания из стекловидной массы трубочки, которая потом разрубалась на короткие цилиндрики. Красителем голубой и зеленой пасты, повидимому, являлась медь, а красной—железо. Поверхность бус иногда покрывалась эмалью. На Кармир-блуре была найдена глиняная буса с выступами, покрытая разноцветной глазурью. Оттуда же происходит и черная стеклянная буса с желтой волнистой полосой.

Глава XIII

Архитектура Ванского царства

Крепостное строительство

По всему обширному Армянскому нагорью разбросаны развалины урартских крепостей, немые свидетели былой мощи Ванского царства. Иногда на камнях их стен можно видеть клинообразные надписи, рассказывающие о постройке крепости и упоминающие имя соорудившего ее царя. При непрочном государственном объединении, державшемся главным образом военной силой, крепости в Ванском царстве имели исключительное значение и всегда сопутствовали поселению. Как на всем древнем Востоке, урартские крупные поселения и города обносились крепостной стеной или же имели сильно укрепленную цитадель, способную выдержать и длительную осаду. Крепости имели различное назначение, иногда они служили целям охраны местности, иногда средством защиты населения, некоторые же из них были административным центром, плацдармом или базой для больших походов. В связи с различными назначениями, тип самих крепостей и выбор места для них бывали различными.

Крепости охранного и некоторые крепости защитного значения сооружались на труднодоступных местах, на высоких холмах или утесах, господствующих над местностью. Часто для них выбирался выступ горного кряжа, что облегчало водоснабжение—вода из горной речки или родника, расположенного выше крепости, по каменным или керамическим трубам легко могла переводиться через овраг, отделяющий крепостной утес или холм от горного кряжа. А ведь вопрос водоснабжения крепости был вопросом первостепенного значения.

Из числа урартских крепостей, расположенных на недоступном утесе, особенно интересна крепость Амкуберд, на берегу оз. Ван, в 10 км. западнее острова Лим.¹ Прибрежный утес со всех сторон имеет крутые и обрывистые склоны, и расположенная на нем крепость была доступна только со стороны озера, над самой водой был

¹ W. Belck, Bauten und Bauart der Chalder, VBGAEU, 1895, 602.

вырублен проход в крепость с лестницей. Таким образом, при осаде враг мог штурмовать крепость только с озера, и то при помощи плотов или лодок. На труднодоступной скале, господствующей над окружающей местностью, была построена и крепость у сел. Аралеск.¹ К этого рода крепостям следует отнести также и крепость на Ванской скале, цитадель города Тушпы. Характерными урартскими крепостями, расположенными на горных выступах, являются крепость на Топрак-кале (выступе Зымзымдага) и крепость на холме, перерезающем южный берег оз. Севан, между сел. Алучалу и Цовинаром (Цовинарская крепость).

Крупные урартские поселения крепостного характера обычно занимают большую площадь, целиком или частично обнесенную стеной. Образцом этого рода является крепость Хайкаберд, занимающая скалистый массив Боллага.² Вся территория крепости, расположенной на нескольких холмах, делится на две, примыкающие друг к другу части, обнесенные стенами циклопической кладки (крепость I и II). Внутри стен различимы остатки круглых в плане жилищ из сырцового кирпича на каменном фундаменте, а в южной части крепости II находится большой земляной холм, образовавшийся от разрушенной постройки из сырцового кирпича.

Урартские крепости на окраинах Ванского царства, служившие административным центром и местопребыванием урартского наместника с гарнизоном, обычно имеют укрепленную цитадель, отделенную мощной стеной и от укрепленного поселения.

Таковы урартские крепости Закавказья: Кармир-блур, Нор-Баязет, Цовинар. Некоторые большие крепости имели отдельные форты, вынесенные вперед,³ которые служили часто целям охраны воды, которой пользовались поселения.

До сооружения крепости выбранный для нее холм или скала подвергались специальной обработке. Путем возведения подпорных стенок закреплялись склоны холма. Этот способ предохранения холма от оползней и размыва привел к тому, что склон крепостного холма стал представлять собою ряд террас, защищенных стенами; это увеличивало вместе с тем и полезную площадь, которую можно было использовать под постройки. Разрушение этих стен приводило к катастрофе. В крепости у сел. Согютлу, на западном склоне Арагаца, я наблюдал сильные оползни и размывы холма, после того как

¹ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 623.

² С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 1, 60—64

³ Б. Б. Пиотровский, Л. Т. Гюзальян, Крепости Армении доурартского времени. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 5—6, 51.

местные жители разобрали подпорные стенки, которые тут не отличались особенной массивностью.

Перед постройкой стен крепости обычно производилось выравнивание площадки; если крепость строилась на скале, то в скале вырубались ступени или углубления для камней основания, специального фундамента крепости не имели. Для предотвращения размыва стен в скале высекался желоб, отводивший воду. Такие желоба сохранились на северном склоне Ванской скалы, на том же самом месте, где имеются ступени, на которых покоилась древняя стена. Если стена или башня сооружались на краю холма, то склон холма первоначально облицовывался камнем и затем уже на этой облицовке возводилась стена. Нижние части высоких стен Ванской цитадели представляют собою как раз такую облицовку обрыва скалы. Облицовка скалы, являющаяся одновременно и подпорной стенкой, подведена и под угловую башню Цовинарской крепости, которую Бельк ошибочно считал 8-метровой высоты; на самом деле сама башня была значительно ниже.

Линия стен урартских крепостей обычно не была прямолинейной, стены имели выступы наподобие контрфорсов и изгибы. Урартские крепости сооружались двояко — целиком из камня, или же из сырцового кирпича на каменном основании, второй способ был более распространенным. При разрушении крепостей верхняя часть стены, сложенная из сырцового кирпича, быстро размывалась и от стены оставалась лишь каменная кладка основания. Этим и объясняется, что большинство урартских крепостей в Закавказье имеет невысокие, иногда менее 2-х метров, стены, с очень ровной верхней линией. И совершенно очевидно, что в данных случаях перед нами не развалины каменных крепостей, а остатки каменного основания, на котором возводилась стена из сырцового кирпича.

Стены урартских крепостей были очень мощными, толщина их обычно превышала 3 м. Кладка состояла из двух рядов крупных камней с завалом из более мелких камней между этими рядами. Кладка сооружалась всухую, т. е. без связывающего материала. Стены иногда облицовывались тщательно обработанными камнями правильной формы. Остатки таких построек с облицовкой сохранились на вершине Армавирского холма. На камнях Армавирских построек заметны и следы металлических скреп. На боковых сторонах двух (или четырех) смежных камней вырезалось углубление, куда вставлялась удлиненная металлическая пластинка, расширяющаяся в верхней и нижней частях, скреплявшая кладку двух рядов.

У западного подножия Ванской скалы находятся остатки древнейшей, из известных в настоящее время, урартской крепости. Стена

этого укрепления сложена из громадных известняковых глыб, правильно обработанных (табл. VI). Отдельные ее камни достигают 6 м. длины, при высоте в 0,75 м. На стене сохранились три надписи на ассирийском языке, рассказывающие о том, что эта крепость была построена Сардуром, сыном Лутипра, царствовавшим в середине IX в. (см. выше, стр. 62—63).

Величина камней и мощность кладки „стены Сардура“, как обычно называют эту крепость, отражают характерную для всех урартских построек особенность—преувеличенный запас прочности.

Изучая урартские постройки различного времени, можно наблюдать тенденцию уменьшения размера камней, что четко отражают также и крепости Закавказья. Здесь стены наиболее древних крепостей сложены из громадных диких камней циклопической кладкой, тогда как поздние крепости—из сравнительно мелких камней. Следует иметь в виду, что размер камней крепостных стен стоял также в зависимости от мощности всего сооружения, но это обстоятельство, однако, не противоречит общей тенденции уменьшения с течением времени размеров камней.

Характерным образцом урартского крепостного строительства является крепость на Ванской скале. Стены этой крепости были целиком сложены из камня, причем облицовка их клалась из больших камней, хорошо отесанных; при кладке стены тщательно соблюдался прием перевязки швов, наблюдаемый и в постройках из кирпича. Линия стены крепости на Ванской скале не была прямой, она разбивалась выступами, наподобие контрфорсов или ложных башен, без помещений внутри их. Ассирийские изображения дают нам материал для реконструкции урартских крепостей, особенно верхней их части, увенчанной зубцами. Каменные зубцы известны и из Ванской цитадели.

Урартские клинообразные надписи дают нам много названий различного рода построек, не всегда еще достоверно переводимых. Крепости в урартских надписях обычно передавались ассирийской идеограммой „дворец“ (буквально „большой дом“), что подтверждается текстами, рассказывающими о походах урартов в Закавказье. Для некоторых крепостей, сравнительно небольших по своему размеру, применялся термин „город“. Так, крепость в Нор-Баязете называлась, согласно клинописным текстам, „городом бога Халда“, а крепость у Цовинара „крепостью бога Тейшебы“.

Внутри урартских крепостей помещались жилища, дворец царя или наместника, а также храм, который обычно помещался рядом с дворцом. Въезд в крепость часто бывал искусственным, причем дорога устраивалась с расчетом удобного поражения движущихся по ней врагов. Ворота крепости также бывали усиленно защищены.

Памятники урартской архитектуры

Урартские каменные постройки сохранились в сильно разрушенном виде, да кроме того, большинство этих развалин находится еще под землей.

Во время археологических работ на Топрах-кале в 1879—80 гг. были раскопаны развалины храма, расположенного в северной части крепости.

Раскопки открыли нижние части стен, сложенных из крупных, хорошо отесанных блоков светло-и темносерого камня, чередовавшихся в шахматном порядке.¹ Позднее эти стены были по камням растащены местными жителями, и работы германской экспедиции обнаружили только один фундамент постройки.

Фундаментом храма являлась платформа, высотой от 0,5 до 4,5 м., сложенная из крупных камней, обработанных рустовкой. Такая техника обработки камня встречается и в урартских постройках Армавира (Аргиштихинили).

По своим размерам храм на Топрах-кале был небольшим, длина платформы равнялись всего 21 м., а ширина 13,5 м.

Остатки стен, обнаруженные при раскопках, не дали возможности реконструировать храм, и о внешнем виде урартских храмов мы можем судить только по ассирийскому изображению на рельефе из дворца Саргона. Там, среди рельефов зала XIII, относящихся к походу 714 г., сохранилась сцена разграбления ассирийцами храма бога Халда в Мусасире² (табл. III). Это изображение дополняется детальным описанием захвата храма, сохранившимся в тексте Луврской таблички—реляции ассирийского царя богу Ашуру.

Текст рассказывает о том, что после ограбления дворца Урзаны, в Мусасире, Саргон „своих приближенных и своих начальников отрядов в храм бога Халда послал“. Этот момент как раз и изображен на рельефе: на крыше храма—ассирийские воины, грабящие храм, а в левой части сцены—ассирийский начальник сидит на стуле, а два писца, стоящие перед ним, составляют опись добычи.

Трудно определить время постройки Мусасирского храма, но из указания Луврской таблички о том, что в храме находилась статуя Сардура, сына Ишпуна, можно заключить, что Мусасирский храм уже существовал в конце IX в. или в начале VIII в. Очень вероятно, он был сооружен в конце IX в. урартским царем Менуей, братом упомянутого Сардура, включившим Мусасир в урартские владения еще

¹ H. Rassam, *Asshur and the Land of Nimrod*, 1897, 377; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2. 458—459.

² Botta et Flandin, *Monument de Ninive*, II, 141.

в начале своего правления, о чем говорит двуязычный текст Келяшинской стелы.

Архитектурные формы храма бога Халда в Мусасире представляют исключительный интерес. Они неожиданны, так как совершенно отличны от известных нам месопотамских форм храмов, ассирийских и вавилонских.

Храм сооружен на высокой платформе (составляющей $\frac{1}{4}$ общей высоты здания), на платформу вела лестница, которая на рельефе была отмечена, повидимому, краской и потому не сохранилась. Храм имеет двускатную крышу с высоким фронтоном, увенчанным изображением копья. Невысокая дверь, вход в храм, расположена в центре фасада, по сторонам входа помещены два больших копья и две статуи в молитвенной позе.

Фасад украшен шестью столбами или колоннами без капителей и баз, но с поперечными валиками. По изображению нельзя решить — были ли колонны храма в сечении круглыми, прямоугольными, или же представляли собою пилястры. Мне кажется первая возможность более правдоподобной и вероятной. До нас дошло большое количество отдельных частей урартских колонн, всегда имеющих круг в сечении; квадратное или прямоугольное сечение не встречалось ни разу.

Из центра Урарту и из его окраинных областей происходят базы колонн, части стержней и капители, причем древнейшие из них, носящие имя Ишпуина, сына Сардура, восходят к IX в. В Закавказье (район Армавира) были обнаружены две базы колонн с посвятельными надписями Аргишти, сына Менуи. Урартские колонны составлялись из отдельных частей — базы, капители, и нескольких кусков ствола. Каждая часть имела вверху углубление, а внизу выступ, так как при установке колонн верхний барабан вставлялся в нижний. Никаких металлических скреп, повидимому, не существовало. Поперечные валики на колоннах Мусасирского храма, быть может, передают декоративно отмеченные швы на месте скрепления отдельных частей стержня.

Стены храма были украшены круглыми щитами, с сильно выступающей средней частью, помещенными как на колоннах, так и в простенках между ними.

Эти декоративные щиты, по форме совпадающие со щитами, найденными на Топрах-кале и Кармир-блуре, подробно описываются текстом Луврской таблички, отмечающим также и скульптуры из бронзы, поставленные перед храмом.

Уже с первого взгляда устанавливается связь Мусасирского

храма с некоторыми архитектурными памятниками Малой Азии, с прототипами классических древнегреческих храмов.

Храм в Мусасире, таким образом, открывает нам неизвестные страницы истории архитектуры Передней Азии, представляя собою древнейший из известных типов храма с фронтоном и колоннадой, который лег в основу классической архитектуры древнего мира.

Леманн-Гаупт совершенно справедливо связывал Мусасирский храм с памятниками Пафлагонии,¹ а Герцфельд указывал на то, что фронтон храма, украшенный геометрическим узором, напоминает фригийские образцы.²

Связи малоазийского искусства с урартским не ограничиваются лишь Мусасирским храмом.

В частности, довольно давно было отмечено, что капители колонн ионийского стиля имеют декоративные элементы, сходные с урартскими. Так, характерный для Ионии орнаментальный мотив *kymation* („овы“), представляющий собою стилизованный венец из листьев, реалистический свой облик сохранил в урартском искусстве, но не на архитектурных памятниках, а на металлических изделиях.³ Тут следует отметить одну чрезвычайно характерную особенность урартской архитектуры — незначительную роль орнаментации в камне. Все дошедшие до нас обломки и части урартских колонн лишены какой бы то ни было резьбы в камне. Скульптура не была органически связана с архитектурой. И даже в пещерных помещениях, где резьбе по камню был предоставлен широкий простор, этот вид искусства не получил своего развития. Помещения, высеченные в скалах, имеют на своих стенах лишь несложные декоративные мотивы, тесно связанные с формой сооружения или же имитирующие особенности наземных построек, которые явились образцом для оформления пещерных помещений.

Урартские архитектурные памятники украшались или металлическими предметами (как щиты и статуи), не имеющими органической связи с архитектурой, или же разноцветной каменной инкрустацией.

Вопрос цвета в урартской архитектуре, повидимому, имел большое значение. Выше было указано, что храм на Топрах-кале был построен из разноцветного камня. Монсей Хоренский, приводя легенду о постройке города Вана царицей Шамирам, говорит о роскошных зданиях, разукрашенных различными красками и разноцветными камнями.

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 557.

² E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, 8.

³ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 483, 484.

Об искусстве использования в декоративных целях цветного камня свидетельствует нам другой архитектурный памятник, открытый на Топрах-кале. Около вышеотмеченного храма находились развалины какого-то здания, возможно—дворца, построенного из сырцового кирпича, с остатками каменного пола и стеной панели, украшенных каменной инкрустацией.¹ В светлых и темных плитах пола вырезались круглые лунки, куда вставлялись концентрические кольца из разноцветного камня, черного, темнокрасного и белого. В центре колец помещалась коническая вставка плоским основанием вверх, которая закреплялась посредством металлического штифта. Наряду с инкрустацией этого типа, в том же здании обнаружены прямоугольные и фигурные вставки. Сложный узор составлялся также из комбинации вставок в виде ласточкина хвоста и ромбов.²

Тут же были найдены массивные диски из черного камня, с отверстиями в центре, украшенные сверху инкрустацией в виде концентрических кругов, а с боков розетками в кругах. Леманн-Гаупт полагал, что эти диски служили подставками для какой-нибудь храмовой утвари, может быть, для трона.³

Здание откуда происходит цветная каменная мозаика настолько разрушено, что его архитектурные формы остаются нам совершенно неизвестными. На основании материала из раскопок мы не можем еще судить о внешнем виде построек, украшавших некогда столицу Ванского царства, город Тушпу. Моисей Хоренский (I, 16) рассказывает о том, что в Ване существовали роскошные здания в два и в три этажа. Одно из таких именно зданий изображает небольшая бронзовая пластинка, происходящая с Топрах-кале.⁴ Фасад трехэтажного здания расчленен на две части, причем каждая из них имеет самостоятельный вход с закругленным верхом. Верхняя часть изображенного здания имеет зубцы сложной ступенчатой формы, под которыми находится орнаментальный пояс с узорами, составленными из мелких треугольников. С этой бронзовой пластинкой связано и изображение башенки, также увенчанной зубцами (рис. 80).

По своему типу это здание, построенное в натуре, вероятно, из кирпича, совершенно отлично от Мусасирского храма. Тут мы имеем налицо характернейшие черты архитектуры Месопотамии.

С этим же кругом архитектурных форм связан и дворец урарт-

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, 72—74; *Armenien*, II, 2, 551.

Б. Б. Piotrowskij, *Урарту, древнейшее государство Закавказья*, рис. 17.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 552—553.

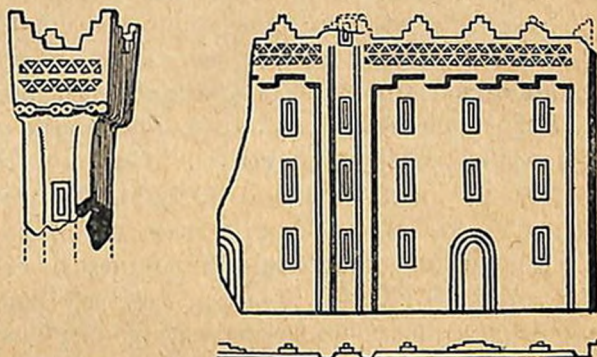
³ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 555.

⁴ E. Herzfeld, *Archaeological History of Iran*, 1935, рис. 8; Линч, *Армения*, II, рис. 125.

ского наместника на Кармир-блуре, примыкающий к постройкам крепостного характера.

Высокие отвесные стены, покрытые глиняной обмазкой, расчлененные контрфорсами и имеющие угловые башни, напоминают по внешнему виду оборонительные сооружения крупных ассирийских городов.

Убранство внутренних помещений Кармир-блурского дворца было очень простым; большинство комнат имело глиняную обмазку, иногда декоративно разделанную, как имитация швов кирпичей. Некоторые же помещения украшались многоцветными коврами, циновками и висящими на стенах крупными бронзовыми предметами декоративного назначения.

80. Бронзовые изображения башни и здания.
Топрах-кале.
Британский Музей.

Вероятно, при дальнейших работах будут еще открыты урартские постройки со стенными росписями и украшениями из глазурованных кирпичей.

Панели с рельефами, подобные встреченным в ассирийских дворцах, в Урарту неизвестны, хотя существование их вполне вероятно, на что указывают и обломки фриза из красного мрамора с резными изображениями украшавшего некогда стены здания, находившегося в юго-восточной части древней крепости на Топрах-кале. Историки ассирийского искусства не раз уже указывали на то, что стенные рельефы, эти характерные памятники ассирийского искусства, тесно связаны с искусством так наз. „горных народов“ Передней Азии, влияние которых отчетливо заметно и в культуре Ванского царства.

Строительная техника

В Урарту, как мы видели выше, существовали два основных вида строений, различающихся и по своему стилю,—строения из оесанного камня и строения из сырцового кирпича. Первый вид зодчества, повидимому, был связан с горными областями Малой Азии, второй же со странами Месопотамии.

Применение в строительстве кирпича из глины, высушенного на солнце, встречается в Передней Азии с древнейших времен, восходя

к энеолиту. Строительство из сырцовых кирпичей издревле сосуществовало с сооружением хижин из тростникового плетня, обмазанного глиной.¹

Как показывают археологические исследования урартских поселений и крепостей, постройки из сырцового кирпича были самым распространенным видом строительства. Это отчетливо видно и на Топрах-кале, и в Хайкаберде, и на Кармир-блуре, и на Армавирском холме. Во всех этих местах, наряду с остатками сооружений из камней, имеется громадное количество развалин строений из кирпича.

Урартские кирпичи бывали различных размеров; в большинстве случаев они имели прямоугольную форму. На Кармир-блуре встречаются кирпичи длиной 0,51—0,52 м., при ширине около 0,35 м. и толщине 0,13—0,14 м. Они отличаются по форме и размерам от обычных ассирийских квадратных кирпичей со сторонами от 0,32—0,38 м. при толщине в 0,06—0,10 м.; более крупные ассирийские кирпичи применялись при сооружении платформы зданий, но и они достигали по длине 0,44 м. В глину кирпича примешивалась рубленая солома; вяжущим материалом служила обычно жидкая глина, иногда с примесью золы.

При изготовлении кирпичей пользовались деревянными формами; штампы с иероглифическими или же клинообразными знаками, характерные для месопотамских кирпичей, на урартских кирпичах не встречаются.

Работы по строительству из сырцового кирпича были сезонными, производились они обычно в самый разгар лета. Ассирийские тексты указывают на то, что в жаркий месяц Сиван приступали к выделке кирпичей, а в месяце Аб, „укрепляющем фундаменты“, к сооружению построек.

Постройки в большинстве случаев возводились с преувеличенным запасом прочности, что указывает на отсутствие архитектурных расчетов.

В некоторых случаях первоначально изготовлялась модель здания; возможно, что именно эти модели и изображены в ассирийских дворцах на сценах приношения даров. Среди даров, совершенно реальных, как драгоценная утварь, оружие, мебель и др., мы видим небольшие крепости, умещающиеся на ладони. Возможно также, что подношение этих моделей одновременно являлось и выявлением покорности, сдачи крепости.

Для сложных построек составлялись также планы с указанием

¹ Очень возможно, что урартская клинопись сохранила нам и идеограмму „тростниковая хижина“; см И. И. Мещанинов, Халдоведение, 95—96.

размеров отдельных частей сооружения Среди древних памятников Месопотамии до нас дошло несколько образцов таких планов.

В шумерском городе Лагаше (сер. III тысячелетия до н. э.) были открыты две каменные статуи, изображавшие правителя Лагаша, Гудеа, в виде архитектора. На коленях статуй показаны палетки с лежащими на них резцами для нанесения изображений и линейками. На одной из палеток имеется план сложного крепостного сооружения. Линейка с делениями, лежащая на коленях Гудеа, представляет собою меру длины (локоть), разделенную на 16 частей, пять из них имеют более дробные деления (от двух до шести), самое мелкое деление представляет $\frac{1}{96}$ локтя. В нижней же части линейки это деление в свою очередь разделено на две и на три части, воспроизводя, таким образом, $\frac{1}{288}$ часть локтя.¹

Древнемесопотамские архитектурные планы сохранились и на глиняных табличках различного времени; на некоторых из них клинописью обозначены и размеры отдельных частей построек.

Но надо заметить, что эти архитектурные планы никогда не выполнялись в масштабе, а представляли собою лишь схематический, эскизный план строения. Вероятно, дальнейшие археологические работы на территории Ванского царства дадут нам и урартские планы этого же типа, так как перед постройкой производилась разбивка площади; вследствие этого при изучении остатков урартского строительства можно установить основную древнюю меру длины—локоть.

При обследовании Кармир-блур архитектор А. В. Сивков обратил внимание на то, что все тесаные камни имеют одинаковую высоту, примерно 0,52 м. (0,518 м.), тот же размер, что и длина кирпичей. Это совпадение дало повод А. В. Сивкову предположить, что камни и кирпичи соответствуют величине урартской единицы измерения.² Многочисленные промеры отдельных основных частей построек (длина и ширина комнат, размеры выступов и др.) дали цифры кратные 0,52 (0,518 м.), доказывая тем самым, что урартский локоть был близок к ниппурскому (0,518 м.). Это наблюдение подтверждается и тем, что ниша „Дверь Мхера“, один из основных культовых урартских памятников, в высоту имел 5,18 м., т. е. ровно 10 локтей.

Особый интерес наблюдения А. В. Сивкова заключается в том, что и одна из основных линейных мер древнеармянских архитектурных памятников оказалась очень близкой к урартской, 0,518—0,525 м.

¹ Б. Б. Пиотровский и Н. Д. Флиттнер, Техника древнего Двуречья, Очерки по истории техники древнего Востока, 1940, 52—53.

² А. В. Сивков, Об основных линейных мерах Урарту и древней Армении, печатается в Изв. АрмФАН.

Этим блестяще подтверждается культурная преемственная связь Армении и Урарту.

Кладка стен урартских построек обычно была массивной и состояла из нескольких рядов кирпичей.

Перекрытия строений представляли собою бревчатый накат, засыпавшийся сверху землей. Потолок подземного помещения на Топрах-кале воспроизводит именно эту технику перекрытия, там можно различить изображения как несущего бревна, так и наката.

Луврский текст рассказывает о том, что Руса в городе Улху выстроил дворец и потолок его соорудил из кипарисовых балок, дававших прекрасный запах, и когда ассирийские войска вступили в Улху, то они дворец разрушили, а длинные кипарисовые стволы перекрытия обтесали топорами и отправили вместе с другой добычей в Ассирию.¹

Но наряду с таким плоским перекрытием существовали также перекрытия коробовым сводом, что воспроизводят большие комнаты пещерных помещений Ичкала и Нафт-кую (Ванская скала). Это нас не должно удивлять, так как в Ассирии арки и сводчатые перекрытия не были редкостью.

Ассирийские своды, согласно Страбону, вследствие недостатка дерева, выполнялись без применения кружала. Сущность этого способа заключалась в том, что свод выполнялся отдельными отрезками, клавшимися наклонно и опиравшимися на щековую стену, т. е. отдельными наклонными арками.

Дверные проемы урартских построек имели иногда также арочные перекрытия. Сами же двери были деревянными, одностворчатыми или двустворчатыми, и обивались металлическими пластинами. Надписи во дворце Саргона рассказывают, что двери в нем были изготовлены из кипарисового и пальмового дерева, обшитого блестящей медью. Опорами дверей служили базальтовые блоки с углублением для дверной оси. В каменных постройках могли устраиваться и массивные каменные двери, высеченные из цельного камня.

Помещения, высеченные в скалах

Мастерство урартов в деле обработки камня в значительной степени было обусловлено их жизнью среди скалистых гор. Урартам постоянно приходилось бороться со скалами, подчинять их себе: проводя в горах дорогу или каналы они были принуждены врубаться в камень, им приходилось отвоевывать у гор участки, пригодные для земледелия и строительства.

¹ В. Meissner, Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8. Feldzug, ZA, XXXIV, 1922, строки 211 и 217.

На Армянском нагорье, территории древнего Ванского царства, почти на каждом шагу можно встретить следы изумительной работы древних каменотесов. Большие сглаженные поверхности скалы, вырубленные площадки, лестницы, террасы для насаждений (как в крепостях Бостанкая и Мазгерде) и гигантские ступени, достигающие иногда 1 м. высоты, красноречиво свидетельствуют о том, что работа над камнем была для урартов привычной. Гигантские ступени в научной литературе вызвали целый ряд разноречивых мнений, получив даже название — „иррациональные лестницы“.

Леонард (R. Leonhard), изучавший подобные памятники в Пафлагонии, высказывал предположение, что эти ступени имели культовое значение и осмыслялись как ступени лестниц, ведущих к трону божества, находящегося на горе. Леманн-Гаупт разделял мнение Леонарда, хотя некоторым памятникам этого рода он приписывал и практическое значение.¹

Большой сравнительный материал и изучение древних крепостей показывают, что эти ступени имели в большинстве случаев строительное значение: на них возводилась кладка стен крепости или же укладывались камни облицовки. Таково назначение ступеней Ванской скалы, Топрах-кале и Хайкаберда. И. А. Орбели по этому поводу писал: „Если же стену предстояло класть на склоне горы, то высечались соответственные ступени в виде лестницы, для каждого ряда кладки по ступеньке, то в ширину всего ряда кладки, то весьма узкие, так что камень ложился на ступень только одним своим краем; вследствие этого склоны всех трех указанных возвышенных пунктов, — Топрах-кале, пожалуй, менее других, — сплошь покрыты такими ступенями, которые на южной стороне Ванской скалы тянутся на головокружительной высоте; тут, кстати, над самым обрывом видна и халдская башня, еще стоящая на этих ступенях; ступени прекрасно видны и на северном склоне скалы Ванской цитадели, в этой части особенно пострадавшей. Эти ступени — ценный материал, на основании которого можно восстанавливать и направление стен и их конструкцию“.²

Если эти высеченные в скалах лестницы оказываются имеющими утилитарное назначение, то к памятникам культового характера можно отнести ниши, высеченные в скале, на внутренней поверхности которых вырезался клинописный текст религиозного или реляционного содержания. Эти ниши назывались урартами „воротами бога“ и обозначались в клинописи идеограммой „ворота“ (фонетическое чтение *susie*).³

¹ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 624.

² Н. Я. Марр и И. А. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, 10.

³ Ср. надписи C1Ch, 16 и 18; в первом случае „надпись“ передана идеограммой ВАВ, во втором фонетически *susie*.

Они бывали больших размеров. Так, знаменитая ниша „Дверь Мхера“, содержащая религиозный текст Ишпуина и Менуи, как уже указывалось, достигала 5,18 м. высоты; к ней вела лестница, а у подножия скалы было устроено подземное помещение культового назначения.

В горах между оз. Ван и Урмией, неподалеку от сел. Салхане, на реке Каперсу, находится вторая ниша этих же урартских царей („Дверь Ашрута“), также с религиозным текстом; она имеет вид прямоугольной двери, высотой в 4,10 м. и шириною в 2,61 м.; к нише ведет лестница из семи ступеней.¹

В Мазгердской крепости в нише, где помещена клинообразная надпись Русы II, имеется дверь, ведущая в обширное помещение, высеченное в скале.²

Надо указать, что ниша в Мазгерде не прямоугольной формы, а имеет в верхней своей части закругление, в чем усматривалось западное влияние.³ Но для такого предположения у нас нет никаких оснований, так как полуциркульную арку имело здание, изображенное на бронзовой пластинке (см. стр. 254), а также ниши северного склона Ванской скалы, в которых были установлены каменные стелы с летописью Сардура, сына Аргишти (см. стр. 154). По своим размерам эти памятники были очень внушительными: правая из них, сохранившая стелу, достигает 8,19 м. высоты, при ширине в 2,52 м., а левая (без памятника) имела высоту около 6,50 м. и ширину 2,74 м.

Среди урартских памятников, связанных с обработкой скал, особой славой пользуются искусственные пещеры и обширные помещения, высеченные в Ванской скале.

Подробное описание их было приведено еще Шульцем, а план Хорхорской пещеры опубликован Лэйардом. Много внимания помещениям Ванской скалы уделили в описании своих путешествий Тозер (H. F. Tozer) и Мюллер-Симонис (P. Müller-Simonis).⁴ Планы и разрезы основных пещерных помещений приведены Лемани-Гауптом,⁵ но они очень не точны. Искажены не только высоты отдельных комнат, но и их расположение; описание, сопровождающее чертежи, также содержит неточности и неправильности, объясняемые тем, что Лемани-Гаупт при выполнении чертежей и описаний пользовался чужими

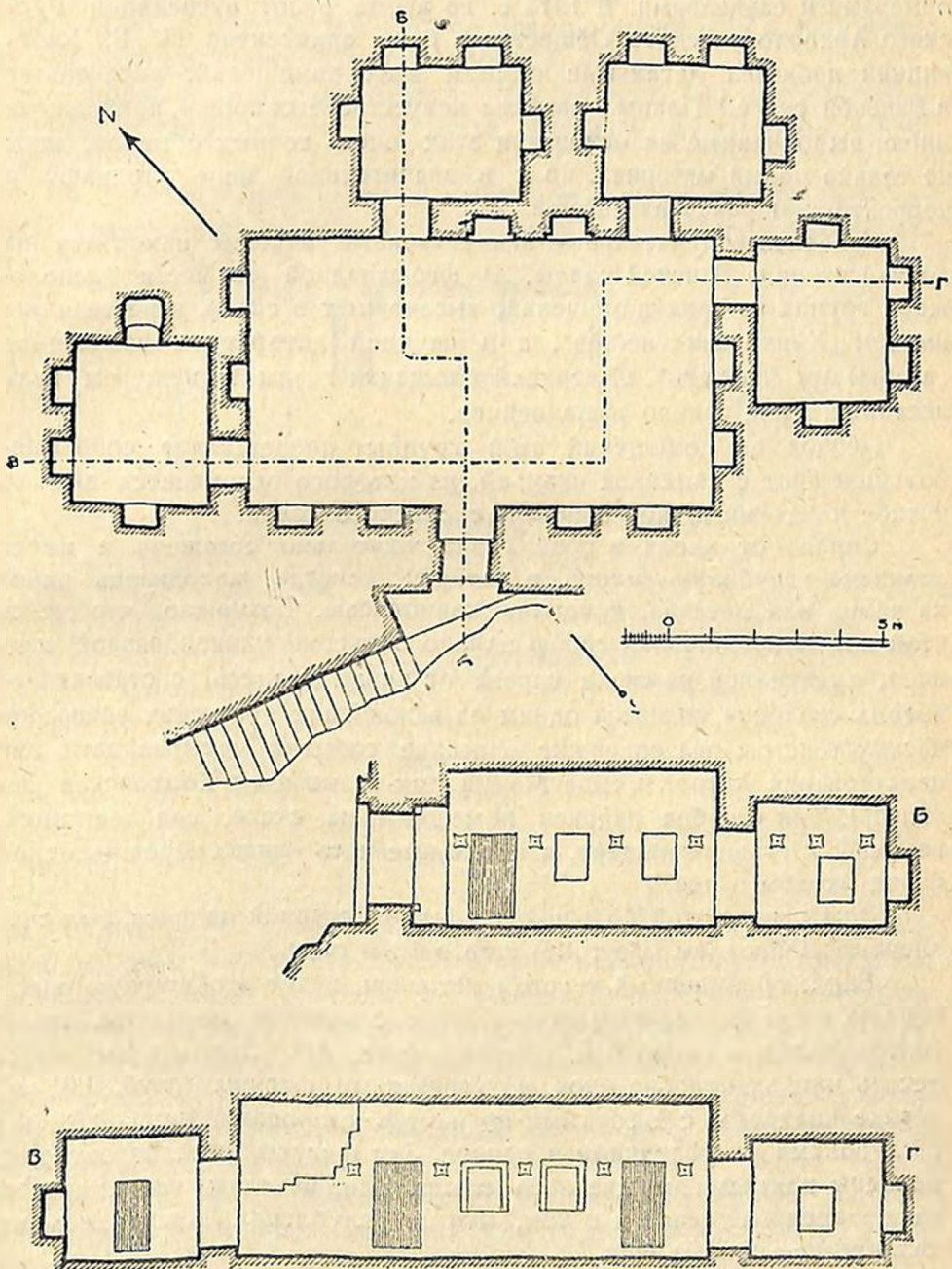
¹ D. H. Müller, Die Keillinschrift von Aschrut-Darga, DWAW, XXXVI, 1886, табл. II и III.

² C. F. Lehmann-Haupt, Materialien, 70.

³ C. F. Lehmann-Haupt, Armentien, II, 2, 627.

⁴ H. F. Tozer, Turkish Armenta, 1881, 347; P. Müller-Simonis, K. Hyvernat, Du Caucase au golfe Persique, 1892, 246.

⁵ C. F. Lehmann-Haupt. Armentien, II, 1, 120—132 и 143—153.

81. Большая Хорхорская пещера. План и разрезы помещений.

обмерами и сведениями. В 1916 г. во время работ экспедиции Русского Археологического Общества в Ване архитектор П. Е. Княгиницкий произвел детальные обмеры всех помещений, высеченных в Ванской скале.¹ Планы и разрезы искусственных пещер, приводимые мною, выполненные на основании этих очень точных обмеров, дают не только новый материал, но и в значительной мере уточняют и корректируют ранее известный.

Наиболее замечательные искусственные пещеры находятся на южной стороне Ванской скалы. В юго-западной ее части расположена группа из трех помещений, высеченных в скале, известная под именем „Хорхорских пещер“, а в научной литературе называемая „комнатами Аргишти“. С верхней площадки скалы к пещерам вела лестница, ныне сильно разрушенная.

Первое из помещений этой группы представляет собою небольшой грот с каменной скамьей, из которого открывается вид на южное и юго-восточное побережье Ванского озера.

Справа от входа в грот скала тщательно сглажена и имеет довольно глубокую нишу, в которой некогда находилась плита из камня или металла, покрытая клинописью. Возможно, что текст этой плиты представлял собою начало большой клинообразной надписи, высеченной на скале справа от ниши. Надпись, составляющая восемь столбцов, является одним из важнейших урартских эпиграфических текстов; она содержит описание событий четырнадцати лет царствования Аргишти, сына Менуи (так называемая Хорхорская летопись). Три столбца надписи помещены на скале, над лестницей, ведущей к главной пещере, а остальные пять—ниже, перед пещерой и над входом в нее.

Эстампаж с этой большой и труднодоступной надписи был снят впервые Дейроллем (Deyrolle) еще в 1870 году.

Вход, обрамленный текстом летописи, ведет в обширную высеченную в скале залу вышиною в 3,5 м. с плоским потолком, около 10,5 м. длины и около 6 м. ширины (рис. 81). Стены залы имеют десять ниш, наподобие окон, и вырезанные фигуры (глуб. 0,01 м), в виде квадратов с вогнутыми во внутрь сторонами (шир. 0,31 м.), с глубокими углублениями в центре. Эти фигуры были, вероятно, заполнены плитками из цветного камня или металла; высказывалось также предположение и о том, что в углубления вставлялись металлические светильники.

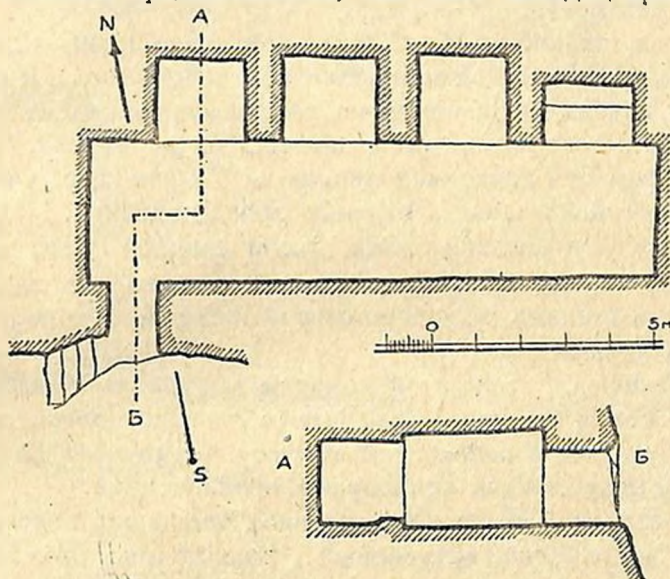
В левом углу длинной стены высечены ступеньки, служившие, по мнению Шульца, для размещения каких-то предметов. В полу,

¹ Материалы П. Е. Княгиницкого обработаны архитектором А. В. Сивковым.

около средней части стены, под двумя нишами, имеются два углубления (глуб. 0,02—0,03 м.), первое—прямоугольное (2,07 м. на 2,60 м.), второе же—квадратное (со сторонами в 1,11 м.).

К большой зале примыкают четыре комнаты, не связанные друг с другом и имеющие в стенах ниши, подобные находящимся в центральной зале.

В северо-западной комнате обнаружен колодец, забитый щебнем. Было высказано предположение, что этот колодец представлял со-

82. Малая Хорхорская пещера. План и разрез.

бою подземный ход к воде или же связывал помещение с третьей из Хорхорских пещер, находящейся непосредственно под большой пещерой. К малой Хорхорской пещере вела лестница, начинавшаяся от грота, ныне почти что совершенно разрушенная. Малая Хорхорская пещера состоит из продолговатого зала длиною в 12,68 м., шириною в 2,90—3,09 м. и высотой около 2,10 м. В северной стене залы высечены четыре крупные ниши, пол которых возвышается над полом основного помещения примерно на 0,20 м. (рис. 82).

Из всех пещер Ванской скалы верхняя Хорхорская пещера пользовалась наибольшей известностью, ее подробно описали еще Шульц и Лэйард.

Вторая большая группа искусственных пещер находится в средней, самой высокой части скалы, неподалеку от надписи Ксеркса. Здесь в скале вырублена большая площадь, открытая с южной и

восточной сторон, с запада и севера ограниченная высокими отвесными стенами среза скалы. В северной стене находится вход, ведущий в обширные помещения, известные под именем „Нафт-кую“, „нефтяной колодец“ (рис. 83).

Фасад пещеры оформлен в виде большой ниши шириной в 24,90 м. и высотой в 8,60 м., причем над дверью вырублено окно. Поверхность скалы у входа сильно повреждена, никаких следов надписей или рельефов незаметно.

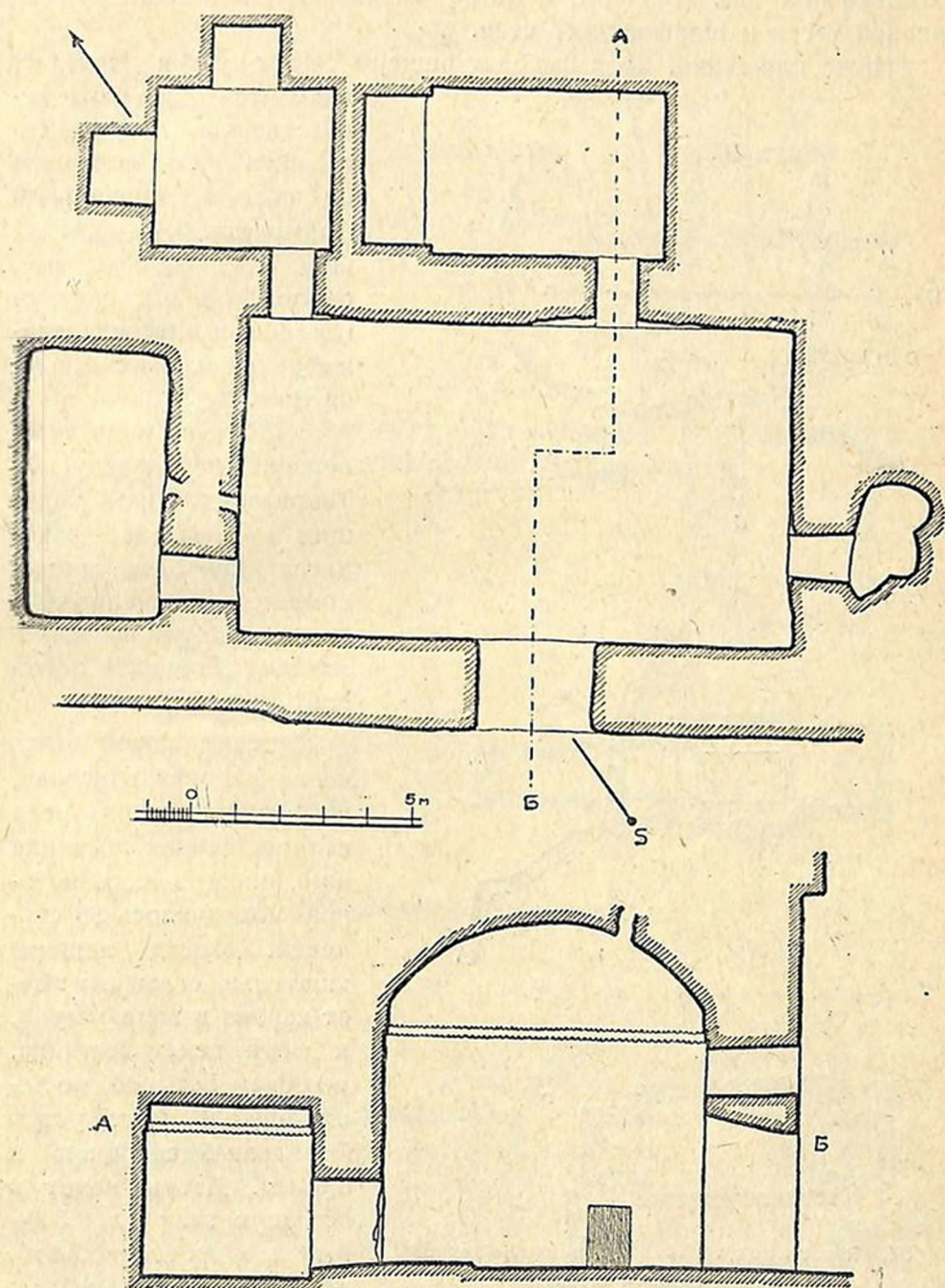
Первый зал, шириною 7,27—7,28 м., при длине 12,40—12,42 м. и высоте в 7,90 м., имеет потолок наподобие коробового свода. В верхней части стены, у начала свода помещен рельефный орнамент в виде ряда полукружий; этот же орнамент имеется и на камнях, найденных Н. Я. Марром при раскопках дворца на Топрах-кале. Обращает на себя внимание тщательность отделки стен помещений „Нафт-кую“ и правильность углов большого зала. Двери длинной стены ведут в два помещения, в левое с двумя нишами и в правое с тщательно отшлифованными стенами, украшенными рельефным орнаментом, таким же, как и первый зал.

В северо-западной стене этой комнаты вырублена ниша с уступом. Короткие стены большого зала имеют по одной двери, левая от входа в пещеру ведет в небольшую комнату прямоугольной формы, правая же в комнату, так и оставшуюся неоконченной.

В северо-западной стене искусственной площадки высечен второй комплекс помещений, называемый „Ичкала“ (рис. 85). Помещения „Ичкала“ по своему плану отличаются от „Нафт-кую“ и верхней Хорхорской тем, что мелкие комнаты группируются не вокруг первого большого зала, а вокруг двух зал.

Первый зал не совсем правильной формы (длина 9,28—9,38 м., ширина 5,49—5,97 м.) имеет потолок, передающий коробовый свод, второй зал (6,30 на 4,33 м.), меньший по площади и высоте, имеет плоский потолок. К первому залу примыкают две боковые комнаты, ко второму три, из них две боковые имеют уступы, возвышающиеся на 0,19 м. над полом.

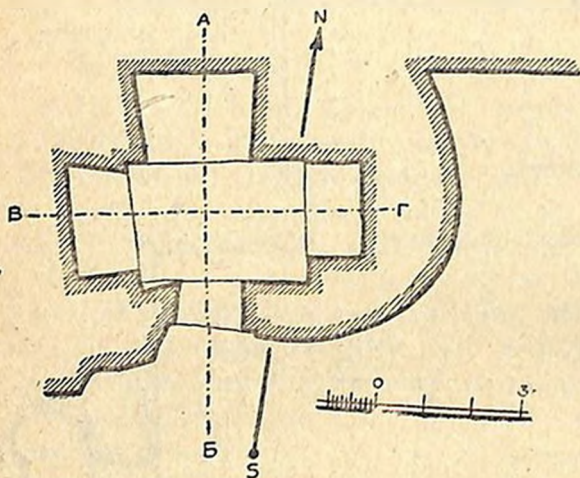
Особый интерес представляет третья комната, примыкающая ко второму залу, лежащая на оси входа. Она прямоугольной формы (дл. 4,80—4,82 м., шир. 2,60—2,71 м.) и в северо-восточной своей стене имеет возвышение высотой в 0,87 м., на которое ведет лестница из трех ступеней. В возвышении вырезано правильной формы углубление (дл. 1,67 м., шир. 0,88 м.), а над ним в стене круглые отверстия диаметром в 2 см., в которых, повидимому, закреплялись украшения стены; такие отверстия имеются и во втором большом зале. Пещера „Ичкала“ сохранилась хуже других, она вся покрыта трещинами,

83. Пещеры „Нафт-кую“. План и разрез помещений.

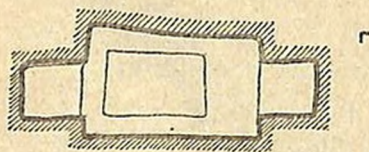
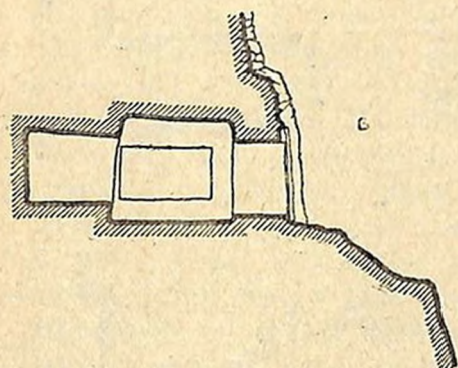
и только при внимательном осмотре можно заметить тщательность древней тески и шлифовки ее стен.

Ниже площадки, куда выходят пещеры „Нафт-кую“ и „Ичкала“,

находится еще одна искусственная пещера, состоящая из одного зала не совсем правильной формы (дл. 3,44—3,71 м., шир. 1,92—2,02 м., выс. около 2,00 м), с тремя глубокими нишами, также неправильными в плане (рис. 84).

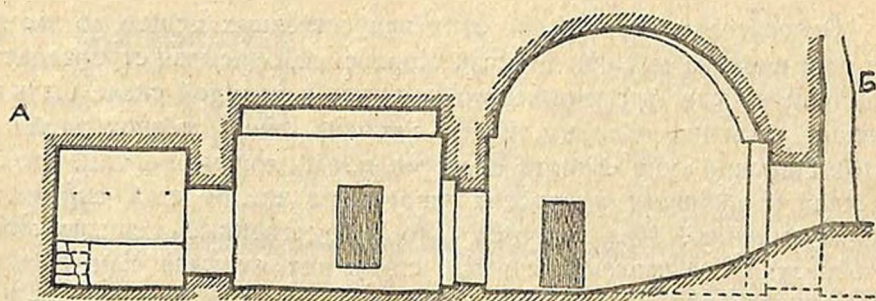
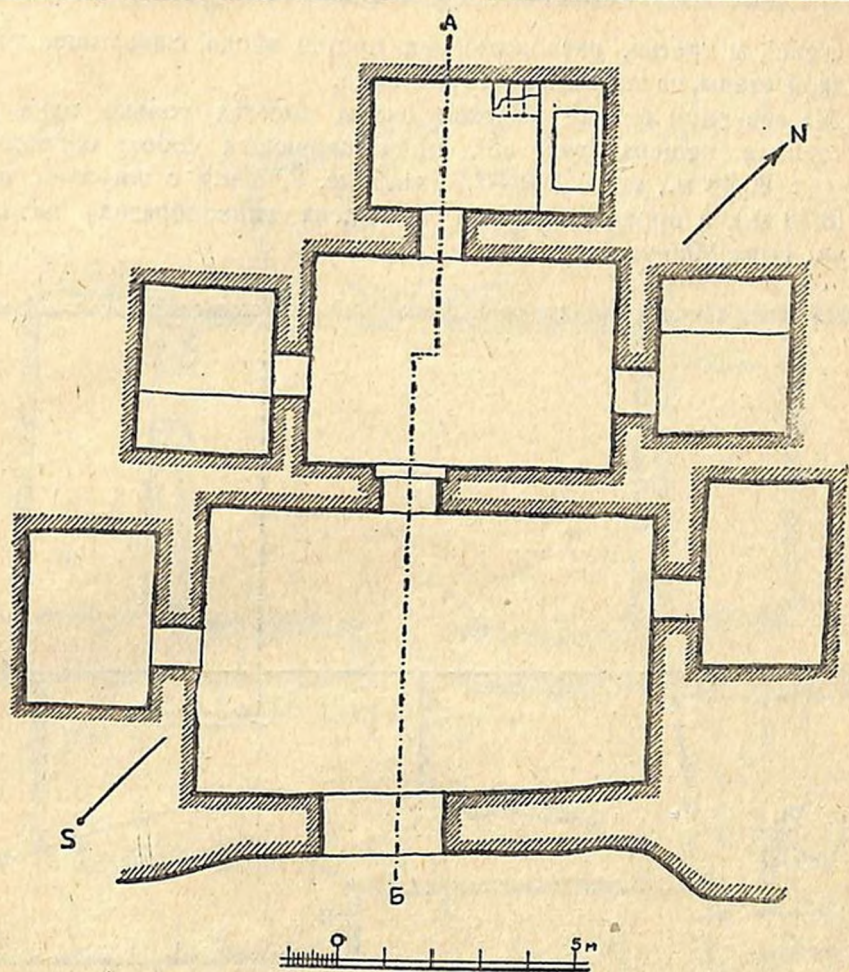
Восточнее описанных пещер, неподалеку от Тавризских ворот, ведущих в цитадель, находится еще одна группа комнат, высеченных в скале, которую ванцы называли „Большой пещерой“ (рис. 87).

84. Пещера под верхней площадкой Ванской скалы (план и разрез).

Перед пещерой высечена обширная площадка, на которую сверху вела величественная лестница шир. около 2 м., от которой сохранилось 25 ступеней. Фасад пещеры тщательно сглажен и имеет карниз в виде уступа, к двери ведет лестница, по бокам которой, по линии фасада, идет уступ (заваленка) шириною в 0,65 м. Дверь ведет в большую залу (дл. 9,34—9,42 м., шир. 6,17—6,18 м., выс. 5,95—5,99 м.), к которой примыкают три

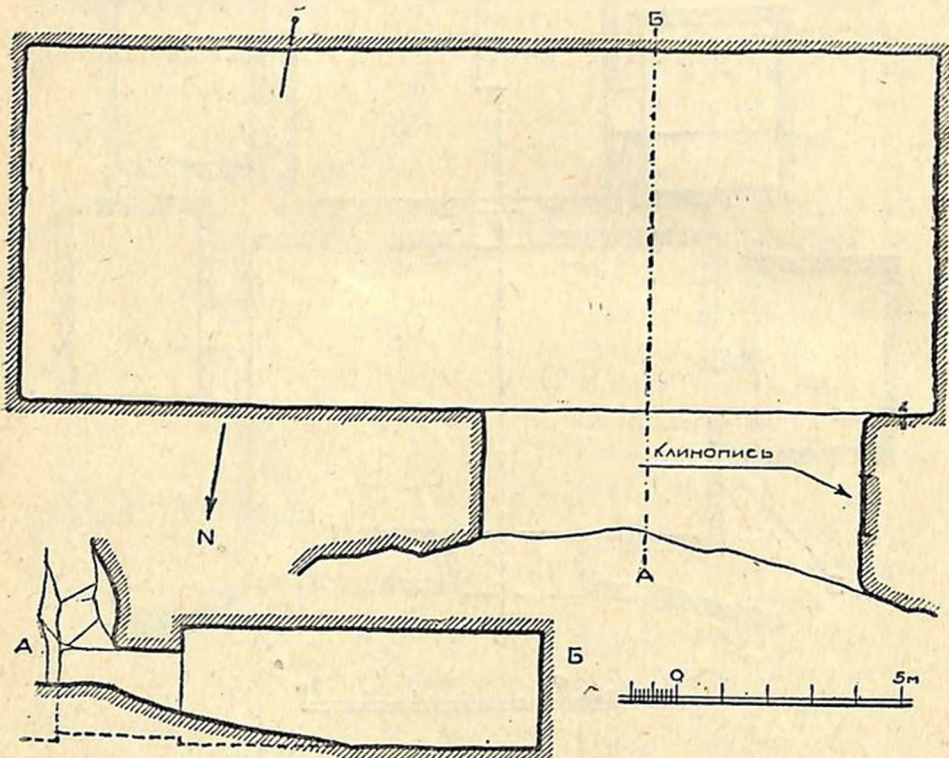
другие комнаты, две боковые—вытянутой формы с дверьми в длин-

85. Пещеры „Ичкала“. План и разрез помещений.

ной стене¹, и третья, расположенная против входа, с возвышением у западной стены, на которое ведет лестница.

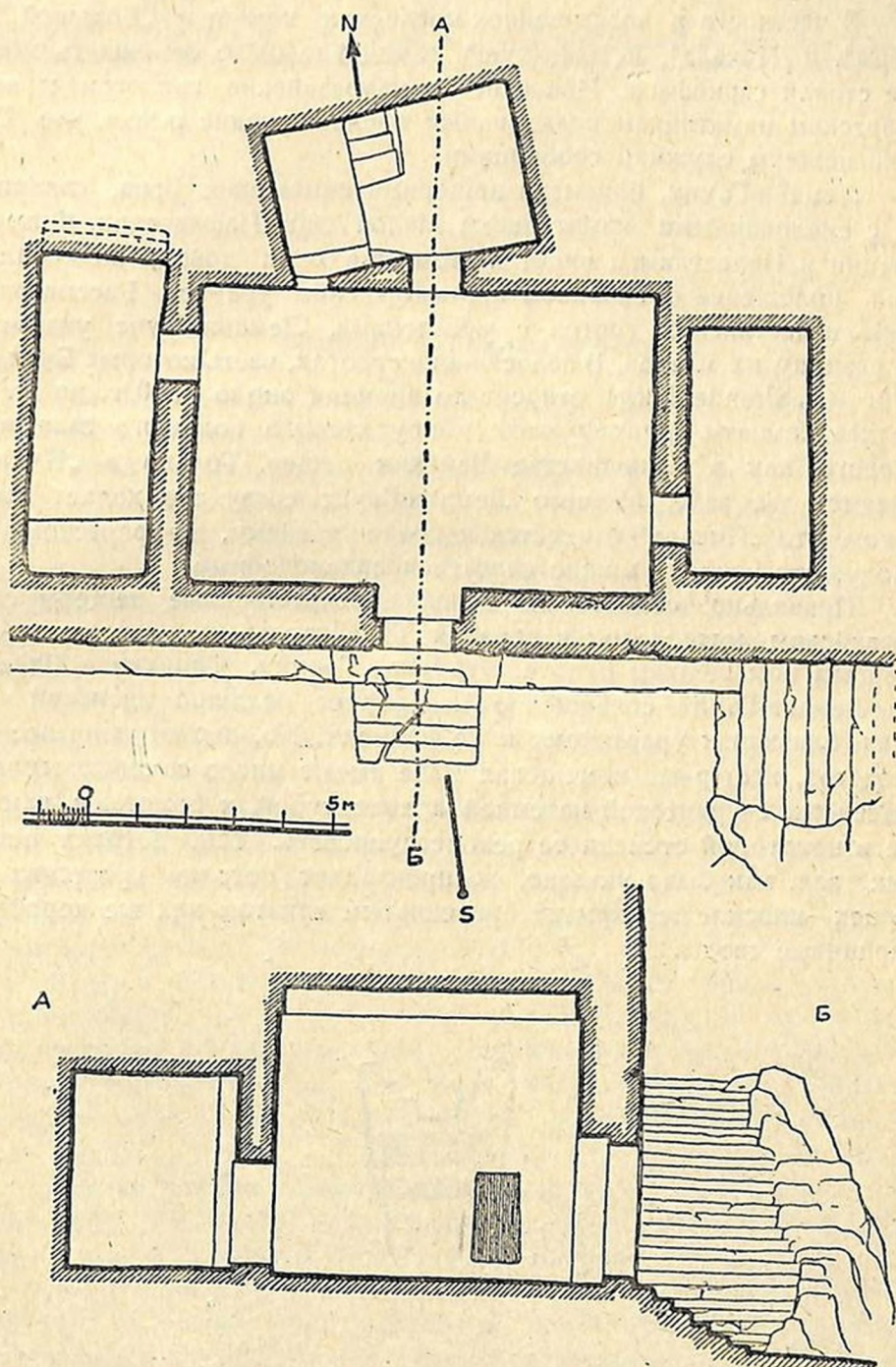
На северном склоне Ванской скалы имеется только одна искусственная пещера (рис. 86), представляющая собою обширную залу (дл. 20,46 м., шир. 7,81—7,95 м., выс. 2,53 м.), с широким входом (8,48 м.), в проеме которого помещена клинообразная надпись Менуи, сына Ишпуина.

86. Пещера на северном склоне Ванской скалы.

Относительно назначения этих искусственных пещер до сих пор нет еще единого мнения. Моисей Хоренский, описывая строительство Шамирам в Ване, рассказывает о том, что в твердой скале были высечены „различные дворцы, покои с почивальнями, казнохранилища“ (I, 16). Леманн-Гаупт сначала отвергал предположение о том, что они служили гробницами урартских царей, но потом стал склоняться к этому мнению. Мне кажется, что искусственные пещеры могли быть различного назначения и что среди них имеются как помещения религиозно-культового назначения (храмы), так и погребального.

¹ На плане „Большой пещеры“, приведенном Леманн-Гауптом, расположение и размер боковых комнат даны неправильно (Agtmelien, II, 1, чертеж на стр. 150).

87. „Большая пещера“ на юго-восточной стороне Ванской скалы.
План и разрез помещений.

В частности в возвышениях последних комнат и „Большой пещеры“, и „Ичкала“, и „Нафт-кую“ заманчиво было бы видеть места, где стояли саркофаги. Иранские и малоазийские аналогии к этим урартским памятникам подкрепляют предположение о том, что Ванские пещеры служили гробницами.

Лемани-Гаупт, описывая пещерные помещения Вана, связывает их с аналогичными памятниками Малой Азии (Пафлагонии, Фригии), Греции и Палестины и видит в этом еще один довод, подкрепляющий положение о западном происхождении урартов. Рассматривая связь палестинских гротов с урартскими, Лемани-Гаупт указывает на разницу их планов. В палестинских гротах, часть которых Бранденбург (E. Brandenburg) относит ко времени около 1300 г. до н. э., мелкие комнаты группируются вокруг второго большого зала, а не первого, как в большинстве Ванских пещер. Только в „Ичкала“ имеются два зала, из чего Лемани-Гаупт сразу же делает вывод о том, что „Ичкала“ относится к более раннему, до-урартскому периоду, что вряд ли можно считать правдоподобным.

Правильно сопоставляя Ванские искусственные пещеры с малоазийским материалом и приводя сравнительный материал по пещерным помещениям Египта, Этрурии, Греции, Финикии и Палестины, Лемани-Гаупт совершенно игнорирует большой иранский материал, близкий к урартскому и по времени. Но, несмотря на все это сходство, пещерные помещения Вана имеют много самобытных черт, связанных с урартской наземной архитектурой, и помогают нам даже в некоторой степени ее реконструировать. Так, потолки пещерных зал, как было указано, воспроизводят потолки урартских построек—плоское перекрытие бревенчатым накатом или же коробовые кирпичные своды.

Глава XIV

Религия Ванского царства

При изучении религии Ванского царства мы располагаем двумя основными видами источников.

Первый из них,—урартские клинообразные надписи, обрисовывает государственную религию, второй же,—изобразительные памятники, дает материал не только по официальной урартской религии, но и по народным верованиям, не получившим отражения в клинописных текстах. Поэтому только совместное изучение этих двух видов источников может дать правильное представление о религии Ванского царства в целом.

Сведения клинообразных надписей весьма ограничены, они упоминают имена богов, рассказывают о сооружении храмов, перечисляют жертвоприношения.

Тексты собственно религиозного характера, как мифы, молитвы, магические заклинания, нам еще неизвестны. Культовые предметы и изображения, дошедшие от Ванского царства, дополняют сведения письменных источников и открывают некоторые стороны религии, о которых надписи умалчивают.

Урартские клинописные тексты в начальных своих строках содержат обычно обращение к богу или к богам. На их основании можно заключить, что главным урартским богом был бог Халд, к которому обращено громадное большинство надписей. Сведения о военных победах урартов принимают часто форму реляции царя богу Халду.

Многие клинообразные надписи наряду с именем Халда упоминают еще имена богов Тейшебы и Арда, выделявшихся вместе с Халдом из среды остальных богов страны Биайны.

Эта троица представляет для нас исключительный интерес, так как само сочетание трех указанных богов отображает культурно-исторические связи, лежащие в основу урартской культуры и государства, четко прослеживаемые и по памятникам иных категорий.

Дело в том, что для Тейшебы, тесно связанного с малоазийским

богом Тешубом, также как и для Арда, в урартском письме использованы ассирийские идеограммы богов Адада и Шамаша, в то время как имя Халда всегда выписывается фонетически. Из этого факта можно заключить, что бог Халд был местным, исконным урартским богом, по всей вероятности богом одного из племен, вошедших в урартское государство. Очень вероятно, что он приобрел свое исключительное значение еще до введения в Ванском царстве ассирийской письменности.

С этим исконным урартским богом в неразрывную связь вступили Тейшеба, малоазийский (хуррито-хеттский) бог, и Ард, божество месопотамского (ассиро-вавилонского) круга. Таким образом, эти три бога отражают три культурно-этнических элемента.

Среди лапидарных надписей Ванского царства особое значение для изучения урартской религии представляет надпись в нише скалы около Вана, так называемая „Мхер-капуса“ („Дверь Мхера“, СICh, 18), повторенная дважды с незначительными вариантами.¹

Этот текст, восходящий к концу IX в., приводит перечень урартских богов, с указанием полагавшихся им жертв (быков, овец, телят), и ярко иллюстрирует связь официальной религии Ванского царства с его государственной структурой. В состав урартского пантеона вошли также боги завоеванных областей и городов, боги соседних народов и народные боги, отражающие тотемистические и анимистические представления.

Привожу имена богов с указанием приносимых им жертв:

1. Халд—17 быков, 34 овцы,	16. Едипри—1 бык, 2 овцы,
2. Тейшеба—6 быков, 12 овец,	17. Таранин—1 бык, 2 овцы,
3. Ард—4 быка, 8 овец,	18. Адарута—1 бык, 2 овцы,
4. Хутуни—2 быка, 4 овцы,	19. Ирмушини—1 бык, 2 овцы,
5. Турани—1 бык, 2 овцы,	20. ILU aluše urulilue žiual ² —
6. Уа—2 быка, 4 овцы,	1 бык, 2 овцы,
7. Налаини—2 быка, 4 овцы,	21. Алаптушини—1 бык, 2 овцы,
8. Шибиту—2 быка, 4 овцы,	22. Ерина—1 бык, 2 овцы,
9. Арсимела—2 быка, 4 овцы,	23. Шинири—1 бык, 2 овцы,
10. Ханаша—1 бык, 2 овцы,	24. Унина—1 бык, 2 овцы,
11. Дедуаини—1 бык, 2 овцы,	25. Аираини—1 бык, 2 овцы,
12. Шеларди—1 бык, 2 овцы,	26. Зузумару—1 бык, 2 овцы,
13. Haldinaue BELI—1 бык, 2 овцы,	27. Хара—1 бык, 2 овцы,
14. Атбини—1 бык, 2 овцы,	28. Араза—1 бык, 2 овцы,
15. Куера—1 бык, 2 овцы,	29. Зикуни—1 бык, 2 овцы,

¹ Надпись подробно разобрана Г. А. Капанцяном в его книге *Արարտակի արարած անթրոպոլոգիա*, 44—51.

² По Г. А. Капанцяну—„бог, который переносит души“.

При раскопках одного участка Топрах-кале было найдено большое количество костей животных и людей, причем у человеческих костяков отсутствовали черепа. Лемани-Гаупт высказал предположение, что тут складывались трупы принесенных в жертву богу Халду людей, головы которых хранились в особом месте.¹ Урартские памятники подтверждают существование человеческих жертвоприношений. На урартской печати, принадлежащей К. В. Тревер и происходящей из Хайкаберда, изображен жертвенник, около которого лежит обезглавленное человеческое тело; тщательно отмеченные ребра указывают, как будто, на то, что с туловища содрана кожа.

В Ванском царстве богу Халду были посвящены многие храмы, на что указывают посвяtitельные клинообразные надписи, вырезанные на базах колонн, происходящих из храмов.

О существовании храма бога Халда в Мусасире подробно рассказывают нам ассирийские источники.

Текст Луврской таблички говорит о том, что Саргон своих приближенных и начальников отрядов послал в храм Халда и что там были захвачены (речь, повидимому, идет о статуях): „Халд, его (т. е. Русы) бог и Багбарту, его богиня, с многочисленными богатствами его храма“ (368) и „драгоценности Халда и Багбарту, его супруги“ (391). Эти же сведения повторяет и летопись Саргона,² добавляющая, что именно известие о разрушении Мусасира и об увозе бога Халда и богини Багбарту послужили причиной самоубийства Русы.

О богине Багбарту³ мы знаем только по ассирийским источникам; урартские письменные памятники, дошедшие до нас, не упоминают даже ее имени.

Возможно, что богиня Багбарту изображена на золотом медальоне, найденном на Топрах-кале (рис. 74), а также, что бронзовая статуэтка сидящей женщины, хранящаяся в Государственном Историческом Музее Армении, является изображением этой богини⁴ (рис. 75).

Можно думать, что с Багбарту были связаны также храмовые оракулы, так как согласно тексту Луврской таблички в Мусасирском

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 476.

² E. Schrader, *Keilinschriftliche Bibliothek*, II, 63.

³ В. В. Струве указывает и на возможность чтения имени этой богини как „Багмашту“, что может быть сопоставлено с именем богини „Асара-Мазаш“, упоминаемой в одном ассирийском тексте. См. С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 683—684.

⁴ Б. Б. Пиотровский, Урартская бронзовая статуэтка Гос. Музея Армении, *Советская Археология*, VI, 1940, 89.

храме хранилось „золотое кольцо с печатью, предназначенное подтверждать решения Багбарту, супруги Халда“... (385).

Достоверные изображения Халда, также как атрибуты и символы этого божества, нам неизвестны. Не исключена возможность, что символом Халда являлся крылатый солнечный диск (ассирийский знак Ашура), но мне кажется более вероятным, что крылатый диск относится к богу солнца—Арду.

Неясна также и этимология имени Халда; были высказаны предположения, что в основе его имени лежит корень *hal*, означающий в языках западного Закавказья „небо“, и тогда имя главного урартского бога будет означать „небесный“.¹

В урартской религии бог Халд имел целый ряд форм (ипостасей), что является характерным для всех древневосточных религий. Надпись Мхер-капуси, приведенная выше, дает несколько божеств, связанных с именем Халда; таковы имена богов по списку 13, 33, 34, 35, 36, 42, 44, 46, 50, 51, 52.

Такие имена как *Ḫaldini alsuišie* и *Ḫaldini ušmašie* невольно ставят вопрос о правильности обычного понимания эпитетов бога Халда, встречающихся в лапидарных надписях. И не будет ничего удивительного, если эти эпитеты окажутся обозначением различных форм (ипостасей) главного божества урартов.

В религиозных представлениях урартов бог Халд обычно имеет облик воина, он благославляет царя на выступление в поход, он помогает ему одерживать победы над врагами. И не случайно в Мусасирском храме отчетливо выступает культ копья и щита. Копьем увенчан фронтон храма, копьей помещены по обеим сторонам входа, около статуй „великих привратников“, а щиты развешены на стенах и колоннах фасада.

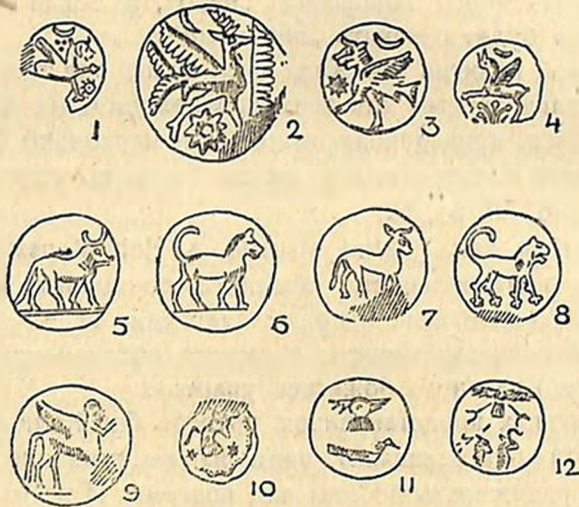
Указывалось на то, что культ щита связывает Ванское царство со Средиземноморьем, где он принял особенно четкие формы (Крит, Этрурия, арханческая Греция), в то время как в восточной части Передней Азии этот культ играл меньшую роль и там его место занял культ пояса, семантически тесно связанный с культом щита.

В перечне богов Мхер-капуси упоминаются ворота (идеограмма *BAVU* или фонетическое чтение *susi*) Халда (46) и боги ворот Халда (52).

Как было уже указано выше, под воротами бога урартские тексты разумеют ниши в скалах. Ниши эти имеют иногда три уступа, как бы три ниши, высеченные одна в другой, что должно было передать три ведущие в скалу двери, поэтому и название этих ниш в клинописи выписывается часто с суффиксом множественного числа.

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 935.

По религиозным верованиям через эти двери выходило божество, находящееся в скале, и одно из названий бога Халда *Ḫaldini arnie* Г. А. Капанцян понимает как „гора Халда“ (м. б. также и „Халд горы“).¹ Выход бога из горы обычное представление в древних религиях Передней Азии. На это указывают зиккураты храмов южной Месопотамии (храм Мардука в Вавилоне, Наннар в Уре, Шамаша в Сиппаре², а также храм Ашура в Кар-Тукулти-Нинурта), где в зиккурате, находящемся при храме, устроена ниша, к которой ведет лестница.³

88 Изображения на урартских печатях.

В научной литературе по древнему Востоку обычно встречается указание, что урарты называли себя по имени их главного бога халдами, а свою страну Халдией. Это положение совершенно ошибочно и основано на устаревшем понимании некоторых стереотипных фраз, встречаемых в урартских текстах, но на этом мы остановимся ниже, в последней главе этой книги.

На втором месте среди урартских богов стоит бог Тейшеба (*Te-e-i-še-ba*),⁴ который в клинописи обозначался ассирийской идеограммой бога Адада.

И само имя бога, тождественное с именем распространенного по всей Малой Азии бога Тешуба, и использование идеограммы Адада

¹ Գ. Հափանցյան, Արարտուկի պատմությունը, 45.

² W. Andrae, Das Gotteshaus und die Urformen des Bauens im alten Orient, 1930, рис. 7.

³ W. Andrae, ук. соч., рис. 10, стр. 18.

⁴ Надпись на Ванской скале, Saussure, JRAS, XIV, № XX, 15.

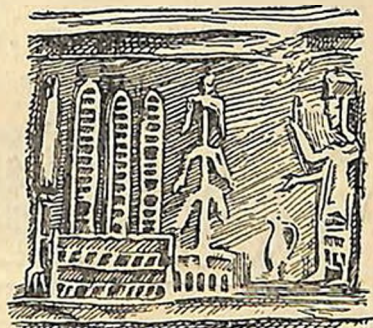
указывает на то, что перед нами бог войны, бури, непогоды и водной стихии.

В надписи Мхер-капуси рядом с „воинством бога Халда“ стоит „воинство бога Тейшебы“, а также „ворота бога Тейшебы города Эриднани“ (вар. Ирдиа).

При раскопках крепости на Кармир-блуре, в 1941 г., была найдена бронзовая статуэтка, в которой с большой вероятностью можно видеть изображение бога Тейшебы. Это—безбородая фигура в длинном платье и в головном уборе, украшенном рогами, что является характерным атрибутом головного убора божества. В левой руке бог держит боевой топор, в правой палицу с дисковидным навершием (рис. 91).

Третьим из главных богов Ванского царства был бог солнца—Ард (ассирийская идеограмма бога Шамаша, которая в урартской клинописи, также как и в ассирийской, означала „солнце“, „день“).

Возможно, что символом Арда и являлся крылатый солнечный диск, часто встречающийся на урартских печатях с культовыми изображениями. Этот символ бывает связан с рыбой, птицей или же с головами животных (рис. 88,11).

89. Оттиск печати. Топрак-кале.

Леманн-Гаупт, указывая на то, что в урартской клинописи не различается мужской и женский род, предположил, что божество солнца в Ванском царстве было женским (во всяком случае—первоначально) и что украшения больших бронзовых котлов в виде крылатых женских фигур изображают именно это божество.¹

Крылатое женское божество с поднятыми вверх руками, в позе, очень близкой к обычной позе переднеазиатской богини солнца (хурритской Хепат, супруги Тешуба), изображено на одной урартской печати собрания Эрмитажа (из Хайкаберда). Справа от богини помещена фигура козленка, а слева—дерево, с боков две фигуры в молитвенной позе, над которыми помещены полумесяцы. Возможно, что на этой печати изображено астральное божество, „владычица зверей и растений,“ женский двойник бога Арда.²

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 498.

² В. В. Струве высказал предположение что рассказ о Шамирам, переданный Моисеем Хоренским, является отголоском мифов Урарту или соседних ему областей Передней Азии. Очень возможно, что в них Шамирам выступала как божество воды, связанное с божеством солнца,—Ара.

Армянский язык донес до наших дней урартскую основу термина Ард—в словах, связанных с солнцем или же его семантическими дериватами. И многие армянские имена и слова сохраняют этот корень arđ,—имя одного из самых популярнейших богов до-армянского периода истории.¹

В перечне богов, приводимом текстом „Мхер-капуси“, встречаются „бог города Арда“, т. е. Мусасира (39), и „ворота бога Арда города Уишини“ (48); в конце надписи упоминается какой-то второстепенный бог, носящий имя Арди (78). С богом Ардом связано и лунное божество урартов Шеларди (še-e-la-ar-di), выписанное в строке 41 фонетически, а в строке 7, в параллельном тексте, ассирийской идеограммой бога луны—Сина. Это имя урартского божества луны, вероятно, должно означать „ночное солнце“, а семантически „ночной

90. Оттиск печати. Топрак-кале.

глаз солнца,” так как представление о том, что солнце и луна являются глазами солнечного же божества в религии Древнего Востока, встречается повсеместно.² Божество Синуарди (70) также имеет в своей основе имя бога Арди, и Г. А. Капанцян понимает это имя как „звезда солн-

ца“.³ Невольно напрашивается мысль — не есть ли это божество планета Венера? Ведь в религии Древнего Востока, особенно в магии, полумесяц и Венера имели чрезвычайно важное значение. На бронзовой подвеске-лунице с текстом молитвы, происходящей из раскопок Кармир-блур, изображены как раз полумесяц и звезда (Венера), символы, обычные в ассирийской магии (рис. 30).

В летописи Сардура (III, 11) говорится о постройке храма бога полуденного солнца, обозначенного идеограммой ассирийского бога Адара, которую Н. Я. Марр для урартского божества воспринимает и в фонетическом ее значении, как Пар или Бар.⁴

Надо заметить, что большинство имен богов, перечисленных надписью в нише Мхер-капуси, другими урартскими письменными памятниками пока что еще не засвидетельствованы. Даже из числа семи богов, следующих за Халдом, Тейшебой и Ардом и пользую-

¹ Большой материал по этой теме собран Л. А. Калантаром и Л. С. Хачикяном.

² О связи имени бога Ард с „глазом“ см. Н. Я. Марр, Заметки по яфетическим хлинописям, изв. ГАИМК, III, 290.

³ Ф. Чифинджян, *Ուրարտիի և անտիկ թյուրքերը*, 45.

⁴ Н. Я. Марр и И. А. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, 50.

щихся большим количеством жертв, нежели другие боги, в клинообразных надписях упоминается только один бог Хутуини (4), возможно, бог здоровья, как это предполагает Г. А. Капанцян.

Урарты своих богов изображали обычно в образе людей, но в некоторых случаях можно усмотреть и рудименты первоначального их образа—отдельные черты животных и птиц.

Так головной убор богов сохранил на себе, как обязательные атрибуты, рога: богини, ранее изображавшиеся как птицы, сохранили крылья, а некоторые божества приняли вид фантастических существ с головами животных при человеческом туловище. Все это—различные стадии антропоморфизации божеств, имевших ранее облик животных и птиц. Некоторые из богов по внешнему виду совершенно оторвались от своего первоначального животного образа, и тогда те животные, которые ранее сами являлись божеством, при антропоморфизации божеств стали сопровождать свой новый образ, выполнять роль посвященного ему животного. На урартских печатях часто можно видеть отдельные изображения львов и быков (рис. 89), они же были помещены и на культовых щитах, находившихся в храме на Топрах-кале (рис. 13). Урартские троны имели украшения—фигуры лежащих быков и львов, на которых помещены божества человеческого облика. Такая композиция обычна в переднеазиатской иконографии; в ассирийских наскальных изображениях Бавиана дана про-

91. Бронзовая статуэтка бога Тейшебы.

Кармир-блур.

Госуд. Исторический Музей Армении.

на Топрах-кале (рис. 13). Урартские троны имели украшения—фигуры лежащих быков и львов, на которых помещены божества человеческого облика. Такая композиция обычна в переднеазиатской иконографии; в ассирийских наскальных изображениях Бавиана дана про-

цессия богов, стоящих на животных, и нет сомнения, что большинство этих животных является прежним зооморфным образом этих же богов. Ведь сова, божество города Афин, позднее стала птицей, сопутствовавшей богине Афине, а орел стал символом Зевса (Юпитера), причем представление о том, что орел первоначально сам являлся божеством—Зевсом, было совершенно утрачено.

Некоторые из божеств, сочетающие в себе черты человека, животных и птиц, были искусственно созданным образом, приобретшим важное значение в магии. Таковы божества „шеду“—крылатые быки или львы с человеческим лицом или торсом, перешедшие в Урарту из Ассирии, или крылатые гении, иногда с головами животных, обслуживающие священное дерево, так же неразрывно связанные с ассирийской иконографией.

Как было уже указано, перечень урартских богов (Мхер-капу-си) содержит также богов народов, включенных в состав Ванского царства. Так, мы видим бога страны Алганины (56), бога города Арда, называвшегося ассирийцами одноименно со страной Мусасиром (39), бога города Куменуна (40), бога города Тушпы, столицы Урарту (41),¹ богов городов Халда (42) и богов городов Арсуниуни (43).

Кроме приведенных богов можно выделить группу божеств, отражающих древние тотемистические представления.

Таковы боги: Эбани, т. е. бог страны или земли (55), Суинина (Su-i-ni-na-u-e), т. е. бог моря, воды (57), бог страны Бабанна, т. е. „горной страны“ (63), Арни, бог возвышенностей, гор (32), Хара, бог дорог (27) и Аираини, бог пещер (25).²

Урартские изобразительные памятники дают нам большой материал и по тем культам, которые, несмотря на их широкое распространение в Ванском царстве, не получили никакого отражения в надписях. Таков культ дерева. Изображение священного дерева, древа жизни, часто встречается в Урарту, особенно в композиции с двумя крылатыми гениями по его сторонам, чрезвычайно характерной для ассирийского искусства.

Священное дерево, связанное иногда с астральными символами, часто встречается на урартских печатях.

Очень интересное изображение дает оттиск печати, опубликованный Леманн-Гауптом.³ На нем мы видим человеческую фигуру

¹ Кроме того в этой надписи встречается и бог Тушпа (66).

² Գ. Ղափանցյան, Աւրարտական պատմությունը, 47:

³ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, где на рисунке дана неверная развертка композиции: человеческую фигуру надо воспринимать стоящей перед деревом и стелами, как дает наш рисунок. На это указывал и сам Леманн-Гаупт.

в молитвенной позе, стоящую перед деревом и тремя каменными стелами, около дерева стоит кувшин с водой, а позади стел культовый предмет (рис. 89).

Каменные стелы с закругленным верхом, подобные изображенным на печати, в Ванском царстве были очень распространены, причем на них часто помещались клинообразные надписи. И. А. Орбели видел около Вана большие камни—двойные стелы, без надписей.

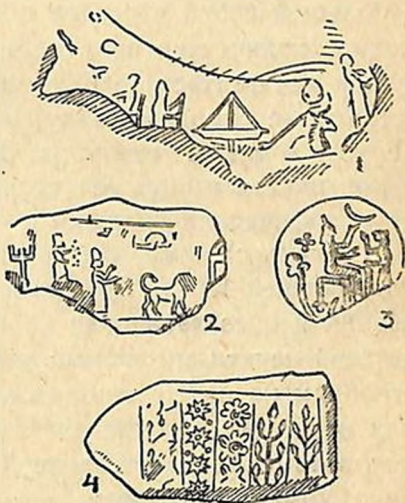
Каменные стелы урарты называли „пулуси“, но термин этот применялся не только к стелам, установленным на постаменте, но и к надписям, высеченным на скалах.¹

Сцена поклонения священному дереву, аналогичная рассмотренной выше, была изображена и на каменной облицовке стены, украшенной инкрустацией (см. выше, стр. 240). На ней мы видим урартского царя, стоящего в молитвенной позе перед деревом или держащего в руке ветку священного дерева.

На бронзовой обивке ящика, хранящейся в Британском музее,² также имеются изображения священного дерева (на этот раз—пальмы с волнообразными ветвями), сосуда и алтаря.

Церемонию, связанную со священным деревом, воспроизводит оттиск урартской печати, обнаруженный на Топрах-кале.³ На нем изображена четырехколесная повозка, с помещенным в ней деревом, позади нее стоит царь или жрец, за которым шествует чудовище с головой дракона, над дышлом повозки и перед драконом находятся изображения звезд (рис. 90). Леманн-

Гаупт эту сцену рассматривал первоначально как хорошо известную по вавилонским и ассирийским текстам процессию с кораблем, что как-будто подтверждалось и присутствием дракона—бога водной бездны Эа. Но впоследствии Леманн-Гаупт принял объяснение Шеффера (H. Schäfer), указавшего на то, что предмет, который понимался как мачта корабля, в действительности является сильно стилизованным рисунком дерева, помещенного на повозке. Известен и дру-

92. Оттиски печатей. Топрах-кале.

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, 50.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, примеч. 31*.

³ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, 197; *Armenien*, II, 2, 580.

гой оттиск печати со стилизованным деревом на повозке, у дышла которой помещена голова животного, а позади—шествующая с жезлом фигура. В левой части оттиска различимо изображение божества, сидящего на троне (рис. 92,1).

Урартские печати, оттиски которых были открыты при раскопках на Топрах-кале, дают целые сцены, связанные с культом.

Некоторые из них изображают царя, возможно, в роли верховного жреца, шествующего под зонтом, который несет приближенный; позади находится какой-то предмет в виде трезубца (рис. 92,2). Иногда около царя изображен лев, содержавшийся, возможно, как священное животное, при урартском храме.¹

Печати дают нам очень интересные отдельные изображения и сложные сцены культового и религиозного характера, к сожалению, в большей своей части не поддающиеся объяснению. Известно громадное количество печатей, изображающих шествующих птиц, грифонов или фантастических существ,² около которых обычно помещены астральные символы—полумесяц и звезда (рис. 88,1—4). Иногда птица держит в клюве ветку, напоминая ворона эпоса Гильгамеша. На одной печати изображен целый ряд символических знаков наподобие нероглифических знаков.³

Очень сложная сцена изображена на средней части печати, принадлежащей К. В. Тревер; в нижней части печати вырезан жертвенник и обезглавленная человеческая фигура. Среди изображений на этой печати мы видим: знак Ашшур, помещенный над рыбой, по сторонам которого находятся божество на троне и стоящий жрец или царь, далее жрец, возможно в одеянии рыбы, как на известных месопотамских памятниках, стоящий перед ложем (?), слева от которого помещена фигура животного (козла), полумесяц и звезда. Несомненно, перед нами изображения религиозно-магического значения, которые могут быть объяснены при учете данных религии Месопотамии и Передней Азии.

Бронзовая обивка ящика Британского музея имеет изображения фантастических существ с птичьими головами и петушиными гребнями, напоминающие Тиамат в сцене борьбы с Хаосом. Змея с головой животного также встречается в Урарту. В Британском музее хранится бронзовое изображение змеи с головой хищника, покрытое листовым золотом и цветной пастой.

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, I, 56; II, I, 15, 34, 198.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, I, 115, 165, 306, 358, 50; II, I, 288, 345.

³ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 833. Изображение этой печати помещено концовкой настоящей главы.

В Ванском царстве существовали вероятно и мифы, связанные с мифами Древнего Востока, но мифологическая урартская литература нам еще совершенно неизвестна. Но возможно, некоторые легендарные рассказы о родоначальниках армянского народа, приводимые Моисеем Хоренским и связанные с древневосточными мифами, дошли до армян через Урарту, так как места действия этих рассказов часто определенно локализируются на территории Ванского царства.

Из числа этих легенд особый интерес представляет рассказ о Хайке и его борьбе с Бэлом, великаном полубогом, желавшим подчинить себе весь мир. В самом имени великана сохранилось имя вавилонского бога Бэла, которому были посвящены мистерии, изображавшие заточение бога в скалу.

Легенда о Хайке, приводимая Моисеем Хоренским (I, 11) с ссылкой на древний текст, якобы обнаруженный в архивах Нишеви, рассказывает о том, как Хайк, не желая покориться Бэлу, покинул со всеми своими домочадцами Вавилон и „пошел в землю Араратскую, что в странах севера“. У подошвы одной горы Хайк построил дом, который отдал в наследство своему внуку Кадмосу, сыну Арменака, а сам направил свой путь на северо-запад и поселился на плоскогорье, которое он назвал Харк (одна из областей Туруберана, соседняя с Мелазгердом), а построенное им селение назвал Хайкашеном.

Бэл, утвердив свою власть, отправил в северную страну одного из своих сыновей с требованием от Хайка покорности, выраженным в следующих словах: „Ты поселился среди холодных ледников, согрей, смягчи холод оцепенелого, гордого твоего нрава и, покорившись мне, живи в мире в стране, мною обитаемой, где только будет тебе угодно“. Хайк ответил отказом, и тогда Бэл собрал свои полчища и двинулся на север, в землю Араратскую. Кадмос известил Хайка о грозящей опасности, и тот выступил навстречу врагу и дошел „до соленого озера, изобилующего мелкими рыбками“ (т. е. до Ванского озера). На равнине „меж высочайших гор“ произошла битва Хайка с Бэлом. „Страшно содрогнулась земля от столкновения исполинов обеих сторон и от воинственного натиска“. Полчища Бэла не выдержали и во главе со своим предводителем стали отступать в горы. Тогда Хайк натянул свой лук, „широкий как озеро“, и трехкрылой стрелой поразил великана Бэла, который упал замертво. Увидав гибель Бэла, его полчища бежали в страхе. На месте битвы Хайк построил виллу, которую назвал своим именем, поэтому, как указывает Моисей Хоренский, и „теперь еще эта область называется Хайоцдзор“ (долина реки Хошаба, юго-восточное побережье озера Ван).

Моисей Хоренский из легендарного рассказа о битве великанов полубогов сохранил лишь канву его, придав рассказу характер большей

историчности, но касаясь царицы Шамирам (I, 18), он прямо говорит о связанных с нею народных легендах, в которых рассказывается „о смерти Шамирам, о бегстве ее пешком, о мучительной жажде, о желании напиться, об утолении жажды и о том, как она, будучи настигнута вооруженными воинами, (бросает) в море свой талисман. Отсюда и песнь про нее—Ожерелье Шамирам, брошенное в море. Впрочем, если ты любишь басню, (то скажу), что Шамирам раньше Ниобей (превратилась) в камень“.

Это все указывает на то, что при внимательном исследовании древней армянской литературы и народного эпоса можно обнаружить остатки мифологических легенд, своими корнями восходящих к Урарту. Это явится новым источником изучения религии Ванского царства, которая, несмотря на скудость сведений, вырисовывается все-же в определенном виде.

На основании приведенного материала можно заключить, что религия Ванского царства была теснейшим образом связана с религией окружающих ее стран Передней Азии. Кроме местного, урартского, элемента в ней четко прослеживаются элементы месопотамские (ассиро-вавилонские), малоазийские (хуррито-хеттские) и иранские. Некоторые урартские религиозные элементы получили также широкое распространение по всей Передней Азии, доходя даже до Средиземноморья, и не случайно в святилищах архаической Греции были найдены урартские, или изготовленные под урартские, статуэтки крылатого женского божества.

Глава XV

Письмо и язык

Ванское царство принадлежит к тем государствам Древнего Востока, которые имели свою письменность и оставили письменные памятники, сообщающие ценнейшие сведения по истории и истории культуры древности.

Археологический материал дает нам определенные указания на то, что в Урарту существовала иероглифическая письменность. Отдельные знаки или группы знаков, изображающих головы животных, растения, отдельные предметы, часто — сосуды, кружки, черточки, волнистые и зигзагообразные линии, встречаются на обломках глиняных сосудов, каменных печатях, бронзовых изделиях и один раз на глиняной табличке. Клейма на глиняных сосудах также связаны с иероглифами.

В большинстве случаев эти надписи представляют собою группы символических знаков и счетные записи пиктографического характера. К последним принадлежит и текст на глиняной табличке, найденной на Топрах-кале.¹ Обозначения и записи мер содержат цифры, выраженные кружками и черточками, и пиктографические изображения сосудов, обозначающих определенные меры. Знаки на глиняной табличке указывают, как будто, на то, что текст писался по горизонтальным графам, справа налево.

Нет оснований сомневаться в местном происхождении урартских иероглифов и установление генетической их связи с критским пиктографическим письмом совершенно произвольно. Урартские иероглифы имеют гораздо больше общих черт с хеттскими, но в Хеттском царстве иероглифическая письменность получила широкое развитие, и ею выполнялись большие тексты весьма разнообразного характера.

В Урарту иероглифическое письмо имело ограниченный круг распространения и не вышло за пределы узко-хозяйственных и культовых нужд.

Примитивное иероглифическое письмо не могло удовлетворить потребности быстро возвышавшегося Урартского государства и вслед-

¹ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 588.

ствие этого, уже в IX в., уарты ввели у себя систему клинописи, заимствованную у ассирийцев.

Древнейшие из надписей уартских царей, надписи на крепостной стене Сардура сына Лутипра, у подножия Ванской скалы, написаны на ассирийском языке, но своеобразие оборотов и несоблюдение правил ассирийской речи выдают неассирийское происхождение их писца.¹

С конца IX в. появляются уже клинообразные надписи на уартском языке, причем эти надписи свидетельствуют уже о тщательно выработанной системе клинописи, приспособленной к уартскому языку.

В настоящее время известно около 200 уартских клинообразных надписей; громадное большинство их вырезано на камне, несколько надписей встречается на бронзовых и глиняных изделиях и одна (отдельное слово) на костяном предмете.²

Большая часть лапидарных надписей представляет собою тексты, рассказывающие о строительстве и помещенные на камнях построек. Иногда это надписи на сглаженном камне, вставленном в стену, иногда на частях колонн, а иногда текст высекался на стене, занимая поверхность нескольких смежных камней кладки. Повествовательные надписи исторического характера высекались на сглаженных поверхностях скал или на каменном памятнике в виде четырехгранной стелы. Религиозные тексты помещались как в нишах, высеченных в скалах, так и на стелах или же на камнях построек.

Размеры надписей были весьма различны. Известны короткие, однострочные надписи, но наряду с ними существовали пространные тексты. Так, дошедшая до нас часть летописи Сардура, сына Аргишти (на стеле и стене ниши) содержит 295 строк клинописного текста, а Хорхорская летопись Аргишти, сына Менуи, высеченная на Ванской скале, сохранила 378 строк.

Заимствовав ассирийскую клинопись, уарты несколько изменили форму знаков. В отличие от ассирийских знаков, имеющих треугольную головку и стержень в виде линии, уартские знаки представляют собою равномерно сужающиеся клинья, наподобие сильно вытянутых треугольников. Но в некоторых уартских надписях, в частности, на памятниках с горы Вараг, встречается ассирийское начертание знаков.

Форма уартской клинописи обусловлена тем, что она выполнялась преимущественно на камне, и действительно, уартское письмо на глиняных табличках графически очень близко к ассирийскому.

Так же как знаки ассирийской клинописи, уартские клинопис-

И. И. Мещанинов, Халдоведение, 1927, 205.

1: СICh, I, стр. I—III.

ные знаки состоят из комбинации следующих отдельных элементов: вертикальных и горизонтальных клиньев (коротких и длинных, узких и широких), наклонных клиньев и треугольников, обращенных вершиной влево („угловой клин“), а также редко встречающихся вертикальных и наклонных клиньев, помещенных вершинами вниз.

В связи с изменением формы отдельных элементов клинописи, в урартском письме изменились и формы некоторых из заимствованных у ассирийцев знаков. Так, два перекрещенных клина, вертикальный и горизонтальный, разбились на три—один вертикальный и два горизонтальных, помещенных по бокам основного клина.

Как уже было указано, урарты не механически заимствовали ассирийскую клинопись, а переработали ее соответственно своему языку, оставив неприкосновенными основные принципы письма.

Урартские надписи, также как и ассирийские, писались построчно, обычно в графленных строках, слева направо, без разделения текста на слова и без переноса слова с одной строки на другую.

Клинопись заключала в себе три категории знаков: фонемы, идеограммы и детерминативы.

Первая из них содержит около 100 знаков, имеющих звуковое соответствие, пять из них передают звуки (а, е, і, u, дифтонг ja), остальные же передают слоги, как открытые, с конечными гласными, так и закрытые.

Надо заметить, что чтение некоторых из этих урартских знаков принято условно, согласно ассирийским соответствиям, что значительно затрудняет лингвистические работы, основанные на урартской клинописи. До сих пор остается неразрешенным вопрос о полифонии урартских клинописных знаков, весьма характерной особенности ассирийской письменности.

Многовековое развитие месопотамской клинописи от пиктографического письма к фонетическому привело к тому, что клинописные знаки, соответственно многочисленным племенным языкам, получили несколько звуковых соответствий, которые продолжали сожительствовать на всем протяжении существования ассирийской клинописи. Урарты, заимствовав клинопись, повидимому, в значительной степени устранили полифонию, но несомненно, некоторые знаки допускали различное чтение. Так, знак *bi* урартской клинописи вероятно читался и как *wi*, поскольку звук *w* в клинописи не выделялся (*W* мог передаваться также знаком *u*), а знак *me* допускал чтение *mi*, что подтверждается фонетическим дополнением (*me=me+ı*), которое в отдельных случаях часто дает нам возможность установить конечный гласный.

Урартские идеограммы, т. е. клинописные знаки, означающие це-

лое слово или понятие, также заимствованы из ассирийской клинописи. В настоящее время известно около 100 идеограмм, но по мере обнаружения новых надписей число их, вероятно, будет увеличиваться. Имеется целый ряд простых идеограмм, состоящих из одного знака и связанных с древнейшими клинописными знаками, сохранившими еще пиктографичность. Таковы идеограммы „бог“ (звезда), „город“ (постройка на горе), „страна“ (гора).¹ Наряду с такими простыми идеограммами встречаются сложные идеограммы, состоящие из двух, а иногда и из трех знаков. Так, идеограмма „дворец“, „крепость“ состоит из двух отдельных знаков: „дом“ + „большой“, а идеограмма „лошадь“ представляет собою комбинацию знаков, которая читается как „осел горы“. Надо полагать, что пиктографическое значение идеограмм урартской клинописи было уже забыто, и урартский писец даже не предполагал, что клинописные знаки имели своими прототипами реальные пиктограммы. В урартских клинообразных надписях некоторые идеограммы раскрываются фонетически, т. е. после идеографического знака выписывается урартское слово, раскрывая тем самым фонетическое чтение идеограммы. Так, установлено, что идеограмма „владыка“ читалась урартами как *euṛi*, а „храм“—*aše*. Это обстоятельство облегчает нашу работу над урартской лексикой.

Среди урартских идеограмм встречаются иногда отдельные ассирийские слова, заимствованные урартами без изменения начертания. Так идеограмма „всадник“ повидимому является ассирийским словом *riṭḫallu*, выписанным фонетически, и первый знак этого комплекса надо рассматривать не как пиктограмму „дом“, а как фонетический знак *riṭ* (*bit*).²

Третья категория урартских клинописных знаков — детерминативы, „определители“, наиболее малочисленна. Детерминативы в письме всегда ставятся перед словом, к которому они относятся. В громадном большинстве случаев они предшествуют собственному имени.

Все знаки детерминативов одновременно являются и идеограммами, и часто бывает очень трудно установить, выступает ли данный

¹ Следует иметь в виду, что первоначально клинописные знаки выписывались вертикальными столбцами справа налево, а затем, после того как основным материалом для писания стали глиняные таблички, для удобства писца размещение текста было изменено, и вертикальные строки со знаками были повернуты на бок, став горизонтальными. Таким образом, все пиктографические знаки в урартском письме также как и в ассирийском, оказались положенными на левый бок. Эта трансформация письма была вызвана тем, что писец, выдавливая знаки на мягкой табличке вертикальными рядами справа налево, при работе правой рукой затирает нанесенный им текст, и во избежание этого он поворачивал табличку на 90°, так что вертикальные графы становились горизонтальными, а знаки писались слева направо.

² И. и. Мещанинов, Халдоведение, 1927, 96

знак в этом месте как идеограмма или же как детерминатив, читался ли он особо или же является только определителем следующего за ним слова. Это вполне понятно, так как детерминативы по своему существу являются рудиментом идеограммы или пиктограммы, раскрытой фонетически. Именно поэтому в клинописи, где фонетическое дополнение выписывается позади знака, детерминативы стоят в начале слова, а в египетской иероглифике, где фонетическое дополнение предшествует раскрываемому знаку, детерминативы помещаются после определяемого слова.

Урартское клинообразное письмо было очень близким к ассирийскому, и не случайно первые шаги по его расшифровке были сделаны специалистами-ассириологами, которые по идеограммам и детерминативам могли уловить общий смысл надписей.

Числительные урартской клинописи также совпадают с ассирийскими числительными. Они основаны на десятиричной системе, имея особые знаки для десятков, сотен и тысяч, но наряду с этим встречаются и пережитки прежней системы, шестидесятиричной, что отразилось в существовании особого знака для 60.

Единица в урартской клинописи обозначалась вертикальным клином, а число единиц до десяти—соответственным количеством клиньев. до трех—длинными, а свыше трех—короткими. Фонетическое чтение устанавливается только для первых трех числительных: 1—*šusini*, 2—*mešini* и 3—*kamanī*. Число 9 писалось двояко—девятью короткими клиньями или же тремя, поставленными друг над другом. Число 10 обозначалось одним угловым клином, 20—двумя, 30—тремя и т. д. до 70. В цифре 70 число 60 обозначалось вертикальным клином, аналогичным знаку единицы, и к нему прибавлялся угловой клин, также и последующие цифры десятков—80 и 90—писались с вертикальным клином вместо 60-ти, что является пережитком шестидесятиричной системы счета.

Знак для 100 представлял собою вертикальный клин с помещенным рядом горизонтальным, а знак для 1000 имел еще спереди угловой клин (что означало буквально „десять сотен“). Количество сотен и тысяч выписывалось цифрами, помещенными впереди знаков, обозначающих 100 и 1000. Так, число 7372 в урартской клинописи выписывалось следующим образом: 7M, 3C, LX, 10, 2, а число 25215 так: 20M, 5M, 2C, 10, 5.

Число 10000 не имело самостоятельного знака и всегда выписывалось фонетически *atibi*.

Наличие в урартских текстах идеограмм, сходных с ассирийскими, и установление при их помощи значения некоторых слов дало возможность исследователям работать над расшифровкой надписей, не

имея представления о строе языка, при самых разноречивых мнениях об отношении этого языка к известным. Язык ванских клинописей признавался и семитическим и индоевропейским, а некоторые ученые видели в нем непосредственного предка грузинского или армянского языков. Но все эти сопоставления очень мало давали, а иногда и совсем не давали, материала для понимания строя языка.¹ Двужычные надписи на ассирийском и урартском языках также уточняли главным образом лексику.²

Словарь урартского языка не позволяет определенно говорить о родстве языка ванских клинописей с каким нибудь древним языком Передней Азии или же с современными языками.

Правда, намечались определенные связи с некоторыми древними языками (хеттским, хурритским и др.) и современными закавказскими, но этот материал совершенно недостаточен для определенных выводов. Ясно лишь то, что армяне, занявшие после падения Урарту его территорию и являющиеся прямыми наследниками древнего царства по культуре, не сохранили в своем языке урартскую лексику. В словаре армянского языка, составленном Р. А. Ачаряном, автор считает возможным возвести к урартским корням не более пятнадцати армянских слов. Это нас не должно поражать, так как в самом Ванском царстве языки племен центральной его части были отличны от языков племен окраинных областей Урарту, а племена арменов и хайев, прямых предков армян, жили на окраине древнего государства. После падения Ванского царства урарты вошли составным слагаемым в армянский народ, но ни в этническом, ни в языковом отношении они не оказали существенного влияния. А. С. Гарибян указывает на то, что армянские диалекты Ванского и Урмийского районов сохранили все же, даже в области фонетики, определенные связи с древним урартским языком.

В процессе долгой и кропотливой работы исследователям клинописных текстов Ванского царства удалось подойти к вопросу о строе языка и составить его грамматику, страдающую, вследствие ограниченности материала и однотипности текстов, значительными пробелами.

В задачу настоящей книги не входит очерк грамматики урартского языка, которая находится еще в стадии разработки и подлежит всецело ведению лингвистов, владеющих как языками клинописи, так и кавказскими. Поэтому я ограничусь лишь описанием наиболее характерных явлений урартского языка, отсылая желающих ознакомиться

¹ Об этом см. в главе I настоящей книги, стр. 4—13.

² A. Götzе, *Zur Keltisch Stele*, ZA, N. F., b. 1—3, 1929, 99.

с клинописью Ванского царства более подробно, к основным работам по этому вопросу.¹

Несмотря на значительные успехи в изучении лексики урартского языка и в понимании общего смысла надписей, структура языка долгое время оставалась неясной. Оставалась она неясной вследствие того, что к языку ванской клинописи подходили с позиций индоевропейских языков. Этот подход оказался явно несостоятельным и лингвистические работы в урартологии значительно продвинулись вперед лишь после того, как урартский язык стали изучать исходя из норм кавказских языков. У языка ванской клинописи оказалось много особенностей, сближающих его не с каким-нибудь одним кавказским языком, но с целым рядом языков, как закавказских, так и горских.²

Без учета данных кавказской лингвистики невозможно понять весьма важное и характерное явление в урартском языке, „пассивную конструкцию“, выражающуюся в различном оформлении падежей логического субъекта при переходном и при непереходном глаголах и в постановке прямого объекта в именительном падеже. Г. В. Церетели, устанавливая близкое сходство строя урартского языка с картвельскими, с полной ясностью разъяснил сущность этого явления, иллюстрируя его убедительными примерами из грузинского языка.³ Он показал, что пассивное восприятие фразы, где при переходном глаголе прямой объект стоит в именительном падеже, несостоятельно, так как „именительный падеж“ кавказских языков принципиально отличен от именительного падежа индоевропейских языков.

В урартском при переходном глаголе подлежащее стоит в активном (повествовательном) падеже с суффиксом -še: *Argišti-še... inl aše zadu-ni* „Аргишти... этот храм построил“. Особенности написания в некоторых случаях указывают, как будто, на то, что этот суффикс выговаривался как š, без конечного гласного. Например: *Išruini-iš... burgana-ni šidišitu-ni* (CICh, 10).“ В приведенном примере логический объект стоит не в форме чистой основы, как в первом случае, а в именительном падеже, с суффиксом -ni.

В урартском языке различие между переходным глаголом (имеющим

¹ J. Friedrich, Einführung ins Urartäische, Grammatischer Abriss und ausgewählte Texte, MVAG, XXXVII, в. 3, 1933; И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, II, 1935. Многие из приводимых мною примеров грамматических форм заимствованы из этих работ.

² В этом направлении проводились все работы Н. Я. Марра, см. И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, II, 182—268.

³ Г. В. Церетели, Урартские памятники Музея Грузии, 1939, 15—19.

⁴ J. Friedrich, Beiträge zur Grammatik des Chaldäischen, Caucastica, VII, 1931, 53.

коренной гласный—и) и непереходным (с коренным гласным—а) выступает очень ясно.

Таблица спряжения глаголов показывает, что переходные и непереходные глаголы имеют совершенно различные местоименные суффиксы.

Так, при переходном глаголе суффикс 1 лица ед. числа—-bi, в то время как при переходном—-di.

Например: Sarduri-še alle ušta-di hau-bi Argugini KUR-nie— „Сардур говорит: выступил я, захватил я страну Аркукини“ (CICH, 134). 3 лицо ед. числа имеет при переходном глаголе суффикс-ni, при непереходном же—-bi: Argisti-še... ini aše zadu-ni— „Аргишти... этот храм построил“ (CICH, 123), но: Ardini-di nuna -be (bi) Išpuini-ni— „В город Арда пришел Ишпуни“ (CICH, 12).

Множественное число оформлено суффиксом -li: Ardini-di nuna-li Išpuini-ni Sardurehe Menua-[ni] Išpuinihe— „В город Арда пришли Ишпуни, сын Сардура, и Менуа, сын Ишпуина“ (CICH, 12).¹

Вследствие того, что большинство известных в настоящее время урартских надписей ведут повествование от 1-го лица (от имени царя), в языке Ванского царства установлены пока лишь два личных местоимения: местоимение 1-го лица единств. числа в падеже логического субъекта при переходном глаголе—leše (leše ini pili agu-bi— „я этот канал провел) и местоимение 3-го лица единств. числа в косвенных падежах, родительном—mei и дательном—meinī, встречающееся в формулах проклятия.

Прослежены также указательные местоимения: ipi— „этот“ и inipi— „эти“, и относительное местоимение alu— „тот, который“, стоящее в формулах проклятий в активном падеже (alu-še).

Склонение имен в урартском языке выражается путем суффиксации.² В настоящее время устанавливается пять падежей:

1. Неоформленный или именительный падеж.

Выражается чистой основой или же суффиксом-ni, применяется для обозначения логического субъекта (действующего лица) при непереходных глаголах или же—обозначения логического объекта при переходных глаголах.

Во множественном числе логический объект принимает показатель множественности-li: Haldini-li KA-li šidištua-li— „Ворога бога Халда соорудил“.

2. Активный падеж, передающий логический субъект при переходных глаголах. Характеризуется суффиксом-še.

¹ и. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, II, 58.

² И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, II, 128—173.

Кроме этих двух падежей в языке ванской клинописи прослеживаются три падежа косвенного объекта.

3. Родительный падеж (с суффиксом -e/1), выражающий определение и в некоторых случаях принадлежность.

ŠAR Bāina-e—„царь страны Бнайны“,

Menua-i pīlī tīni—„Менуи канал назвав“.

Во множественном числе этот падеж принимает суффикс-ue:

KUR KUR MEŠ-a-ue—„страна стран“,

ŠAR ŠAR-ue—„царь царей“.

4. Дательный падеж (с суффиксом -ni), выражающий обращение. а в некоторых случаях, также как и родительный, принадлежность: Haldini-ni ušmaši-ni Sarduri-še ale— „Богу Халду, могущественному Сардур говорит“.

Фразу—Haldini-ni ušmaši-ni Menua-še Išpuinihīni-še īni aše zadu-ni можно перевести и как „Для бога Халда (богу Халду) Менуа, сын Ишпуина этот храм построил“.

5. Направительный падеж (с суффиксом -di) ušta-di Mana-i-di „выступил в страну Мана“; hutia-di Haldie-di eurie-di TEIŠEBA-di ARDI-di ILU MEŠ-ašte Bānia-ašte—„обратился к богу Халду, владыке, к богу Тейшебе, к богу Арду, к богу Бнайны“. В приведенном тексте суффикс -ašte выступает как суффикс множественного числа в направительном падеже.

Краткие сведения относительно урартской грамматики, приведенные мною, не могут дать полного представления об урартском языке. Но эта неполнота определяется не только краткостью изложения, она объясняется в значительной мере характером дошедших до нас урартских клинообразных надписей, весьма однотипных. Содержание сохранившихся текстов, преимущественно, повествовательное, и оно не может дать нам материал для реконструкции грамматики урартского языка в целом. Нам трудно установить даже спряжение глаголов по временам, так как громадное большинство текстов передает аорист. Только в стереотипной форме ali/e „(такой-то) говорит“ выступает, повидимому, настоящее время, а в формулах проклятия можно предполагать сослагательное будущее. Но надо заметить, что формулы проклятия, заключающие текст многих урартских надписей, несмотря на то, что именно они явились ключом для расшифровки ванской клинописи, содержат еще много неясностей в переводе.

Это обстоятельство в значительной мере объясняется их стереотипностью и невозможностью сопоставления встречающихся в них грамматических форм с формами текстов иного содержания.

Урартские клинописные памятники еще до настоящего времени

кажутся нам монолитными. Они появляются в конце IX в. с совершенно выработанной, как будто изобретенной, системой письма, и ни в письме, ни в самом языке надписей мы еще не можем выделить элементы, которые указывали бы на историческое развитие письма и языка. В этом опять повинно ограниченное число текстов, большая часть которых относится к ограниченному отрезку времени, во всяком случае менее одного века, к правлению Менуи, его сына Аргишти и его внука Сардура. Таким образом изучение истории ванской клинописи и исторического развития урартского языка дело будущего, надо надеяться, недалекого.

При исследовании урартских клинообразных надписей И. И. Мещанинову удалось сделать одно чрезвычайно любопытное наблюдение. Оказывается, что дважды повторяющийся текст знаменитой надписи Мхер-капуси не является однородным, а делится на две половины, повторяющие один и тот же по содержанию текст, но при различии глагольных форм.

Из этого вытекает естественное заключение, что писец не просто повторил надпись дважды, а пересказал текст на каком-то другом, урартском же, языке. На этом же языке оказались написанными несколько совместных надписей Ишпуина и Менуа, а также урартский текст двуязычной Келяшинской стелы.

И. И. Мещанинов высказал предположение, что перед нами два языка центральной части Урарту, один—мертвый, культово-официальный язык царских надписей, другой—живой, народный.

Но не исключена и другая возможность. Вполне допустимо и предположение, что перед нами два диалекта урартского языка, один—диалект населения центральной части Ванского царства, другой же—населения какой-то окраинной области, имевшей важное значение в политической или же религиозной жизни Урарту.

Глава XVI

Скифы в Передней Азии

В конце VIII в. в политической жизни Древнего Востока произошли большие перемены. При ослаблении старых государств стали появляться новые, что сопровождалось также этническими перегруппировками. Особенно интенсивно этот процесс протекал в северных областях Передней Азии, в частности — в Малой Азии.

В ассирийских клинописных памятниках этого времени впервые встречается упоминание о стране Гамирр и о народе гимирра (киммерах), появившемся на севере Передней Азии.

Среди табличек клинописного архива, найденного в развалинах дворца на холме Куянджик в Ниневии, сохранились письма, осведомлявшие ассирийских правителей о событиях, происходивших в соседних странах. Названия страны Гамирр и народа гимирра встречаются в них неоднократно.¹

Ассирийский агент Ашуррисуа, от которого дошло много писем, осведомлявших ассирийского царя о событиях в Урарту, в одном из своих донесений писал, что „страны Гуриания и Нагну находятся между Урарту и Гамирр“.²

Отождествление упоминаемой в этом письме страны Гуриания с Куриани (*quriani*) урартских текстов (Летопись Сардура, V, 6), имя которой встречается вместе с названием страны Игания, подтверждает предположение, что страна Гамирр находилась к северо-западу от Ванского царства, вероятно, в восточной части Каппадокии.

Сохранилось также письмо Синахериба своему отцу Саргону, в котором ассирийский наследник приводил сводку сведений о положении в Урарту, полученных через разных лиц. Сообщения из страны Уккая и от правителя города Халсу, Набули, рассказывали о неудачном походе урартов в страну Гамирр.³

Синахериб в своей сводке дословно приводил сообщение На-

¹ Waterman, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*, I—II, 1930, №№ 112, 146, 197, 473, 1026, 1161, 1168, 1237 и 1391.

² Waterman, *ук. соч.* I, № 146.

³ Waterman, *ук. соч.* I, № 197.

були—„Я писал страже пограничных крепостей относительно вестей об урартском (царе). Когда он отправился в страну Гамирр, все его войско было побито, трое из его начальников со своими отрядами убиты, сам же он бежал и вступил в собственную землю, его лагерь до сих пор не был достигнут“.

В другом письме Синахериб сообщал сведения, полученные через Ашуррисуа от Урзаны, правителя Мусасира, и касающиеся похода урартов против киммеров, окончившегося поражением урартов и гибелью правителя области Уаси.¹

На одном из обломков писем Куюнджикского архива имеем перечисление девяти урартских наместников, убитых, повидимому, во время этого неудачного похода. В конце письма сообщается, что сам урартский царь после поражения своего войска бежал, спасая свою жизнь, в горы.²

Приведенные письма, по всей вероятности, были написаны до 714 г. (до похода ассирийцев против Урарту) и относятся к тому времени, когда Саргон внимательно следил за действиями своего противника, Русы, сына Сардура. Мы знаем, что в осведомлении ассирийцев правитель Мусасира, Урзана, выступивший впоследствии против Ассирии, играл немалую роль.

Киммеры упоминаются также в вопросах к богу Шамашу (оракулах), относящихся ко времени Асархаддона и Ашурбанишала.³ Как можно судить по этим текстам, Асархаддона тревожило положение на северных окраинах Ассирии и он спрашивал Шамаша—осуществятся ли замыслы Урсы (Русы), правителя Урарту, или народа гимирра? „Двинутся ли они в поход, на войну, на бой, в битву, чтобы убивать, захватывать и грабить, к земле Шуприа, будь то к городу Буми или же к Куламери, или же к (иным) крепостям Шуприа, захватят ли они, присвоят ли они, мало или много? Твое великое божество знает это“.⁴

Другая таблетка оракула содержит следующий текст: „О, Шамаш, великий владыка, на то, о чем я тебя вопрошаю, дай мне верный ответ. С этого дня, с третьего дня этого месяца Айар, до одиннадцатого дня месяца Аб этого года, за эти сто дней и сто ночей...

¹ F. Thureau-Dangin, Une relation de la huitième campagne de Sargon, 1912, стр. XV; Waterman, ук. соч., № 1079, и² приводит восстановления Thureau-Dangin'a (слова Гамирр) и придерживается буквально копии текста, сделанной Harper'ом.

² E. Klauber, Assyrisches Beamtentum nach Briefen aus der Sargonidenzeit, 1910, стр. 70; Waterman, ук. соч., I, № 646.

³ J. A. Knudtzon, Assyrische Gebete an den Sonnengott, I, II, 1893.

⁴ J. A. Knudtzon, ук. соч., II, № 48. Таблетка плохой сохранности (имя Русы повреждено).

удадутся ли планы Каштарити с его воинами, или воинов Гамирра, или воинов мидийских, или воинов манейских, или какого бы то ни было врага... возьмут ли они город Кишассу, покорит ли его рука, падет ли он от их силы? Твое великое божество знает это".¹

Ответы на вопросы Асархаддона не сохранились, но нам известно, что отряды Каштарити были разгромлены ассирийцами.

Среди табличек Куюнджикского архива находится письмо некоего Белушезиба Асархаддону, извещавшее о злодеяниях киммеров: „Киммеры говорили—маней ваши, мы связали свои ноги (т. е. мы не будем вторгаться). Конечно, это ложь. Разве они не семя зла? Они не знают клятвы богам и присяги".² Далее в письме приводится тактика борьбы с врагами путем организации засады на перевале и предсказывается изгнание киммеров из страны Мана.

Из того же архива происходит очень плохо сохранившееся письмо Асархаддону от его сына Ашурбанипала, в котором ассирийский наследник приводил сведения, полученные им относительно киммеров.³

В анналах Асархаддона отмечается также победа в стране Хубушне над киммером Теушпой, „из далекой страны",⁴ которого некоторые исследователи считали мидийским военачальником. Но такой вывод из текста не следует, так как термин *umman-manda* в надписях Асархаддона не означает обязательно „войско мидян".⁵ В одном тексте на табличке из Куюнджикского архива, содержащем астрологические предсказания по поводу киммеров, говорится: „Когда Марс появится в месяце Айар, враги будут неправедны к *umman-manda*—это (значит) киммеры".⁶

Наряду со сведением о победе над киммером Теушпой, ассирийские анналы упоминают о поражении войска ашгуза Ишпаки.⁷ В текстах оракулов неоднократно встречается термин „войны ишгуза", причем эти отряды представляли грозную опасность.

Винклер давно и достаточно убедительно разъяснил, что термины „ашгуза" (анналы) и „ишгуза" (оракулы) содержат в своей основе племенное название скифов.⁸

¹ Knudtzon, ук. соч., II, № 1.

² Waterman, ук. соч., II, № 1237.

³ Waterman, ук. соч., II, № 1026.

⁴ E. Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek, II, 1890, 129.

⁵ C. J. Gadd. The Fall of Nineveh, 1923, 14; см. также M. Streck, Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige, I, 1916, 375.

⁶ Waterman, ук. соч., II, № 1391.

⁷ Schrader, ук. соч., II, 129 (II, 29).

⁸ H. Winckler, Kimmierier, Ašguzäer, Skythen. Altorientalische Forschungen, I, 1897, 488.

Среди вопросов к богу Шамашу имеется текст следующего содержания: „Исполнятся ли замыслы скифских воинов, которые находятся в области Мана, пойдут ли они на границы Мана? Выйдут ли они через перевалы к Хубушкиа, к городам Хараниа или Анисускиа, пойдут ли они и захватят ли они с границ Ассирии многочисленную добычу?“¹

Из этого текста мы узнаем, что в то время скифы были в районе оз. Урмии, там же, где, согласно приведенному выше письму Белушезиба Асархаддону, находились также киммеры. Таким образом, отрывочные и довольно случайные сведения клинописных источников кратко, но достаточно определенно, отмечают то большое, главным образом разрушительное значение, которое имели в Передней Азии с конца VIII в. киммеры и скифы. Противники Ассирии, в частности мидяне, искали в них себе союзников, но и ассирийцы в свою очередь всячески старались склонить киммеров и скифов на свою сторону.

После поражения Каштарити Асархаддон заключил союз со скифским вождем Бартатуа, выдав за него свою дочь. Среди таблесток с оракулами имеется один текст, в котором ассирийский царь спрашивал бога Шамаша о том, будет ли скифский вожда соблюдать дружбу, если Асархаддон, согласно его просьбе, переданной через посла, выдаст за него замуж свою дочь.²

Античные писатели сохранили нам и рассказы о проникновении скифов в Переднюю Азию.

Геродот приводит рассказ о том, что „скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерами и, преследуя бегущих, дошли таким образом до Мидийской земли“ (I, 103—104). Далее он описывает ближайший путь из Меотиды в Мидию и движение скифов. „Скифы однако вторглись не этим путем,—писал Геродот,—они уклонились в сторону и пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказскую гору. Здесь мидяне сразились со скифами, но потерпели поражение и потеряли свое господство, а скифы завладели всей Азией. Отсюда скифы пошли на Египет. Когда они появились в Палестинской Сирии, египетский царь Псаметих, выйдя к ним навстречу, дарами и просьбами отклонил их от дальнейшего движения“ (I, 104—105).

Эти сведения Геродота относятся к концу VII в., ко времени войны скифов с мидийским правителем Киаксаром, между тем как, как мы видели выше, киммеры и скифы появились в Передней Азии

¹ Knudtzon, ук. соч., II, № 35.

² Knudtzon, ук. соч., II, № 29.

значительно раньше, да и скифский царь Мадий, сын Прототия, упоминаемый Геродотом, есть не кто иной, как сын Бартатуа клинописных текстов, союзника Асархаддона.

Указание на вторжение киммеров в Переднюю Азию мы встречаем и у Страбона (III, 2, § 12). „Гомер, зная, что киммеры поселились в северных и мрачных местностях у Боспора,—писал Страбон,—поместил их возле преисподней,—быть может даже вследствие общей ионийцам ненависти к этому племени: ведь именно во времена Гомера, или немного раньше его, как говорят, произошло вторжение киммеров в Азию до Эллады и Ионии“.

Приведенное Страбоном указание времени вторжения киммеров в Переднюю Азию кажется вполне правдоподобным, так как первоначальное оформление греческого „гомеровского“ эпоса, с наибольшей вероятностью, следует, повидимому, отнести к VIII в. Страбон (I, 3, § 21) сохранил нам также имена скифских и киммерских предводителей; говоря о переселении народов, он отмечает „отдельные странствования вождей, как, например, Мадея скифского, Теарко эфиопского, Кова трирского (киммерского)“.

При ассирийском царе Ашурбанипале борьба с киммерами продолжалась, но они были уже оттеснены в западную часть Передней Азии. В анналах Ашурбанипала отмечается победа Гуггу (Гигеса), правителя Лидии, над народом гимирра, который, по словам анналов, „моих предков не боялся и мой, царя, ноги не обнимал“.¹ После поражения киммеров в Лидии Гигес прислал Ашурбанипалу вместе с драгоценными подарками двух пленных киммерских военачальников, закованных в железные кандалы. В тех же анналах говорится и о борьбе с киммерами египетского фараона Псаметиха (Пишамилку).

Но успех Гигеса в борьбе с киммерами не был окончательным; после того как он, отказавшись от помощи Ассирии, заключил союз с Псаметихом, киммеры вторглись в Лидию и опустошили страну, причем в одном из сражений был убит сам Гигес. При преемнике Гигеса, Ардисе, киммеры снова потерпели жестокое поражение в Киликии, после чего их остатки отступили на запад Малой Азии, где продержались еще некоторое время.

В Библии походы киммеров и скифов, повидимому, нашли свой отголосок в рассказах о вторжении далеких иноземных народов, что, вероятно, было связано с походами киммеров в Малую Азию в начале VII в.

В библейском генеалогическом списке, где имена народностей получили форму личных имен,—Гомер (киммеры, гимирра клинопис-

¹ E. Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek, II, 175.

ных текстов) считается сыном Яфета и отцом трех сыновей: Ашке-наза (скифы, ашгуза клинописных текстов), Рифата (пафлагонцы) и Тогарма (армяне).

Сведения о киммерских и скифских походах имеются также у библейских пророков. Так, Иеремия (V, 15—16) влагает в уста бога следующие слова: „Вот, я приведу на вас, дом Израиля, народ издалека, народ сильный, народ древний, народ, языка которого ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его—как открытый гроб, все они—люди храбрые“. В пророчестве Иезекииля (XXXVIII, 6) бог обещает послать против народа Израиля „Гомера (т. е. киммеров) со всеми отрядами его, дом Тогарма (т. е. армян), от пределов севера, всеми отрядами его“...

До настоящего времени среди археологических памятников Передней Азии мы не можем установить ни одного комплекса, связанного с киммерами или же со скифами.

Все еще неизвестным для нас остается археологический материал Мидийского царства, относительно которого наши знания не подвинулись сколько-нибудь значительно с конца прошлого века. Прашек (J. V. Prašek) свою книгу, посвященную истории Мидии и вышедшую в 1890 г., начинал следующей фразой: „К труднейшим вопросам в области истории древнего мира относится история Мидии, наследницы могучего Ассирийского государства и предшественницы персидского мирового господства“.¹ Наши знания по истории Мидии остались до сих пор, примерно, в том же положении, а археологические исследования этого древнего царства все еще не произведены, и нам известны лишь отдельные случайные предметы, найденные на развалинах мидийской столицы, Экбатаны.

Но при внимательном рассмотрении археологического материала из Месопотамии, наилучше обследованного в археологическом отношении района Передней Азии, оказывается возможным выделить группу предметов, носящих следы иноземного влияния.

При раскопках ассирийских дворцов были найдены памятники искусства, происходящие из далеких от Ассирии стран или же имеющие следы иноземных влияний,—таковы вещи египетского, сирийского и ионийского стиля.² Несомненно, среди вещей, найденных в Месопотамии, имеются также отдельные предметы, происходящие из стран, расположенных от нее к северу³ и востоку, но они, в большинстве случаев, остаются для нас пока не опознанными.

¹ J. V. Prašek, *Medien und das Haus des Kyaxares*, 1890, 5.

² F. Poulsen, *Der Orient und die frühgräechische Kunst*, 1912, 38 и след.

³ E. Herzfeld, *Khattische und khaldische Bronzen*, *Janus*, I, 1921, 148.

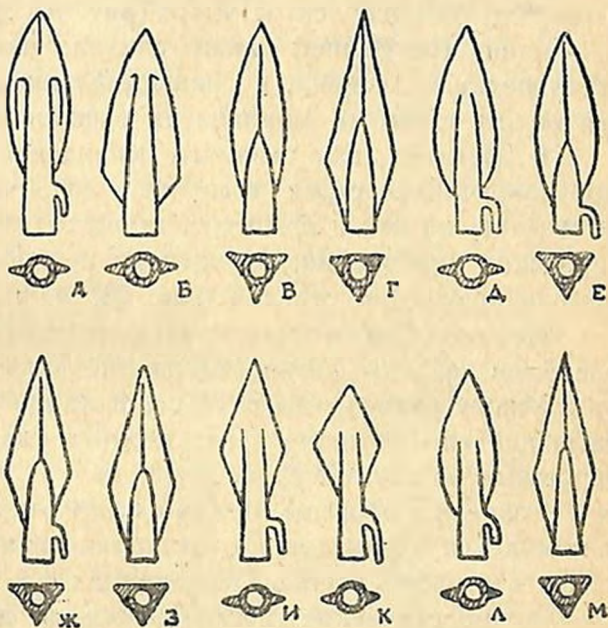
Но кроме памятников искусства встречаются также отдельные предметы вооружения, среди которых кажется возможным выделить группу предметов, определению происходящих из северных по отношению к Ассирии областей.

При раскопках во многих местностях Передней Азии в комплексах материалов VII в. были находимы бронзовые наконечники стрел характерной формы (дву-перые с шипом сбоку или же трехгранные), отличные от обычных переднеазиатских, но совершенно тождественные со скифскими, встречающимися в это время в степях Причерноморья. Весьма вероятно, что эти бронзовые наконечники стрел не случайно тождественны со скифскими и их появление было связано с проникновением киммеров и скифов в VII веке в Переднюю Азию.

Из центральной части Урарту, из крепости Хайкаберд (в Ванском районе) происходят наконечники стрел, крупные дву-перые, иногда с боковым шипом, и трехгранные, по форме совершенно совпадающие с архаическими скифскими (конца VII в. и начала VI в.). Трехгранный наконечник стрелы, также архаической формы, был найден и на Топрах-кале¹ (рис. 93, а—г).

Подобные бронзовые наконечники стрел встречаются при раскопках древних ассирийских городов и крепостей. Один такой экземпляр опубликован Роулинсоном среди наконечников стрел, происходящих из Нимруда и Куюнджика.²

В столице Ассирии, в городе Ашуре, при раскопках оборони-

93. Бронзовые наконечники стрел „скифского типа“ из городов Передней Азии.
а, б, в.—Хайкаберд; г—Топрах-кале; д, е—Ашур;
ж, з—Вавилон; и, к—Тарс; л, м—Джерар.

¹ Основной тип урартских наконечников стрел совершенно отличен от этого.

² G. Rawlinson, *The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World*, II, 1864, 59.

тельных сооружений было найдено несколько трехгранных бронзовых наконечников стрел, причем некоторые из них имели боковой шип.¹ При публикации материала из раскопок в Ашуре, Андрэ (W. Andrae) считал их вражескими, теми, которыми осаждавшие забрасывали защитников, и, не поняв назначения шипа на втулке, объяснял его, как приспособление для прикрепления зажигательных материалов, полагая, что он согнулся от удара (рис. 93, д, е).

Боннэ (H. Bonnet) также считал, что эти типы наконечников стрел редки в Ассирии, и приписывал их вражеским отрядам, указывая вместе с тем на широкое их распространение в районе Кавказа.²

В Вавилоне, как указывал Кольдевей (R. Koldewey),³ трехгранные наконечники стрел того же типа, что были приведены нами выше, так же как и в Ашуре, происходят преимущественно со стен городских укреплений, подкрепляя предположение, что они принадлежали вражеским стрелам (рис. 93, ж, з).

Нет надобности останавливаться на всех пунктах Передней Азии, где были найдены бронзовые наконечники стрел „скифского типа“.

Укажу только, что в Тарсе, в комплексе предметов VII—VI вв. были найдены хорошие образцы этого типа с боковым шипом и отверстиями на втулке⁴ (рис. 93, и, к).

Такие же образцы недавно были открыты в Сирии (Аль-Мина) в комплексе предметов, отражающих связь северной Сирии с Египтом и восточной частью Передней Азии.⁵

Археологические исследования в центральной части Малой Азии (Алишар) также дали целый ряд образцов двуперых наконечников стрел, иногда с боковым шипом.⁶

Особо следует отметить большое количество бронзовых наконечников стрел „скифского типа“, обнаруженных вместе с литейными формами при раскопках Кархемиша, в слое, относящемся к последнему периоду жизни города, т. е. к самому концу VII в. (около 604 г.).⁷ Эта находка створчатых литейных форм для наконечников стрел рассматриваемого типа, свидетельствующая о местном их производстве, несомненно представляет большой интерес.

¹ W. Andrae, *Festungswerke aus Assur*, 1912, 143.

² H. Bonnet, *Die Waffen der Völker des alten Orients*, 1926, 165..

³ R. Koldewey, *Das wiedererstehende Babylon*, 1913. 275.

⁴ H. Goldman, *Excavations of Gözlu-kule*, *American Journal of Archaeology*, вып. 7, 1937, 277, рис. 33.

⁵ L. Woolley, *The excavations at al-Mina, Suedia*, *The Journal of Hellenic Studies*, 1938.

⁶ E. F. Schmidt, *Anatolia through the ages*, *Oriental Institute Communications*, № 11, 1931, 138, рис. 196.

⁷ L. Woolley, *Carchemish*, II, 1921, 125—126.

В Южной Палестине, в Джераре, также было найдено большое число бронзовых наконечников стрел „архаического скифского типа“, как двуперых, так и трехгранных¹ (рис. 93, л, м).

Флиндерс Петри (W. M. Flinders Petrie), производивший там раскопки, основную их часть датировал временем XXVI династии египетских фараонов, т. е. второй половиной VII в.; некоторые же он относил к VIII в.; но последняя датировка вызывает сомнения в ее правильности, тем более, что в другой своей работе Флиндерс Петри относил трехгранные наконечники стрел преимущественно к XXVI династии и связывал появление этого типа стрел в Египте со скифским нашествием в Сирию.²

В Египте трехгранные бронзовые наконечники стрел обнаружены также в сравительно большом числе и главным образом в северной части страны. Исследователи египетского вооружения относят обычно эти типы стрел к позднему времени (конец VII—VI в.), считая их вооружением иноземного войска.³

Некоторые археологи относят бронзовые наконечники стрел рассмотренного нами типа также и к мидянам, которые в древнем мире наряду со скифами славились как искусные стрелки из лука. Большое количество наконечников стрел именно этого типа было собрано археологами на месте древних сражений, в которых участвовали мидяне.

Таким образом, бронзовые наконечники стрел так называемого „архаического скифского типа“ встречаются на обширной территории, но сравнительно непродолжительное время (VII—VI вв.). Форма их настолько специфична, что предположения о независимом возникновении этого типа в различных районах не могут быть признаны основательными.

Западноевропейские трехгранные наконечники стрел, как, например, греческие,⁴ в основном отличны от отмеченных выше переднеазиатских. Трехгранный наконечник стрелы, найденный в Галльштатском могильнике,⁵ также отличается от рассмотренных выше.

Очень вероятно, что описанные выше бронзовые наконечники стрел, ставшие предметами переднеазиатского вооружения, на что ука-

¹ W. M. Flinders Petrie, Gerar, 1928, табл. XXIX, 15.

² W. M. Flinders Petrie, Tools and Weapons, табл. XLII, 34.

³ W. Wolf, Die Bewaffnung des altägyptischen Heeres, 1926, 86, примеч. 1.

⁴ E. Bulanda, Bogen und Pfeil bei den Völkern des Altertums, 1913, 105; H. B. Walters, Catalogue of the Bronzes Greek, Roman and Etruscan in the British Museum, 1899, 346—357; Б. Н. Граков, Техника изготовления стрел у скифов и сарматов, Труды Секции Археологии РАНИОН, V, 1930, 70.

⁵ F. Sacken, Das Gräberfeld von Hallstatt in Oberösterreich und dessen Alterthümer, 1868, табл. VII.

зывают находки в Кархемише и Джераре, отмечающие их местное изготовление, не случайно тождественны со „скифскими“, известными также на очень обширной территории (вплоть до Сибири и Средней Азии) и вполне возможно, что они тесным образом связаны с появлением скифов в Передней Азии в VII в.

Этот чрезвычайно важный период истории Передней Азии, период больших политических изменений, приведших к гибели прежних гегемонов, сопровождавшийся изменением старых границ, возникновением новых объединений и этническими перегруппировками, остается для нас далеко не ясным.

Киммеры появились в VIII в. в западной части Закавказья и проникли в восточную Каппадокию, где, повидимому, находилась страна Гамирр, упоминаемая в ассирийских текстах. Армянский язык сохранил племенное название киммеров в названии Каппадокии—Гамирк (*gamir-q*).¹

Скифы, в противоположность киммерам, известны нам в восточном Закавказье. В конце VII в. и в первой половине VI в. они двигались на запад Передней Азии, доходя до Палестины, где один из городов получил название Скифополя (Бетшан).

В гибели старых могущественных государств Передней Азии скифы сыграли немаловажную роль, о чем, в частности, рассказывает табличка Британского музея № 21901, содержащая описание событий с десятого по семнадцатый год правления вавилонского царя Набупаласара (616—609 гг.).²

По сведениям, приводимым этой хроникой, в 614 г. мидяне осаждали Ниневию и Ашур. С Ниневии осаду им пришлось снять, но Ашур был взят и разрушен. В том же году, в побежденном Ашуре состоялось свидание Набупаласара с Киаксаром, закончившееся заключением военного союза между Вавилонией и Мидией; вскоре в этот союз вступили и скифы.

Уже через год, в 612 г., вавилоняне, мидяне и скифы предприняли совместный поход на Ниневию, осадили город и после трех кровопролитных битв добились падения ассирийской столицы. Ниневия была разграблена и разрушена.

В 610 г. скифы вместе с вавилонянами двинулись на Харран; ассирийский царь Ашурубалит со своим войском отступил в Сирнию, оставив Харран; попытка ассирийцев и египтян отбить в следующем году этот город была безуспешной.

Многие урартские города и поселения были, повидимому, также разрушены скифами, или, вернее сказать, кочевыми племенами, про-

¹ Н. Я. Марр и И. А. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, 55.

² С. J. Gadd, *The Fall of Nineveh*, 1923.

никавшими в Закавказье и центральную часть Передней Азии из-за Кавказского хребта.

Очень вероятно, что именно на это указывают бронзовые наконечники стрел „скифского типа“, найденные на поверхности Топрах-кале (у Вана) и в урартской крепости Хайкаберд. Нахождение их на поверхности, повидимому, объясняется тем, что при осаде городов и поселений стрелы попадали в глинобитные стены строений, застревали в них, а после разрушения и обвала стен оказывались не в основном культурном слое, а выше его; при размывании же сырцового кирпича бронзовые наконечники стрел оставались просто на поверхности городища.

Очень показательную и четкую в этом отношении картину дали раскопки урартской крепости на Кармир-блуре, около Еревана. Археологические исследования, проведенные на Кармир-блуре в 1940 г., позволили установить не только время, но и обстоятельства гибели урартской крепости и поселения, имевших большое значение для южного Закавказья конца VII в. и начала VI в.

Как было уже указано выше, в главе X, при раскопках западного фасада дворца на Кармир-блуре было обнаружено большое количество бронзовых наконечников стрел, отличающихся и по форме от плоских железных наконечников с длинным стержнем для насадки на древко; они находились в основном культурном слое урартского поселения. Бронзовые наконечники в большинстве трехгранные, реже двуперые, имеют иногда на втулке боковой шип, и в основном тип этих стрел совершенно совпадает с типом скифских стрел начала VI в. (рис. 53).

Особенно интересны обстоятельства находок этих бронзовых наконечников стрел на Кармир-блуре. Большинство их найдено не в культурном слое поселения, а в перекрывающем его грунте, представляющем собою разрушенные верхние части стен, сложенных из сырцового кирпича. Из этого можно вывести заключение, что первоначально, до разрушения стен строения, стрелы находились в кладке стены. Некоторые из них имеют загибы и обломы на концах, образовавшиеся от удара о камень, а один из наконечников был обнаружен застрявшим в слое глиняной обмазки, покрывавшей каменный фундамент стены. Таким образом, стрелы с наконечниками „скифского типа“ принадлежали врагам, которые обстреливали крепость на Кармир-блуре. С этим согласуется и находка одного наконечника у внешней линии оборонительных стен на северном склоне холма.

Кочевые племена, вторгшиеся в Закавказье с севера, не являлись для урартов совершенно чуждыми, неизвестно откуда появив-

шимися. Как мы увидим ниже, многие предметы, открытые при раскопках на Кармир-блуре, отражают связи со скифским искусством, что объясняется непрерывными сношениями Закавказья с Северным Кавказом. При учете этих связей становится вполне вероятным и то, что при дальнейших раскопках на Кармир-блуре в основном культурном слое крепости, при преобладании характерных листовидных железных стрел, встретятся также и бронзовые стрелы „скифского типа“, совершенно сходные с наконечниками стрел, свидетельствующими о разрушении крепости на Кармир-блуре кочевыми племенами.

Эти племена, которые можно назвать скифами лишь условно, находились с урартами в постоянном общении, но при ослаблении центральной государственной власти Ванского царства именно они нанесли решающий удар северным урартским крепостям.

Проникновение в Переднюю Азию через Кавказ и с Востока кочевых племен, объединяемых собирательным термином киммеры и скифы, было, повидимому, явлением частым, и эти пришельцы не всегда были врагами переднеазиатских государств.

В Накширустемской надписи Дария I при перечислении покоренных стран скифы-саки упоминаются трижды—как „Амиргейские саки“ (*sakā haumauargā^h*), „саки с островерхими шапками“ (*sakā tigrakauda*) и „саки по ту сторону моря“ (*saka tiali taradraia*). Очень интересно то обстоятельство, что в вавилонском тексте этой же надписи термину *sakā* персидского варианта соответствует термин *matu gi-mi-gi*, т. е. „киммеры“.¹ Также и в перечне стран в Бисутунской надписи Скифия в персидском тексте обозначена термином *sakā*, в эламском—*ša-ak-ka*, а в вавилонском *matu gi-mi-gi*.² Таким образом, вавилонские варианты обеих трехязычных надписей сохранили в названии Скифии (Сакии) древний термин „страны киммеров“.

Топонимика восточного Закавказья сохранила нам названия местностей, связанных с племенным названием скифов (саков).

Так, в стране Ути нам известна область *Շակաշեն* Шакашен (Шикашен)—„поселение саков“, название которой у Страбона встречается в форме Сакасене *Σακασηνή*, а у Плиния *Sacasani*.

По сообщению Моисея Каланкатуйского, в области Арцах одна местность носила название *Շիկաքար* (Шикакар), которое К. П. Патканов понимает как „скала скифов“.³ В древней Албании имелась также область, называвшаяся Шаке.

¹ F. H. Weissbach, *Die Keilinschriften der Achämeniden*, 1911, 788—89.

² Weissbach, *ук. соч.*, 10—13; см. также Б. А. Тураев, *Скифия в иероглифической надписи*, Сборник статей в честь С. Ф. Платонова.

³ К. П. Патканов, *Армянская география VII в.*, 51, прим. 170; см. также Н. Я. Марр, *Избранные работы*, V, 20 и 35.

Тут уместно вспомнить указание Диодора Сицилийского (II, 43), что „сначала они (т. е. скифы) жили в очень незначительном количестве у реки Аракса“.

Из ассирийских текстов нам известно, что в первой половине VII в. скифы появились в стране Мана, на юге оз. Урмия. Повидимому, они пришли туда, обогнув озеро с востока, без столкновения с урартами.

Н. Я. Марр уже давно отмечал теснейшие связи скифов с Кавказом и показывал в своих работах, что игнорирование кавказских материалов при разработке вопроса о происхождении скифов неминуемо приведет к неудаче.¹ Этот вопрос нельзя разрешить, пользуясь только материалами Северного Причерноморья.

Последние работы, посвященные тем народам, которых мы уверенно называем термином „скифы“, с очевидностью показывают, что подойти к правильному разрешению „скифской проблемы“ можно лишь изучая древнее общество VIII—VI вв. на широкой территории.² Но этот общий чрезвычайно важный вопрос выходит далеко за рамки настоящей работы. В данном случае я хочу отметить лишь связанность ранне-скифского общества с Кавказом и Закавказьем, связанность, подкрепляемую стадиальной близостью общества Кавказа VIII—VII вв. и скифского в степях Причерноморья.

В 1938 г. при раскопках ранне-скифского могильника у станции Моздок³ мне бросилось в глаза сходство материала из раскопок с материалом, происходящим из горных районов Кавказа, в частности, из Кобанского могильника в Осетии. Скорченное положение костей в могилах, архаичность керамики, украшенной резным орнаментом, а также бронзовые изделия (фибулы, браслеты, перстни и бусины), аналогичные материалы из горного Кавказа, заставляют датировать этот скифский могильник началом VI в.; теперь этот материал дополнен новыми данными, собранными покойным А. П. Кругловым в Кабардино-Балкарской АССР. Могильник у сел. Заюкова отчетливо иллюстрирует эту связь степных скифов с горными районами и сосуществование предметов скифского стиля с „Кобанскими“.

С этой точки зрения приходится пересмотреть коллекции древностей из старых раскопок; оказывается, что и там среди комплексов, характерных для Горного Кавказа, можно выделить отдельные предметы, характерные для скифов Северного Кавказа. Эта тема сне-

¹ Н. Я. Марр, Термин „скиф“, Избранные работы, V, 4.

² Проблеме скифской культуры и взаимосвязи ее с окружающими областями посвящена также работа М. И. Артамонова, еще не опубликованная.

³ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен., Моздокский могильник, Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. 1, Л. 1940.

циально разрабатывалась А. П. Кругловым, поэтому я привожу небольшой ориентирующий материал.

В коллекциях К. Ольшевского и А. А. Бобринского, хранящихся в Государственном Эрмитаже, среди предметов, собранных в Горном Кавказе имеется большое количество бронзовых наконечников стрел ранне-скифского типа, конца VII в. или начала VI в.¹

В поздних погребениях Кобанского могильника, датируемых VII—VI вв., также имеются бронзовые наконечники стрел этого же типа. Хорошие комплексы этого времени, из раскопок 1891 г. В. И. Долбежева в Кобане,² хранятся в Государственном Эрмитаже и в Государственном Историческом Музее в Москве.

Наконечники стрел „скифского типа“, наряду с кремневыми и плоскими бронзовыми с черенком для насадки на древко, встречаются во многих древнейших могильниках Горного Кавказа.

При описании наконечников стрел из Кумбулты П. С. Уварова отмечает, что среди них „имеются два экземпляра трехгранных наконечников, схожих с так называемыми скифскими“.³

Из могильника Нижняя Рутха, над рекой Урухом, имеется пять бронзовых наконечников стрел интересующего нас типа.⁴ В 1937 г. Е. И. Крупнов при обследовании древнего могильника у сел. Рутхи обнаружил целый ряд предметов скифского типа, в частности клад бронзовых браслетов.⁵

Среди материала из сел. Фаскау, кроме наконечников стрел, имеется бронзовая бляшка скифского типа, в виде свернувшегося зверя, почему-то принятая П. С. Уваровой за верхнюю часть рукоятки кинжала, а также бронзовые части ножен кинжала, украшенные зооморфным мотивом.⁶

Из могильника у сел. Фаскау происходит и бронзовый шлем остроконечной формы, склепанный из кованного листа.⁷ По форме этот шлем даже в деталях совпадает с переднеазиатскими, в частности с ассирийскими, существенно отличаясь от скифских, известных хотя бы по находкам в Келермесе.⁸

Среди древностей, найденных в Горном Кавказе, к северу от

¹ Альбом фотографий раскопок на Кавказе. Библиотека Отдела Востока Государственного Эрмитажа, VI—1—13.

² Отчет Арх. Ком., 1891, 119.

³ П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа, МАК, VIII, 1900, 228.

⁴ МАК, VIII, 251.

⁵ Доклад Е. И. Крупнова на пленуме Института Истории Матер. Культуры АН Союза ССР, 3 июня 1938 г.

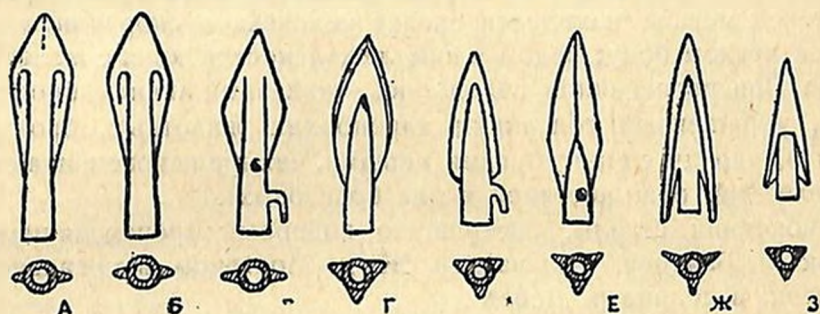
⁶ МАК, VIII.

⁷ МАК, VIII, 277, рис. 211.

⁸ Отчет Арх. Ком., 1904, 92.

хребта, имеются отдельные предметы, попавшие туда из Закавказья. Таковы, например, два кинжала восточно-грузинского типа из Кобана и Кумбулты.¹

Связи Закавказья с Северным Кавказом хорошо прослеживаются по известному нам археологическому материалу. Здесь я остановлюсь только на одной группе предметов, связывающей Северный и Горный Кавказ с Закавказьем, а именно, на бронзовых наконечниках стрел „скифского типа“, встреченных в Закавказских могильниках. Эти предметы имеют чрезвычайно важное значение для датировки комплексов предметов, но, к сожалению, они крайне редки, да к тому же многие из них плохо документированы (рис. 94).

94. Бронзовые наконечники стрел „скифского типа“.

а—Самтавро, б-г—Мусиери, д, е—Махмуджуг, ж, з—Акнер.

Обычным типом закавказских наконечников стрел являются плоские бронзовые стрелы с длинным черенком для насадки. Этот тип наконечников бронзовых стрел по своей форме хорошо связывается с каменными наконечниками стрел, известными в Закавказье в большом количестве. Да и черенок у бронзовых экземпляров имитирует закрепление наконечника в расщепе древка стрелы.

Укажем также, что из Самтаврского могильника происходят бронзовые плоские стрелки, совершенно копирующие каменные.² В том же Самтаврском могильнике, у гор. Мцхета, в гробнице № 592, из раскопанных Ф. Байерном, и принадлежащей к основной группе могил, был найден бронзовый наконечник стрелы ромбической формы со втулкой.³

¹ МАК, VIII, табл. XI, ХСVI, 5.

² В. Вырубов, Предметы древности в хранилище Общества Любителей Кавказской археологии, Тифлис, 1877, табл. 1, рис. 1—3 и 8. Наконечники стрел „скифского типа“ встречаются в других местах Грузинской ССР, в частности в Музее Грузии хранятся подобные наконечники из сел. Мохиси, Горнийского района (157—1913) и Квабис-хеви, Ахалцихского района (65—1914).

³ В. Вырубов, ук. соч., табл. 1, рис. 12.

Археологические работы, возобновленные на Самтаврском могильнике в 1938 г., дали новый, весьма ценный материал. В грунтовом погребении № 20—1938 г. трехгранный бронзовый наконечник стрелы был обнаружен вместе с костяным и с плоской бронзовой стрелкой, передающей форму каменной. В погребении № 27—1939 г., где при покойнике находились весьма характерные железные предметы, как короткий меч—акинак, с рукояткой, украшенной волютами, и небольшой серповидный нож, было обнаружено 20 бронзовых наконечников стрел „скифского типа“, часть которых имела боковой шип¹.

Погребение, относящееся примерно к этому-же времени было раскопано Г. С. Читая в 1924 г. у сел. Цицамури, Мцхетского района. В грунтовой могиле находился скелет человека в скорченном положении на правом боку; рядом с ним лежал костяк коня с железными удилами. При погребенном находились—железный акинак, бронзовый браслет, украшенный головками длинноухих животных, бронзовые булавки и, наряду с еще другими вещами, четыре наконечника стрел, один железный, один костяной и два бронзовых².

Наконечник стрелы, совершенно подобный происходящему из раскопок Ф. Байерна, был найден Ж. де-Морганом в могильнике у с. Мусиери, в долине р. Дебед³.

В могиле № 242 из тех же раскопок в Мусиери у костей ног скелета было обнаружено восемь бронзовых наконечников стрел разнообразной формы⁴, среди которых имеются наконечники ранне-скифского типа ромбической формы с боковым шипом у нижней части втулки. Ж. де-Морганом опубликованы также трехгранные наконечники стрел.⁵

В 1939 г. у сел. Махмуджуг, Артикского района было найдено более двадцати бронзовых трехгранных наконечников стрел различной формы. Они происходят или из размытого ручьем могильника или же из разрушенного жертвенного места⁶ (рис. 94, д, е).

При раскопках Н. Я. Марра в Ворнаке (ныне сел. Акнер) были

¹ Материалы работ еще не опубликованы. Мною использованы сообщения руководителя работ, А. Н. Каландадзе.

² O. G. Wesendonk, *Archäologisches aus dem Kaukasus*, *Archäologischer Anzeiger*, XL, 1—2, 1925, 49—50.

³ J. de Morgan, *Mission scientifique au Caucase*, I, 100, рис. 59.

⁴ J. de Morgan, *ук. соч.*, 69, рис. 26.

⁵ В книге J. de Morgan, *La préhistoire orientale*, III, 1927, рис. 284, приведен рисунок трех бронзовых наконечников стрел, совершенно тождественный с приведенным в вышеуказанной работе Morgan'a, но повидимому с ошибочной подписью „Têtes de flèches en bronze du Talyche“.

⁶ Работы О. Егиазаряна. Материал хранится в Государственном Историческом музее Армении.

найжены два бронзовых трехгранных наконечника стрел, датируемых скифским материалом V—IV вв. (Государственный Эрмитаж; рис. 94, ж, з).

Такие же поздние (IV в.) экземпляры наконечников стрел были открыты А. А. Ивановским при раскопке одного из каменных ящиков (№ 48) в районе Кедабека.¹ Эта находка также является чрезвычайно важной для датировки закавказских древностей.

Бронзовые наконечники ромбической формы с шипом на втулке опубликованы Флиндерсом Петри как происходящие из Ленкорани.²

Совершенно подобные наконечники стрел стали теперь известны и из Туркмении. В 1937 году при раскопках на Гяур-кала, у старого Мерва, где нижний слой дает материал аналогичный Анау-IV, были найдены два плоских наконечника стрел, один из которых имел боковой шип. Трехгранные наконечники более позднего типа, датирующиеся концом VI в. или V в., имеются среди материалов Помпелли из раскопок в Анау и на Гяур-кала,³ где мною был исследован слой скифского времени.

Указанный материал, приведенный с далеко не исчерпывающей полнотой, связывает отмеченные выше бронзовые наконечники стрел скифского типа, найденные в Передней Азии, с археологическим материалом Северного Кавказа и степей Причерноморья.

Следует еще раз подчеркнуть, что наконечники стрел скифского типа в Закавказье и Передней Азии встречаются наряду с другими и не являются руководящими формами этого вида оружия, хотя в Передней Азии они вошли в широкое употребление и там изготовлялись, на что указывает находка формы для их отливки.

Кавказские горы никогда не были непреодолимой стеной, разгораживающей два различных мира. Через Ванское царство Закавказье было связано с древними культурами Передней Азии и далее, через Кавказ, это влияние древних культур передавалось на Северный Кавказ и в степи Причерноморья.

Археологический материал подкрепляет тезис Н. Я. Марра, установленный им по языковым данным, относительно древнейших связей Северного Кавказа с Закавказьем.

Весьма ценные результаты для уточнения некоторых основных вопросов этой темы может дать изучение этнографических материалов, проведенное в историческом разрезе. Но, к сожалению, эта работа еще не развернута, и нашим основным источником остается археологический материал.

¹ А. А. Ивановский, По Закавказью, Материалы по археологии Кавказа, VI рис. 35 и 36.

² W. M. Flinders Petrie, Tools and Weapons, табл. X, 1, 133, 134.

³ R. Pumpelly, Explorations in Turkestan, I, 1908, 183, табл. 39, 7 и 51, 6 и 7.

Уже давно в культуре и искусстве скифов Причерноморья и Северного Кавказа отмечались древневосточные элементы.¹ В курганах также встречаются предметы явно переднеазиатского происхождения, или же изготовленные под сильным влиянием, а возможно и по образцам этого древнего искусства.

В одном из курганов у станицы Келермесской на Кубани, хищнически раскопанном Д. Г. Шульцем в 1903 г., были найдены золотые ножны короткого скифского меча—акинака, украшенные изображениями древневосточного стиля. На ножнах изображены фантастические существа с туловищами быков и львов, с крыльями в виде рыб, с головами львов, баранов, быков и грифонов. Некоторые из них (фигуры с головами львов и грифонов) держат натянутые луки со стрелами, готовыми к спуску. В верхней части ножен имеется изображение священных деревьев, около которых стоят две крылатые человеческие фигуры. Подобная же сцена имеется и на рукоятке клинка. На боковом выступе ножен помещено изображение оленя, выполненное в явно скифском стиле, и стилизованные головы птиц, помещенные по краю.

Этот выдающийся образец скифского искусства, отражающий древневосточные влияния, не уникален. Гораздо раньше, еще в 1763 г., на Украине, в Херсонской губернии, были найдены поступившие в Кунсткамеру вещи, ставшие известными под именем „Мельгуновского клада“, среди которых находятся ножны меча, очень сходные с Келермесскими и отличающиеся от них лишь в деталях декорировки.² На Мельгуновских ножнах среди фантастических существ, которые держат луки, имеются существа с головами людей. Рукоятка акинака из „Мельгуновского клада“ отличается от Келермесского также тем, что в нижней ее части вместо изображения священных деревьев помещены две фигуры лежащих козлов.

По поводу этих памятников исследователи, стоявшие на позиции иранского происхождения скифов, указывали, что они являются „продуктом иранских или работавших в Иране восточных, не греческих мастеров, приспособившихся к вкусам и заданиям скифских заказчиков“.³ Другие же считали, что в них „ясно выражен ассирийско-вавилонский характер“.⁴

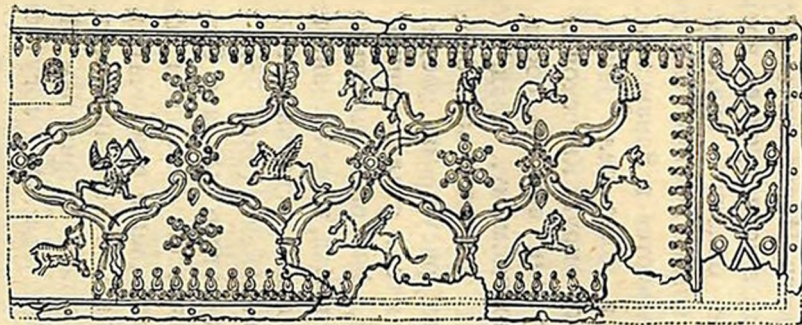
Описание условий находки и предметы, найденные вместе с ножнами акинака, свидетельствуют о том, что этот так называемый

¹ Б. Б. Пиотровский, Урарту, древнейшее государство Закавказья, 52—56.

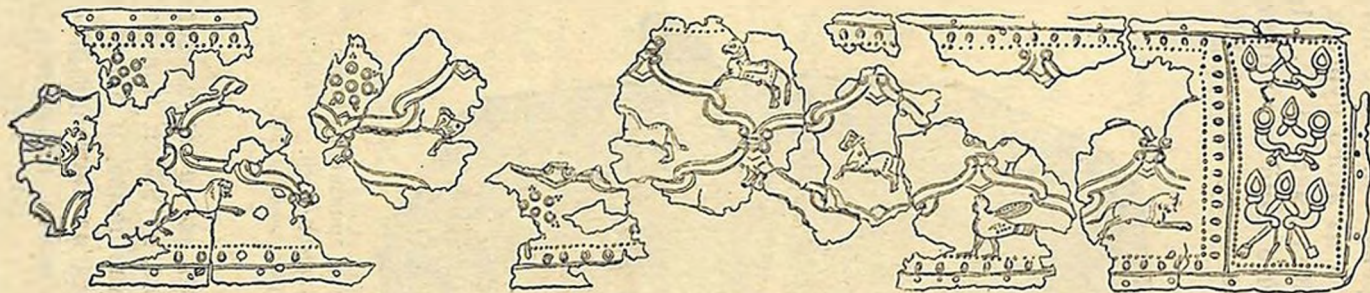
² Е. М. Придик Мельгуновский клад 1763 года, МАР № 31, 1911.

³ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, 470.

⁴ Ю. В. Готье, Очерки по истории материнской культуры Восточной Европы, 1925, I, 224.

95. Обломок бронзового пояса. Сел. Захим, б. Карсской области.
Государственный Эрмитаж.

96. Обломки бронзового пояса. Из погребения, раскопанного у Ани-пемза.
Госуд. Исторический Музей Армении.

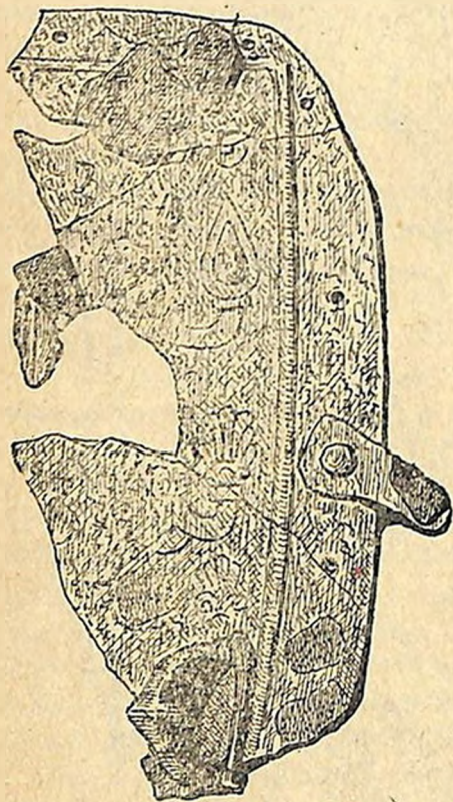
„Мельгуновский клад“ представляет собою набор вещей из случайно открытого древне-скифского погребения (Литой курган).

Материал из этого кургана, а также из группы курганов, раскопанных в Келермесе Д. Г. Шульцем и Н. И. Веселовским, указывает на то, что комплексы предметов с золотыми ножнами следует датировать не позже начала VI в., а возможно и концом VII в.

Таким образом, сама датировка Литого и Келермесского курганов исключает возможность влияния ахеменидского Ирана, которое было обычным в последующее время.

Наиболее близкие аналогии к изображениям на ножнах этих двух акинаков имеются в Закавказье.

В 1904 г. близ сел. Заким, б. Ольтинского округа Карсской области, с другими вещами, составляющими, повидимому, клад,¹ был найден пояс из листовой бронзы, украшенный рисунками, среди которых имеются: стилизованное деревожизни, фигуры крылатых коней, львов и быка, изображение человека с луком и отдельные головы львов и человека (рис. 95). При публикации этого клада в Отчете Археологической Комиссии было указано, что „вещи примечательны по близкому отношению изображений на поясе к фигурам Мельгуновского клада; они могут быть относимы приблизительно к VI в. до р. х. или к несколько более раннему времени“.²

97. Обломок бронзового пояса.
Кармир-блур.
Государственный Эрмитаж.

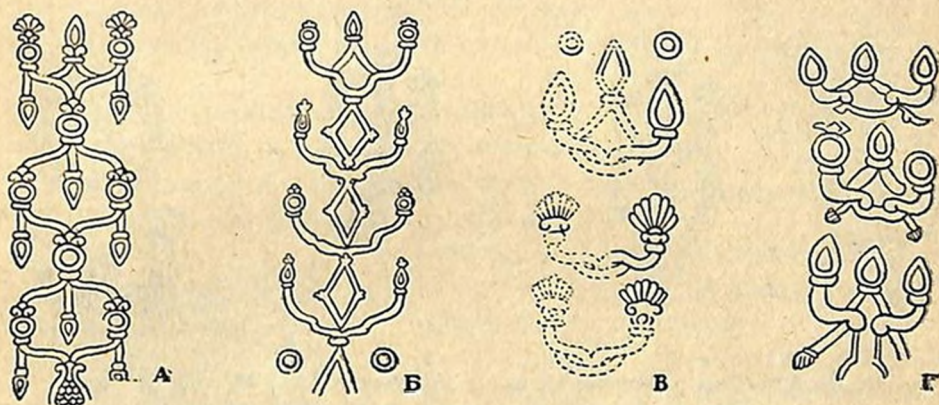
Подобный же пояс известен нам теперь с территории Армянской ССР, где в 1930 г. при раскопках Комитета охраны древностей Армении в Ани-пемза, в одной из могил (№ 6), были обнаружены обломки пояса из листовой бронзы, с рисунками, очень близкими к рисункам на поясе, найденном у сел. Заким. Тут мы видим сильно-

¹ Дело Арх. Ком. № 215—1904 г.

² Отчет Арх. Ком., 1904, 131.

стилизованное дерево жизни, фигуры бегущих быков, львов и птицы, а также изображение фантастического существа с туловищем птицы и человеческими головой и ногами¹ (рис. 96).

При раскопке одного из жилищ у западного фасада здания на Кармир-блуре, среди бронзовых пластинок с гравированными изображениями людей в длинных одеждах, был обнаружен сильно поврежденный обломок края пояса из листовой бронзы, с прилекшейся к нему фибулой (рис. 97). В гравировке на пластине хорошо различимо очень упрощенное, переходящее в схему, изображение

98. Изображения деревьев жизни: а—рукоятки келермесского и мельгуновского акинаков, б—пояс из сел. Заким, в—пояс из Кармир-блур, г—пояс из Ани-пемза.

дерева жизни, аналогичное выгравированному на поясе из Ани-пемза, где дерево жизни также распалось на три отдельные части (рис. 98).

Обломок пояса из Кармир-блур особенно интересен тем, что обстоятельства находки, а именно, в слое несомненно урартского времени, заставляют датировать его до-ахеменидским периодом.

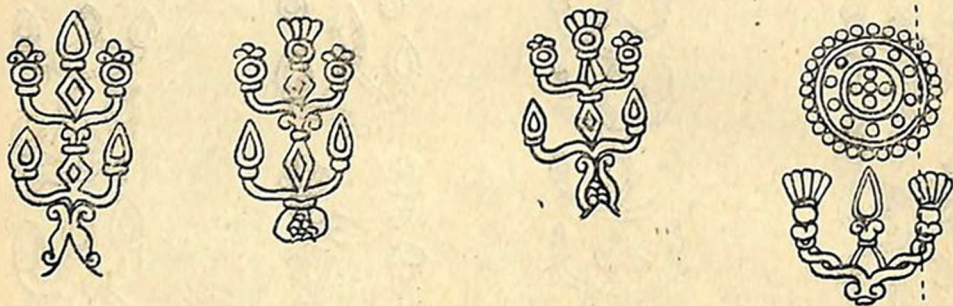
Чрезвычайная близость рисунков указанных поясов с изображениями на акинаках из Литого и Келермесского курганов особенно четко выступает при сравнении стилизованных деревьев жизни, помещенных у краев поясов с таковыми же на рукоятках акинаков, где орнаментация несколько богаче.

Деревья жизни находятся в центре изображений низа рукоятки келермесского акинака и в верхней части ножен из Литого и Келермесского кургана. Все изображения различаются лишь в деталях.

¹ Обломки пояса с изображением бегущих козлов, быков и львов, а также птиц с человеческим торсом и ногами происходят из сел. Гушчи на берегу оз. Урмия, *Աղագրաիան Հանդես*, XIII, 191, 121. Реконструкция пояса приведена Б. А. Куфтиным, Урартский колумбанийрий у подошвы Арарата, Вестник Госуд. Музея Грузии XIII 1943. табл. XI.

Центральное место в этих сценах занимает стилизованное дерево жизни, по сторонам которого помещены два меньших хвойных дерева. По краям изображены две человеческие фигуры с крыльями, обращенные лицом к священным деревьям.

На ножнах и на рукоятке акинака из Келермеса человеческие фигуры держат в руках плоды пальмы, подобно гениям на ассирийских рельефах. Над этими фигурами помещены розетки, возможно, символизирующие солнце. На ножнах из Литого кургана они держат в руках какие-то предметы, повидимому, ветку с плодом. Все фигуры

99. Изображения деревьев жизни на Келермесском и Мельгуновском акинаках и на поясе Исторического Музея Армении.

изображены с поднятой правой рукой, т. е. в позе молитвы, обычной в древневосточном искусстве. В частности, именно так на ассирийских памятниках изображался молящийся царь и гений перед священным деревом.

На золотой обкладке рукоятки секиры из Келермесского курганного могильника имеется изображение дерева со стоящими около него козлами в человеческой постановке тела, а в верхней части той же секиры, на обкладке самого железного топора, изображены отдельные человеческие фигуры в молитвенной позе, с поднятой правой рукой и держащие в левой руке какой-то трудноопределимый предмет, похожий на топорик. Фигуры в длинных платьях и остроконечных головных уборах (рис. 101).

В Государственном Историческом музее Армении хранится обломок бронзовой пластины (инв. № 1624), найденный в сел. Тазагюх, около Еревана, в комплексе с железными и бронзовыми предметами. На пластине сохранилась нижняя часть крылатой человеческой фигуры в длинном платье (рис. 100). На этом фрагменте с уверенностью можно видеть часть изображения гения, стоящего перед священным деревом, а сам предмет считать образцом урартского искусства.

Изображения священных деревьев на золотых ножках акиначов весьма характерны; они составлены из двух ярусов поднятых вверх ветвей, соединенных ромбами, на концах этих ветвей имеются плоды двух родов—остроконечные и круглые, с пальметкой в верхней части. Увенчано дерево также плодами того или иного типа (рис. 99).

Священное дерево с поднятыми вверх ветвями и с остроконечными плодами часто встречается в изображениях на ассирийских памятниках, причем иногда дерево увенчивается еще солнечным диском.¹

С последней схемой священного дерева очень сходно изображение на обломке бронзового пояса Государственного Исторического музея Армении. В левой части этого обломка изображен бегущий

100. Обломок бронзовой пластины из сел. Тазагюх. Истор. Музей Армении.

101. Золотая обкладка секеры из Келермесского могильника. Госуд. Эрмитаж.

грифон, а перед ним дерево, или вернее ветвь, увенчанная диском, имеющая поразительное сходство как с подобным же изображением на фрагменте кармирблурского пояса, так и со священными деревьями золотых ножен акиначов из Келермеса и Литого кургана. С последними обломок пояса Исторического музея связывается также и орнаментальными мотивами—витым жгутом и пояском из пальметок и остроконечных плодов (рис. 102).

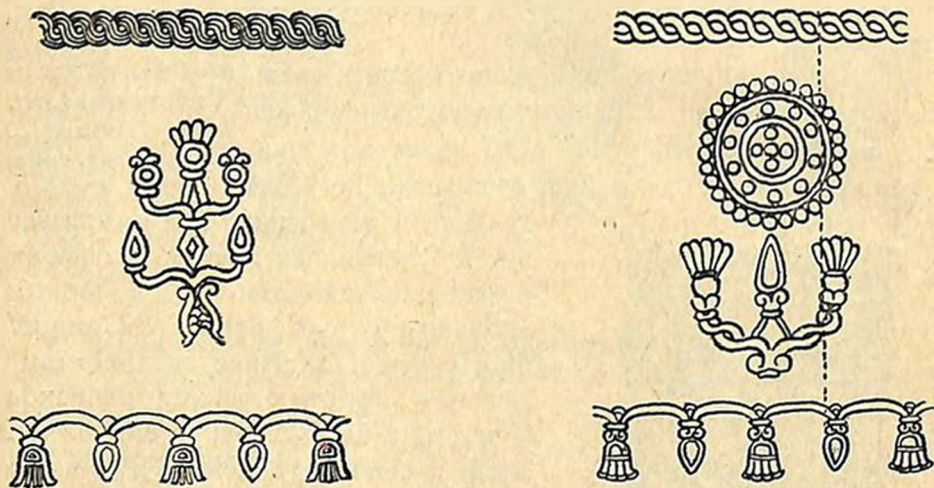
Следует заметить, что изображения священного дерева в различных районах Передней Азии имеют существенные формальные отличия.² Из всех древневосточных изображений священного дерева наиболее близкими к сохранившимся на разбираемых скифских памятниках оказываются рисунки священных деревьев на оттисках урартских печатей, обнаруженных при раскопках на Топрах-кале.

¹ W. H. Ward, The seal cylinders of western Asia, 1910, № 585, 693.

² N. Perrot, Les représentations de l'arbre sacré sur les monuments de Mésopotamie et d'Elam, Babyloniaca, XVII, 1937, стр. 99.

На одном оттиске, опубликованном Леманн-Гауптом, имеется изображение дерева со стоящей около него крылатой зооморфной фигурой¹ (рис. 103). На урартских печатях встречаются также и более стилизованные деревья жизни.

На золотых обкладках акинаков из Литого и Келермесского курганов по бокам центрального священного дерева помещены еще два изображения хвойных деревьев, значительно меньших размеров. Значение их трудно объяснить, но подобная композиция встречается также на одной цилиндрической печати с хеттскими иероглифиче-

102. Орнаментальные мотивы Келермесского и Мельгуновского акинаков и пояса Исторического Музея Армении.

скими знаками. На ней изображено священное дерево, по сторонам которого стоят фантастические крылатые фигуры со львиными ногами и лошадиными головами, а между ними и деревом, в верхней части, изображены звезда и полумесяц, в нижней же части—небольшое хвойное дерево.²

Так же и на одной урартской печати из Хайкаберда, хранящейся в коллекции Эрмитажа, справа между адорантами и центральной крылатой богиней находится небольшое изображение дерева, а слева—фигура козла.

Отдельные детали изображений на золотых обкладках также отмечают их связи с переднеазиатским искусством; в частности, украшения одежды гениев на келермесском акинаке напоминают урарт-

¹ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, I, 1910, 323.

² W. H. Ward, The seal cylinders of Western Asia, № 795.

ские, где излюбленным мотивом декорровки платья были квадраты с помещенными внутри их розетками.¹

В 1930 г. в одном из докладов в Академии Истории Матеральной Культуры К. В. Тревер на основании сравнения изображений на скифских акинаках из Литого и Келермесского курганов с урартскими бронзовыми изделиями и с рисунками на поясе из Карсской области высказала предположение, что они связаны с урартским искусством. К. В. Тревер сравнивала также изображения человеческих голов фантастических животных мельгуновских ножен с урартскими памятниками. Действительно, близость этих фигур с урартскими подтверждается также и фигурами животных на бронзовых щитах из храма на Топрах-кале,² выполненных, кстати сказать, в той же технике.

В Литом кургане были найдены также четыре серебряные ножки от скамеечки,³ которые по своей форме очень близки к урартским изделиям, в чем можно убедиться, сопоставив их с украшением части бронзового урартского трона в виде бронзовой статуэтки крылатого быка.⁴

Но было бы ошибкой считать эти золотые ножны из скифских курганов урартскими изделиями, случайно попавшими в Скифию. На них, наряду с изображениями явно древневосточного характера, имеются элементы несомненно скифского стиля: фигура оленя и орнамент в виде сильно стилизованных птичьих голов на боковом выступе акинака, обтянутом тем же листом, что и сами ножны.

Поэтому следует предположить, что эти интереснейшие скифские памятники или делались скифами под влиянием образцов урартского (или вообще древневосточного) искусства, или же изготовлялись для скифов в кавказских районах, где урартская культура была еще жива.

Мельгуновские и Келермесские ножны не одиноки; в раннескифских курганах Северного Кавказа встречается целый ряд предметов, главным образом из драгоценного металла, которые считаются переднеазиатскими. Таков, например, серебряный сосуд с орнаментом в виде лотосов и с рядом идущих сфинксов, купленный в 1907 году

103. Оттиск урартской печати. Топрах-кале.

¹ Ср. напр. украшения одежды на бронзовых урартских предметах, а также платья женщины на золотом медальоне из Топрах-кале.

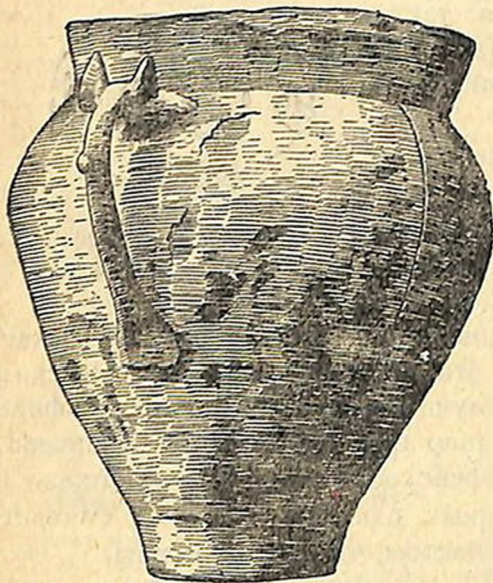
² С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 1931, 853 и 747.

³ Материалы по Археологии России, № 31, 17, табл. 1.

⁴ Б. Б. Пиотровский, *Урарту, древнейшее государство Закавказья*, рис. 37.

в Майкопе,¹ или же золотая чаша с изображением животных, найденная в 1903 г. в одном из курганов у ст. Келермесской,² на связи которой с древневосточным искусством уже неоднократно указывалось.

Очень возможно, что и другие предметы несомненно ионийского происхождения или же изготовленные под ионийским влиянием, как зеркало, обтянутое листовым золотом, и серебряный ритон с изображением богини Матери, владычицы зверей, происходящие из Келермеса, попадали в Прикубанье через Закавказье, так как Урарту было самым тесным образом связано с Ионией.

104. Бронзовый сосуд из кургана у сел. Жаботин.

Мы знаем, что урартские бронзовые изделия, как например, бронзовые фигурки крылатых женщин, служившие украшением верхних частей котлов, были найдены в архаических греческих храмах.³ Да и сходные формы некоторых урартских и этрусских металлических изделий объясняются повидимому ролью Ионии, как посредника.⁴

То обстоятельство, что мельгуновский акинак найден далеко от Кавказа, не должно нас смущать, так как теперь становится возможным проследить весьма древние связи между Кавказом и территорией современной Украины.

В сел. Подгорцы, близ Киева, в глиняном сосуде был найден пояс из листовой бронзы, сплошь покрытый резным орнаментом, сближающим его с закавказскими бронзовыми поясами;⁵ если он не является закавказским изделием,⁶ то он имеет очень большие связи

¹ Я. И. Смирнов, Восточное серебро, табл. ХСІХ, 303.

² Я. И. Смирнов, ук. соч., табл. СХІ, 73.

³ С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 489 и примеч. стр. 21.

⁴ H. Mühlenstein, Die Kunst der Etrusker, 1929, 25—97 (искусство периода около 725—625 г.).

⁵ А. А. Спицын, Медный пояс кавказского типа, найденный в Киевской губ., Археологическая летопись Южной России, 1899, I, 153—155; Материалы по Археологии Кавказа, VIII, табл. 13.

⁶ Т. Ивановская, Искусство бронзового пояса из села Подгорцы, Наукові записки науково-дослідчої катедри історії Української культури, № 6, 1927, 37-7

с Закавказьем. Вместе с этим поясом был найден обломок спирали, повидимому часть двойной спирали, хорошо известной нам по материалу из позднего Кобана („могилы в колодцах“).

Известны также случаи, когда в ранне-скифских курганах на территории Украины встречались отдельные бронзовые предметы, попавшие туда из горных районов Кавказа. У сел. Жаботин, на реке Жаботинке (Черкасский окр. Киевской обл.), в разрытом кургане были случайно найдены два сосуда, склепанные из листовой бронзы, с расширенным венчиком и двумя ручками, украшенными в верхней своей части головками хищных животных (возможно, барсов), с острыми, поднятыми вверх ушами¹ (рис. 103). Такой же сосуд, происходящий из Прикубанья хранится в Краснодарском музее.²

В одном из Келермесских курганов, раскопанных в 1904 г. Н. И. Веселовским, были найдены обломки сосуда из листовой бронзы с двумя ручками, украшенными головками хищников³ (рис. 104). В настоящее время большое число сосудов этого типа нам известно из предгорного Кавказа. Один такой сосуд хорошей сохранности имеется в Пятигорском музее⁴ (рис. 105).

В музее в Нальчике хранятся две ручки, украшенные звериными головками из могильника у сел. Заюково на р. Баксан. В комплексе с интересующими нас предметами было два браслета кобанского типа, со спирально закругленными концами, и подвески в виде двойной спирали, также характерные для поздних могил Кобанского могильника (VII—VI вв.).⁵ Из Кобанского могильника также известны ручки от со-

105. Бронзовый сосуд.
Пятигорский музей.

104. Обломок бронзового
сосуда из Келермеса.
Госуд. Эрмитаж.

сосудов, склепанных из бронзового листа, украшенные головками жи-

¹ W. Makarenko, *La civilisation des scythes et Hallstatt, Eurasia Septentrionalis Antiqua*, V, 1930, 34; см. также С. Магура, *Дві мідяні посудини з Черкащини, Хроніка археології та мистецтва*, I, 53.

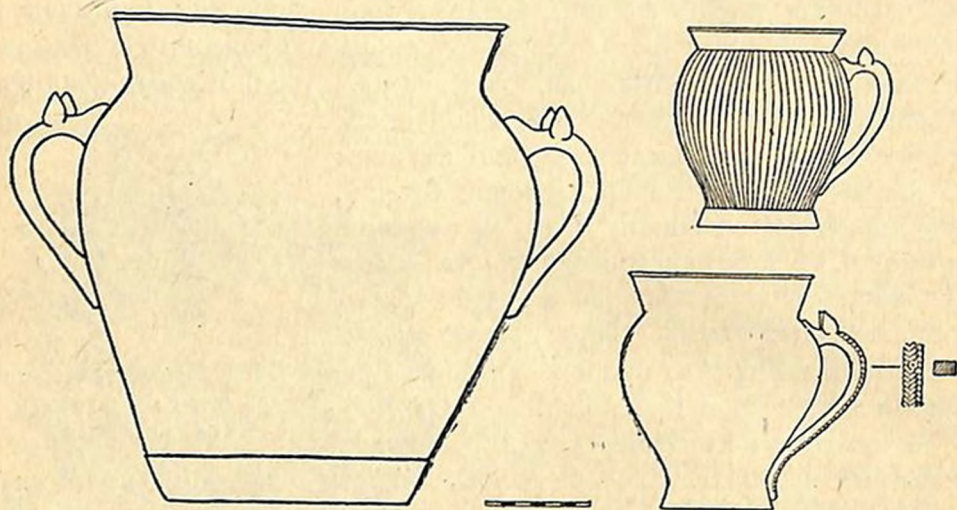
² Сообщение А. П. Манцевич.

³ Дело Арх. Ком. № 85, 1904, стр. 90.

⁴ Сообщение А. П. Круглова.

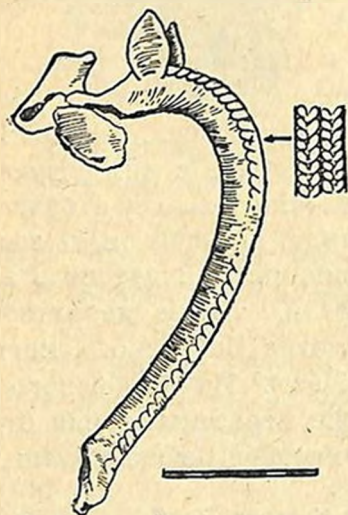
⁵ Материалы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК 1929 г.

вотных, совершенно тождественные с приведенными выше.¹ Обломок такого же сосуда с ручкой, происходящий из Кумбулты, хранится в Гос. Историческом музее в Москве.

106. Бронзовые сосуды из Лечхуми.
Государственный Музей Грузии.

Сосуд из бронзового листа, совершенно аналогичный по своей форме сосудам из Жаботина, Краснодарского и Пятигорского музеев, опубликован П. С. Уваровой, как происходящий из сел. Верхняя Рутха.²

107. Ручка бронзового сосуда
из могильника у сел. Малаклю.
Государств. Музей Грузии.

Эти сосуды специфической формы встречаются также в Закавказье. В Гос. Музее Грузии, в Тбилиси, хранятся три бронзовых сосуда из Лечхуми (Ладжобисдири),³ аналогичные вышеприведенным, вместе с которыми были найдены бронзовые топоры Кобанского типа. Первый из них представляет собою крупную ситуну с двумя ручками, украшенными головками животных, совершенно аналогичную описанным выше. Остальные два сосуда, меньшего размера, имеют лишь по одной ручке, причем ручка среднего сосуда украшена на наружной стороне веревочным орнаментом (рис. 106).

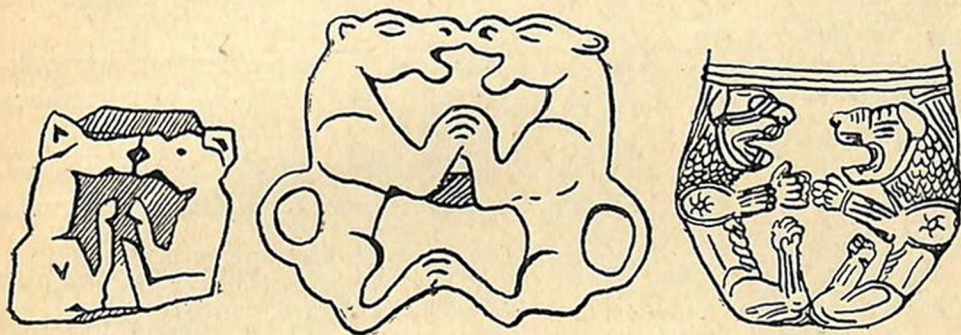
¹ МАК VIII, стр. 72, табл. XXXVI, 22.

² МАК VIII, стр. 241, рис. 196.

³ Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий у подошвы Арарата, 27—35.

Самым южным из известных в настоящее время мест нахождения сосудов из бронзы с ручками, украшенными головками хищных животных, является могильник у селения Малаклю, около Игдыра, у подножия Арарата.¹

Среди материалов из раскопок П. Ф. Петрова 1914 года, в комплексе с урартской печатью (погребение 10), была найдена бронзовая ручка, украшенная головкой животного с острыми, поднятыми вверх ушами. Внешняя сторона ручки украшена двойным веревочным орнаментом (рис. 107).

108. Изображения борьбы зверей на костяной пластинке из Кармир-блур, на бронзовой бляхе из скифского могильника на Тамани и на золотой обкладке ножен акинака из Литого кургана.

Таким образом, на археологическом материале удастся проследить связь Закавказья со скифами на широкой территории. Многие из мотивов, встречающихся в скифском искусстве, при их исследовании оказываются связанными с Закавказьем. Это наблюдение подтверждается также материалами из урартской крепости на Кармир-блуре.

В восточном здании Кармир-блур в 1941 г. была найдена небольшая костяная пластинка с фигурами двух борющихся хищников, в чрезвычайно своеобразной позе. Сопоставление этого предмета с бронзовой бляхой из архаического скифского погребения на Тамани² (рис. 108) и с фигурами дерущихся львов на нижней части золотых ножен из Литого и Келермесского курганов красноречиво говорит, с чем мы должны связывать эту необычную для скифского искусства композицию.

¹ Раскопки П. Ф. Петрова 1914 г. Материал и дневник раскопок хранятся в Гос. Музее Грузии, см. Б. А. Куфтин, ук. соч., 26.

² Е. О. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове, Изв. Арх. Ком, вып. 63, стр. 56—58.

При раскопках западного здания на Кармир-блуре, вблизи от комплекса предметов с урартскими печатями, была найдена костяная головка барана, представляющая часть какого-то предмета, имеющая большое стилистическое сходство с изображениями голов барана на скифских костяных изделиях, в частности, — найденных в Келермесском курганном могильнике.

Некоторые исследователи скифского искусства видели в ряде скифских памятников, как например, в бронзовых навершиях с головами животных из Келермесских курганов, урартское (алародийское) влияние, объяснявшееся культурными взаимоотношениями областей Закавказья с Северным Кавказом.

Археологический материал показывает, таким образом, постоянные культурные связи скифов с Закавказьем, особенно усилившиеся в конце VII века и в начале VIII века.

Как мы видели выше, в конце VII века скифы вошли в анти-ассирийскую коалицию, участвуя вместе с вавилонянами и мидянами в осаде ассирийских городов.

В настоящее время нам не ясно участие скифов в разгроме Ванского царства, но определенно можно сказать, что окончательный удар урартским центрам в Закавказье был нанесен именно кочевыми племенами, среди которых, вероятно, были и скифы.

При раскопках западного здания на Кармир-блуре, вблизи от комплекса предметов с урартскими печатями, была найдена костяная головка барана, представляющая часть какого-то предмета, имеющая большое стилистическое сходство с изображениями голов барана на скифских костяных изделиях, в частности, — найденных в Келермесском курганном могильнике.

Некоторые исследователи скифского искусства видели в ряде скифских памятников, как например, в бронзовых навершиях с головами животных из Келермесских курганов, урартское (алародийское) влияние, объяснявшееся культурными взаимоотношениями областей Закавказья с Северным Кавказом.

Археологический материал показывает, таким образом, постоянные культурные связи скифов с Закавказьем, особенно усилившиеся в конце VII века и в начале VIII века.

Как мы видели выше, в конце VII века скифы вошли в анти-ассирийскую коалицию, участвуя вместе с вавилонянами и мидянами в осаде ассирийских городов.

В настоящее время нам не ясно участие скифов в разгроме Ванского царства, но определенно можно сказать, что окончательный удар урартским центрам в Закавказье был нанесен именно кочевыми племенами, среди которых, вероятно, были и скифы.

многих историков Древнего Востока. В западноевропейской литературе наибольшее влияние имеет теория Лемани-Гаупта, считавшего, что урарты под давлением арменов отступили на север, причем часть их, ушедшая в понтийские горы, сохранилась под именем халдеев (*χάλδαῖοι*), встречающимся у античных и средневековых писателей.¹

При этом сопоставлении была допущена неправильная предпосылка, определившая весь ход догадок и предположений. Дело в том, что в истории Древнего Востока совершенно не критически принято положение Лемани-Гаупта, согласно которому урарты якобы называли себя халдами, а свою страну Халдией.² Это положение Лемани-Гаупта, на основании которого он делал ответственные выводы, настолько укоренилось в науке, что оно зачастую представляется аксиомой. И в среде историков Востока, не занимающихся специально Ванским царством, попытка отрицания этого положения считалась иногда попыткой отрицания положения, установленного авторитетами востоковедения, всеми признанного и не подлежащего пересмотру. Но при этом, защитники теории Лемани-Гаупта упускают из вида, что это построение уже давно вызвало несогласие с ним таких авторитетов в истории Древнего Востока, как Иенсен и Эд. Мейер.³

Но дело не в авторитетах. В действительности мы не располагаем ни одним фактом, который указывал бы на то, что урарты именовали себя халдами; об этом неоднократно писалось в специальных работах, посвященных урартскому языку.⁴

Предположение Лемани-Гаупта зародилось давно, в то время, когда при переводах урартских надписей ученые шли ощупью, без достаточного знания структуры урартского языка.

Дело в том, что в клинописи имя главного урартского бога Халда, которому посвящаются многие надписи, встречается иногда в формах „Халди-ни“ и „Халди-ни-ни“, отягченных суффиксами, в которых Лемани-Гаупт, так же как Сэйс и М. В. Никольский, неверно видел показатели множественного числа.

Исходя опять-таки из необоснованной предпосылки о сугубом теократизме урартского государства, Лемани-Гаупт полагал, что как страна, так и ее жители назывались по имени бога Халда. Он писал:

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 708.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Chaldische Forschungen*, I, Der Name „Chalder“, VBGAEU 1895, 578.

³ E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, 2 изд., II, 2, 419.

⁴ J. Friedrich, *Chalder oder Urartäer*, ZDMG, XC, 1 (NF.XV), 1936, 60—82; И. И. Мещанинов, Древневанский бог Халд—Халдин, *Восточные записки*, 1927, 173—181; *Գ. Ղափանցյան, Արարտաշի արտաբերությունը*, 1940, 16, 32; (Г. А. Капанцян История Урарту).

„Главным богом был Халди, „божествами Халди“ или „детьми Халди“ (т. е. „Халдини“) назывались, как видно, собирательно все другие боги. Но все члены халдского народа считались детьми или подчиненными бога („халдини“) . . . Навряд ли известен другой случай, в котором идея теократизма получила бы столь точное проведение в жизнь, заметное также и во внешних формах“.¹

Но это именно обстоятельство является особенно сомнительным во всей концепции Лемани-Гаупта. Термины „Халдиа“ и „Халдинини“, в которых австрийский ученый хотел видеть название страны и народа, в урартской клинописи всегда пишутся с детерминативом бога, а не страны или же народа, причем нет ни одного отступления от этого правила, и мы не знаем случая, когда в клинописи названию страны или народа предшествовал бы детерминатив бога. Это абсолютно невозможно, ибо такое положение в корне противоречило бы основным принципам клинообразного письма, в котором детерминативы имеют исключительное значение.

Кроме того, в истории Древнего Востока трудно найти пример, чтобы страна и народ носили имя бога. Обычно в этом случае указывают на Ассирию, полагая, что имя страны и народа происходят от имени бога. Но необходимо учесть, что название страны Ассирии и ее народа произошло непосредственно от названия города Ашура, центра страны, который, правда, имел своего локального бога, Ашура, ставшего впоследствии во главе ассирийского пантеона. И урартская столица Тушпа также имела своего локального бога, Тушпу, одноименного с городом.

Я не буду останавливаться на вопросе о несостоятельности с лингвистической стороны перевода термина „Халдинини“, как формы дательного падежа множественного числа, на чем основываются все переводы этого термина, как „халдейцам“, т. е. „людям Халда“. Фридрих очень четко показал полную несостоятельность этого перевода и доказал, что такое понимание Сэйса было основано на неверной копии одного урартского текста, из которого и были сделаны ответственные выводы.²

Правда, стереотипная фраза, начинающая обычно урартские тексты, до сих пор окончательно не разъяснена, как это часто бывает со стереотипными формулами почти во всех мертвых языках (ср. хотя-бы начальную формулу древне-египетских жертвенных текстов *dj nst ḥtp*), но совершенно бесспорно понимание суффикса *-ni*, как показателя

¹ К. Ф. Лемани-Гаупт, Вступительная лекция по истории и культуре халдов. Труды Тбилисского Госуд. Университета, VI, 1937.

² J. Friedrich, ук. соч., 63.

дательного падежа, но не множественного числа. И спор среди лингвистов-урартологов идет только вокруг того, является ли этот суффикс -*ni* показателем винительного падежа, принимающего при непереходных глаголах второй показатель определяемого слова, или же он является своеобразной формой дательного падежа.

Неправильность применения термина „Халдия“, как названия Ванского царства, очень четко показывает и титулатура урартских царей, из которой становится совершенно очевидным, что сами урарты свою страну называли Биайной.¹ И в урартских летописях, при описании результатов походов, обычно встречается фраза, говорящая о том, что захваченный скот и пленные угнаны или уведены в страну Биайна.

Приведенный материал неоспоримо свидетельствует о неправильности предположения, что урарты называли себя халдами, а свою страну Халдией. Это—полное недоразумение, к сожалению, твердо укоренившееся в истории Древнего Востока.

Я не считал бы нужным останавливаться на этом вопросе дольше, если бы сам Леманн-Гаупт не сознавал всей трудности предлагаемого им перевода. Он отлично видел все трудности, но упорно с ними не считался, полагая, что решающими в вопросе о племенном названии урартов являются сведения античных писателей, из которых, по его мнению, с очевидностью вытекает, что ассирийскому термину „урарты“ соответствовал местный—„халды“. На этом основании он и отождествлял халдеев (халдаев) античных авторов с урартами.

Еще Ксенофонт, описывая отступление десяти тысяч греков после неудачного похода Кира Младшего (самый конец V в.), упоминает халдеев (*χάλδαϊοι*). При переправе греков через р. Бохтан, отделявшую страну кардухов от Армении, они встретились с войском Оронта, среди которого были наемники, халдеи. Ксенофонт замечает: „Говорили, что халдеи свободны и сильны; оружием им служат большие плетеные щиты и конья“ (VI, 3, 4). В двух других местах (V, 5, 17 и VII, 8, 25) Ксенофонт снова упоминает о халдеях, как о воинственном и независимом племени, с которым грекам пришлось воевать, но район их обитания не указывает.

Остановимся кратко на маршруте отступления греков. Перейдя через р. Заб и выйдя к Тигру, войско шло по его левому берегу до тех пор, пока путь не был прегражден горами, спускавшимися к самой реке. В этих горах, к югу от оз. Ван, носящих ныне назва-

¹ Термин „Халдия“ в титулатуре урартских царей не встречается вовсе. Но возможно, что Биайной именовалась лишь центральная часть Урарту.

ине Курдистанских, жило воинственное племя кардухов. Не имея возможности переправиться через Тигр, греки с боем стали продвигаться по Кардухским горам и дошли до р. Кентрит (совр. Бохтан), отделявшей область кардухов от Армении. Далее путь шел к истокам Тигра, а оттуда он повернул на север, с переправами через р. Телебой и Евфрат. Миновав еще одну реку, названную Фасисом, греки вступили в области, где жили независимые племена, таохи и халибы, и подошли к р. Арпа. Пройдя эти страны, они поднялись на высокие горы и оттуда увидели Черное море. Миновав область макронов, греки пришли в Трапезунд, а оттуда двинулись на запад по побережью, встречая на своем пути племена мосинойков, вторично халибов и тибаренов, т. е. те племена, которые нам хорошо известны по многочисленным сведениям античных авторов.

Таким образом, в „Анабасисе“ нет описания прохода через страну халдеев, несмотря на то, что в перечислении областей, через которые прошли греки, названы, как автономные племена: кардухи, халибы, халден, макроны, колхи, мосинойки, кеты и тибарены (VII, 8, 25).

Диодор (XIV, 29) при описании маршрута отступления десяти тысяч греков, при перечне местных племен, несколько расходится с Ксенофонтом. По его сведениям, греки после переправы через Фасис попали в область хаев и фаснанов и затем через халдейскую область прошли к р. Арпаг. Вместо таохов Ксенофонта Диодор называет хаев, а вместо халибов—фасиан, причем страну он именует Халдейской областью. Получается впечатление, будто бы названия халибы и халден или равнозначны, или же близки друг к другу.

Это подтверждается также и Страбоном (XII, 3), указывавшим, что халден живут в районе Трапезунда и Фарнакии и что „нынешние халден в древности назывались халибами“. Евстафий (XII в. н. э.) писал, что халден жили в Малой Армении, а за ними жили халибы.

Надо заметить, что в античной и средневековой литературе не было достаточной ясности относительно халдеев, и Стефан Византийский даже указывал: „Есть и халдеи—народ вблизи Колхиды, однако более сведущие говорят, что они живут около Вавилона“. Тут произошло смешение двух совершенно различных племенных названий, обозначающихся, согласно греческой фонетике, одним именем, что уже давно было разъяснено надлежащим образом, и совершенно очевидно, что южно-месопотамские халден (др. калду — *кашду) никакого отношения к припонтийским халдеям не имеют.

Отождествляя последних халдеев с древними урартами, Лемани-Гаупт приводит сведения, согласно которым название области Халдия доживает до современности.

Действительно, на южном берегу Черного моря существовала область, в которую входил и Трапезунд, называвшаяся Халдейской. По Константину Порфирогенету (X в. н. э.) восьмая фема Византии называлась Халдией, а по грузинской хронике Багратидов византийский император Василий (XI в. н. э.) зимовал „в стране Халдейской, в городе Трелизонде“, о чем упоминают и армянские источники.

Рюи Гонзалес де Клавихо в описании своего путешествия (нач. XV в.) рассказывает, что выехав из Трапезунда в Эрзингиян, он должен был перевалить снежные горы провинции Халдия.

При отождествлении халдеев античных авторов с халдами — урартами, основным источником для Лемани-Гаупта была „Киропедия“ Ксенофонта, где дается характеристика халдеев, как племени, живущего войной, „ибо страна их гориста и в незначительной части плодородна“. Но прямое указание на тождество халдеев с урартами Лемани-Гаупт видел в сообщении о том, что армены, заняв лучшие земли, пригодные для земледелия, оттеснили халдеев в горы. В этом указании он видит оттеснение урартов на север арменами, занявшими их страну.

Не останавливаясь на критике этого источника и указав лишь на то, что „Киропедия“ является литературным произведением дидактического характера, в котором уже давно были замечены исторические неточности, я должен подчеркнуть, что в „Киропедии“ не может идти речь о вытеснении урартов из района озера Ван. Дело в том, что в „Киропедии“, также как и в „Анабасисе“, речь идет лишь о Западной Армении, с полным исключением района озера Ван, т. е. основной территории бывшего Урартского государства.

Но дело оказывается еще значительно более сложным. Н. Я. Марр уже давно указал на неправильность отождествления жителей Ванского царства с *χάλδαῖοι* античных авторов.¹ Он разъяснил, что этот термин является греческой передачей местного термина, засвидетельствованного армянскими источниками как *խաղտիք* — *qāḡ-tiq* (* *qal-ti-q*), причем термин *qāḡ-ti-q* представляет собою форму множественного числа на *-te||-ti* со вторым еще суффиксом *-q*. В яфетических языках, при образовании множественного числа часто встречается сочетание двух, а иногда даже и больше показателей множественности. Так, в данном термине *qāḡ-ti-q* имеются два показателя, *-ti* и *-q*. Таким образом, основой племенного термина, передаваемого греками как *χάλδαῖοι* является не *qald*, а только *qal*. Эта же основа налична и в другом племенном названии, а именно *qal-lb* с суффиксом множественного числа *-lb*.

¹ Н. Я. Марр, Надпись Русы II из Маку, ЗВО, XXV, 41.

Это разъяснение термина, данное Н. Я. Марром, объясняет и смешение античными авторами терминов халибы и халден. По всей вероятности, различие этих терминов основано на том, что греки получили их из разных источников и что соседи халибов-халдеев прибавляли признак множественности, соответственно своему языку, причем армяне к суффиксу *-ti* прибавили еще показатель множественности *-q*.

Для нашей темы большой интерес представляет уточнение местоположения *qag-ti-q*, приводимое армянскими источниками. Так, Моисей Хоренский сообщает, что император Тацит был убит в „Джанике Понтийском, т. е. в Халтике“ (II, 76). В другом месте той же Истории Армении страна Халтик упоминается в непосредственной близости с Лазикой (II, 4).

В Армянской Географии VII в. н. э. мы находим следующий текст: „Колхида, т. е. Егер (Мегрелия), находится к востоку от Понтийского моря, близ Сарматии, и сопредельна с Иверией и Великой Арменией; Егер разделяется на четыре провинции: Манрили, Егrevина, Лазив, Джанив, т. е. Халтик“.¹

В обоих приведенных текстах указывается, что Халтик—это то же самое что и Джанив, т. е. „чаны“, которые Арриану были известны под именем *Σάυου*, а Прокопию—*Τζάυου*.

Таким образом, мы видим, что положение Лемани-Гаупта о тождестве урартов с халдеями античных и средневековых авторов рушится, а вместе с ним рушится и утверждение, что урарты называли себя халдами, так как Лемани-Гаупт оба свои недостоверных положения доказывал одно другим.

Для того, чтобы окончательно убедиться в несостоятельности отождествления урартов с припонтийскими халдеями, следует рассмотреть методические корни этой теории. Они становятся совершенно ясными из текста самого Лемани-Гаупта, который, намечая основные задачи урартоведения, писал: „Надо систематически и энергично бороться с лишенными всякого исторического понимания попытками, доказывающими на основании самых узких мелко-филологических исследований, что названия народа и империи „Халды“ и „Халдия“ неправильны. Нужно будет, продолжая мои и Пауля Кречмера открытия, расширить и углубить исследования о первоначальной родине халдов в западной Малой Азии.“²

В главе III я пытался показать ошибочность теории Лемани-Гаупта относительно прихода урартов из западной части Малой Азии,

¹ К. П. Патканов, Армянская география VII века, 39.

² К. Ф. Лемани-Гаупт, Вступительная лекция по истории и культуре халдов, 267.

которая оказывается теснейшим образом связана с вопросом о племенном термине урартов и с представлением об их переселении после падения Ванского царства. Как было уже отмечено выше, ассирийские источники, начиная с XIII в., показывают шаг за шагом образование в районе оз. Ван Урартского государства и тем самым лишают оснований поиски прародины урартов на западе, поиски, основанные на миграционной теории и не опирающиеся на конкретный материал. Именно эта миграционная теория, господствовавшая одно время в западноевропейской исторической науке, заставившая урартов придти в район оз. Ван для создания Ванского царства, — после его падения заставила их куда-то уйти; она то и обусловила поиски путей, по которым якобы двигались урарты в VI в.

Урарты, не составлявшие в своем государстве большинства населения (так как при помощи силы оружия в состав Ванского царства были включены многочисленные мелкие племена Передней Азии), после падения Урартского государства никуда не уходили, а остались жить в Ванском районе, сохраняя и свое племенное название, переданное Геродотом в греческой форме алародии.

Нельзя также упускать из виду и сведения армянских историков о живших вместе с армянами, но чуждых им племенах, говоривших на непонятном языке. В некоторых из них Я. А. Манандян считает возможным видеть остатки урартов.¹ Так, при описании жителей Сасуна, Фома Арцруни (X в. н. э.) указывает, что часть хутцев говорила на непонятном языке, причем историк называет их „сирийскими (resp. ассирийскими) простолюдинами“. И вероятно прав Я. А. Манандян, отмечая: „Свидетельство Фомы Арцруни весьма ценно, поскольку оно указывает, что остатки древних халдов сохранились до IX века в Нагорном Сасуне“.

Процесс образования современных закавказских народов — процесс очень сложный, который нельзя рассматривать в рамках одного Закавказья, как нельзя искать на Древнем Востоке прямых предков современных народов. От могущественных государств Передней Азии осталось большое культурное наследие и небольшое этническое.

К сожалению, именно в этом отношении наши учебные пособия грешат недопустимой вульгаризацией. Так, в книге „Подсобный материал по изучению истории СССР“, изданной под редакцией А. В. Шестакова, утверждается, что „скифы заставили халдов-урартийцев отступить в бассейн Куры“ и что „часть урартийских племен обосновалась в Закавказье и создала несколько мелких древне-грузинских государств“. Не лучше и приведенные в той же книге сведения об

¹ Я. А. Манандян, Народные восстания в Армении против арабского владычества, 1939, 26.

образовании армян: „На территории, где было царство Урарту, одновременно с образованием древних грузинских государств из смешения халдов, скифов и мидян за несколько столетий до нашей эры сложились армянские племена“.

Но ответственность за такие погрешности ложится не только на педагогов, но и на специалистов, историков Древнего Востока, которые вместо того, чтобы помочь педагогам и исправить неудачный текст в учебнике для средней школы, исходят из него или приводят его в виде цитат в своих серьезных научных, исследовательских трудах.

Несмотря на то, что в русской научной литературе уже давно отмечалась несостоятельность сопоставления халдеев Понта с урартами и неправильность представления о том, что термин „Халд“ является племенным термином Урарту, в нашей научной и учебной литературе все еще повторяется ошибочное мнение западноевропейских ученых.

В „Истории СССР“, изданной в 1939 г. Институтом Истории Академии Наук Союза ССР, указывается, что местное население Ванского района называло себя халдами, а на приложенной к книге карте творится полная путаница: к северо-востоку от оз. Ван помещены урарты, на севере—хайи, а на юго-западе, примерно в районе Битлиса,—халды.

Недоумение вызывает также работа В. Н. Худадова,¹ в которой автор, признавая аксиомой тождество урартов и припонтийских халдеев, идет еще дальше, пытаясь установить тождество халдеев с грузинами. Выводы В. Н. Худадова основаны преимущественно на формальных сопоставлениях, как, например, на связи племенного термина „халиб“ с мегрельским глаголом „хал“—„обжигать“ или же на давно отмеченном, но совсем еще не разъясненном, относительном созвучии термина „Врастан“, которым армяне сравнительно поздно стали называть Грузию, с термином „Урарту“. Особый интерес, по мнению В. Н. Худадова, представляет текст из „Картлис цховребай“ (соответствующее место в „Мокцевай картлисай“ не сохранилось), где рассказывается о вражде иберского бога Армаза с богом халдейцев Итруджаном (вариант Итрушаной), в которой взял верх халдейский бог, уничтожив идолы Армаза, отомстив за то, что Армаз когда-то напустил на него море.²

В. Н. Худадов в этом эпизоде видит борьбу урартского бога

¹ В. Н. Худадов, Халды-урартийцы после падения Ванского царства, ВДИ, 1938, № 2, 122.

² Е. С. Такашвили, Источники грузинских летописей, Сборник мат. для описания местностей и племен Кавказа, XXXVII, 1900, 69.

с местным, отражающую „борьбу из-за гегемонии между отдельными картвельскими племенами, не слившимися еще в одну народность.“ Возникающее затруднение, а именно отсутствие среди урартских богов бога с именем, хотя бы отдаленно напоминающим Итруджан, устраняется предположением, что Итруджан грузинских хроник „относится к одному из богов ассимилированных халдами-урартийцами племен“. Но я думаю, что в этом вопросе несомненно прав Броссе, считавший Итруджана богом южно-месопотамских халдеев и сближавший его с Ксисутром (Ноем) халдейского историка Бероза, на которого ссылается и Моисей Хоренский.

Эти ошибочные представления тесно связаны с представлением о миграции урартов в начале VI в. на север и с непониманием того процесса, который происходил в это время на Древнем Востоке.

VI век в истории Передней Азии имеет весьма существенное значение. Этот период характеризуется гибелью старых государств и образованием новых союзов племен и этнических групп, с которыми и связаны современные закавказские народы. Этот процесс новых этнических перегруппировок происходит во всей Передней Азии. В середине VI в. на Армянском нагорье появляются армены, повидимому—союз племен, получивший наименование по одному из племен в него входивших. Армены, возможно—входившие ранее в состав Ванского царства, пришли ему на смену. Армены (т. е. союз племен) под этим именем постепенно захватили основную часть бывшей территории Урартского государства, и именно этим надо объяснить равнозначность терминов Урашту и Армина в вавилонских и персидских текстах Накширустемской и Бисутунской надписей Дария.

Но было бы совершенно неверно отождествлять арменов с урартами, или же считать их прямыми потомками урартов, хотя несомненно, при образовании армянского народа в него влились остатки урартов, живших на территории, занятой арменами.

Ведь как было указано выше, сами урарты в Урартском государстве не представляли большинства населения на всей территории своего государства.

Историю арменов следует начинать со времени еще до падения Ванского царства, как историю одного из племен, входивших в его состав. Но об этом периоде жизни арменов наши источники дают чрезвычайно скудные сведения, а ученые занимаются им очень мало. Вследствие этого остаются совершенно неисследованными отголоски древнейшей истории армян, сохранившиеся в легендах и рассказах о родоначальниках армянского народа, приведенных Моисеем Хоренским в первой части его Истории.

В нашей среде все еще проявляется незаслуженное недоверие

к источникам Моисея Хоренского и наблюдается отношение к начальной части его труда, как к чисто литературному произведению, не имеющему никакой ценности для изучения истории.

Очень мало мы знаем также и о периоде борьбы арменов с хайями за главенство в союзе племен, на основе которого выросло Армянское государство.

Борьба эта отразилась не только в этнической терминологии, в частности, в том, что общенародным термином армян стало хай (hay)¹, в то время как соседние народы продолжали называть их арменами по старому племенному объединению.

Борьба эта отразилась и в армянском языке. Н. Я. Марр уже давно выделил в армянском языке два разнородных слоя, которые он называл—армянский и хайский слои. Первый язык выступал как народный язык и с ним связано большинство земледельческих терминов. Второй язык, легший в основу литературного языка древней Армении, признавался Н. Я. Марром за язык господствовавшего класса.²

Это наблюдение Н. Я. Марра, оставшееся, к сожалению, не вполне доработанным, представляет для нас совершенно исключительный интерес. Повидимому, Н. Я. Марр правильно уловил два слоя в армянском языке, отражающих борьбу двух племен или союзов племен за главенство в новом государственном образовании, и повидимому, существование в армянском языке двух совершенно отличных слоев выходит за рамки феодальной Армении и восходит к начальному периоду истории Армянского государства, археологически еще совсем не изученному.

Вернемся снова к сведениям античных писателей и к вопросу—почему в них не отражены взаимоотношения арменов с урартами, если мы отвергаем тождество последних с припонтийскими халдеями или халибами.

Надо заметить, что центр Армении в VI веке и в V веке находился в западной части бывшей урартской территории, причем Ксенофонт считал восточной границей Армении р. Бохтан. Восточное побережье оз. Ван, т. е. центральная часть Урартского государства, еще не входило в состав Армении и жило, повидимому, замкнутой жизнью, чем и объясняется плохая осведомленность античных писателей относительно этого района, и даже Страбон дает о нем сведения в самых общих чертах, не называя живущих там племен и народов.

¹ Страну свою армяне называли Хайк (hay-q), что не следует все-же смешивать с именем родоначальника армян Хайк (hay-k), рассказы о котором привел Моисей Хоренский.

² Н. Я. Марр, О чанском языке, Избранные работы, I, 39.

Очень вероятно, что в Ванском районе и к северу от него сохранилось еще в V веке, в лице алародов Геродота, в чистом виде древнее население центральной части Урарту.

До сих пор еще не обращено должного внимания на одну клинописную табличку коллекции Пенсильванского Университета, свидетельствующую о том, что в клинописи термин Урарту, в его вавилонской форме Урашту, сохраняется до конца V в. На этой табличке, относящейся ко времени правления Дария II и датированной около 415 г., сохранился оттиск печати некоего Шамаш-баракку, „начальника людей Урашту и Мелиду“.

Ведь это письменное свидетельство об урартах всего лишь на несколько лет отстоит от „Анабасиса“ Ксенофонта.

Заключение

Заканчивая эту свою работу по истории и культуре Урарту, мне остается сказать несколько слов по поводу того значения, какое имело Ванское царство для истории Закавказья.

В конце IX в. урарты стали совершать первые походы в южное Закавказье. Вначале эти походы носили преимущественно грабительский характер, и власть урартов к северу от реки Аракс не была прочной.

В Закавказье урарты встретились с населением, отличным от них и по своей культуре, они встретились со множеством племен, во главе которых стояли вожди, называемые в урартских клинописных текстах „царями“. Общего объединения племен Закавказья в то время еще не было; это чрезвычайно отчетливо показывают урартские источники.

Общество Закавказья начала I тысячелетия до н. э. находилось в последней фазе разложения доклассовых отношений, и в нем уже нарождалась классовая дифференциация, усилившаяся и оформившаяся после того, как области южного Закавказья вошли в состав Ванского царства.

Урарты закрепляли свою власть в Закавказье не только огнем и мечом, они стремились установить также и экономическую зависимость захваченных областей, проводя в них большие строительные работы. Мы знаем, что урарты, закрепляя свое влияние в южном Закавказье, заботились об ирригационной системе, проводили работы по сооружению каналов, насаждали виноградники, фруктовые сады и рощи, строили крепости, дворцы и храмы. С теми областями, которые не вошли в состав Ванского царства, урарты, повидимому, имели торговые сношения. Этим можно объяснить, в частности, находки предметов древневосточного типа из драгоценного материала в могильниках Нагорного Карабаха, откуда происходит и агатовая пронизка с клинописью, содержащей имя ассирийского царя Ададнирари.

Я старался показать, как в конце II тысячелетия на территории Армянского нагорья происходил процесс образования Урартского

государства из союзов племен—Уруатри, Наири, Урарту. В начале VI в. Урартское государство перестало существовать, и в это время мы можем наблюдать новый процесс укрепления союза племен, ранее входивших в состав Ванского царства, и образование на этой основе нового государства.

Сначала союз племен возглавляло племя арменов, живших в юго-западной части Ванского царства, затем главенствующее положение в этом союзе перешло к племени хаев, упоминаемому античными источниками, но соседние народы продолжали еще называть это новое объединение по старому имени Арминой (Арменией), а не Хайк или Хайастан, как называют свою страну сами армяне.

Армянское государство выросло на основе союза племен, входивших в состав Урарту. История этих отдельных племен уходит в глубокую древность, и внимательного к себе отношения заслуживают рассказы Моисея Хоренского о родоначальниках армянского народа, Хайке, Арменаке и Араме, причем в их родословной мы встречаем имена Гомера и Торгома, связанные с именами народов, упоминаемых Библией. Надо иметь в виду, что Моисей Хоренский принужден был поместить рассказы о Хайке вначале своего повествования, перед рассказами об Арменаке и Араме, поскольку в его время приоритет уже принадлежал хаям.

Всяческого внимания заслуживают указания Моисея Хоренского на борьбу Арама с мидянами и ассирийцами, и то, что Араму, как будто, приписываются деяния урартов, а Паруйру, союзнику мидянина Варбака,—участие в разгроме Ассирии.

Все это, несомненно, имеет свои основания и относится к истории племен, входивших в состав Урарту.

К сожалению, совершенно недостаточно изучен период VI—V вв., период сложения новых государств Передней Азии, сменивших государство Древнего Востока.

Выше я уже указывал на то, что нельзя ни один из современных закавказских народов непосредственно выводить от урартов, считая урартов его прямыми и единственными предками. В Передней Азии чрезвычайно сложный процесс этнообразования происходил на основе общего переднеазиатского субстрата, чем и объясняется тесная связанность многих этнических терминов Передней Азии, как это показал в своих работах Н. Я. Марр. Основные положения работ Н. Я. Марра являются для меня руководящими; они требуют коренного изменения исследовательских задач и оставления в стороне вопросов о прародине, прямых предках и решающей роли миграций.

Вместе с тем, они выдвигают на первый план вопрос о чрезвычайной живучести и важном значении культурного наследия древней-

ших государств. Трудно и, вероятно, даже невозможно ответить на вопрос, — кто является прямыми потомками ассирийцев, вавилонян и древних египтян, но исключительная роль этих древних народов в создании мировой культуры ясна каждому. Так же и в вопросе о значении Урарту для истории Закавказья мы должны исходить не только из установления генетических связей современных народов Кавказа с древним населением Ванского царства, но и из того значения, какое имело Урарту для развития культуры Кавказа.

Влияние Древнего Востока на Закавказье и Кавказ, являвшееся прогрессивным фактором, прослеживается со II тысячелетия до н. э. Это нам наглядно показывают материалы из раскопок в Прикубанье (Майкоп) и в Триалети.

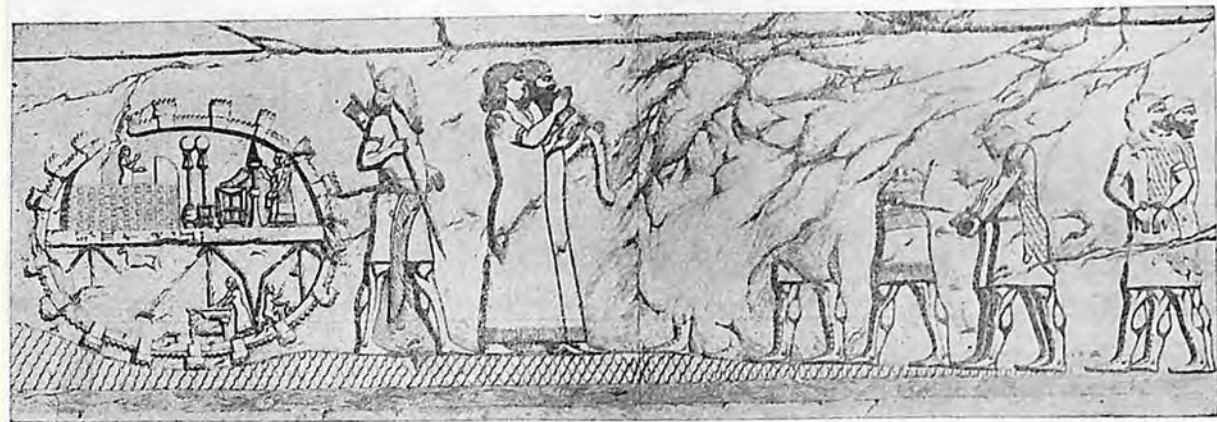
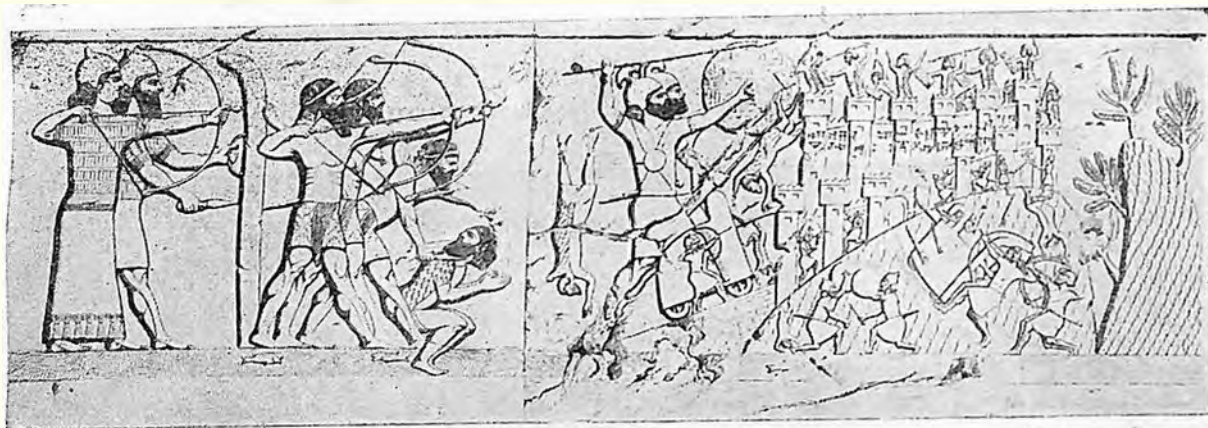
Взаимоотношения Закавказья с Урарту только усиливают эти связи, и нельзя согласиться с распространенным одно время мнением, что урарты, заняв в X—IX вв. область Вана, как бы отрезали население Закавказья от влияния ассиро-вавилонской культуры. Материал, приведенный мною, показывает как раз обратную картину, — чрезвычайно большое влияние урартской культуры на Закавказье и отражение ее на севере, за Кавказским хребтом.

Культурное наследие урартов велико не только у его прямых наследников, армян, государство которых выросло на территории Ванского царства, но и у других народов Кавказа, высоко поднявших свою национальную культуру.

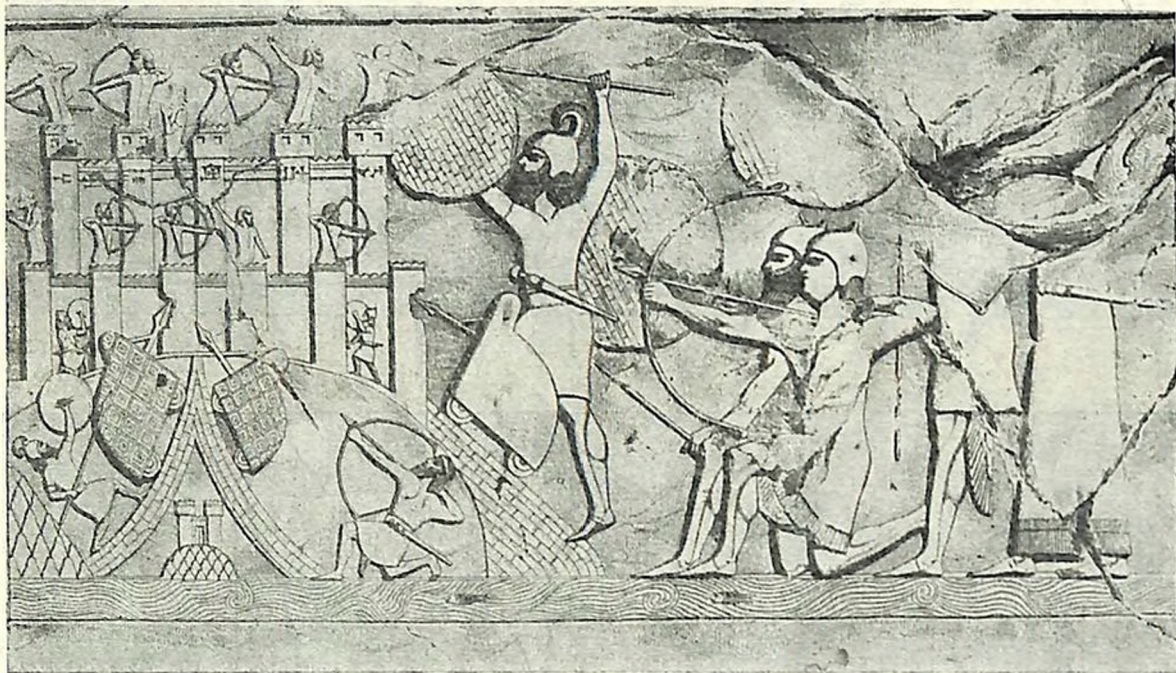

С п и с о к т а б л и ц

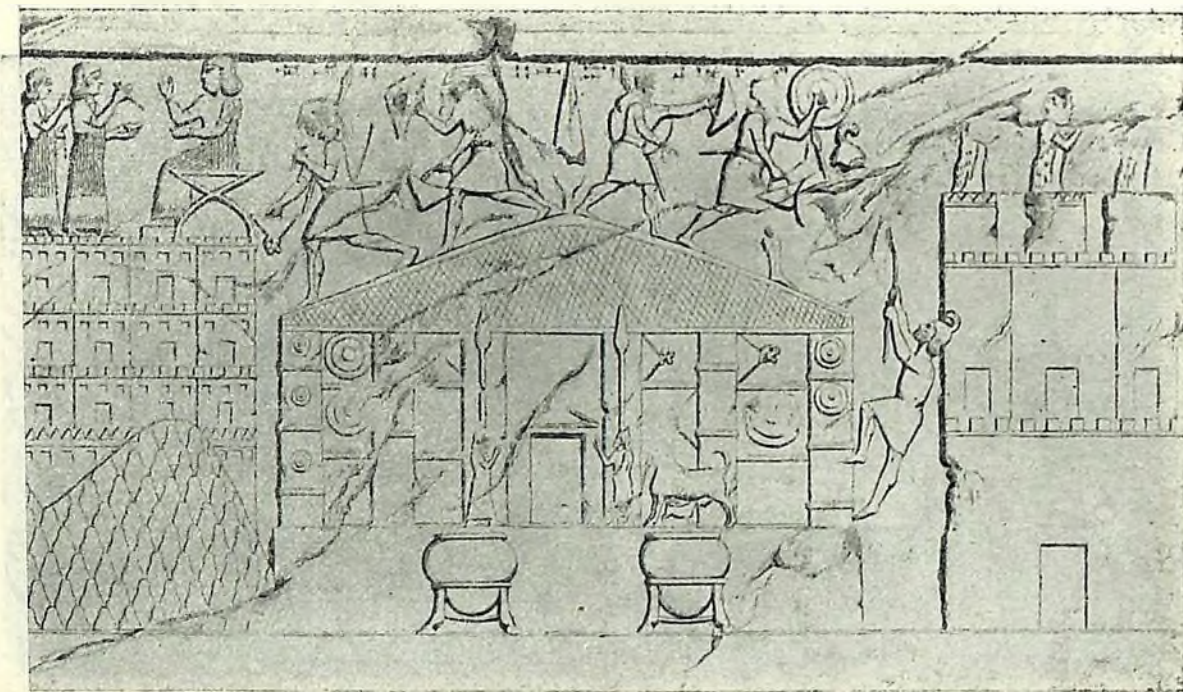
- I. Рельефы из дворца Саргона. Эпизоды похода Саргона на юг озера Урмин, 716 г. (По Botta и Flandin).
  - II. Рельеф из дворца Саргона. Взятие ассирийцами манейской крепости на берегу озера Урмин, 716 г. (По Botta и Flandin).
  - III. Рельеф из дворца Саргона. Разграбление ассирийцами храма бога Халда в Мусасире, 714 г. (По Botta и Flandin).
  - IV. Рельеф из дворца Саргона. Взвешивание добычи, захваченной в Мусасире, 714 г. (По Botta и Flandin).
  - V. Ванская скала. Общий вид с юго-востока. (По Lynch).
  - VI. Стена с надписями Сардура I у подножия Ванской скалы. (Из материалов экспедиции Русского Археологического Общества 1916 г.).
  - VII. Ванская скала. Стена крепости. (Из материалов экспедиции Русского Археологического Общества 1916 г.).
  - VIII. Ванская скала. Стела Сардура II в нише на северной стороне скалы. (Из материалов экспедиции Русского Археологического Общества 1916 г.).
  - IX. Ванская скала. Вход в юго-восточную пещеру. (Из материалов экспедиции Русского Археологического Общества 1916 г.).
  - X. Ванская скала. Внутренний вид юго-восточной пещеры. (Из материалов экспедиции Русского Археологического Общества 1916 г.).
  - XI. Ванская скала. Группа пещер южной стороны скалы. (Из материалов экспедиции Русского Археологического Общества 1916 г.).
  - XII. Топрах-кале. Общий вид с юга. (Из материалов экспедиции Русского Археологического Общества 1916 г.).
  - XIII. Кармир-блур. Общий вид с юго-востока. (Из материалов Археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1939 г.).
  - XIV. Кармир-блур. Стена западного здания. (Из материалов Археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1940 г.).
  - XV. Кармир-блур. Стена западного здания. (Из материалов Археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1940 г.).
  - XVI. Кармир-блур. Сосуд с ячменем и очаг из жилищ, раскопанных у западного здания. (Из материалов Археологич. экспедиции Государственного Эрмитажа 1940 г.).
-

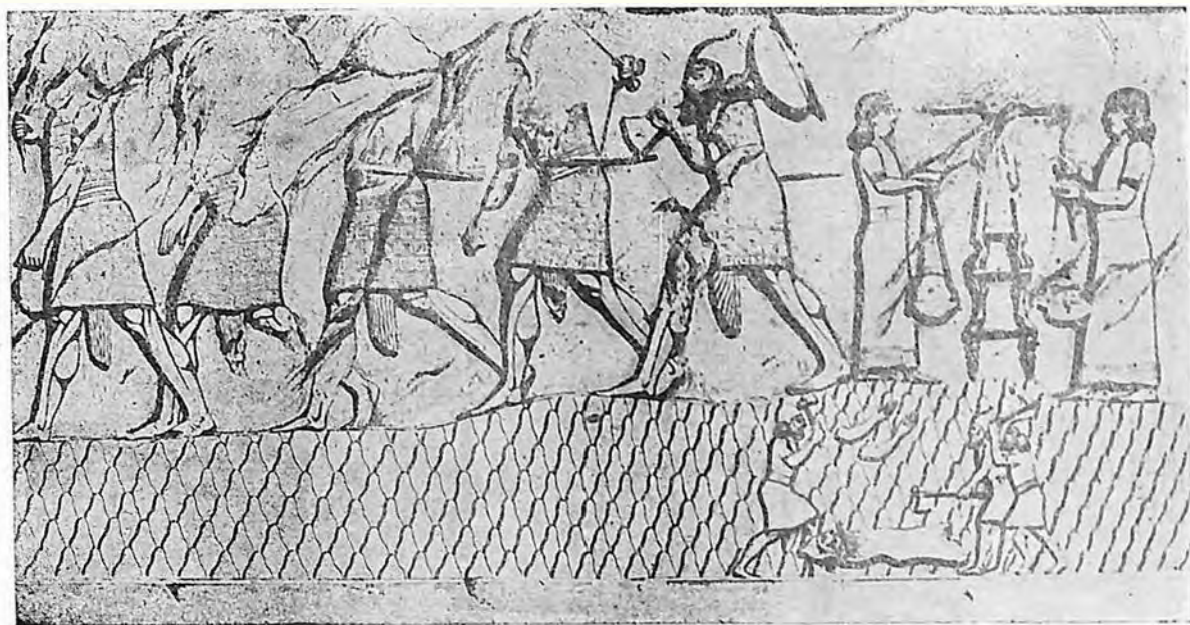
Рельефы из дворца Саргона Элизоды похода Саргона на юг озера Урмиш. 716 г.

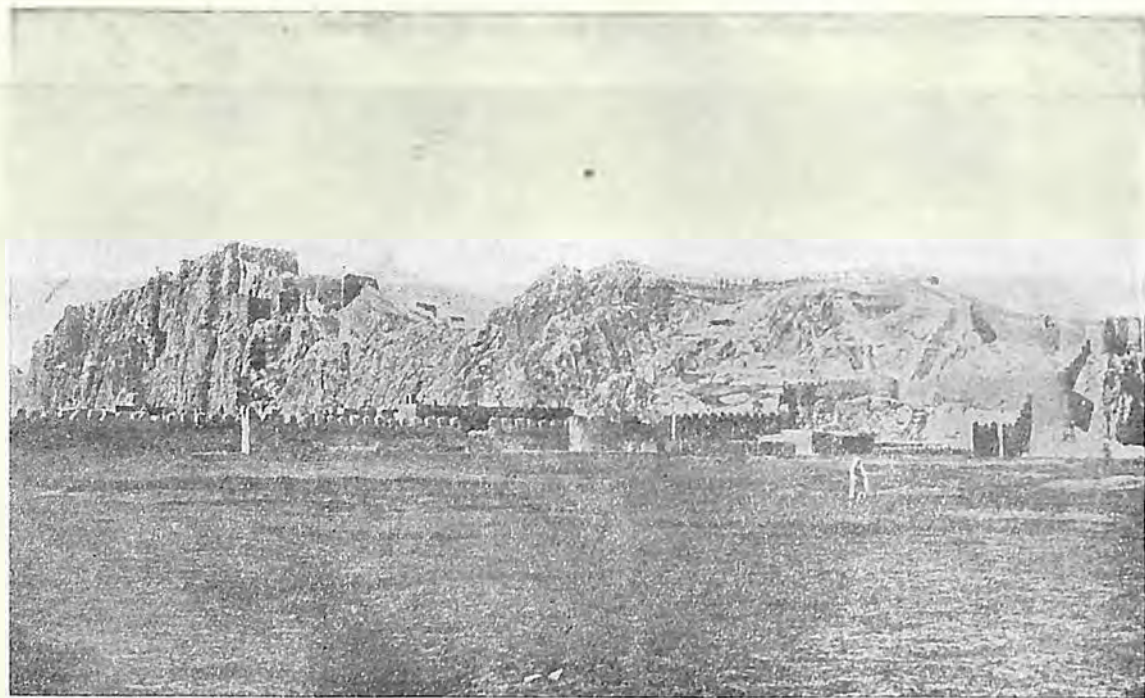
Рельеф из дворца Саргона. Взятие ассирийцами мидийской крепости на берегу оз. Урмин. 716 г.

Рельеф из дворца Саргона. Разграбление ассирийцами храма бога Халда в Мусасире, 714 г.

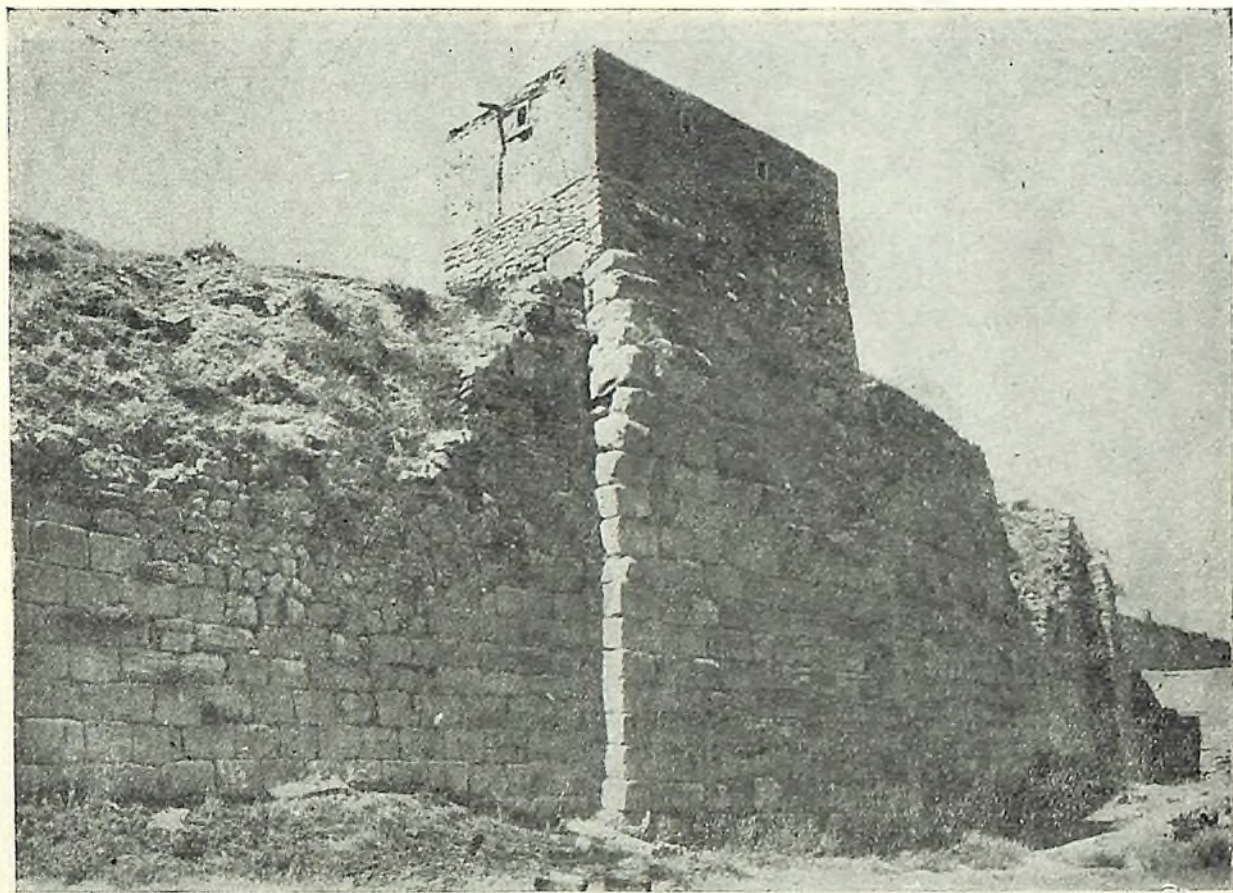
Рельеф на дворца Саргона. Взвешивание добычи, захваченной в Мусасире. 711 г.

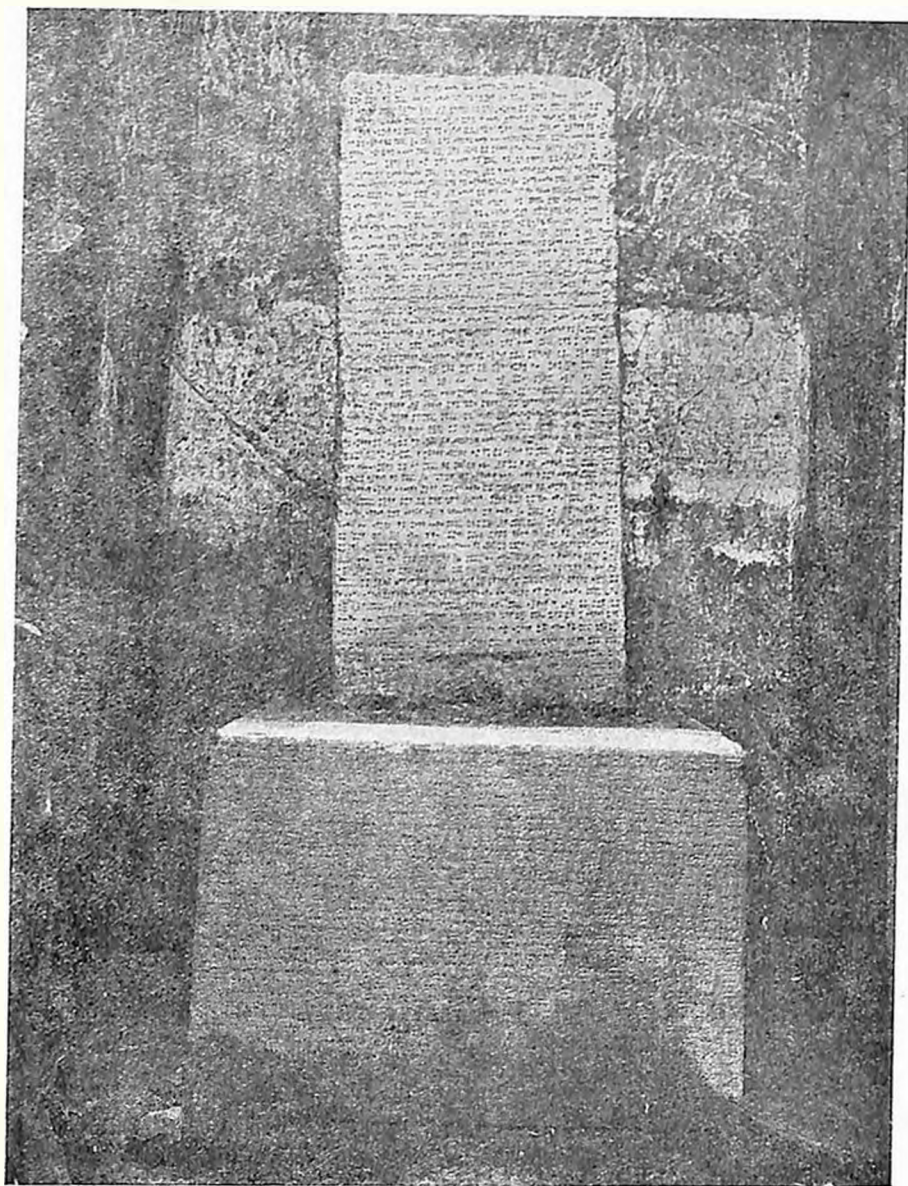
Ванская скала. Общій вид с юго-востока.

Стена с надписями Сардура I у подождия Ванской сдалы.

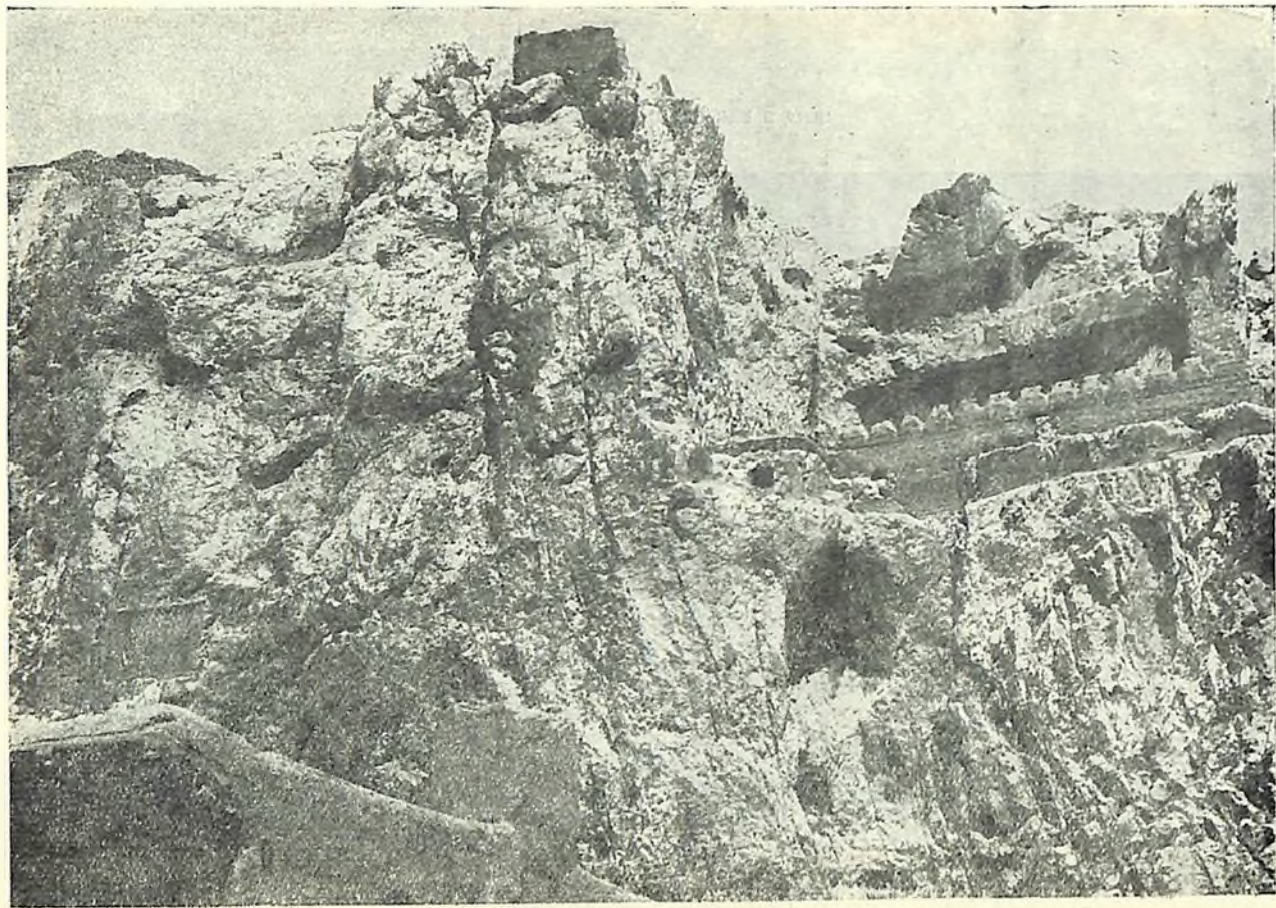
Ванская скала. Стена крепости.

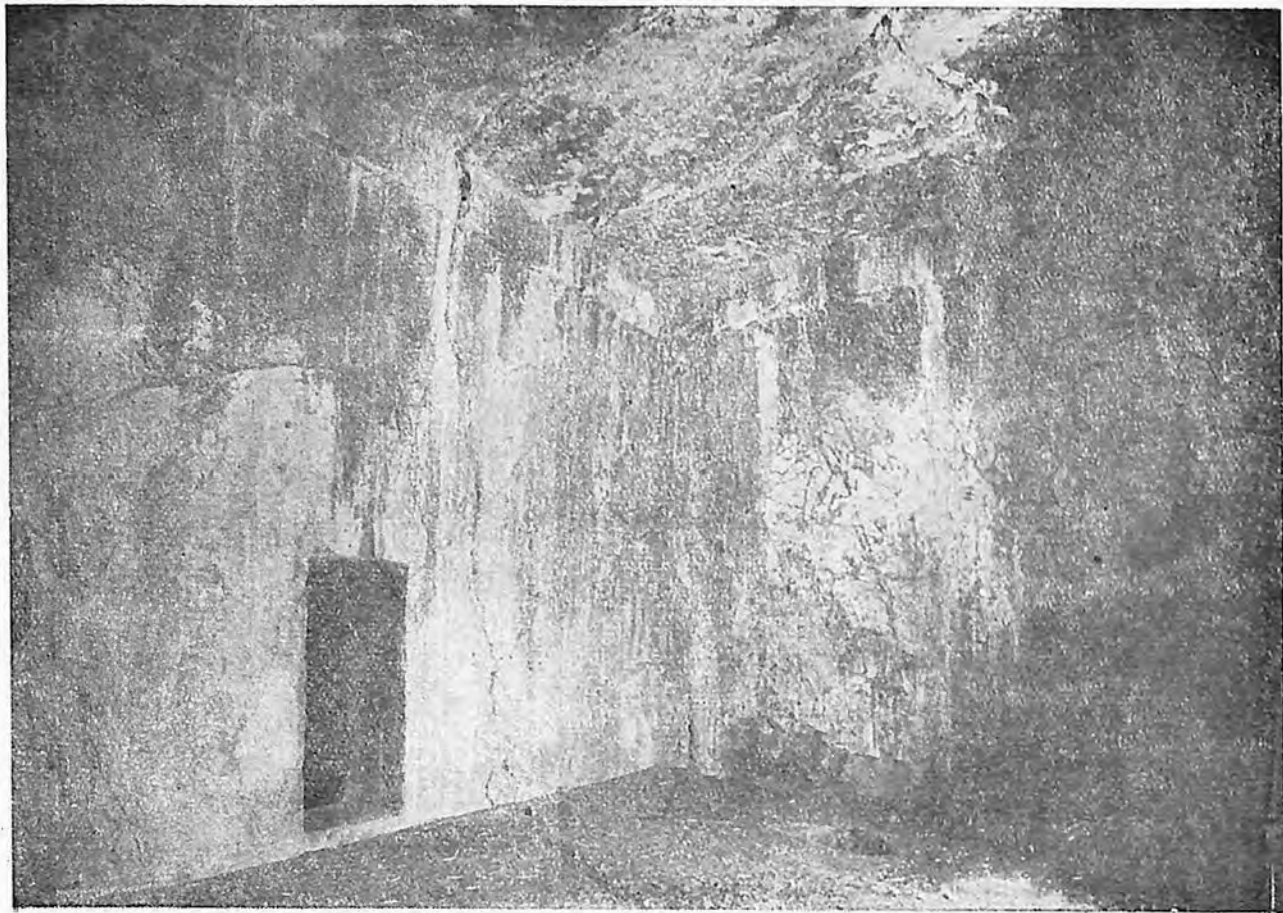
Ванская скала. Стела Сярдур в нише на северной стороне скалы.

Ванская скала. Вход в юго-восточную пещеру

Ванская скала. Группа пещер южной стороны скалы.

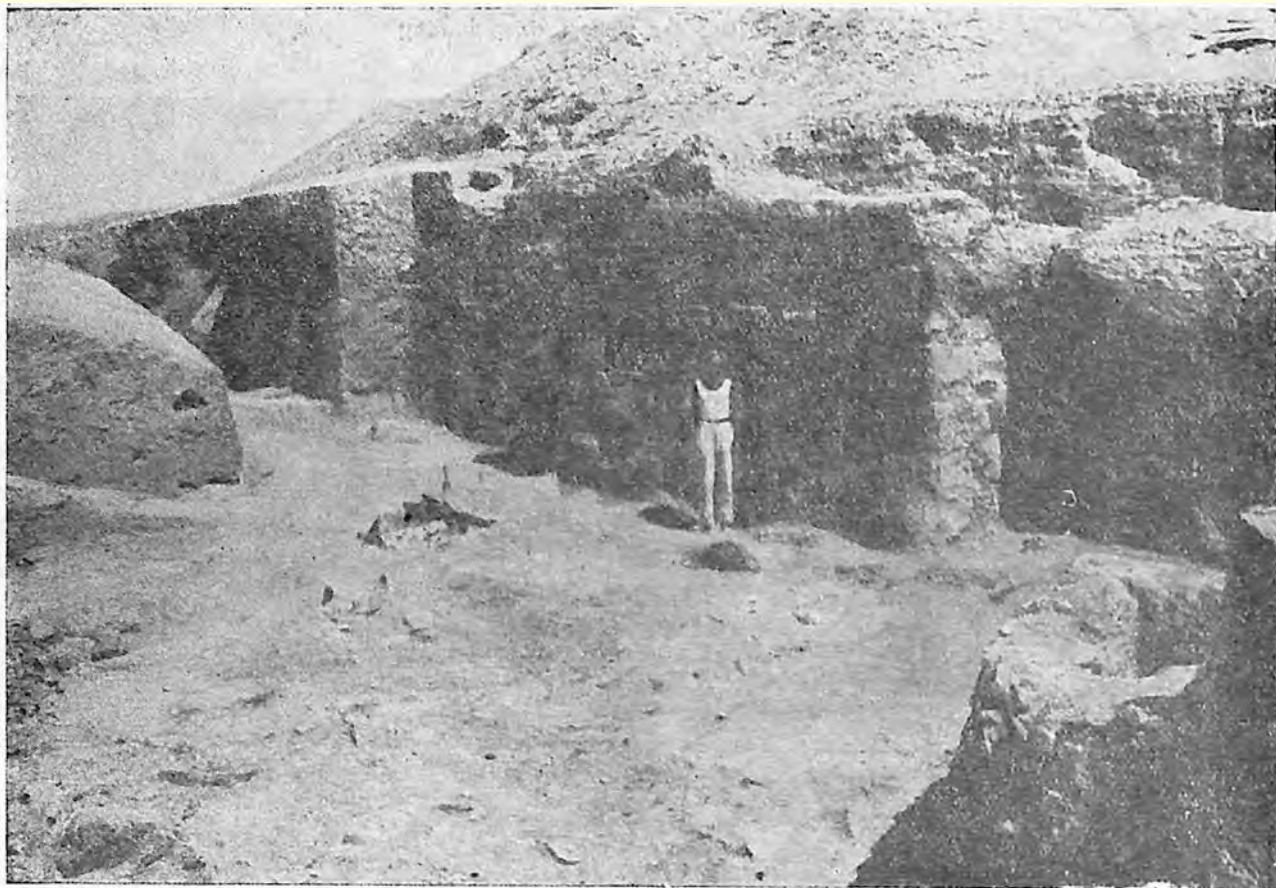
Ванская скала. Внутренний вид юго-восточной пещеры.

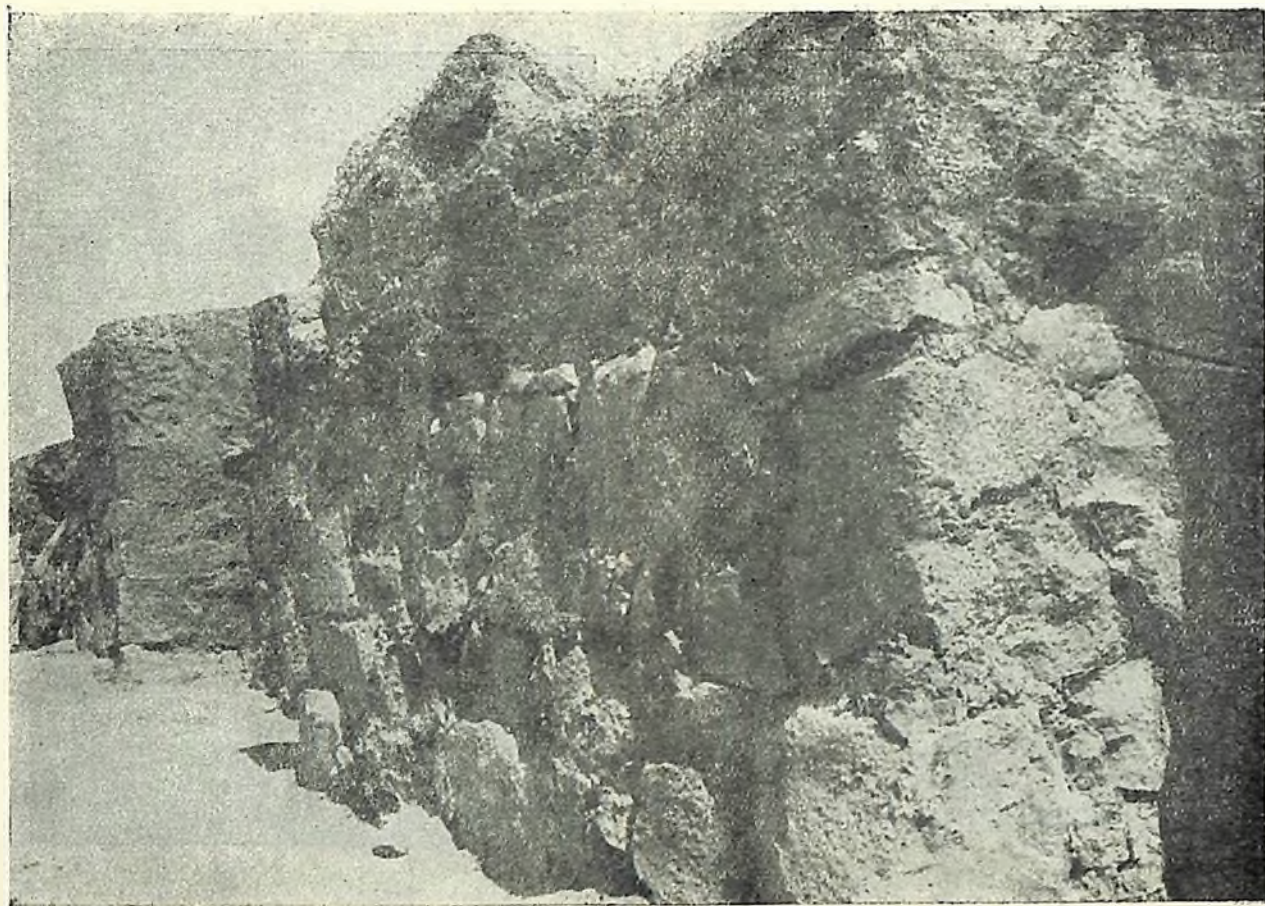
Толріх-кале. Общій вид с юга.

Кармир-блур. Общий вид с юго-востока.

Кармир-блур. Стена западного здания.

Кармир-блур. Стена западного здания.

Кармир-блур. Сосуд с ячменем.

Кармир-блур. Очаг жилища.

Список рисунков

Рисунок на выходной странице: всадник и боевая урартская колесница. Повторяющееся изображение на колчане из раскопок Кармир-блур (см. рис. 27). Natur. величина.

1, 2. Крылатый лев с человеческим торсом (часть трона). Бронза. Статуэтка была покрыта листовым золотом, лицо сделано из камня, глаза и брови инкрустированы. Выс. 16 см. Топрах-кале. Эрмитаж.

3. Лежащий крылатый бык (часть трона). Бронза. Статуэтка была покрыта листовым золотом, крылья инкрустированы пастой. Выс. 10,6 см. Топрах-кале. Эрмитаж.

4. Бог, стоящий на быке (часть трона). Бронза. Статуэтка была покрыта листовым золотом. Выс. 23 см. Топрах-кале Эрмитаж.

5—8. Рельефы бронзовых обшивок ворот дворца или храма Салманасара III: взятие урартской крепости Сугунии и увод пленных, взятие крепости Арзашку, битва ассирийцев с урартами и угон скота из страны Гилзан. Выс. пластинок около 27 см. Из развалин города Имгур-бел на холме Балават. Британский Музей.

9. Карта маршрутов походов Салманасара III в Урарту (840, 853, 834 и 830 гг.).

10. Рельеф бронзовой обшивки ворот (см. 5—8). Салманасар III приносит жертвы на берегу оз. Ван, движение ассирийских боевых колесниц. Британский Музей.

11. Саргон. Рельеф из дворца Саргона. Выс. около 40 см. Турнический Музей.

12. Карта маршрута похода Саргона против Урарту в 714 г.

13. Бронзовый щит Русы, сына Эримены, из храма на Топрах-кале. Реконструкция на основании обломков щитов, хранящихся в Британском и Берлинском Музеях.

14. „Дверь Мхера“. Ниша с клинообразной надписью, высеченная в скале горной гряды Зымзым-даг, около Вана. (По Lehmann-Haupt, Armenien, II, 1, 59).

15. Общий вид на Ванскую скалу с юга (По Lehmann-Haupt, Armenien, II, 1, 128).

16. Ванская скала у Хорхорской пещеры. (По Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 622).

17. Бронзовая статуэтка. Была покрыта листовым золотом, лицо из камня. Выс. 37,5 см. Топрах-кале. Берлинский Музей.

18. Схема фасада и плана площадки с нишами на Ванской скале. (По Н. Марр и И. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 г., 14).

19. Обломок камня с клинописью. Выс. 25 см. Кармир-блур. Историч. Музей Армении.

20. Общий план крепости на Кармир-блуре. (По съемкам архит. Г. Кочаряна и Б. Б. Пиотровского).

21. План западного здания на Кармир-блуре (по обмерам Б. Б. Пиотровского).

22. Западный фасад западного здания на Кармир-блуре. Аксонометрическая проекция выполнена архит. Н. М. Токарским.

23. Реконструкция фасада западного здания на Кармир-блуре. Выполнена архит. А. В. Сивковым по материалам археологической экспедиции Эрмитажа.

24. Схема плана храма в Тель-Халафе. (По Oppenheim, Der Tell Halaf, 74).

25. Бронзовые гвозди „зигатти“. Топрах-кале и Кармир-блур. Эрмитаж.

26. Бронзовый щит. Днам. около 1 м. Кармир-блур. Историч. Музей Армении.

27. Бронзовый колчан или горит. Дл. 66 см. Кармир-блур. Изображения всадника и колесницы с колчана см. на выходной странице. Историч. Музей Армении.

- 28 Сегдоликовые бусы и каменная печать с изображением грифона. Диаметр самой крупной бусы около 3 см., высота печати 2 см. Кармир-блур. Эрмитаж.
29. Стекланные бусы. Натур. вел. Кармир-блур. Эрмитаж.
30. Бронзовая подвеска с клинописью. Шир. около 7 см. Кармир-блур. Эрмитаж.
31. Агатовые бусы и каменная печать с изображением льва. Длина самой крупной бусы около 4,5 см., высота печати --2,75 см. Кармир-блур. Эрмитаж.
32. Пастовые бусы. Натур. вел. Кармир-блур. Эрмитаж.
33. План западного фасада западного здания на Кармир-блуре. Обмеры и чертеж архит. Н. М. Токарского.
34. Каменная зернотерка. Кармир-блур. Эрмитаж.
35. Каменная ступка. Кармир-блур. Эрмитаж.
36. Сосуд с просом и найденная в нем керамическая печать. Печать увеличена более чем в 2 раза. Кармир-блур. Эрмитаж.
- 37 Сосуд для ячменя, с крышкой. Выс. около 50 см. Эрмитаж. (См. табл. XV).
- 38 Реконструкция угла жилища со стоящими в нем сосудами, у западного фасада западного здания. Кармир-блур. По материалам экспедиции Эрмитажа.
39. Сосуд для приготовления пива. Выс. 62 см. Кармир-блур. Эрмитаж.
40. Деревянная ложка. Дл. около 35 см. Кармир-блур. Эрмитаж.
41. Деревянная коробочка, украшенная резьбой. Диамет. 12 см. Кармир-блур. Эрмитаж. Реконструкция по полевой зарисовке.
42. Кувшин красный лощеный, с ручкой. Кармир-блур. Эрмитаж.
43. Сосуд красный лощеный. Кармир-блур. Эрмитаж.
44. Клейма на двух сосудах, хранящихся в Эрмитаже, и на обломке кувшина хранящемся в Историч. Музее Армении. Кармир-блур.
45. Чаша красная лощеная. Кармир-блур. Эрмитаж.
46. Горшок серый, грубой работы. Кармир-блур. Эрмитаж.
47. Железные ножи из раскопок Топрах-кале и Кармир-блур. Эрмитаж.
48. Железные наконечники стрел. Кармир-блур. Эрмитаж.
49. Железные наконечники стрел. Топрах-кале и Кармир-блур. Эрмитаж.
50. Железный меч. Дл. 45 см. Кармир-блур. Эрмитаж.
- 51 Костяные рукоятки ножей из раскопок Кармир-блур (Эрмитаж) и из Ассирии (по Perrot et Chipiez, Histoire de l'art, II, рис. 416).
- 52 Бронзовая пластинка с изображением человеческой фигуры. Кармир-блур. Эрмитаж.
53. Бронзовые наконечники стрел. Кармир-блур. Эрмитаж.
54. „Канал Шамирам“. Стена с клинописью у северо-западного угла оврага, около сел. Катепанц. (По Lehmann-Haupt, Armenien, II, 1, 138).
- 55—57. Железные вилы, сошники и топор. Топрах-кале. Берлинский Музей. (По Lehmann-Haupt, Armenien, I, 2, 545—547).
58. Урартская колесница на оттиске печати. Топрах-кале. (По Lehmann-Haupt, Armenien, I, 261).
59. Колесница, изображенная на бронзовом поясе из могильника в Ахтала (по J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, I, рис. 145).
60. Бронзовые удила. Выс. трензеля 17,5 см. Найдены на Кармир-блуре среди железных вещей; до химической очистки были сплошь покрыты окисью железа, вследствие чего на стр. 166, 209 и 210 этой книги они ошибочно названы железными. Историч. Музей Армении.
61. Бронзовые удила из Калху, (По Wolff und Opitz, АО, X, стр. 337), Луристана и Грузии (по Б. А. Куфтину, Археолог. раскопки в Триалети, рис. 57, 3 и 58, 7).
62. Серебряный ритон V в. из Мазандерана (по АО, X, стр. 301).

63. Бронзовая ножка трона из коллекции Воюю. (По Perrot et Chipiez, Histoire de l'art, II, 125).
- 64, 65. Крылатый бык (часть трона). Бронза. Статуэтка была покрыта листовым золотом. Выс. 22,5 см. Топрах-кале. Эрмитаж.
66. Бронзовый канделябр (реконструкция). Выс. 136,5 см. Топрах-кале. Гамбургский музей. (По Lehmann-Haupt, Armenien, II, 483).
67. Крылатый бык с человеческой головой (украшение канделябра). Бронза. Выс. 5,5 см. Историч. Музей Армении.
68. Крылатая женская фигурка (украшение котла). Бронза. Найдена в Афинах. (По Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 492—493).
69. Крылатая женская фигурка (украшение котла). Бронза. Найдена в могиле на границе Ирана и СССР. Эрмитаж.
70. Голова быка (украшение котла). Бронза. Найдена вместе с фигуркой, изображенной на рис. 69. Эрмитаж.
71. Бронзовый браслет. Диамет. около 11 см. Кармир-блур. Эрмитаж.
72. Слитки бронзы. Кармир-блур. Эрмитаж.
73. Бронзовая чаша с неоглифическими знаками. Топрах-кале. Берлинский Музей. (По Lehmann-Haupt, Materialien, рис. 71).
74. Золотой медальон. Топрах-кале. Берлинский Музей. (По Lehmann-Haupt, Materialien, рис. 56).
75. Бронзовая статуэтка богини Багбарту. Выс. 12 см. Из крепости Дарабей, около Вана. Историч. Музей Армении.
76. Рельеф у входа в пещеру около Баязеда. (По Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 755).
77. Базальтовая статуя. Выс. 1,28 м. Из крепости на Ванской скале. Музей Грузии.
78. Хищник, нападающий на быка (фигурки на борту караса). Глина. (По Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 470).
79. Голова хищника (украшение сосуда). Глина. (По Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, 471).
80. Пластинки изображающие трехэтажное здание и башню. Бронза. Топрах-кале. Британский Музей. (По Herzfeld, Archaeological History of Iran, рис 8).
- 81—87. Пещерные помещения Ванской скалы. Планы и разрезы помещений. Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгиницкого, из материалов экспедиции Русского Археологического Общества. 1916 г.
88. Оттиски урартских печатей. Топрах-кале. (По Lehmann-Haupt, Armenien) №№ 11 и 12 из Армавира и Хайкаберда (Эрмитаж).
89. Поклонение дереву и стелам на оттиске печати. Топрах-кале. (По Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2).
90. Оттиск печати. Топрах-кале. (По Lehmann-Haupt, Materialien).
91. Бронзовая статуэтка бога Тейшеба. Бронза. Внизу остатки железного стержня. Выс. 24 см. Кармир-блур. Историч. Музей Армении.
92. Оттиски урартских печатей (по Lehmann-Haupt, Armenien).
93. Бронзовые наконечники стрел из Урарту (Эрмитаж), Ашура (по Andrae), Вавилона (по Koldewey), Тарса (по Goldman) и Джерара (по Flinders Petrie).
94. Бронзовые наконечники стрел „скифского типа“ из Самтавро (Музей Грузии). Муснери (по J. de Morgan), Махмуджуга (Историч. Музей Армении) и Акнер (Эрмитаж).
95. Обломок бронзового пояса из сел. Заким, б. Карсской области. Эрмитаж.
96. Обломки бронзового пояса из погребения, раскопанного у Ани-немза Шир. 9,8 см. Историч. Музей Армении.

97. Обломок бронзового пояса из жилища около западного здания на Кармир-блуре. Эрмитаж.

98. Изображения дерева жизни на рукоятке Келермесского и Мельгуновского акинаков, на поясе из сел. Заким, на поясе из Кармир-блуре, на поясе из Ани-пемза.

99. Обломок бронзовой пластины с изображением крылатой человеческой фигуры из сел. Тазагюх. Выс. 4,3 см. Историч. Музей Армении.

100. Изображение человека на золотой обкладке секиры из Келермесского могильника. Эрмитаж.

101. Изображения дерева жизни на Келермесском и Мельгуновском акинаках и на обломке пояса из Ширака, хранящемся в Историч. Музее Армении.

102. Орнаментальные мотивы Келермесского и Мельгуновского акинаков и пояса, принадлежащего Историч. Музею Армении.

103. Изображение дерева жизни на оттиске урартской печати. Топрах-кале. (По Lehtmann-Nauri, Armenien, I, 323).

104. Бронзовый сосуд из кургана у сел. Жаботни. (По Н. Е. Макаренко).

105. Обломок бронзового сосуда из Келермесского могильника. Эрмитаж.

106. Бронзовый сосуд. Пятигорский Музей. (По фотографии А. П. Круглова).

107. Бронзовые сосуды из Лечхуми, Ладжобисдзири. Музей Грузии.

108. Ручка бронзового сосуда из могильника у сел. Малаклю. Музей Грузии.

109. Изображения борьбы зверей на костяной пластинке из Кармир-блуре (Историч. Музей Армении), на бронзовой бляхе Таманского могильника (по Е. Прушевскому) и на Мельгуновских ножнах (по Е. Придику).

Для заставок и концовок глав I, II, VI, VIII, X, XII, XIV и XVII использованы орнаментальные мотивы с урартских бронзовых изделий, для глав III, V, IX и XIII урартские орнаменты в камне, для глав IV, VII и XI ассирийские мотивы, для главы XVI—изображения на скифских и закавказских памятниках, а для заставки гл. XV взят отрывок текста из летописи Сардура, сына Аргишти.

Рисунки 1—8, 10, 11, 13—17, 19, 25, 26, 28, 29, 31, 32, 34, 43, 45—51, 54—57, 58—61, 63—80, 89, 91, 95, 96, 98, 100—106, все заставки и концовки выполнил М. Н. Мох.

Рисунки 27, 30, 44, 52, 53, 62, 88, 90, 92—94, 97, 99, 107—109 и рисунок на выходной странице выполнены Б. Б. Пиотровским.

Список сокращений

Издания на русском языке

- АИЗ—Археологические Известия и Заметки. Издание Московского Археологического Общества.
ВДИ—Вестник Древней Истории. Москва.
ДАН-В—Доклады Академии Наук Союза ССР. Серия В.
ДВ—Древности Восточные. Изд. Московского Археологического Общества.
ЖМНП—Журнал Министерства Народного Просвещения.
ЗВО—Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества.
ЗКОРГО—Записки Кавказского Отделения Русского Географического Общества.
ИААК—Известия Азербайджанского Археологического Комитета.
ИАН—Известия Академии Наук Союза ССР (и Российской Академии Наук).
Изв. АрмФАН—Известия Армянского Филнала Академии Наук Союза ССР.
Изв. ГАИМК—Известия Государственной (Российской) Академии Истории Материальной Культуры.
Изв. КОМАО—Известия Кавказского Отделения Московского Археологического Общества.
ИООИА—Известия Общества Обследования и Изучения Азербайджана.
МАК—Материалы по Археологии Кавказа. Изд. Московского Археологического Общества.
МАР—Материалы по Археологии России. Изд. Археологической Комиссии.
СГАИМК—Сообщения Государственной Академии Истории Материальной Культуры.
СМОМПК—Сборник Материалов по Описанию Местностей и Племен Кавказа.
ТОВЭ—Труды Отдела Истории Культуры и Искусства Востока Государственного Эрмитажа.
ЯС—Яфетический Сборник. Изд. Яфетического Института Академии Наук Союза ССР.

Издания на иностранных языках

- АО—Archiv für Orientforschung.
BAS—Bulletin de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg.
CICH—Corpus Inscriptionum Chaldaicarum.
DWAU—Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften.
ESA—Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
JA—Journal Asiatique. Paris.
JAOS—Journal of American Oriental Society.
JDAI—Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts.
JRAS—Journal of the Royal Asiatic Society.
Lehmann-Haupt, Armenien—Armenien einst und jetzt, два тома в трех выпусках.
Lehmann-Haupt, Materialien—Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens, Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, 1907.

MA—Mélanges Asiatiques. Académie des Sciences de St.-Petersbourg.

MVAG—Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft.

SPAW—Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften.

WZKM—Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.

VBG \ EU—Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und
Urgeschichte.

ZA—Zeitschrift für Assyriologie.

ZDMG—Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

ZE—Zeitschrift für Ethnologie, Berlin.

Указатели

Исторические имена

- Аграмозан 130
Ададнирари I 17, 337
Ададнирари I 17, 92
Ададнирари II 29, 42
Ададнирари III 36, 68, 80
Ададнирари IV 80, 90
Адрамел, Адрамелек 130
Аза 113
Алнат 135
Амбарис 111, 129
Аналукуну 93, 110
Аплиукну 111
Арам 34, 36, 51, 53, 55, 56, 58, 60, 62, 338
Аргишти I, сын Менуи 11, 24, 27, 30, 34, 35, 36, 47, 66, 71, 72, 74—79, 81, 126, 135, 146, 157, 202, 205, 212, 252, 262, 286, 293
Аргишти II, сын Русы, 36, 38, 105—107, 120, 129, 130, 201
Ардис 299
Арменак 338
Арцуни 130
Асархаддон 36, 38, 88, 93, 127, 130, 131, 133, 158, 296—299
Ахуни 58
Ашурбанипал 36, 38, 104, 133—135, 147, 158, 200, 296, 297, 299
Ашурбельдан 109.
Ашурбелкала 42
Ашурдан III 33—36, 71, 80, 81.
Ашурли 116
Ашурнасирпал II 3, 32, 43, 44, 51, 62, 81, 93, 192, 224, 239
Ашурнирари IV 35, 36, 80, 81
Ашуррисуа 106, 107, 109—111, 295, 296
Ашурубалит 136, 304
Ашуршалиль 131
Багратиды 330
Бартауа 298
Бел-абил-иддин 116, 117
Бел-иддин 116, 117
Белушезиб 297, 298
Василий II 330
Габбуана-Ашур 106, 109
Ганно 113
Гигес 299
Гнуни 130
Гуггу 299
Гудеа 91, 257
Данукку 115
Дарий I 95, 136, 306, 334
Дарий II 136, 336
Даян-Ашур 61, 62
Диуцини 84, 85
Еркуа 69
Ианзу 121
Инушпуа 71
Иранза 113
Иркуа 69, 70
Итти 116
Ишпака 297
Ишпуни, сын Менуи 64, 66, 67, 77, 85, 260, 292, 294
Ишпуни, сын Сардура, 34, 36, 62, 63, 65, 67, 252, 292
Каккадану 110, 111
Капара 162
Капурины 85
Каштарити 297, 298
Кнаксар 152, 298, 304
Кир Младший 328
Ков 299
Ксеркс 57, 136, 146, 152, 263
Кушташпи 85, 87, 89, 90
Лутипр 47, 62
Мадай 299
Мадий 299

- Матнилу 89
 Менуа, сын Ишпунна, 25, 27, 34, 36, 47,
 65—72, 77, 95, 120, 194—196, 251, 260,
 268, 292—294
 Мескаламдуг 234
 Метатти 116
 Минос 47
 Минуа (см. Менуа) 67
 Мита 111, 129
 Мурнини, царь Абилианиха 84
 Мурнини, царь Уеликухи 81, 97
 Муталлу 129
 Мутарис-Ашур 64
 Набули 109, 110, 295
 Набупаласар 136, 304
 Набу-Шалимшуну 115
 Навуходоносор 202
 Нарагу 111
 Ниднини 85, 97
 Оронг 328
 Пишамилку 299
 Протогий 299
 Псаметих 298, 299
 Рашуни 84
 Руса I, сын Сардура, 16, 19, 35, 36, 47, 91,
 95—97, 99—102, 105—108, 111, 112,
 115—118, 125—127, 129, 132, 152, 157,
 193, 194, 207, 212, 217, 235, 258, 274,
 296
 Руса II, сын Аргишти, 16, 20, 36, 38, 130—
 134, 158, 165, 193, 230
 Руса III, сын Эрмены, 36, 38, 74, 95, 96,
 131, 132, 134, 135, 137, 152, 157, 165, 202,
 230, 231
 Сакуата 110
 Салманасар I 29, 39, 42, 43
 Салманасар III 23, 34, 36, 43, 45, 51, 52,
 54—58, 59, 60—64, 81, 147, 204, 206, 208
 Салманасар IV 35, 36, 70, 80
 Салманасар V 36, 108, 112
 Санасар 130
 Саргон Аккадский 91, 198, 202
 Саргон 2, 23, 28, 35, 36, 60, 92, 93, 103—
 130, 161, 165, 176, 177, 180, 192, 193,
 201, 202, 208, 212, 215, 217—219, 226,
 231, 233—236, 251, 258, 274, 295, 296
 Сардур I, сын Лутипра 4, 34, 36, 48, 49,
 62, 63, 250, 286
 Сардур II, сын Аргишти, 11, 12, 35, 36,
 61—63, 72, 81—90, 94, 95, 97, 108, 132,
 152, 154, 156, 157, 193, 201, 202, 265, 206,
 212, 260, 278, 286, 292, 293
 Сардур III, сын Русы, 38, 133, 134, 135
 Сардур, сын Ишпунна, 95, 126, 219, 251
 Седури (Сидури) 34, 61—63
 Селенар 130
 Семирамида б. 34, 68, 143
 Сеннахерим 130
 Синалиси, сын Луеха, 28
 Синахериб 3, 29, 36, 93, 106, 110, 111, 130,
 199, 200, 295, 296
 Синахусур 117
 Сиплиа 110
 Ситини 110
 Суламал 89
 Табшар-Ашур 106, 107, 115, 236
 Таририра 200
 Тархулара 89
 Тацит, имп. 331
 Теарко (Тахарья) 299
 Теумман 133
 Теушпа 297
 Тиглатпаласар I 40—42, 44, 114, 206
 Тиглатпаласар III 35, 36, 88—90, 94, 96,
 108, 112, 152, 156, 208
 Тукулти-Нинурта I 40
 Тунаун 110
 Туту 110, 119
 Уллусуну 113, 114, 116, 117
 Уппахир-бел 106, 109, 129
 Урзана 93, 110—112, 121, 123—125, 127,
 234, 251, 296
 Урса 106, 127, 131, 133, 193, 219, 296
 Урсине 111
 Ушпина 63, 64
 Хармакку 115
 Хахани 84
 Циналиби, сын Луеху, 81, 82
 Ша-Ашурдуб 106
 Шэбака 113
 Шагаштар 133
 Шаднантеру 42
 Шамаш-баракку 136, 336
 Шамурамат 34, 36, 68, 143
 Шамшиадад 34, 63, 64
 Шамшинилу 34, 71
 Шарецер 130
 Шулумубел 106
 Шульга 202
 Эрмена 36, 38, 47, 134, 135

Мифологические имена

- Алад 41, 56, 115, 272, 276
 Адар 278
 Адарута 272
 Адна 273
 Ана 273
 Аннау 273
 Анрани 272, 280
 Алапушини 272
 Ара Прекрасный 143, 277
 Араза 272
 Ард 47, 66, 132, 271, 272, 273, 275, 277, 278, 292
 Арди 273, 278
 Армаз 333
 Арманс 72
 Арменак 283
 Арни 273, 280
 Арсибедни 273
 Арсимела 272
 Артухарасау 273
 Арха 273
 Асара-Мазаш 274
 Атбини 272
 Аун 273
 Афина 280
 Ашур 39, 40, 42, 51, 104, 112, 121, 125, 168, 236, 251, 275, 276, 282, 327
 Баба 273
 Багбарту 224, 233, 274, 275
 Багдасар 130, 142
 Багмашту, см. Багбарту, 274
 Баз 30
 Бар 278
 Барсиа 273
 Бэл 283
 Варбак 338
 Венера 278
 Гильгамеш 7, 282
 Гомер 338
 Давид Сасунский 141
 Дедуани 272
 Елипри 272
 Ерина 272
 Зевс 280
 Зикуни 272
 Зузумару 272
 Инуанау 273
 Ипхари 273
 Ирмушини 272
 Итруджан, Игрушана 333, 334
 Кадмос 283
 Килибани 273
 Ксисутр (Ной) 334
 Куера 272
 Мардук 121, 236, 276
 Мен 47
 Мешех 236
 Мишо 47
 Митра 141
 Мхер 140—142
 Набу 121, 239
 Налани 272
 Наннар 276
 Нергал 115
 Ниобея 284
 Нисрох 130
 Пар 278
 Паруйр 338
 Рифат 300
 Санасар 130, 142
 Сарди 273
 Семирамида 145
 Силя 273
 Син 278
 Синуарди 273, 278
 Суннина 273, 280
 Талапура 273
 Тарани 272
 Тейшеба 66, 95, 132, 172, 241, 250, 271—273, 276—278
 Тешуб 272, 276
 Тиамат 282
 Торгом 338
 Тубал 236
 Тураин 272
 Тушпа 273
 Уа 272
 Уна 273
 Унина 272
 Ура 2 3
 Хайк 283, 335, 338
 Халд IX, 25, 34, 66, 75, 81, 84, 85, 96, 97, 112, 119, 125—127, 132, 152, 218, 219, 224, 226, 231, 250—252, 271—275, 277, 278, 280, 292, 326, 333
 Халдини (с эпитетамн) 272, 273, 275

Ханапша 272	Шебиту 272
Хаос 282	Шеларди 272, 278
Хара 272, 280	Шинири 272
Харибани 273.	Шуба 273
Хепат 277	Эа 281
Хутуни 272, 279	Эбни 280
Шамаш 41, 133, 272, 276, 277, 296, 2:8	Элнаха 273
Шамирам 2, 6, 34, 68, 143, 144, 148, 194, 253, 268, 277, 284	Яван 236
	Яфет 300

Географические и этнические названия

Абилнаних 84, 85	Арзав 25
Агуси 89	Арзашку (Арзашкуи) 54, 56, 58, 60
Адахуни 85, 100, 101	Арианни 100
Аддури 56, 58	Аркуинни 28, 84—87, 100, 101, 292
Адини 58	Армавир 6, 16, 18, 22, 72—76, 96, 157, 166, 251
Азамерунини 100	Армарили 60, 118, 119
Анади 119—121, 124	Арме 81
Андаманнуни 100	Армения 135, 136, 328, 330, 335, 338
Алароды 4, 29, 57, 138, 324, 325, 332, 336	Армения Великая 331
Албания 306	Армения Малая 329
Алганина 273, 278	Армены 136, 290, 327, 330, 332, 334, 335, 338
Алзи 55, 58, 93, 102, 110	Армина 136, 338
Алзирани 100, 102	Армиралну 110
Аллабриа 116, 117	Армяне 10, 27, 45, 216, 283, 290, 300, 330, 331, 333, 335, 338, 339
Аллуриу 122	Арпа (Арпаг) 329
Альниуну 62—63	Арпад 88, 90
Аману 55, 61, 91	Арсене 30
Амаштуби 61	Арсну 122
Амкуберд 247.	Арсунуни 273, 280
Ана-ашур-утир-асбат 58.	Артаксата 85
Анаше 27	Арцах 306
Анди 116, 176	Архестия 30
Андиа 115, 117	Ассирийцы 10, 35, 39—41, 43, 45, 48, 56—58, 60—62, 64, 89, 90, 92—94, 96, 112, 113, 115—118, 120, 123, 125—127, 129, 131, 165, 192, 201, 202, 218, 286— 288, 297
Анзит 26	Ассирия IX, 39, 40, 43, 46, 49, 50, 51, 58, 60, 61, 64—66, 68—72, 80, 81, 85, 87— 90, 93, 94, 96, 102—105, 108, 110—113, 115—117, 126—128, 130, 131, 133—135, 144, 161, 163, 174, 186, 188, 199, 200, 206, 207, 209, 211, 214, 215, 217, 236, 246, 258, 280, 296, 298—302, 327, 338,
Анзитена 26	Астахана 27
Аннаштанна 192	
Аинсускиа 298	
Арамали 56, 60	
Аратта 115	
Арацани 27, 196	
Арбела 33, 133	
Арбу 119	
Аргиш 30	
Аргиштиуна 30, 119, 120	
Аргиштихинили 72, 76, 79, 87, 96, 157, 251	
Ардикши 122	
Арзабиа 26, 118	

- Атазанин 100
 Ахурниани 27
 Ахшууру 115
 Ашгузы 297, 300
 Ашкеназ 29
 Аштухини 27
 Ашур 23, 40, 107, 112, 115, 118, 135, 161, 166, 232, 234, 301, 302, 304, 327
 Бабаниа 28, 78, 100, 273, 280
 Бабила 85
 Бабирсу 85
 Баршуа 65
 Бнайна IX, 28, 66, 84, 85, 92, 97, 100, 205, 271, 293, 328
 Библи 61
 Бит-Замани 58, 61, 102
 Буми 296
 Бызнунийское море 30
 Вавилон 130, 135, 136, 276, 283, 301, 304, 329
 Вавилоняне 12, 135, 304, 324, 339
 Вагаршанат 131
 Васпураканское море 31
 Верхнее море (страны Наини) 29, 40, 41
 Ветулония 225, 227
 Византия 330
 Врастан 333
 Газа 113
 Галис 135
 Гамир, Гимирра 110, 131, 133, 295—297, 299, 304
 Гарни 74
 Гамирк 304
 Гилзан 55, 56, 60, 62, 204, 206, 212
 Гордион 244
 Город бога Арда, см. Мусасир, 65, 122, 280, 292
 Город бога Тейшебы 28, 100
 Город бога Халда 28, 250
 Греки 44, 328—331
 Грузины 45, 333
 Грузия 333
 Гузана 58
 Гургум 89
 Гурниани 27, 100, 102, 295
 Гуркумели 100
 Дамаск 61, 62
 Дарабани 84
 Дарани 27, 77
 Даяни (урартск. Днаухси) 27, 40, 41, 55, 56, 58, 69
 Дельфы 227
 Джанив, Джаник 331
 Днаухси 27, 69, 72, 77, 87, 202
 Дурубани 28, 79
 Дур-Шаррукин 103, 105, 106, 113—115, 126, 163, 236
 Егер 331
 Египтяне 112, 339
 Егревина 331
 Елаши 100
 Еламуниа 28, 122
 Елизаду 111
 Ерна ... ини 27, 100
 Ернелтуанин 100
 Ерикуахи 70
 Заб 32
 Замаани 100, 102
 Замуа 42
 Зикирту 107, 115—117, 176
 Зингун 39
 Зишуанин 100
 Иверия 331
 Игани 84, 85, 295
 Илайау 122
 Ильдаруни 132
 Имгур-бел (Эллиль) 52
 Индоевропейцы 45
 Иония 46, 228, 253, 292, 299, 300, 320
 Ирданиуни 79
 Ирдна 273, 277
 Иркиматарни 100
 Ишкигулу 28, 66, 77, 79, 133
 Ишкузы 297
 Иштикуни 78
 Каамани 84, 85
 Калах (Калху) 232
 Калду 329
 Каллама 89
 Калланиа 119
 Калху 3, 43, 88, 90, 93, 105, 106, 115, 166, 209, 211, 239
 Канал Мепуа (Шамирам) 194—196, 200, 293
 Каниун 100
 Каппадокия 87, 91, 198, 243, 295, 304
 Кар-Салманасар 58
 Кар-Синар 110
 Кар-Тукулги-Нинурта 276
 Караллу 116
 Кардухи 328, 329
 Картвелы 334

- Кархеминш 136, 215, 302, 304
 Катарца 66, 77
 Кашду 329
 Кентриг 28, 329
 Кеты 329
 Кисхуни 7
 Кильху 2, 40, 42, 122, 126, 180, 234, 236
 Киммеры 110, 111, 131, 133, 296—300, 301, 304, 306
 Кишассу 297
 Киштан 89
 Колхи 57, 325, 329
 Колхида 27, 329, 331
 Коммагена 27, 89
 Куламери 296
 Кулиани 28, 79
 Кудлар 115
 Кулха 84
 Кумани 43
 Кумахакали 87
 Куменуна 273, 278
 Кумерухи 101
 Кутмух 27, 42, 84, 85, 87, 89, 90, 129
 Курбан 109
 Куриани 85, 102, 295
 Кутни 39, 40
 Кутмух 39
 „Кутурлинская равнина“ 132
 Кухаалбани 85
 Лагаш 91, 257
 Лазив 331
 Лазика 331
 Лаллар 55
 Лидия 135, 299
 Ликийцы 45
 Луеруни 84
 Луерухи 100
 Луипруни 85
 Лулуниа 84
 Лулуме 42
 Луха 39
 Лухнуни 69, 70
 Луша 66, 77
 Мазгерд 134, 252, 260
 Макалтуни 72, 87
 Макроны 329
 Малатия 72, 88, 89
 Малтаиа 123
 Мана 66, 68, 72, 77, 83—85, 102, 103, 107, 110, 113—117, 124, 131, 297, 298, 307
 Манси, манейцы 107, 110, 114, 131, 136, 297
 Маирили 331
 Матиенские горы 325
 Матисны 325
 Машгун 39, 42
 Меншта 65
 Меланин 100
 Мелиду 136, 336
 Мелита 27, 61, 72, 87, 88, 89
 Менухинили 69—72
 Месотида 298, 325
 Мехри 43
 Мидия 131, 135, 136, 215, 298, 300, 304, 305
 Мидяне 128, 131, 135, 136, 152, 297, 303, 304, 324, 333, 338
 Миксны 236, 244
 Мини 29
 Мирхису 58
 Митани 48, 237
 Мосинойки 329
 Мосхи 48, 129, 134, 325
 Мусасир 28, 62, 65, 68, 77, 93, 95, 102, 103, 110—112, 115, 121—127, 165, 180, 202, 215, 218, 219, 224, 226, 231, 233, 234, 236, 251—254, 273—275, 278, 280, 296
 Мушки 111, 129, 134
 Нагну 295
 Наири 23, 34, 40—43, 51, 54, 57—59, 62—64, 66, 68, 69, 102, 121, 122, 124, 192, 206, 338
 Наири море 30, 40, 51, 54, 56, 57
 Намара перевалы 42
 Намдану 58
 Намри 71
 Нахарина 40, 48
 Нилипахри 39
 Нимми (см. Тумме) 41
 Нимруд 3, 55, 61, 88, 89, 301
 Ниневия 2, 3, 23, 51, 90, 104, 123, 135, 199, 200, 227, 232, 283, 295, 304
 Нихириани 81
 Ниши 273
 „Озеро Русы“ 194
 Олимпия 225, 227
 Паитеру 40, 41
 Панзиш 116, 176
 Парда 117
 Парсуа 62, 65, 72, 102
 Пафлагония 253, 259, 270, 300
 Персы 136
 Пируатти 115

- Питру 58
 Понт 333
 Пулуа 84
 Раппа 115
 Риар 119
 Родос 227
 Руишнани 84
 Рыштунийское море 30
 Сакаcene, Сакасани 306
 Сакн 306
 Салуа 39, 42, 43
 Сангибуту 118, 192
 Сапария 62
 Сарматия 331
 Саспейры (саспирь) 57, 325
 Сасун 332
 Сидон 46, 61
 Синабир 115
 Синахулзи 115
 Сиппар 276
 Скифия 306, 319
 Скифополь 304
 Скифы XI, 20, 128, 133, 135, 136, 188,
 297—301, 304—324.
 Субары 49
 Суби 117, 207
 Сугуния 51—53, 57
 Сузы 133
 Суйа 115
 Сурикаш 115
 Сухни 55, 58
 Табал 61, 111, 129, 234
 Таохи 329
 Тарс 61, 301, 302
 Тас 130
 Телебой 329
 Тернани 85
 Териушани 100
 Тибарены 48, 329
 Тил-Барсиб 34, 58, 71
 Тир 46, 61, 236
 Топитис 30
 Тосб, Тосп 30
 Тоспитис 30
 Троя 244
 Тулиху 28, 81, 82, 86, 101
 Тумме 40, 41, 55, 56, 58
 Туртани 115
 Туруани 100
 Туруберан 283
 Тушпа (Турушпа) 30, 35, 60, 62, 63, 65—67,
 89, 90, 96, 109, 111, 117, 120, 121, 125,
 136, 148, 156, 190, 194, 196, 218, 248, 251,
 273, 280, 325, 327
 Уаси 110, 111, 116, 121, 123, 124
 Уананс 121, 123, 124
 Уаткун 39
 Уауш 116
 Удины 78
 Уедурн-Этиуни 84
 Уеликуни 97
 Уелжухи 27, 81, 85, 86, 96—98, 100, 101
 Уиданин 100
 Уизукки 120
 Уинтеру 66, 77
 Уихи-Рухи 84
 Уиндиди 117, 192
 Уишнини 273, 278
 Укая 110, 295
 Укийцы 124
 Улуани 28, 77
 Улху 118—120, 201, 207, 213, 258
 Уппум 131
 Ур 202, 234, 236, 276
 Урартина 42
 Уратри 29, 30, 43
 Урашту 29, 31, 136, 325, 334, 336
 Урме 72, 85
 Уруатри 29, 39—42, 44, 49, 338
 Урук 202
 Ути 306
 Ухиме 87
 Ухуниче 85
 Ушкайа 117, 124
 Ушне 14
 Фарнакия 329
 Фаснаны 329
 Фасис 329
 Фишикийцы 61
 Фрако—фригийцы 48
 Фригийцы 47, 48
 Фригия 270
 Хайн 290, 329, 333, 335, 338
 Хайк 335, 338
 Хайкашен 283
 Хайоцзор 283
 Халдан, Халден X, 327—331, 333—335
 Халдия IX, 276, 326—331
 Халды IX, X, 45—47, 216, 276, 326, 328,
 330—334

- Халибы 216, 329, 331, 333, 335
 Халила 39
 Халпи 89
 Халсу 110, 295
 Халтика 331
 Хамат, 61, 115
 Хапху 28, 40, 42
 Харанна 298
 Харда 109, 129
 Харк 293
 Харран 136, 304
 Харри (Хурри) 48
 Хате 72
 Хеттское государство 80, 237, 285
 Хетты 48, 58, 61, 80, 134, 243, 272, 284
 Химме 39, 42
 Химмуа 40—42
 Хубушкия 51, 55—57, 60, 62, 121, 124, 131, 132, 298
 Хубушна 297
 Хурриты 48, 49, 272, 277, 284
 Хутцы 332
 Хушаалхи 84
 Цовасар 142
- Шакашен 306
 Шаке 306
 Шанатуанин 100
 Шашилу 69
 Шейак 122
 Шикакар 306
 Шубари 40
 Шумер 91, 202, 257
 Шуприа 131, 296
 Шура 66, 85, 86
 Эьбатана 136, 300
 Элам 36, 133
 Эламиты 133
 Эллада 299
 Энзите 26, 56, 58, 61, 90
 Эрах 28, 66, 72, 77, 79, 83—85, 87, 205, 212
 Эриднани 273, 277
 Эридуахи 70
 Эрития 56, 58
 Этиуни 28, 66, 77, 78
 Этрурия 44, 46, 215, 225, 227, 228, 270, 275
 Этрусски 44, 45, 216
 Эшуман 85

Географические названия (современные)

- Агридаг 29, 66, 180
 Адельджеваз 134, 240
 Азербайджан 19, 70, 87, 101, 199, 212
 Айгестан 139
 Ай, авак 98
 Айрарат 29, 76, 79
 Айраратская равнина, низменность, долина 143, 181, 190, 191
 Ак-керпи (Ак-кепри) 142
 Акнер 309, 310
 Алагез см. Арагац
 Алашкерт 27
 Алишар 50, 243, 302
 Алучалу 19, 28, 99, 248
 Аль-мина 302
 Америка 148
 Анатолия 50, 243
 Анатолийское нагорье 189
 Анау 311
 Анзав 67, 120
 Ани-пемза 187, 313—315
 Аравия 91
 Арагац, Алагез 18, 66, 72, 76, 79, 83, 205, 248
- Аракс, Араз 29, 49, 66, 69, 70, 72—76, 190, 307, 325, 337
 Аралезк 120, 248
 Арарат 7, 29, 58, 66, 69, 136, 189, 283
 Араратская низменность, равнина 158, 199
 Аргостовит 27
 Арджиш 30, 120, 130, 196
 Арзани 27, 58, 61, 68
 Арниберд 76, 77
 Армавирский холм 132, 135, 249, 256
 Армянское нагорье 142, 189—192, 200, 203, 204, 218, 247, 259, 334, 337
 Арпачай 4, 27, 74, 79
 Арпачия 50
 Артикский район 310
 Арчадзор 92
 Арчак 67, 140
 Атамган 4, 18, 28, 82, 86
 Ахалцихский район 309
 Ахтала 208, 209
 Ахгамар 30
 Афганистан 177
 Афины 47, 209, 226, 227, 280

- Ашотакерт 5, 67
 Ашрут-дарга 5, 65, 67
 Бавнан 130, 279
 Багин 68, 69
 Баксан 321
 Балават 23, 45, 52—56, 147, 204, 206, 212
 Балканский полуостров 232
 Башкала 90, 124
 Башкянд 98
 Баязед 58, 238
 Бендимахи 196
 Беотия 227
 Беркри 196
 Бетшан 304
 Били 90
 Бингель-даг 190
 Бисутун 136, 306, 334
 Битлис 121, 124, 218, 333
 Богазкей 232, 243
 Болдаг 248
 Бора 123
 Боспор 299
 Бостан-кая 77, 202, 259, 335
 Бохтан 27, 57, 121, 328, 329
 Ван, город IX, XI, 13, 15, 20, 31, 32, 45, 46, 60, 64, 66, 67, 68, 75, 77, 81, 82, 86, 90, 97, 108, 120, 123, 124, 131, 139—143, 145, 146, 148, 149, 153, 156, 161, 164, 176, 194, 216, 217, 221, 229, 248, 249, 253, 254, 259, 262, 268, 270, 287, 305, 339
 Ван, озеро 2, 20, 26—31, 33, 39, 40, 48, 53, 57, 60, 62, 63, 65, 67, 68, 90, 110, 120, 121, 124, 126, 127, 131, 139, 141, 144, 147, 152, 190, 192, 196, 200, 211, 218, 234, 247, 260, 262, 283, 325, 328, 330, 332, 333, 335
 Ванская скала 2, 8, 11, 15, 21, 22, 31, 32, 34, 36, 63, 67, 71, 87, 89—91, 95, 96, 120, 144—146, 149, 153, 154, 156, 161, 237, 239, 248—250, 258, 260, 262, 263, 266, 268, 269, 276, 286, 325
 Ванский район 142, 143, 145, 146, 185, 218, 227, 243, 246, 290, 301, 332, 333
 Вараг 196, 286
 Ворнак 310
 Гавар 97, 98
 Галльштатт 303
 Ганлиджа 4, 28, 66, 79
 Ганли-тана 18, 19, 76, 135
 Гарин 27, 74
 Гассаи-кала 67
 Гассанкей 124
 Гималаи 177
 Гокча 190
 Головно 232
 Горийский район 309, 333
 Греция 44—46, 227, 228, 232, 270, 275, 284
 Грузия 20, 211, 309, 333
 Гулиджан 28, 79
 Гушчи 316
 Гявар 123
 Гиур-кала 311
 Даджна 123
 Двуречье 260
 Дебед 20, 310
 Деве-эйск 232
 Дерсимские горы 134
 Дехок 71, 123
 Джаида 16
 Джерар 301, 302, 304
 Джуламерк 90, 218
 Дзевестан 64
 Днадни 58
 Днарбекр 58, 61, 129
 Диза 122, 124
 Евфрат 41, 58, 60, 68—70, 88, 134, 189, 190, 194, 329
 Египет 130, 135, 209, 270, 298, 299, 300, 302, 303
 Еленовка 78
 Ереван 16, 18, 19, 27, 31, 77, 132, 157, 168, 216, 305, 317
 Жаботин 320—322
 Заб Большой, Верхний 28, 90, 115, 122
 Загалу 27, 86, 87, 196
 Закавказье IX, XI, 4—7, 15—18, 20, 22, 65, 66, 69, 70, 72, 74, 76, 78, 79, 81, 84—87, 94, 96, 102, 111, 131—133, 135, 136, 149, 157, 166, 168, 172, 173, 181, 184, 186—188, 190, 198, 199, 204—206, 208—210, 212, 218, 227, 229, 235, 242, 245, 246, 248—250, 275, 304, 305—307, 309, 314, 320—324, 332, 334, 337, 339
 Заким 187, 313—315
 Занга 77, 132, 157, 181
 Заюково 307, 321
 Звартноц 131—133, 193, 199
 Зевастан 64
 Зенджирли 232
 Зивин 69
 Зымзымдаг 95, 120, 140, 142, 150, 248

- Игдыр 186, 323
 Изоглу 2, 88
 Индия 177
 Иран 210, 211, 215, 227, 229, 284, 312, 314
 Иранское нагорье 189
 Италия 227
 Кабардино-Балкарская АССР 307
 Кавказ XI, 136, 204, 298, 302, 306—309, 311, 312, 319, 320, 321, 324, 339
 Кавказ Малый 189
 Каладжих 64, 120
 Карабах Нагорный 91, 102, 337
 Карабулак 212
 Кармир-блур XI, 16, 19, 20, 22, 31, 108, 132, 133, 136, 157—159, 162—164, 166, 168, 172, 173, 176, 180, 181—183, 185, 186, 188, 193, 198, 200, 205—209, 213, 216, 217, 224, 229, 230, 232, 235, 244, 246, 248, 255—257, 278, 305, 306, 314, 315, 323, 324
 Карс 27, 313, 314, 319
 Катепац 200
 Квабис-хеви 309
 Кедабек 311
 Келлагран 4, 16, 19, 99, 100, 168
 Келермес 187, 215, 308, 312, 314, 315, 316, 320, 323, 324
 Келяшин 60, 63, 65, 112, 122, 123, 211, 218, 252, 294
 Кешишгел 14, 152, 193, 194, 199
 Киев 320
 Кизил-ванк 49
 Киликия 299
 Кипр 232
 Кишляг 97
 Кобан 307—309, 321
 Котур 60
 Крит 45, 257
 Кубань, Прикубанье 312, 320, 321, 339
 Куджахский перевал 61
 Кулалы 98
 Кумбулта 308, 309, 322
 Кура 332
 Курдистанские горы 29, 189, 191, 218, 329
 Куюнджик 2, 23, 105—109, 112, 116, 121, 129, 133, 157, 295—297, 301
 Ладжобисдзири 322
 Ленкорань 311
 Леск 11, 64
 Лечхуми 322
 Ливан 91
 Лидия 46, 299
 Ликия 45
 Лим 247
 Лорийский район 184
 Луристан 211
 Мазандеран 209, 212, 232
 Майкоп 215, 320, 339
 Маку 131
 Малаклю 186, 232, 323
 Милатия 27, 61, 68, 72, 88, 89
 Малая Азия 44—48, 55, 61, 70, 88, 131, 216, 253, 255, 270, 276, 295, 299, 302, 331
 Маранд 118, 120, 207
 Мараш 89
 Мартуни 82
 Масис 29, 189
 Махмуджуг 309, 310
 Мегрелия 331
 Мегринская теснина 190
 Мелазгерд 2, 27, 41, 58, 63, 67, 196, 283
 Мелазгердская низменность 190
 Мерв 311
 Мерване 90
 Месопотамия 163, 189, 197, 198, 200, 215, 254, 255, 276, 282, 284, 300
 Моздок 307
 Мохиси 309
 Мртби-дзор (Мтрибилзор) 97, 98
 Мурад 27, 41, 58, 61, 68, 69, 190
 Муснери 309, 310
 Муханнат-тапа 19, 168
 Муш 83, 124, 218
 Мушская низменность 190
 Мцхет 20, 309, 310
 Накши-Рустем 136, 306, 334
 Нахичеван 190
 Нери 124
 Нигзиль-чай 122
 Нижний Заб 40, 42, 62, 115
 Нисибин 71
 Нор-Баязет 16, 19, 27, 28, 78, 82, 86, 96—98, 168, 232, 248, 250
 Олты 69, 314
 Ордаклю 75, 78, 79, 87, 101
 Осетия 307
 Палестина 112, 113, 130, 270, 302, 304
 Палестрина 227
 Палу 68

- Патноц 64
 Передняя Азия IX, XI, 33, 48—49, 51, 64,
 65, 70, 79, 80, 88, 91, 94, 102, 103, 105,
 110, 113, 127, 154, 163, 164, 186, 197,
 201, 205, 206, 209, 215, 236, 244, 277,
 298, 300—302, 305, 306, 311, 312, 317,
 325, 332, 334, 338
 Персия 138, 325
 Подгорцы 320
 Понтийские горы 189, 191
 Понтийское море 331
 Понтийское побережье 46
 Приурмийский район 60, 68, 72, 79, 87,
 96, 108, 113
 Причерноморье 232, 301, 307, 311, 312
 Ревандуз 112, 123, 124
 Рутха Верхняя 322
 Рутха Нижняя 308
 Салмас 33
 Салхана 67, 260
 Самтавро 20, 309, 310
 Сарай 60, 67
 Сарыкамыш 27, 77
 Сгерт 124, 234
 Севан 5, 16, 18—20, 27, 28, 76, 78, 81, 84,
 86, 87, 99, 101, 181, 190, 196, 205, 248
 Севанский район 79, 82, 86, 96, 97, 101,
 171, 185
 Сибирь 304
 Сигкех 25
 Сидикан 112, 123
 Сипан 64, 200
 Сирия 46, 55, 58, 61, 70—72, 80, 81, 86—88,
 108, 112, 113, 130, 134, 215, 232, 298, 300,
 302, 303, 304
 Согютлу 248
 Сохенд 116, 117, 120, 218
 Средиземное море 45—47, 55, 60, 225,
 275, 284
 Средняя Азия 151, 304
 Субнат 43
 Тавр 58, 91, 189
 Тавриз 120, 124
 Тазагюх 317
 Тайк 27
 Талиш 16, 310
 Тамань 323
 Ташбурун 7, 18, 69, 70, 72
 Таштепе 66
 Тбилиси 82, 87
 Тель-Халаф 162, 163, 232, 237
 Тепе-гавра 50
 Тигр 2, 21, 41—43, 58, 60, 90, 103, 122, 189,
 218, 328, 329
 Топрах-кале 13—15, 19, 21, 22, 24, 31—33,
 35, 37, 45, 50, 79, 95, 96, 108, 131,
 133, 135, 137, 144, 147—153, 161, 164—
 166, 176, 183—185, 194, 197, 198, 201,
 203, 205, 207, 214, 216, 217, 221, 223,
 224, 230, 231, 235, 240, 242, 243, 246,
 248, 251, 253—256, 258, 259, 264, 274,
 279, 281—283, 285, 301, 305, 317, 319
 Топузава 83, 112, 122, 123, 211
 Трапезунд 329, 330
 Триалети 50, 92, 339
 Туркмения 311
 Турция 235
 Украина 312, 320, 321
 Урмия 33, 65, 66, 72, 83, 107, 112, 113,
 115, 117, 124, 176, 190, 204, 207, 218,
 260, 290, 298, 307, 316
 Урух 308
 Ушне 112
 Фаркин 124
 Фаскау 308
 Финикия 46, 270
 Франция 228
 Хабур 58
 Хайастан 338
 Хайкаберд 248, 256, 259, 274, 277, 301, 305
 Ханлар 199
 Хараконис 64, 66, 140
 Херсонская губ. 312
 Хнысский район 248
 Ходжалы 17, 92
 Хой 67
 Хорсабад 2, 23, 103, 217
 Хотанлу 196
 Хошаб 68, 194, 196, 283
 Хуркум 120, 196
 Цалка 20, 92
 Цицамури 310
 Цовинар (Келагран) 4, 16, 18, 19, 27, 28,
 97, 99—102, 168, 196, 205, 248—250
 Чарбах 157
 Чалдыр 72, 87
 Черное море 189, 329, 330
 Чингильский перевал 66
 Чух 124
 Шамирам, район города Ван 143

Шампирамальти 50
Шатах 90
Элар 4, 28, 66, 77
Эранос 82

Эрзерум 191, 218, 325
Эрзингян 218, 330
Юнгали 41
Языли-таш 69

Предметный указатель

- Агат 166, 167, 169, 241
Административное управление 93, 94, 96
132, 133, 157
Акархи (мера) 201, 203, 243
Акинак 310, 312, 314, 317, 318
Археологические исследования 2, 6, 7, 11,
13—17, 19—22, 31—33, 38, 49, 50, 68—74,
76, 77, 87, 101, 104, 139—188, 216
Архитектура месопотамская 254
Архитектура урартская 68, 73, 100, 118,
144, 162, 163, 173, 247
Астральные символы 282
Аттрибуты богов 279
Базальт 237, 239, 241
Башни 249, 254
Баязедский рельеф 238, 239
Бобы конские 177
Браслет 187, 229, 310, 321
Бронза 85, 201
Бронзовые изделия 20, 22, 32, 33, 73, 85,
91, 126, 148, 149, 164, 165, 168, 169, 185,
187, 214—237, 246
Булава 172, 224
Бусы 17, 166—168, 170, 172, 187, 237, 241
Быки 14, 125, 153, 165, 204, 229, 231, 240,
279
Верблюды 56, 72, 85, 115, 118, 212, 213
Веревки 183
Весы 136
Вилы 197, 217
Вино 116, 176, 182, 200, 201
Виноград, виноградники 86, 132, 144, 181,
182, 194, 198—200
Вишапы 74
Водоснабжение 247
Военнопленные 93, 213
Войско ассирийское 53, 56, 58, 113, 114
Вооружение 45, 53, 56, 57, 116
Ворота 125, 144, 250
Ворота Балаватские 23, 45, 52—60, 212
„Ворота богов“ 70, 86, 97, 259, 275—278
Восстания в Урарту 108, 110, 111, 113
Восстания манеев 107, 110
Гончарный круг 241
Город 60, 144, 152, 213
Грифон 168
Гробницы царей 268
„Дверь Мхера“ 24, 66, 140—143, 257, 260,
272—278, 280
Дворец 24, 75, 118, 123, 145, 150, 160, 173,
213, 250, 254, 305
Дворец Саргона („Дур-Шаррукки“) 2,
103—106, 109, 114, 115
„Дерево жизни“ (священное) 153, 187, 188,
188, 240, 280, 281, 312, 315, 316, 319
Деревянные изделия 178, 179, 183
Детерминативы 288, 327
Долгоносик (жучек) 198
Дороги 237, 258
Дракон 126, 231, 281
Жезл 234, 235
Железные изделия 19, 20, 73, 126, 127,
149, 151, 183—186, 197, 198, 217, 218
Железо 215, 236, 246
Желоб в скале 140
Жернов 174, 196
Жертвенник 148
Жертвоприношение 54, 59, 66, 86, 112, 125,
206, 226, 271—274, 279
Жертвоприношения человеческие 273, 274
Жилище 173, 213, 248, 250
Жировик (камень) 241
Жрец 54, 282
Замок 234
Земледелие 117, 181, 191—198, 203, 213
Зерно 116, 151, 175, 176, 178, 181, 193,
202, 242
Зернотерки 172, 174, 198, 237
Зернохранилища 117, 118, 151, 174—176,
183—185, 192, 198, 213, 214
Зигатти, гвозди 108, 153, 164
Зиккурат 276
Змеевик (камень) 241
Знаки клинописные 286, 287
Золото 85, 92, 125, 126, 151, 201, 221—224,
231—234, 275, 282

- Зубцы крепостные 161, 250, 254
 Идеограммы 287—289
 Иероглифы 45, 151, 173, 181, 183, 203, 232, 241, 245, 285
 Известняк 63
 Имеру (мера) 77, 194, 202
 Инкрустация 148, 240, 253, 254
 Ирригация 74, 181, 193, 198
 Искусство скифское 312, 319, 323, 324
 Каменные изделия 237—241
 Каналы 24, 67, 68, 74, 118, 132, 143, 144, 181, 193—196, 200, 213, 237
 Канделябр 32, 153, 224, 225
 Капи (мера) 76, 77, 202
 Карасы 151, 178, 232, 241—243
 Каркас (железное дерево) 199
 Керамика 20, 50, 69, 73, 78, 148, 149, 151, 173—177, 180—185, 241—246
 Керамика закавказская 242
 Керамика каппадокийская 243
 Керамика малоазийская 244
 Керамика микенская 244
 Керамика переднеазиатская 245
 Керамика расписная 15, 49, 50, 245, 246
 Керамика римская 244
 Керамика хеттская 243
 Кинжал 127, 234, 309
 Кирпичи сырцовые 150, 160, 161, 188, 248, 249, 254—256, 305
 Клинопись урартская 3—5, 145, 146, 285—294
 Кобыла 89, 117
 Ковка 230
 Колесницы 41, 51, 56, 66, 89, 115, 117, 122, 126, 127, 166, 207, 208, 217, 235
 Колесо 207, 207
 Колодец 150
 Колошны 64, 74, 75, 252, 253, 274
 Кольцо серебряное 235
 Колчан 165, 166, 207, 208, 232
 Коневодство 206—211
 Конница 56, 66, 117, 122, 166, 207
 Копейщики 53, 117, 122
 Копье 19, 57, 217, 218, 235, 252, 275
 Костяные изделия 19, 172, 186, 324
 Котлы бронзовые 225—228
 Котлов украшения 226—229, 277, 320
 Кремень 237
 Крепости 7, 13, 16, 18—20, 24, 28, 33, 34, 42, 43, 51—56, 58, 60, 62—64, 67—79, 82, 84, 86, 87, 89, 96—101, 111, 113, 116—123, 131—135, 142, 143, 150, 153, 156—188, 196, 213, 216, 247—250
 Кресло 234
 Кунжут (зерно) 177
 Купальни 144
 Курганы 20, 87, 212, 213, 312
 Куюнджикский архив, 3, 23, 104—117, 120, 121, 129, 157, 295, 296
 Лазурит (камень) 126, 151
 Лебеда 199
 Лев 14, 126, 165, 168, 231, 279, 282
 Лен 180
 Лес 204
 Лестницы в скалах 140, 150, 155, 258, 260, 262, 263, 266, 268
 Летопись Сардура 11, 12, 24, 82—87, 154, 155, 286
 Летопись Хорхорская 11, 24, 71, 72, 77, 79, 81, 84, 85—87, 262, 286
 Литой Курган (Мельгуновский клад) 312
 Ложка 178, 183, 185
 Локоть 257
 Лошадь 25, 40, 41, 51, 56, 72, 84, 85, 89, 95, 116—118, 121, 185, 206, 207, 210, 211, 217, 310
 Лук (оружие) 218, 235, 239
 Лунница бронзовая 168, 171
 Лучники 53, 117, 122
 Мари (зерно) 199
 Масло 116, 176
 Медальон 232, 233
 Медведь 181
 Медь 126, 218, 246
 Мельгуновский клад 312, 314
 Мельница 196
 Меры веса 201, 202, 236
 Меры длины 201, 257
 Меры емкости 151, 201—208, 243, 285
 Меры площади 201, 202
 Металлические изделия 215—237, 243
 Меч 185, 186, 218, 234, 235, 239, 310, 312, 314, 317, 318
 Мина (мера) 85, 91, 125, 126, 201, 202
 Миндаль 177, 199
 „Миграции урартов“ 44—48, 331, 322, 334
 Мифы 277, 283, 284
 Молот 217
 Мост 41, 68, 194, 211
 Мотыга 197, 198, 217

- Мрамор 119, 120, 240
 Мул 56, 118, 125
 „Мхери-дур“, „Мхер-капуси“ см. „Дверь Мхера“
 Мышей (зерно) 177
 Надписи ассирийские 23, 39, 49
 Надписи урартские 11, 12, 16, 18, 20—22, 24, 67, 70, 72, 74, 78, 81, 99
 Наместники 93, 95, 97, 110, 111, 129, 157, 158, 188
 Ниши в скалах 82, 140, 154, 155, 259, 260
 Ножи 183, 186, 187, 217, 237, 310
 Нут (горох) 177
 Обсидиан 237
 Овцы 85, 125, 181, 204, 205
 Озера искусственные 130, 194
 Олово 218
 Опахало 234
 Оракулы 131, 296—298
 Оружие 116, 176
 Ослы 115, 118, 125
 Отливка бронзы 221
 Охотничий парк 130
 Охота 181
 Очаг (тондыр) 174, 183, 186
 Палица 239
 Паста цветная 166, 170, 171, 222, 223, 246, 282
 Пастбища 118, 204, 207, 213
 Песты 174, 198, 237
 Перекрытия балочные (бревенчатый накат) 150, 258
 Персики 199
 Пехота 66, 117, 121, 122
 Печати 19, 101, 123, 136, 142, 167—169, 174—176, 186, 210, 213, 214, 233, 237, 241, 246, 275—277, 281, 318, 319, 323, 324
 Печатей оттиски 207, 208, 281, 282
 Пещеры искусственные 8, 44, 145—147, 150, 153, 253, 258—270
 Пиво 177, 180
 Письменность урартская 285—294
 Плащ 133
 Плоты 211
 Плотина 194, 212
 Площадки в скалах 140, 154, 155, 259, 263
 Плуг 197, 217
 Повозки 54, 210, 281
 Погребя внешние 118, 201
 Подделка древностей 6, 7
 Посевы смешанные 177
 Порфир (камень) 241
 Послы 133
 Походы ассирийские 39—45, 51—64, 88, 90
 Походы киммерские 131, 300
 Походы скифские 299, 300, 304, 307
 Походы урартские 65, 66, 68, 69, 71, 76, 77, 79, 80, 87, 88, 110, 205, 337
 Пояса бронзовые 57, 187, 230, 313—316, 318, 320
 Просо 174, 175, 179, 180, 193
 Пути сообщения 46, 47, 91, 123, 124, 211
 Пшеница 43, 118, 176, 178, 192, 193, 198
 Рабы 93, 96, 213
 Разведчики 121
 Раковины 187
 Религия 271—284
 Ремесло 213
 Рог 234
 Рожь 192, 193
 Ртуть 185
 Рука, изображение 240
 Рустовка 74, 251
 Сады 24, 74, 96, 118, 132, 144, 181, 182, 198
 Сапоги 133
 Саргона текст (Луврский) 23, 28, 95, 104, 107, 115—122, 124—127
 Светильник 242
 Свинец 85, 125, 126, 218
 Свинья 181, 205
 Секира 317
 Сердолик 73, 125, 126, 166, 167, 241
 Серебро 85, 125, 126, 151, 201, 231, 234, 235
 Серебра чернение 235
 Серпы 185, 196—198, 217, 237
 Скребок 237
 Крепы металлические 73, 249
 Скот рогатый крупный 41, 56, 72, 84, 85, 116, 118, 121, 181, 204—206, 212
 Скот рогатый мелкий 56, 72, 84, 116, 121, 181, 204—206, 212
 Скотоводство 181, 191, 192, 203—206, 213
 Слитки бронзы 186, 230
 Собака 126
 Солнечный диск, крылатый 168, 275, 277
 Солодование 179
 Солома 179
 Сосуды каменные 224, 241
 Сосуды серебряные 235, 319

- Статуи 32, 95, 275
 Статуи богов 274
 Статуи бронзовые 126, 219, 253, 320—323
 Статуи каменные 22, 32, 239, 253
 Статуэтки бронзовые 32, 149, 172, 224, 233, 274, 277, 279
 Стекло 73, 166, 168, 187, 246
 Стелы каменные 83, 84, 131, 132, 281
 Стены 156, 158—160, 162
 Стрелы 184, 185, 187, 188, 217, 237, 239, 301—303, 305, 306, 308—311
 Ступени в скалах 155, 259
 Ступки 173, 198, 237
 Таблички глиняные 24, 133, 148, 151, 203, 214, 246, 286, 336
 Талант_и (мера) 125, 126, 202
 Тараны 114
 Террасы искусственные 200, 248, 259
 Титулатура царская 62, 63, 66, 68, 85, 86, 88
 Ткани 180, 206
 Топонимика 26—31, 58
 Топоры 172, 197, 217, 224, 322
 Торговля 46, 91, 92, 213, 236
 Трахит (камень) 237
 Трон 13, 32, 35, 37, 219, 220, 222, 223, 240, 254, 279, 319
 Туннель 132, 237
 Тур 126, 231, 234
 Туртан 110, 111
 Удила 166, 208—211, 217, 310
 Фантастические животные 32, 33, 35, 37, 172, 219, 220, 222, 223, 225, 231, 237, 280, 282, 312, 314, 318, 319
 Фибулы 19, 187, 315
 Формы для отливки 158, 229, 302
 Фриз каменный 153, 240
 Хижина тростниковая 256
 Хируси (мера) 201, 203
 Хлопок 199
 Храмы 13, 14, 69, 75, 86, 119, 123, 131, 148, 150, 152, 153, 214, 250, 251—253, 268, 271, 274, 278, 282
 Храм Мусасирский 95, 103, 111, 125—127, 165, 180, 202, 215, 219, 226, 251—253, 274
 Хроника Вавилонская 135, 136
 Хронология 33—36, 38, 81
 Царь 239, 240, 282
 Царей урартских последовательность 36, 37, 38, 62
 Цитадель крепости 248
 Чабрец (листья) 178
 Чаши бронзовые 172, 231
 Чаши серебряные 234, 235
 Чеканка 231
 Чечевница 177
 Числительные 289
 Шелк (ткань) 151
 Шерсть 180, 206
 Шлемы 57, 166, 308
 Шляпы 133
 Штампы 244, 245
 Щиты 14, 57, 95, 122, 126, 131, 135, 137, 164—166, 218, 230, 231, 234, 235, 252, 253, 275
 Эпонимы 70, 71, 88, 103
 Язык армянский 9, 30
 Язык ассирийский 29
 Язык вавилонский 29, 136
 Язык греческий 29, 47, 138
 Язык еврейский 29
 Язык каппадокийский 44
 Язык карийский 47
 Язык киликийский 44
 Язык лидийский 47
 Язык ликаонский 44
 Язык лкийский 44, 45, 47
 Язык митаннийский 47
 Язык персидский 136
 Язык урартский 9—13, 16, 17, 21, 24—26, 44, 75, 290—294
 Язык хеттский 13
 Язык хурритский 13, 49
 Язык эламский 136
 Ячмень 117, 118, 175—177, 192, 193

Древние авторы и литературные источники

- Аб-уль-Фарадж, Григорий 30
 Авания Ширакский 30
 Армянская География VII в. 331
 Арриан 331
 Бероз 130, 334
 Вергилий 190
 Геродот 4, 29, 57, 138, 200, 298, 299, 325, 332, 336
 Гекатей Милетский 325
 Гомер 299

- Грузинская хроника Багратидов 330, 334
 Диодор Сицилийский 307, 329
 Евстафий 329
 Иезекииль 236
 Иеремия 29, 130, 136, 300
 Иоаким, сын Иосии 136
 Исания 29, 130
 Клавихо Рюи Гонзалес 330
 Константин Порфирогенет 330
 Ксенофонт 328—330, 335, 336
 Моисей Каланкатуйский 306
 Моисей Хоренский 2, 30, 34, 68, 72, 130, 143, 144, 148, 253, 254, 266, 277, 283, 311, 334, 335, 338
 Плиний 30, 306
 Прокопий Кесарийский 331
 Птолемей 26, 30
 Стефан Византийский 329
 Страбон 30, 31, 85, 258, 306, 325, 329, 335
 Фавст Бузанд 30
 Флавий Иосиф 130
 Фома Ардуни 332
 Эпос „Давид Сасунский“ 130, 141, 142

Исследователи и путешественники

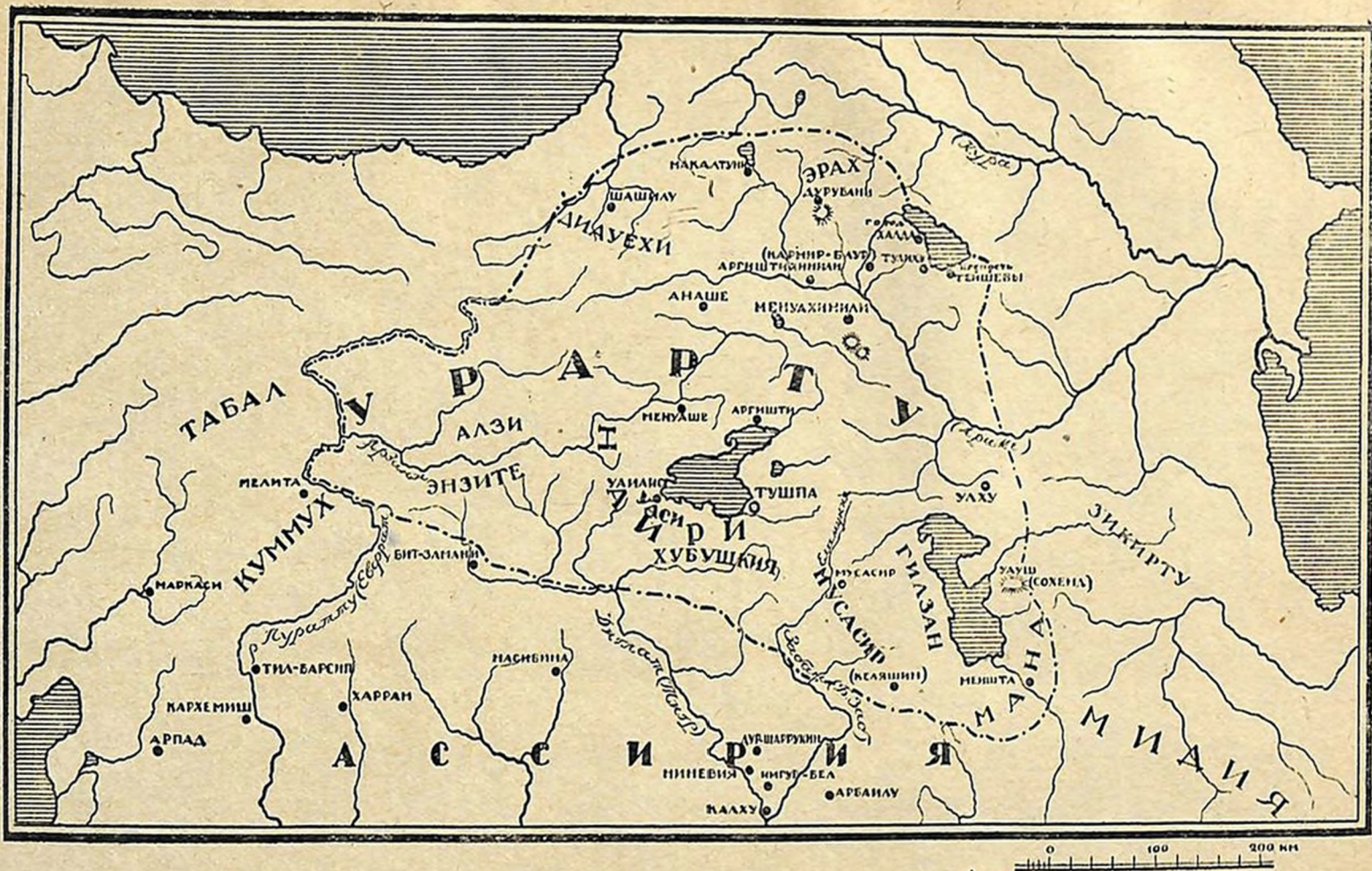
- Алишан Г. 8
 Андрэ Р. 302
 Аносов С. 159
 Ачарян Р. 290
 Байерн Ф. 309, 310
 Басмаджян К. 9
 Бельк В. 6, 12, 14, 44, 63, 87, 90, 99, 124, 149, 152, 153, 216, 240, 249
 Биллербек А. 45
 Бобринский А. 6, 11, 308
 Боннэ Г. 302
 Ботта П. 1—3, 103
 Бранденбург Э. 270
 Бранденштейн 47
 Броссе М. 334
 Вейднер Э. 17, 81
 Веселовский Н. 314, 321
 Винклер Г. 48, 297
 Вирхов Р. 6
 Вотерман Л. 105, 106
 Вырубов В. 7
 Гарибян А. 290
 Гарпер А. 105
 Герцфельд Э. 215, 228, 238, 240, 253
 Гётце А. 12, 48
 Глейе А. 9
 Голенищев В. 9
 Гоммель Ф. 35
 Грозный Ч. 44
 Громова В. 205
 Гюйар С. 4, 5
 Дейроль 262
 Демехин А. 157
 Джанашвили М. 9
 Жанполадян Р. 159
 Долбежев В. 308
 Дукати П. 228
 Дьяконов И. XII, 159
 Дюбуа де Монперё Ф. 73
 Егназарян О. 159, 310
 Ерицов А. 6, 73
 Зарре Ф. 238, 240
 Ивановский А. 6, 7, 18, 69, 70, 77, 87, 99, 212, 311
 Иссен П. 63, 326
 Иессен А. 218
 Ипсен 228
 Казнафов А. 11
 Каландадзе А. 310
 Калантар Л. 143, 278
 Капанцян Г. 13, 17, 99, 100, 276, 278, 279
 Кафадарян К. 159
 Кер-Портер 1
 Кестнер М. 4
 Клаубер Э. 105
 Клэйтон Э. 13, 14, 21, 147, 148, 223
 Княгиницкий П. 262
 Коберт Л. 244
 Кольдевей Р. 302
 Кононов В. 180, 185
 Кречмер П. 47, 331
 Круглов А. 307, 308, 321
 Крупнов Е. 308
 Курциус Л. 32, 224
 Куфтин Б. 316
 Лалаян Е. 20, 87, 98, 171, 185
 Лемани-Гаупт К. X, 9, 11, 12, 14, 17, 25, 44—46, 62, 63, 67, 71, 90, 95, 104, 112, 120, 123, 124, 135, 149, 150, 152, 153, 194, 202, 203, 216, 217, 225, 226, 282,

- 235, 238, 239, 253, 254, 259, 260, 268,
270, 274, 277, 280, 281, 318, 325—331
- Ленорман Ф. 4
- Леонард Р. 259
- Лёшке 244
- Линч Х. 86, 139, 141, 146, 156
- Лэйард А. 1, 3, 4, 141, 146, 260, 263
- Лушей Г. 232
- Маандян Я. 332
- Марр Н. X, 6, 10, 11, 15—17, 19, 31, 46,
74, 83, 85—87, 153, 164, 168, 185, 203,
205, 264, 278, 307, 310, 311, 330, 331,
335, 338
- Масперо Г. 58
- Мейер Э. 326
- Мессершмидт 233
- Мейсснер Б. 104
- Мещанинов И. X, 11, 13, 16, 17, 19, 25,
99, 100, 293, 294
- Миниз Э. 217
- Минорский В. 193
- Мнацаканян А. 159
- Моль Ю. 2
- Мооргат А. 49
- Морган, де-, Ж. 6, 9, 20, 87, 184, 187, 310
- Мордтман А. 4
- Мсернанц Л. 9
- Мюллер Д. 5
- Мюллер-Симонис П. 260
- Никольский М. 7, 9, 30, 35, 70, 74, 75, 79,
86, 99, 326
- Олбрайт В. 104
- Олмстэд А. 105—107
- Орбели И. 11, 14, 15, 82, 90, 153—155,
202, 240, 259, 281
- Патканов К. 5, 6, 149, 306
- Петров В. 175, 177, 178, 186
- Петров П. 331
- Прашек 300
- Помпелли 311
- Рассам О. 13, 14, 21, 52, 147, 148, 165
- Реслер Э. 6, 17, 87, 92
- Рифтин А. 125
- Робер Л. 4
- Роулинсон Г. 1—4, 301
- Рэйнольдс Г. 13, 21, 147, 148
- Сандаджян И. 8
- Саргисян Н. 8
- Сен-Мартен В. 72
- Сивков А. XII, 257, 262
- Скиндер В. 242
- Смбатянц М. 4, 7, 99
- Струве В. 17, 85, 247, 277
- Султан-Шах А. 159
- Сырвандзтян Г. 142
- Сэйс А. 5, 9, 12, 14, 29, 58, 85, 141, 326, 327
- Такайшвиан Е. 6
- Тер-Аветисян С. XI, 11, 159
- Тер-Мкртчян Г. 8
- Тозер Г. 260
- Токарский Н. XII, 19, 161
- Тороманиян Т. 18
- Тревер К. 274, 282, 319
- Туманян М. 175, 177, 192, 193, 198
- Тураев Б. 15
- Тюро-Данжин Ф. 95, 104, 119—124
- Уваров А. 6, 73, 74
- Уварова П. 308, 321
- Унгнад А. 49
- Фармаковский Б. 14
- Фландэн Э. 2, 103, 104
- Флиндерс Петри В. 303, 311
- Флоренский А. 11
- Форрер Э. 94, 105
- Фридрих И. 12, 13, 25, 327
- Фуртвенглер А. 228
- Халатьянц Г. 9, 30
- Хачатрян А. 42
- Хачикян Л. 278
- Хинкс Э. 3
- Холл Г. 47
- Худадов В. 333
- Хэнтингтон Э. 14
- Церетели Г. В. 17, 25, 76, 291
- Церетели М. 12
- Читая Г. 310
- Шантр Э. 6
- Шахермейр Ф. 215
- Шаховской Б. 11
- Шейль В. 9
- Шестаков А. 332
- Шефер Г. 281
- Шилейко В. 17
- Шнейзер Э. 13, 48, 49
- Шрадер Э. 88
- Шульц Д. 312, 314
- Шульц Ф. 2, 65, 140, 141, 145, 146, 260,
262, 263
- Эйслер Р. 47
- Эмин Н. 6

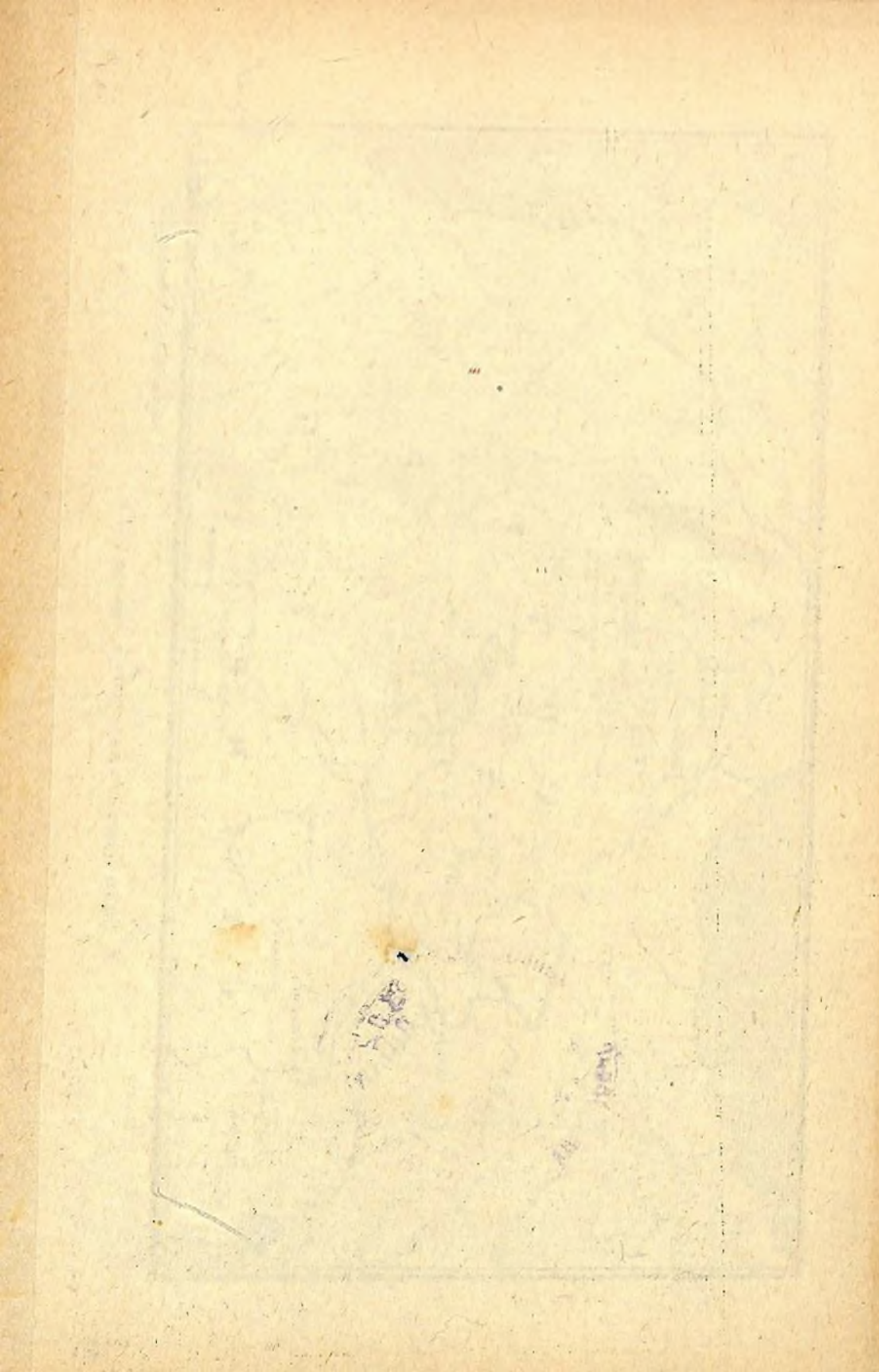
Научные учреждения и музеи

- Азербайджанский Университет 17
 Азиатское Общество (Лондон) 5
 Азиатское Общество (Париж) 2, 145
 Академия Истории Материальной Культуры 18
 Академия Наук Союза ССР 11, 12
 Армянский Филиал Академии Наук СССР 20, 159, 173, 224
 Армянское Этнографич. Общество 101
 Археологическая Комиссия (Петербург) 6
 Берлинское Общество Антропологии, Этнографии и доистории 14
 Британский Музей 13, 14, 21, 52—55, 59, 88, 104, 106, 109, 209, 216, 220, 223, 227, 229, 230, 231, 281, 282
 Берлинский Музей 21, 197, 217, 220, 222, 231, 232
 Гамбургский Музей 224
 Ереванский Университет 16
 Исторический Музей (Москва) 308, 322
 Исторический Музей Армении 7, 22, 97, 210, 225, 233, 274, 279, 311, 313, 316, 317, 318
 Кавказский Историко-Археологический Институт 76
 Кавказский Музей см. Музей Грузии
 Краснодарский Музей 321, 322
 Комитет Охраны Древностей Армении 16, 20, 76, 99, 159, 314
 Лувр 23, 28, 104, 107, 115, 117, 121, 122, 124—127, 207, 220, 231, 234, 251, 252, 274
 Музей Грузии 5, 11, 17, 22, 25, 82, 87, 239, 309, 322, 323
 Музей Изобразительных Искусств имени Пушкина (Москва) 11
 Московское Археологическое Общество 6, 7, 11
 Мхитаристов конгрегации 8
 Нальчикский Музей 321
 Пенсильванского Университета музей 336
 Пятигорский Музей 321, 322
 Русское Археологическое Общество 11, 15, 46, 82, 153
 Туринский Музей 109
 Флоренцин Музей Археологический 48, 225
 Эрмитаж 19, 20, 22, 32, 33, 35, 37, 101, 127, 153, 159, 160, 173, 175, 217, 220, 222, 223, 227—230, 277, 308, 311, 313, 314, 317
 Эчмиадзинская Академия 4, 7, 8

Ответственный редактор академик И. А. Орбели

Карта Урартского государства в середине VIII в.

//

//

ԱՍ Չիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0578725

ЦЕНА

PA $\frac{111}{14804}$